

Е.А.Исаева, С.И.Сафарян

ЛИТЕРАТУРА

6

Е. А. Исаева, С. И. Сафарян

ЛИТЕРАТУРА

Учебник для 6 класса
общеобразовательных учебных заведений
с русским языком обучения

*Рекомендовано
Министерством образования и науки Украины*

Киев
«Навчальна книга»
2006

БИБЛИОТЕКА
средней школы № 45
г. Львова
Инв. № _____

ПРИГЛАШЕНИЕ В МИР ЛИТЕРАТУРЫ

Образование человека есть путешествие...
Это есть путешествие в стране духа,
в мире человеческой культуры...

Сергей Гессен

Дорогие шестиклассники!

Предлагаем вам продолжить удивительное путешествие в мир литературы. В этом учебном году вас ждут интересные встречи как с уже хорошо знакомыми вам писателями, так и с новыми мастерами слова. И, возможно, многие из них станут вашими любимыми авторами. Вместе с героями художественных произведений, изучение которых вам предстоит в 6-м классе, вы не только окажетесь в различных странах и эпохах, откроете для себя много интересного и загадочного, но и узнаете новое о себе и своих сверстниках. Как и во всяком путешествии, вам предстоит не одно приключение. Надеемся, что во время этого путешествия вы сможете восхититься славными делами наших предков, улыбнуться своим недостаткам и слабостям, почувствовать гордость за разум и мужество человека, его волю к жизни, ещё раз проверить, что такое настоящая дружба, убедиться, как важно быть добрым и милосердным, и, наконец, просто насладиться увлекательнейшим из занятий -- чтением.

Итак, давайте читать, думать, обсуждать!

Авторы

ОБ ОБРАЗНОЙ ПРИРОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Алексей Петренко.
Натюрморт с книгой*

Без образа нет искусства.

Александр Потебня

Давайте выясним, почему художественную литературу называют одним из самых загадочных видов искусств. Вы, конечно, помните, что литература — это искусство, отображающее жизнь в художественных картинах при помощи слова.

Итак, воспроизведение жизни в словесных картинах — это характерная особенность литературы. Читая художественное произведение, мы не только «видим» то, что рисует писатель, но и «слышим» звуки, узнаём о мыслях и чувствах людей. Художественные картины жизни, или образы, созданные творческим воображением писателя в произведениях литературы, всегда динамичны, подвижны. Это не фотокопия жизни, а её художественное изображение, плод фантазии автора, который образно создаёт свой мир, отличный от реального. Этот мир может быть очень похож на действительность (как в рассказе И. С. Тургенева «Муму») или совсем не похож (как в «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина). Создавая в своих произведениях художественные картины жизни, то есть художественные образы, писатель сам «отбирает» события для повествования, иногда нарушает их последовательность, может некоторые качества героя подчеркнуть, сделать их более выразительными, нередко домысливает факты даже тогда, когда изображает какие-либо действительно существующие в жизни явления или предметы. Такой творческий подход не искажает правду, а помогает полнее и глубже воспроизвести её.

Однако художественная литература не только сообщает нам те или иные знания. Великая тайна искусства заключается в том, что произведения настоящих мастеров слова не просто отображают происходящее в мире в художественных образах, но и воздействуют на наши чувства, заставляя нас смеяться и плакать, сопереживать и размышлять вместе с литературными героями.

КНИГА И ЧТЕНИЕ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Писатели мира о книге и чтении

Книги — корабли мысли,
странствующие по волнам времени
и бережно несущие свой
драгоценный груз
от поколения к поколению.

Фрэнсис Бэкон

Царство книг действительно может быть названо морем —
такое оно бескрайнее... Такие чудеса можно в нём найти.

Иоганн Вольфганг Гёте

... Станным и неестественным кажется человек, который су-
ществует без книги.

Тарас Шевченко

... С глубокой верой в истину моего убеждения я говорю
всем: любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет
разобраться в нестройной и бурной путанице мыслей, чувств, собы-
тий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыля-
ет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку...

Максим Горький

Величайший из всех миров, какие человек создал силою сво-
его духа, а не получил в дар от природы, — это мир книг. Рисуя
на грифельной доске первые буквы и впервые пытаясь что-то
прочесть, ребёнок совершает первые шаги в искусственном
и чрезвычайно сложном мире — столь сложном, что целой жиз-
ни человеческой не хватит, чтобы постичь его и научиться бе-
зупречно применять его законы. Без слова, без письменности
и книги нет истории, нет и понятия «человечество».

Герман Гессе

Читайте! Пусть не будет ни одного дня, когда бы вы не проч-
ли хотя бы одной страницы из новой книги.

Константин Паустовский

Каждую книгу я открываю с таким чувством, будто начинаю путь в неведомую страну... И только поняв, наконец, тот волшебный мир, который открывает нам человеческая речь, облечённая в слова, фразы, страницы, начинаешь постигать, что такое книга. Только тогда понимаешь, что значат эти небольшие прямоугольники, состоящие из листков бумаги, заполненных печатными знаками...

Ярослав Ивашкевич

Путешествуем по литературным местам

В пригороде швейцарского города Женева открыт уникальный музей истории книги. Среди экспонатов музея — старинные рукописи, самый старый из дошедших до нас экземпляр Евангелия от Иоанна, а также первые издания многих известных книг.

Знаете ли вы, что...

- Самая большая в мире книга вышла в Лондоне в 1832 году. Она называется «Пантеон¹ английских героев». Её длина — 5,7 м, а ширина — 3,7 м. Размер букв в этой книге — 15 см.
- Самая маленькая в мире книга — «Муравейчики» — была напечатана в Японии в 1980 году. Её размеры — 1,4 см × 1,4 см.
- Забывчивые читатели были всегда. Так, в 1975 году в одну из английских библиотек была возвращена книга «Учись вязать и вышивать». Читательница так увлеклась, что продержала её 43 года.
- Рекорд невнимательности был зафиксирован тоже в Англии, в библиотеке Кембриджского университета: книга была возвращена через 300 лет! Вот уж, действительно, лучше поздно, чем никогда.

- 1. Назовите главное отличительное свойство художественной литературы.
- 2. Расскажите о роли книги и чтения в жизни человека.
3. Поделитесь своими впечатлениями о самостоятельно прочитанных художественных произведениях.
- 4. Подготовьте устно сочинение-миниатюру на тему: «Моя любимая книга».
- 5. Расскажите о ваших любимых литературных героях.
6. На конкретном примере покажите, как повлияло на вас прочитанное в книге.
- 7. Продумайте изображение на бигборде (большом рекламном щите) к вашему любимому художественному произведению. Подберите подпись к нему.

¹Пантеон — здесь: перечень имён выдающихся людей.

8. Ответьте на вопросы литературной викторины «По страницам прочитанных книг»:

Знаете ли вы героев прочитанных сказок? Кто из них:

• «Давно-давно жил в городе Багдаде ... У него было много товаров и денег, и его корабли плавали по всем морям». *Алибада - мореход*

• «...тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела, *Царевна молодая*
Белолица, черноброва, *(сказка о мёртвой царевне)*
Нраву кроткого такого».

• «Как-то раз он был в особенно хорошем настроении, потому что смастерил зеркало, отражаясь в котором, всё доброе и прекрасное почти исчезало, а всё плохое и безобразное, напротив, бросалось в глаза и выглядело ещё отвратительней». *Троль*

Из каких произведений эти отрывки?

• «В одной из отдалённых улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолю и покрывшимся балконом, жила некогда барыня, вдова, окружённая многочисленной дворней». *Иван Тургенев "Му-му"*

• «Тогда они спустились по извилистой галерее, держа свечи над головой и разбирая путаный узор имён, чисел, адресов и девизов, которые были выведены копотью на каменных стенах. Так они шли всё дальше и дальше и за разговором не заметили, что находятся уже в той части пещеры, где на стенах нет никаких надписей». *Марк Твен "Приключения Тома Сойера"*

• «Ходил он важно, обдумывая каждый шаг. Прежде чем переставить лапу, <...> поднимал её к белоснежному кителю, собирал перепонки, подобно тому как складывают веер, и, подержав этак некоторое время, неторопливо опускал лапу. Так он ухитрялся проходить по самой хлюпкой, растележенной дороге, не замарав ни единого пёрышка». *Евгений Исаев "Белый цырь"*

Кто авторы этих произведений?

- «Бородино» *Михаил Лермонтов*
- «Я пришёл к тебе с приветом» *Афанасий Фет*
- «Пеппи Длинныйчулок» *Астрид Линдгрен*

Какие страны представляют эти писатели?

- Фёдор Иванович Тютчев *Россия*
- Ханс Кристиан Андерсен *Дания*
- Джоан Кэтрин Ролинг *Англия*

9. Рассмотрите обложку, титульную страницу и форзацы вашего учебника. О чём они вам рассказали?

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

...каждый образованный европеец обязан иметь должное понятие о бессмертных творениях величавой древности.

Александр Пушкин

Молчат гробницы, мумии и кости —
Лишь слову жизнь дана.
Из древней тьмы, на мировом погосте¹,
звучат лишь письмена.

Иван Бунин

Тихие музейные залы... В них хранятся старинные книги, выцветшие от времени документы, предметы древности, которые пришли к нам из глубины веков. Поклониться давним святыням, прикоснуться к тайне, которая их окружает, разгадать головоломки давно минувших событий стремится каждый из нас. Истории, сложившиеся в легенды, как и раньше, волнуют мир.

В чём секрет такого интереса к героям и событиям прошлого? Может быть, в том, что древность служит объяснением настоящему, и, чем глубже мы погружаемся в неё, тем больше начинаем понимать самих себя?..

¹Погост — кладбище.

Понятие о мифе

Издавна человек стремился понять и объяснить окружающий его мир, ответить на многие волнующие вопросы: как возникла жизнь на Земле, почему мир устроен так, а не иначе, почему идёт дождь, восходит солнце, гремит гром, а после зимы обязательно наступает весна.

Пытаясь найти ответы на эти многочисленные «почему», древние люди фантазировали, создавая образную картину действительности. Так возникли мифы.

Миф (в переводе с греческого – слово, предание, беседа) – сказание, которое возникло в глубокой древности и отображает представления древних людей о мире, месте человека в нём, о происхождении всего живого на Земле, о богах и героях. Совокупность мифов называют **мифологией**.

Древние люди словом «миф» называли рассказ, цель которого – что-то объяснить, сделать понятным, помочь человеку избавиться от страха перед таинственным, загадочным и суровым окружающим миром. С помощью мифов наши предшественники пытались также объяснить и самих себя, человеческий характер, поступки, взаимоотношения между людьми. Благодаря мифам сохранялась память о прошлом, о выдающихся событиях, о героических поступках предков.

Трудно найти в мире такой народ, у которого не было бы мифологии. В мифах историческое переплеталось с фантастическим. Потому в мифах рядом с людьми живут сказочные персонажи, созданные человеческой фантазией: бессмертные боги, полубоги и необычные животные.

Этим миф похож на сказку. Но всё-таки эти два понятия отличаются. *Сказки* – это вымышленные рассказы, которые придуманы с определённой целью, *мифы* же – отражение реальных представлений древних людей об окружающем мире, отражение того, во что они свято верили.

По времени возникновения мифы древнее сказок. Очевидно, люди вначале пытались дать объяснения окружающему миру, непонятным явлениям природы и только позже начали придумывать сказки о вымышленных, фантастических событиях.

У многих народов мира мифы стали основой различных видов искусства: литературы, живописи, скульптуры, театра. Вот почему нам необходимо знать мифы и древних греков, и наших предков — славян. Без таких знаний нам недоступны будут многие живописные полотна, скульптуры, кинофильмы и театральные постановки. Без мифов мы не сможем понять, почему тяжёлый и бесплодный труд называют «сизифов труд», муки голода — «танталовы муки», молнию — «стрелы Перуна», а желая уберечься от чего-либо плохого, говорят «чур меня».

1. Что называется мифом? Мифологией?
2. Расскажите, как и почему возникли мифы.
3. Объясните, какое отличие между мифом и сказкой.
4. Как вы думаете, почему миф древнее сказки?
5. Почему нам необходимы знания о мифологии? Обоснуйте свой ответ.

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Невозможно переоценить значение греческой мифологии для мировой культуры...

Мифы можно назвать тем золотым фондом, который каждый образованный человек должен иметь в сокровищнице своей памяти.

Андрей Белецкий

В этом учебном году на уроках истории вам ещё предстоит увлекательнейшее путешествие в Древнюю Грецию, знакомство с её историей, бытом, культурой.

Храм Зевса Олимпийского в Афинах.
Мрамор. II в. до н. э.

Мы же сейчас приглашаем вас в удивительный мир древнегреческой мифологии.

Греция расположена на Балканском полуострове, её берега омывают воды трёх морей: Средиземного, Ионического и Эгейского. Греция — горная страна, самая высокая гора в Греции — *Олимп*.

Древние греки называли свою страну *Элладой*, а себя *эллинами*. Культуру Эллады считают колыбелью мировой цивилизации.

Древние греки верили, что всем миром и жизнью людей руководят боги. Их называли *олимпийскими* или *олимпийцами*, потому

что, считалось, живут они на горе Олимп. Богов было очень много. Их жизнь эллины представляли себе похожей на жизнь людей. Они думали, что все боги живут одной большой семьёй. И управляет всеми царь богов и людей — бог Зевс. Когда гремел гром и блистали молнии, греки были уверены, что это сердится Зевс-громовержец. Управлять миром Зевсу помогают его два брата — бог морей и океанов Посейдон и бог подземного царства Аид.

В царстве Аида, глубоко под землей, текут реки Лета и Стикс. Через Стикс души умерших в лодке перевозит старый Харон, а выход из подземного мира стережёт страшный трёхглавый пёс Цербер.

На Олимпе вместе с Зевсом живут его жена Гера — богиня покровительница домашнего очага и семьи, Деметра — богиня плодородия, Афина — богиня мудрости, бог Аполлон — покровитель искусств, Гефест — бог ремёсел, красавица Афродита — богиня, покровительствующая всем влюбленным, быстроногий Гермес — бог торговли и много других богов.

Когда поднималось над горизонтом солнце, греки говорили, что это выехал на небо на своей золотой колеснице бог Гелиос. Когда же умирал человек, считали, что это мурмы — богини судьбы, прядущие нити человеческих жизней, перерезали жизненную нить.

В лесах, в густой тени деревьев, согласно мифам, живут нимфы, а в чистых водах и озёрах — наяды.

Зевс, сидящий на троне. Серебряная монета

Богов греки представляли себе очень красивыми и могущественными. Кроме богов, такими же сильными были и герои. Известнейшие из них — титан Прометей, подаривший людям огонь, Геракл, совершивший двенадцать подвигов, аргонавт Ясон, привёзший из Колхиды Золотое руно, и другие.

Собрание богов — Гера, Гермес, Афина, Зевс, Ганнмед, Гестия, Афродита, Арес. Роспись на вазе. 510 г. до н. э. Тарквиния, Археологический музей

О богах и героях складывались и из поколения в поколение передавались различные мифы. Они отображали представления эллинов о добре и зле, о нравственных нормах, о цене свободы.

Древние греки очень любили свою родную землю, не было для них более страшного наказания, чем лишиться родины. Цепили они и умение трудиться. Все их боги имели обязанности, за что-то отвечали и всегда исправно делали свою работу.

Мифами эллины пытались объяснить природные явления (миф о Деметре и Персефоне), названия созвездий (миф об Орионе) или цветов (миф о Нарциссе), рассказать о покорении далёких земель и морей (мифы об Одиссее и аргонавтах), воздушного пространства (миф о Дедале и Икаре).

Сюжеты древнегреческих мифов позже широко использовались во многих видах искусства: живописи, скульптуре, музыке.

Даже современная наука пользуется древнегреческой мифологией, называя химические элементы (уран, гелий, плутоний), планеты (Венера, Марс, Юпитер и др.), созвездия (Пегас,

Кассиопея, Дракон) именами древних богов, героев и фантастических существ из мифов.

- 1. Что вы узнали о верованиях древних греков?
- 2. Назовите основных богов-олимпийцев. Каких ещё богов вы знаете?
- 3. Какие мифы вы читали самостоятельно? Расскажите о них.
- 4. Рассмотрите иллюстрации в учебнике. Попробуйте описать их.
- 5. Кого мы называем героем в современной жизни? Кого эллины считали героем?
- 6. Какие художественные или мультипликационные фильмы, созданные по сюжетам мифов, вы смотрели? Чем они вам запомнились?
- 7. Найдите соответствия в парах, запишите их в тетрадь:

Аид	бог-громовержец
Деметра	богиня любви
Зевс	бог торговли
Гермес	бог подземного царства
Гефест	бог морей
Афродита	богиня плодородия
Посейдон	бог ремесел
8. Проведите небольшое исследование на тему: «Современная наука и древнегреческая мифология». О его результатах расскажите в классе.
 - 9. Самостоятельно подготовьте сообщение о титане Прометее.

Историческая справка

Греческая культура оказала сильнейшее влияние на всю европейскую цивилизацию.

К примеру, древние римляне после завоевания греческих городов Южной Италии в 146 г. до н.э. широко использовали достижения греческой культуры. Почитание древнегреческих божеств повлекло за собой появление в Риме произведений греческой скульптуры, архитектуры, развитие древнеримского театра и литературы.

Древние римляне, так же, как и греки, верили в богов-олимпийцев, но дали им свои имена. Наверное, многие из них вы уже слышали.

Боги	У греков	У римлян
Верховный бог — громовержец	Зевс	Юпитер
Бог — покровитель морей	Посейдон	Нептун
Бог подземного царства	Аид	Плутон
Богиня домашнего очага	Гера	Юнона
Богиня мудрости	Афина-Паллада	Миневра
Бог — покровитель искусств	Аполлон (Феб)	Аполлон (Феб)
Богиня — покровительница сельского хозяйства	Деметра	Церера
Богиня любви	Афродита	Венера
Богиня дикой природы	Артемиды	Диана
Бог торговли	Гермес	Меркурий
Бог — покровитель ремёсел	Гефест	Вулкан
Бог войны	Арес	Марс
Бог любви	Эрот	Купидон
Герой	Геракл	Геркулес

▣ ДЕДАЛ И ИКАР ▣

Величайшим художником, скульптором и зодчим Афин был Дедал, потомок Эрехтея. Рассказывали, что он высекал из белоснежного мрамора такие дивные статуи, что они казались живыми; казалось, что статуи Дедала смотрят и двигаются. Много инструментов изобрёл Дедал для своей работы; им были изобретены топор и бурав. Далеко шла слава о Дедале.

Много лет жил Дедал у Миноса. Не хотел отпустить его царь с Крита; только один хотел он пользоваться искусством великого художника. Словно пленника, держал Минос Дедала на Крите. Дедал долго думал, как бежать ему, и, наконец, нашёл способ освободиться от критской неволи.

— Если не могу я, — воскликнул Дедал, — спастись от власти Миноса ни сухим путём, ни морским, то ведь открыто же для

Пётр Соколов
Дедал привязывает
крылья Икару

бегства небо! Вот мой путь! Всем владеет Минос, лишь воздухом не владеет он!

Принялся за работу Дедал. Он набрал перьев, скрепил их льняными нитками и воском и стал изготавливать из них четыре больших крыла. Пока Дедал работал, сын его Икар играл около отца: то ловил он пух, который взлетал от дуновения ветерка, то мял в руках воск. Наконец, Дедал кончил свою работу: готовы были крылья. Дедал привязал крылья за спину, продел руки в петли, укрепленные на крыльях, взмахнул ими и плавно поднялся на воздух. С изумлением смотрел Икар на отца, который парил в воздухе, подобно громадной птице. Дедал спустился на землю и сказал сыну:

— Слушай, Икар, сейчас мы улетим с Крита. Будь осторожен во время полёта. Не спускайся слишком низко к морю, чтобы солёные брызги волн не смочили твоих крыльев. Не поднимайся и близко к солнцу: жара может растопить воск, и разлетятся перья. За мной лети, не отставай от меня.

Отец с сыном надели крылья на руки и легко поднялись в воздух. Те, кто видел их полёт высоко над землёй, думали, что это два бога несутся по небесной лазури. Часто оборачивался Дедал, чтобы посмотреть, как летит его сын. Они миновали уже острова Делос, Парос и летят все дальше и дальше.

Быстрый полёт забавляет Икара, все смелее взмахивает он крыльями. Икар забыл наставления отца; он не летит уже следом за ним. Сильно взмахнув крыльями, взлетел Икар высоко в небо, ближе к лучезарному солнцу. Палящие лучи растопили воск, скреплявший перья, выпали они и разлетелись далеко по воздуху, гонимые ветром. Взмахнул Икар руками, но нет больше на них крыльев. Стремглав упал он со страшной высоты в море и погиб в его волнах.

Дедал обернулся, смотрит по сторонам. Нет Икара. Громко стал звать он сына:

— Икар! Икар! Где ты? Откликнись!

Нет ответа. Увидал Дедал на морских волнах перья из кры-

льев Икара и понял, что случилось. Как возненавидел Дедал своё искусство, как возненавидел тот день, когда задумал спастись с Крита воздушным путём!

А тело Икара долго носилось по волнам моря, которое стало называться по имени погибшего Икарийским¹. Наконец, прибили волны тело Икара к берегу острова; там нашёл его Геракл и похоронил. Дедал же продолжал свой полёт и прилетел, наконец, в Сицилию. Там он поселился у царя Кокала. Минос узнал, где скрылся художник, отправился с большим войском в Сицилию и потребовал, чтобы Кокал выдал ему Дедала.

Дочери Кокала не хотели лишиться такого художника, как Дедал. Они уговорили отца согласиться на требования Миноса и принять его как гостя во дворце. Когда Минос принимал ванну, дочери Кокала вылили ему на голову котел кипящей воды; умер Минос в страшных мучениях. Долго жил Дедал в Сицилии. Последние же годы жизни провёл он на родине, в Афинах; там стал он родоначальником Дедалидов, славного рода афинских художников.

В пересказе Н. Куна

Думаем над прочитанным

1. Дедал — известный скульптор. Что он создал в родных Афинах?
2. Почему благополучие на Крите не приносило счастья и покоя Дедалу?
3. Каким образом Дедал решил возвратиться на родину?
4. Как вы думаете, какую мечту человечества воплотил в жизнь мастер?
5. Найдите в тексте слова, которые доказывают, что Дедал очень любил своего сына.
6. Выразительно прочитайте эпизод полёта Икара.
7. Расскажите о чувствах, охвативших Икара, когда он поднялся в небо.
8. Как вы думаете, почему Икар забыл наставления отца?
9. Кого мы называем Икаром в наши дни?
10. Подумайте, почему всё-таки воплощением давней мечты человечества о покорении неба, о крыльях стал не мудрый, сдержанный Дедал, а его сын Икар. Свой ответ обоснуйте.

¹Часть Эгейского моря между островами Самос, Парос и берегом Малой Азии.

Могущественная великая богиня Деметра. Она даёт плодородие земле, и без её благотворной силы ничто не произрастает ни в тенистых лесах, ни на лугах, ни на тучных пашнях.

Была у богини Деметры юная, прекрасная дочь Персефона. Отцом Персефоны был громовержец Зевс. Однажды Персефона вместе со своими подругами, океанидами, беззаботно резвилась на цветущей Нисейской долине¹. Подобно легкокрылой бабочке перебегала юная дочь Деметры от цветка к цветку. Она рвала пышные розы, душистые фиалки, белоснежные лилии и красные гиацинты. Беспечно резвилась Персефона, не ведая той судьбы, которую назначил ей отец её Зевс. Не думала Персефона, что нескоро увидит она опять ясный свет солнца, нескоро будет любоваться цветами и вдыхать их сладкий аромат. Зевс отдал её в жёны мрачному своему брату Аиду, властителю царства теней умерших, и с ним должна была жить Персефона во мраке подземного царства, лишённая света горячего южного солнца.

Аид видел, как резвилась в Нисейской долине Персефона, и решил тотчас похитить её. Он упросил богиню земли Гею вы-

растить необычной красоты цветок. Согласилась богиня Гея, и вырос дивный цветок на Нисейской долине; его пьянящий аромат далеко разлился во все стороны. Персефона увидела цветок; вот она протянула руку и схватила его за стебелёк, вот уже сорван цветок. Вдруг разверзлась земля, и на чёрных конях появился из земли в золотой колеснице Аид. Он схватил Персефону, поднял её на колесницу и в мгновение ока скрылся на своих быстрых конях в недрах земли. Только вскрикнуть успела Персефона. Далеко разнёсся крик ужаса дочери Деметры; он донёсся и до морских пучин, и до высокого Олимпа. Никто не видел, как похитил Персефону мрачный Аид, видел лишь бог Гелиос-Солнце.

Деметра. Статуя.
Мрамор

¹Долина в области Мегары, на берегу Саронического залива.

Богиня Деметра услышала крик Персефоны. Она поспешила в Нисейскую долину, всюду искала дочь, но нигде не было её. Океаниды не видели, куда скрылась Персефона.

Тяжкая скорбь об утрате единственной возлюбленной дочери овладела сердцем Деметры. Одета в тёмные одежды, девять дней блуждала Деметра по земле, проливая горькие слёзы. Она всюду искала Персефону, всех просила о помощи, но никто не мог помочь ей в её горе. Наконец, уже на десятый день, она пришла к богу Гелиосу-Солнцу и стала со слезами молить его:

— О, лучезарный Гелиос! Ты объезжаешь на златой колеснице высоко по небу землю и моря, ты видишь всё, ничто не может скрыться от тебя; если ты имеешь хоть немного жалости к несчастной матери, то скажи мне, где моя дочь Персефона, скажи, где мне искать её! Я слышала её крик, её похитили у меня. Скажи, кто похитил её. Я всюду искала её, но нигде не могу найти!

Ответил Деметре лучезарный Гелиос:

— Великая богиня, ты знаешь, как я чту тебя, ты видишь, как скорблю, видя твоё горе. Знай, великий тучегонитель Зевс отдал дочь твою в жёны своему мрачному брату Аиду. Он похитил Персефону и увёз её в своё полное ужасов царство. Побори же тяжёлую печаль, богиня: ведь велик муж твоей дочери, она стала женой могущественного брата великого Зевса.

Ещё больше опечалилась богиня Деметра. Разгневалась она на громовержца Зевса за то, что отдал он без её согласия Персефону в жёны Аиду. Она покинула богов, покинула Олимп, приняла вид простой смертной и, облекшись в тёмные одежды, долго блуждала между смертными, проливая горькие слёзы.

Всякий рост на земле прекратился. Листья на деревьях завяли и облетели. Леса стояли обнажёнными. Трава поблекла; цветы опустили свои пёстрые венчики и засохли. Не было плодов в садах, засохли зелёные виноградники, не зрели в них тяжёлые, сочные грозди. Прежде плодородные, нивы были пусты — ни былинки не росло на них. Замерла жизнь на земле. Голод царил всюду, слышались плач и стоны. Гибель грозила всему людскому роду. Но ничего не видела, не слышала Деметра, погружённая в печаль.

Наконец Деметра пришла к городу Элевсину. Там, у городских стен, села в тени оливы на «камень скорби» у самого «колодца дев». Недвижима сидела Деметра, подобная изваянию. Прямыми складками спадала до самой земли её тёмная одежда. Голова её была опущена, а из глаз катились слёзы и падали ей на грудь. Долго сидела так Деметра, одна, неутешная.

Увидели её дочери царя Элевсина, Келея. Они удивились, заметив у источника плачущую женщину в тёмных одеждах, подошли к ней и с участием спросили, кто она. Но богиня Деметра не открылась им. Она сказала, что её зовут Део, родом она с Крита, её увезли разбойники, но она бежала от них и после долгих скитаний пришла к Элевсину. Деметра просила дочерей Келея отвести её в дом их отца; она согласилась стать служанкой их матери, воспитывать детей и работать в доме Келея. Дочери Келея привели Деметру к матери своей Метанейре.

Дочери Келея не думали, что вводят в дом отца своего богиню. Но когда входила Деметра в дом, она коснулась головой верха двери, и весь дом озарился дивным светом. Метанейра встала навстречу Деметре; она поняла, что не простую смертную привели к ней её дочери. Низко склонилась жена Келея перед незнакомкой и просила её сесть на место царицы. Отказалась Деметра; она молча села на простое сиденье служанки, по-прежнему безучастная ко всему, что делалось вокруг. Служанка же Метанейры, веселая Ямба, видя как глубока печаль незнакомки, старалась развеселить её. Она весело прислуживала ей и своей госпоже; громко звучал её смех и сыпались шутки. Улыбнулась Деметра в первый раз с тех пор, как похитил у неё Персефону мрачный Аид, и в первый раз согласилась она вкусить пищи.

Деметра осталась у Келея. Она стала воспитывать его сына Демофонта. Богиня решила дать Демофонту бессмертие. Она держала младенца на своих коленях; младенец дышал бессмертным дыханием богини. Деметра натирала его амброзией, дающей бессмертие, а ночью, когда все в доме Келея спали, она, завернув Демофонта в пелёнки, клала его в ярко пылавшую печь. Но Демофонт не получил бессмертия. Увидела раз Метанейра своего сына, лежащего в печи, страшно испугалась и стала молить Деметру не делать этого. Деметра разгневалась на Метанейру, вынула Демофонта из печи и сказала:

— О, неразумная, я хотела дать бессмертие твоему сыну, сделать его неуязвимым. Знай же, я — Деметра, дающая силы и радость смертным и бессмертным.

Деметра открыла Келею и Метанейре, кто она, и приняла свой обычный образ богини. Божественный свет разлился по покоям Келея. Богиня Деметра стояла, величественная и прекрасная, золотистые волосы спадали на её плечи, глаза горели мудростью, от одежд её лилось благоухание. Пали на колени перед ней Метанейра и её муж.

Богиня Деметра повелела выстроить храм в Элевсине, у источника Каллихоры, и осталась жить в нём. При этом храме Деметра сама учредила празднества.

Печаль по нежно любимой дочери не покинула Деметру, не забыла она и гнева своего на Зевса. По-прежнему бесплодна была земля. Голод становился всё сильнее, так как на полях земледельцев не всходило ни единой травки. Напрасно тащили быки тяжёлый плуг по пашне — бесплодна была их работа. Гибли целые племена. Вопли голодных неслись к небу, но не внимала им Деметра. Наконец, перестали куриться на земле жертвы бессмертным богам. Гибель грозила всему живому. Не хотел гибели смертных тучегонитель Зевс. Он послал к Деметре вестницу богов Ириду. Быстро помчалась она на своих радужных крыльях в Элевсин к храму Деметры, звала её, молила вернуться на Олимп в сонм богов. Деметра не вняла её мольбам. Посылал и других богов великий Зевс к Деметре, но богиня не хотела возвращаться на Олимп, пока не вернёт ей Аид Персефону.

Послал тогда Зевс к Аиду быстрого, как мысль, Гермеса. Гермес спустился в царство Аида, предстал пред сидящим на золотом троне владыкой душ умерших и поведал ему волю Зевса.

Аид согласился отпустить Персефону к матери, но предварительно дал ей проглотить зерно плода граната, символ брака. Взошла Персефона с Гермесом на золотую колесницу мужа; помчались бессмертные кони Аида, никакие препятствия не были страшны им, и в мгновение ока достигли они Элевсина.

Забыв всё от радости, Деметра бросилась навстречу дочери и заключила её в объятия. Снова была с ней её любимая Персефона. С ней вернулась Деметра на Олимп. Тогда Зевс решил, что две трети года будет жить с матерью Персефона, а на одну треть — возвращаться к мужу своему Аиду.

Деметра вернула плодородие земле, и снова всё зацвело, зазеленело. Нежной весенней листвой покрылись леса; зацвели цветы на изумрудной траве лугов. Вскоре заколосились хлебоборodные нивы; зацвели и заблагоухали

Деметра вручает Трептолему колос пшеницы. Справа — Персефона. Рельеф. Мрамор

сады; засверкала на солнце зелень виноградников. Пробудилась вся природа. Всё живое ликovalo и славilo великую богиню Деметру и дочь её Персефону.

Но каждый год покидает свою мать Персефона, и каждый раз Деметра погружается в печаль и снова облекается в тёмные одежды. И вся природа горюет об ушедшей. Желтеют на деревьях листья, срывает их осенний ветер; отцветают цветы, нивы пустеют, наступает зима. Спит природа, чтобы проснуться в радостном блеске весны тогда, когда вернётся к своей матери из безрадостного царства Аида Персефона. Когда же возвращается к Деметре её дочь, тогда богиня плодородия щедрой рукой сыплет свои дары людям и награждает труд земледельца богатым урожаем.

Думаем над прочитанным

1. О чём рассказывает миф? Назовите его главных персонажей.
2. Как вы считаете, почему земля перестала родить?
3. Кто виноват в страданиях Деметры и Персефоны? Аргументируйте свой ответ.
4. Почему Зевс решил помочь Персефоне?
5. Попробуйте объяснить, чем Деметра в мифе похожа на обычную женщину, а чем отличается.
6. Найдите и прочитайте строки, которые выразительнее всего передают материнскую печаль.
7. Как миф объясняет смену времени года? Как в нём переплетаются реальные верования и фантазия?
8. Подготовьте устный рассказ «Возвращение Персефоны», используя слова и словосочетания: *гнев Деметры, засуха, голод, пленница, Гермес, Аид, гранатовые зёрна, радость природы, ковер трав, аромат цветов, щебет птиц, недолгое счастье.*

□ РОЖДЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ГЕРАКЛА □

В Микенах¹ правил царь Электрион. Телебои², под предводительством сыновей царя Птерелая, похитили у него стада. Телебои убили сыновей Электриона, когда они хотели отбить похищенное. Тогда царь Электрион объявил, что он отдаст руку своей красавицы дочери Алкмены тому, кто вернёт ему стада и отомстит за

¹Один из древнейших городов Греции, находился в Арголиде, на полуострове Пелопоннес.

²Телебои — племя, жившее на западе Средней Греции, в Акарнании.

смерть его сыновей. Герою Амфитриону удалось без боя вернуть стада Электриону, так как царь телебоев Птерелай поручил охранять похищенные стада царю Элиды Поликсену, а тот их отдал Амфитриону. Вернул Амфитрион Электриону его стада и получил руку Алкмены. Во время свадебного пира, в споре из-за стада, Амфитрион убил Электриона, и пришлось ему с женой Алкменой бежать из Микен. Алкмена последовала за своим молодым мужем на чужбину только с тем условием, что он отомстит сыновьям Птерелая за убийство её братьев. Амфитрион, нашедший пристанище в Фивах у царя Креонта, отправился с войском против телебоев. В его отсутствие Зевс, пленённый красотой Алкмены, явился к ней, приняв образ Амфитриона. Вскоре вернулся и Амфитрион. От Зевса и Амфитриона родились у Алкмены два сына-близнеца.

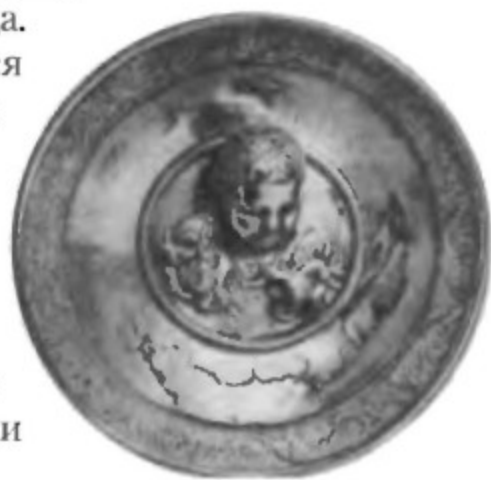
В тот день, когда должен был родиться великий сын Зевса и Алкмены, собрались боги на высоком Олимпе. Радуюсь, что скоро родится у него сын, Зевс сказал богам:

— Выслушайте, боги и богини, что я скажу вам: велит мне сказать это моё сердце! Сегодня родится великий герой; он будет властвовать над всеми своими родственниками, которые ведут свой род от сына моего великого Персея.

Но жена Зевса, царственная Гера, гневавшаяся, что Зевс взял себе в жёны смертную Алкмену, решила хитростью лишить власти над всеми Персеидами сына Алкмены. Поэтому, скрыв в глубине сердца свою хитрость, Гера сказала Зевсу:

— Ты говоришь неправду, великий громовержец! Никогда не исполнишь ты своего слова! Дай мне великую нерушимую клятву богов, что тот, который родится сегодня первым в роде Персеидов, будет повелевать своими родственниками.

Овладела разумом Зевса богиня обмана Ата, и, не подозревая хитрости Геры, громовержец дал нерушимую клятву. Тотчас покинула Гера Олимп и на своей золотой колеснице понеслась в Аргос. Там ускорила она рождение сына у богоравной жены Персеида Сфенела, и появился на свет в этот день в роде Персея слабый, больной ребёнок, сын Сфенела, Эврисфей. Быстро вернулась Гера на Олимп и сказала тучегонителю Зевсу:

Младенец Геракл.
Серебряная чаша.
Помпеи

— О, мечущий молнии Зевс-отец, выслушай меня! Сейчас родился в славном Аргосе у Персеида Сфенела сын Эврисфей. Он первым родился сегодня и должен повелевать всеми потомками Персея.

Опечалился Зевс; теперь только понял он все коварство Геры. Он разгневался на богиню обмана Ату, овладевшую его разумом; в гневе схватил её Зевс за волосы и низвергнул с Олимпа. С тех пор богиня обмана Ата живёт среди людей.

Зевс заключил с Герой нерушимый договор, что сын его не всю свою жизнь будет находиться под властью Эврисфея. Лишь двенадцать великих подвигов совершит он по поручению Эврисфея, а после не только освободится от его власти, но и получит бессмертие. Громовержец знал, что много великих опасностей придётся преодолеть его сыну, поэтому он повелел Афине-Палладе помогать сыну Алкмены. Часто приходилось потом печалиться Зевсу, когда он видел, как сын его служит у слабого и трусливого Эврисфея, но не мог он нарушить данную Гере клятву.

В один день с рождением сына Сфенела родились и у Алкмены близнецы: старший — сын Зевса, названный при рождении Алкидом, и младший — сын Амфитриона, названный Ификлом. Алкид и был величайшим героем Греции. Позднее он был назван прорицательницей-пифией Гераклом. Под этим именем прославился он, получил бессмертие и был принят в сонм богов Олимпа.

Гера преследовала Геракла с самого первого дня его жизни. Узнав, что Геракл родился и лежит, завернутый в пелёнки, с братом своим Ификлом, она, чтобы погубить новорожденного героя, послала двух змей. Была уже ночь, когда вползли, сверкая глазами, в покой Алкмены змеи. Тихо подползли они к колыбели, где лежали близнецы, и уже хотели, обвившись вокруг тела маленького Геракла, задушить его, как проснулся сын Зевса. Он протянул свои маленькие ручки к змеям, схватил их за шеи и сдавил с такой силой, что сразу задушил. В ужасе вскочила Алкмена со своего ложа; увидев змей в колыбели, громко закричали бывшие в покоях женщины. Все бросились к колыбели Геракла. На крик женщин с обнажённым мечом прибежал Амфитрион. Все окружили колыбель и увидели необычайное чудо: маленький Геракл держал двух громадных задушенных змей, которые ещё слабо извивались в его руках. Поражённый силой сына, Амфитрион призвал прорицателя Тиресея и спросил его о судьбе новорожденного. Тогда вещий старец поведал, сколько

великих подвигов совершит Геракл, и предсказал, что он достигнет в конце своей жизни бессмертия.

Узнав, какая великая слава ждёт старшего сына Алкмены, Амфитрион дал ему воспитание, достойное героя. Не только о развитии силы Геракла заботился Амфитрион, он заботился и об его образовании. Его учили читать, писать, петь и играть на кифаре. Но в науках и музыке Геракл не достиг таких успехов, как в борьбе, стрельбе из лука и умении владеть оружием.

В пересказе Н. Куна

▣ ПОДВИГИ ГЕРАКЛА ▣

Геракл поселился в Тиринфе и стал слугой слабого, трусливого Эврисфея. Эврисфей боялся могучего героя и не пускал его в Микены. Все приказания передавал он сыну Зевса в Тиринф через своего вестника Копрея.

НЕМЕЙСКИЙ ЛЕВ (ПЕРВЫЙ ПОДВИГ)

Гераклу недолго пришлось ждать первого поручения царя Эврисфея. Он приказал Гераклу убить немейского льва. Этот лев, порождённый Тифоном и Ехидной, был чудовищной величины. Он жил около города Немен¹ и опустошал его окрестности. Прибыв в Немею, тотчас отправился Геракл в горы, чтобы разыскать логовище льва. Уже был полдень, когда герой достиг склонов гор. Нигде не было видно ни одной живой души: ни пас-

Подвиги Геракла. Фрагмент саркофага, Флоренция

¹Город в Арголиде, на северо-востоке Пелопоннеса.

тухов, ни земледельцев. Все живое бежало из этих мест в страхе перед ужасным львом. Долго искал Геракл по лесистым склонам гор и в ущельях логовище льва; наконец, когда уже солнце стало склоняться к западу, нашёл его Геракл в мрачном ущелье. Логовище находилось в громадной пещере, имевшей два выхода. Геракл завалил один из выходов камнями и стал ждать льва. Когда уже надвигались сумерки, показался чудовищный лев с длинной косматой гривой. Натянул тетиву своего лука Геракл и пустил во льва одну за другой три стрелы, но стрелы отскочили от его

Борьба Геракла
с немейским львом.
Роспись. Амфора

шкур — так тверда она была. Грозно зарычал лев, рычание его раскатилось по горам подобно грому. Лев стоял в ущелье и искал горящими яростью глазами того, кто осмелился пустить в него стрелы. Но вот он увидел Геракла и бросился громадным прыжком на героя. Как молния сверкнула палица Геракла и громовым ударом обрушилась на голову льва. Оглушённый страшным ударом, лев упал на землю. Геракл бросился на него, обхватил его своими могучими руками и задушил. Взвалив на плечи убитого льва, Геракл вернулся в Немею, принёс жертву Зевсу и учредил в память своего первого подвига Немейские игры¹. Когда Геракл принёс убитого им льва в Микены, Эврисфей побледнел от страха, взглянув на чудовище. Царь Микен понял, какой нечеловеческой си-

лой обладает Геракл. Он запретил ему даже приближаться к воротам Микен; когда же Геракл приносил доказательства своих подвигов, Эврисфей с ужасом смотрел на них с высоких микенских стен.

ЛЕРНЕЙСКАЯ ГИДРА (ВТОРОЙ ПОДВИГ)

После первого подвига Эврисфей послал Геракла убить лернейскую гидру. Это было чудовище с телом змеи и девятью головами

¹*Немейские игры* — общегреческие празднества, происходившие каждые два года в Немейской долине в Арголиде; справлялись они в честь Зевса в середине лета. Во время игр, продолжавшихся несколько дней, состязались в беге, борьбе, кулачном бою, метании диска и копья; проводили и состязания колесниц. Во время игр объявлялся мир во всей Греции.

дракона. Как и немейский лев, гидра была порождена Тифоном и Ехидной. Жила гидра в болоте около города Лерна¹ и, выползая из своего логовища, уничтожала целые стада и опустошала окрестности. Борьба с девятиголовой гидрой была опасна, потому что одна из голов её была бессмертна. Отправился в путь Геракл с сыном Ификла Иолаем. Придя к болоту у города Лерны, Геракл оставил Иолая с колесницей в близлежащей роце, а сам отправился искать гидру. Он нашёл её в окружённой болотом пещере. Раскалив докрасна свои стрелы, стал Геракл пускать их одну за другой в гидру. В ярость привели гидру стрелы Геракла. Она выползла, извиваясь покрытым блестящей чешуей телом, из мрака пещеры, грозно поднялась на своем громадном хвосте и хотела уже броситься на героя, но наступил ей сын Зевса ногой на туловище и придавил к земле. Гидра обвилась хвостом вокруг ног Геракла и старалась свалить его. Как непоколебимая скала, стоял герой и взмахами своей тяжёлой палицы одну за другой сбивал головы гидры. Как вихрь, свистела в воздухе палица; слетали головы гидры, но гидра всё-таки была жива. На месте каждой сбитой головы у гидры вырастали две новые. Явилась и помощь гидре. Из болота выполз чудовищный рак и впился своими клешнями в ногу Геракла. Тогда герой призвал на помощь Иолая. Иолай убил чудовищного рака, зажёг часть ближней роцы и горящими стволами деревьев прижигал гидре шею, с которых Геракл сбивал головы. Новые головы перестали вырастать у гидры. Всё слабее и слабее сопротивлялась она сыну Зевса. Наконец, и бессмертная голова слетела у гидры. Чудовищная гидра была побеждена и рухнула мёртвой на землю. Глубоко зарыл её бессмертную голову победитель Геракл и навалил на неё громадную скалу, чтобы не могла она опять выйти на свет. Затем рассёк герой тело гидры и погрузил в её ядовитую желчь свои стрелы. С тех пор раны от стрел Геракла стали неизлечимыми. С великим торжеством вернулся Геракл в Тиринф. Но там ждало его уже новое поручение Эврисфея.

Борьба Геракла
с лернейской гидрой.
Роспись. Амфора

¹Город на берегу Аргонидского залива в Арголиде.

СКОТНЫЙ ДВОР ЦАРЯ АВГИЯ (ШЕСТОЙ ПОДВИГ)

Вскоре Эврисфей дал новое поручение Гераклу. Он должен был очистить от навоза весь скотный двор Авгия, царя Элиды, сына лучезарного Гелиоса. Бог солнца дал своему сыну неисчислимые богатства. Особенно многочисленны были стада Авгия. Среди его стад было триста быков с белыми, как снег, ногами, двести быков были красные, как сидонский пурпур, двенадцать быков, посвящённых богу Гелиосу, были белые, как лебеди, а один бык, отличавшийся необыкновенной красотой, сиял, подобно звезде. Геракл предложил Авгию очистить в один день весь его громадный скотный двор, если он согласится отдать ему десятую часть своих стад. Авгий согласился. Он считал, что невозможно выполнить такую работу в один день. Геракл сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, и отвёл в него воду двух рек, Алфея и Пеней. Вода этих рек в один день унесла весь навоз со скотного двора, а Геракл опять сложил стены. Пришёл Геракл к Авгию требовать награды, но царь не отдал ему обещанной десятой части стад, и пришлось ни с чем вернуться Гераклу в Тиринф.

Страшно отомстил Геракл царю Элиды. Через несколько лет, уже освободившись от службы у Эврисфея, Геракл вторгся с большим войском в Элиду, победил в кровопролитной битве Авгия и убил его смертоносной стрелой. После победы собрал Геракл войско и всю богатую добычу у города Писы, принёс жертвы олимпийским богам и учредил Олимпийские игры¹, которые проводились с тех пор каждые четыре года на священной равнине, обсаженной самим Гераклом оливами, посвящёнными богине Афине-Палладе.

Геракл отомстил и всем союзникам Авгия. Особенно же поплатился царь Пилоса Нелей. Геракл, придя с войском к Пилосу, взял город и убил Нелея и одиннадцать его сыновей. Не спасся и сын Нелея Периклимен, которому дал властитель моря Посейдон дар обращаться в льва, змею и пчелу. Геракл убил его, когда, обратившись в пчелу, Периклимен сел на одну из лошадей, запряженных в колесницу Геракла. Один лишь сын Нелея

¹*Олимпийские игры* — важнейшее из общегреческих празднеств, во время которого объявлялся во всей Греции мир. За несколько месяцев до игр по всей Греции к греческим колониям рассылали послов, приглашавших на игры в Олимпию. На них происходили состязания в беге, борьбе, кулачном бою, метании диска и копья, а также состязания колесниц. До настоящего дня сохранилась традиция раз в четыре года проводить Олимпийские игры.

Нестор остался в живых. Впоследствии прославился Нестор среди греков своими подвигами и великой мудростью.

ЯБЛОКИ ГЕСПЕРИД (ДВЕНАДЦАТЫЙ ПОДВИГ)

Самым трудным подвигом Геракла на службе у Эврисфея был его последний, двенадцатый, подвиг. Геракл должен был отправиться к великому титану Атласу, который держит на плечах небесный свод, и достать из его садов, за которыми смотрели дочери Атласа геспериды, три золотых яблока. Яблоки эти росли на золотом дереве, выращенном богиней земли Геей в подарок Гере в день её свадьбы с Зевсом. Чтобы совершить этот подвиг, нужно было прежде всего узнать путь в сады гесперид, охраняемые драконом, никогда не смыкавшим глаз.

Никто не знал пути к гесперидам и Атласу. Долго блуждал Геракл по Азии и Европе, прошел он все страны, которые проходил раньше по пути за коровами Гериона; всюду Геракл расспрашивал о пути в сады гесперид. Пришёл Геракл на самый крайний север, к вечно катящей свои бурные, беспредельные воды реке Эридану. На берегах Эридана с почётом встретили сына Зевса прекрасные нимфы и дали ему совет, как узнать путь в сады гесперид. Геракл должен был напасть врасплох на морского вещего старца Нерея, когда он выйдет на берег из морской пучины, и узнать у него путь к гесперидам; кроме Нерея, никто не знал этого пути. Геракл долго искал Нерея. Наконец, удалось ему найти старца на берегу моря. Геракл напал на морского бога. Трудна была борьба с ним. Чтобы освободиться от железных объятий Геракла, Нерей принимал всевозможные образы, но не выпускал его герой. Наконец, он связал утомлённого Нерея, и морскому богу пришлось, чтобы получить свободу, открыть Гераклу тайну пути в сады гесперид. Узнав эту тайну, сын Зевса отпустил морского старца и отправился в далёкий путь.

Опять пришлось ему идти через Ливию. Здесь встретил он великана Антея, сына Посейдона, бога морей, и богини земли Геи. Антей заставлял всех путников бороться с ним и всех, кого побеждал в борьбе, немилосердно убивал. Великан потребовал, чтобы и Геракл боролся с ним. Нельзя было победить Антея в единоборстве, не зная тайны, откуда великан получал во время борьбы всё новые и новые силы. Тайна же была такова: когда Антей чувствовал, что начинает ослабевать, он прикасался к земле, своей матери, и обновлялись его силы; он черпал их у матери, ве-

Статуя Геракла. Бронза.
Римская копия

ликой богини земли. Но стоило только оторвать Антея от земли и поднять его на воздух, как исчезали его силы. Долго боролся Геракл с Антеем, несколько раз он валил его на землю, но только прибавлялось силы у Антея. Вдруг во время борьбы поднял могучий Геракл Антея высоко на воздух; иссякли силы сына Геи, и Геракл задушил его.

Дальше пошёл Геракл и пришёл в Египет. Там, утомлённый длинным путём, уснул он в тени небольшой рощи на берегу Нила. Увидел спящего Геракла царь Египта Бусирис, сын Посейдона и дочери Эпафа, Лисианассы, и велел связать спящего героя. Он хотел принести Геракла в жертву отцу его Зевсу. Девять лет был неурожай в Египте. Пришедший с Кипра прорицатель Фрасий предсказал, что прекратится неурожай только в том случае, если будет Бусирис ежегодно приносить в жертву

Зевсу чужеземца. Бусирис велел схватить прорицателя Фрасия и первым принёс его в жертву. С тех пор жестокий царь приносил в жертву громовержцу всех чужеземцев, которые приходили в Египет. Привели к жертвеннику и Геракла, но разорвал великий герой верёвки, которыми был связан, и убил у жертвенника самого Бусириса и сына его Амфидаманта. Так был наказан жестокий царь Египта.

Много ещё пришлось встретить Гераклу на пути своём опасностей, пока достиг он края земли, где стоял великий титан Атлас. С изумлением смотрел герой на могучего титана, державшего на своих широких плечах весь небесный свод.

— О, великий титан Атлас! — обратился к нему Геракл. — Я — сын Зевса, Геракл. Меня прислал к тебе Эврисфей, царь богатых золотом Микен. Эврисфей повелел мне достать у тебя три золотых яблока с золотого дерева в садах Гесперид.

— Я дам тебе три яблока, сын Зевса, — ответил Атлас, — ты же, пока я буду ходить за ними, должен встать на моё место и держать на плечах своих небесный свод.

Геракл согласился. Он встал на место Атласа. Невероятная тяжесть опустилась на плечи сына Зевса. Он напряг все свои силы и удержал небесный свод. Страшно давила тяжесть на могучие

плечи Геракла. Он согнулся под тяжестью неба, его мускулы вздулись, как горы, пот покрыл всё его тело от напряжения, но нечеловеческие силы и помощь богини Афины дали ему возможность держать небесный свод до тех пор, пока не вернулся Атлас с тремя золотыми яблоками. Вернувшись, Атлас сказал герою:

— Вот три яблока, Геракл; если хочешь, я сам отнесу их в Микены, а ты поддержи до моего возвращения небесный свод; потом я встану опять на своё место.

Геракл понял хитрость Атласа, понял, что хочет титан совсем освободиться от своего тяжёлого труда, и против хитрости применил хитрость.

— Хорошо, Атлас, я согласен! — ответил Геракл. — Только позволь мне прежде сделать себе подушку, я положу её на плечи, чтобы не давил их так ужасно небесный свод.

Атлас встал опять на свое место и взвалил на плечи тяжесть неба. Геракл же поднял лук и колчан со стрелами, взял палицу и золотые яблоки и сказал:

— Прощай, Атлас! Я держал свод неба, пока ты ходил за яблоками Гесперид, вечно же нести на плечах своих всю тяжесть неба я не хочу.

С этими словами Геракл ушёл от титана, и снова пришлось Атласу держать, как и прежде, на могучих плечах небесный свод. Геракл же вернулся к Эврисфею и отдал ему золотые яблоки. Эврисфей подарил их Гераклу, а он подарил яблоки своей покровительнице, дочери Зевса Афине-Палладе. Афина вернула яблоки Гесперидам, чтобы вечно оставались они в их садах.

После своего двенадцатого подвига Геракл освободился от службы у Эврисфея. Теперь он мог вернуться в семивратные Фивы. Но недолго оставался там сын Зевса. Ждали его новые подвиги.

Но не одни победы ждали его, были у Геракла и тяжкие беды, так как по-прежнему преследовала его богиня Гера.

В пересказе *Н. Куна*

Думаем над прочитанным

1. Расскажите о юности Геракла.
2. Какой из подвигов Геракла произвёл на вас самое большое впечатление? Почему?

3. О каких ещё подвигах Геракла вы знаете?
4. Какими чертами характера наделён любимый герой эллинов?
5. По фразеологическому словарю определите значение устойчивого словосочетания «авгиевы конюшни».
6. Составьте письменный план одного из мифов о подвигах Геракла. Подготовьте по этому плану устный пересказ, близкий к тексту.
7. Нарисуйте иллюстрации к одному из мифов о подвигах Геракла.

Историческая справка

Мифы Древней Греции вы читали в пересказе известного педагога и историка Николая Альбертовича Куна. Впервые книга с мифами в его изложении вышла в 1914 году под названием «Что рассказали греки и римляне о своих богах и героях». Во введении автор писал: «Образы богов Греции не умерли, не умерли и образы великих героев. Они пережили века и живут вечно юные в наше время. Мифы Греции не могут быть забыты, так как они являются одним из прекраснейших созданий гения греческого народа, культура которого оказала неизмеримое влияние на культуру Европы».

Знаете ли вы, что...

Культуру Древней Греции и Древнего Рима называют античной (в переводе с лат. — древний). Эта культура и поныне питает искусство народов мира.

Аполлон. Фрагмент рельефа. Мрамор. Афины

Покровителем искусств в древнегреческой мифологии был Аполлон — бог поэзии, повелитель муз.

Аполлон — сын Зевса, родился на острове Делос. Миф рассказывает, что когда Аполлон появился на свет, к острову приплыли белые лебеди и волшебным образом запели. И тотчас голые скалы Делоса покрылись свежей зеленью пальм, кипарисов и лавра.

Аполлон — самый красивый из богов-олимпийцев: высокий, стройный, вечно молодой, с ясными божественными очами, с кифарой в руках и лавровым венком на голове. Он покровительствовал поэтам, певцам и ясно-видящим. Их называли «детьми Аполлона».

Часто Аполлона называли Фебом — «сиятельным», а ещё Музагетом — «повелителем муз».

Музы (в переводе с греч. мыслящие) — дочери Зевса и Мнемозины (богини памяти). Было их девять.

Мифы закрепили за ними виды искусства, которые музы и опекали. Каждую из муз изображали обязательно с атрибутом, предметом, по которому её можно было легко узнать.

Каллиопа (Прекрасноголосая) — муза героической песни, держит в руках табличку для писания и стило (приспособление для письма).

Терпсихора (Любящая танцы) — муза танцев, изображена с большой лирой в руках.

Мельпомена (Поющая) — муза пения и трагической поэзии, её эмблема — грустная маска.

Талия (Прекрасная) — муза комедии, держит комическую маску.

Клио (Провозглашающая славу) — мудрая муза истории, в руках держит свиток пергамента.

Эвтерпа (Радостная) — муза лирической поэзии, в руках у неё двойная флейта.

Эрато (Любимая) — муза любовных песен; играет на малой лире.

Полигимния (Богатая на гимны) — муза торжественных гимнов и божественных песен, изображена с плотным покрывалом, которым пользовались во время проведения обрядов.

Уrania (Небесная) — муза астрономии, величаво несёт глобус звёздного неба.

Вот такими древние греки представляли себе покровительниц искусств и наук. В их честь строили храмы, которые называли **мусейонами**. От слова «муза» образованы известные вам слова «музей» и «музыка».

Начиная с давних времён у разных народов, в разных литературах бог Аполлон, музы, мифический крылатый конь Пегас, горы Парнас и Геликон символизируют творчество, мир поэзии и искусства.

По Ю. Султанову

Каллиопа, Терпсихора, Мельпомена, Талия, Клио. Римские мраморные копии с греческих оригиналов. III—II вв. до н.э. Санкт-Петербург

МИФЫ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Мир славянских мифов – воистину сияющий мир, в котором щедрая игра света, зелени, солнца, звёздного огня, водопад серебряных и золотых тонов гармонически передают высокую связь человека со Вселенной.

Михаил Москаленко

Для древнеславянской мифологии характерны такие же корни, как и для мифов других народов мира. Прежде всего это стремление объяснить непонятное, приподнять завесу над тайнами природы и человеческой души.

Древние славяне, а это и наши с вами предки, были *язычниками*, то есть они обожествляли и одухотворяли силы природы, свято веря в то, что всё вокруг живёт, дышит, чувствует, борется за выживание и тесно связано с жизнью самого человека. Голуби, которые советуются, как «основать мир», и чудесный конь, и олени, туры, и вещис соколы, «сады-винограды», и поля, усеянные «мелким жемчугом», «месяц в небе» и «красное солнышко» — всё самым тесным образом переплетено с человеческой судьбой, всё с ней взаимодействует и вводит человека в величественный космический мир.

Славяне верили, что вселенная состоит из трёх миров: неба — мира богов, земного мира людей и подземного мира.

Деревянные или каменные изображения божеств — идолы — наши предки ставили на святилищах — капищах, где осуществляли языческие обряды волхвы — знатоки тайных сил природы, посредники в общении с богами.

Самыми почитаемыми у древних славян были божества, связанные с земледелием и скотоводчеством. Прабогом считался Сварог — бог неба и небесного огня, который подарил людям плуг и научил их хлебопашеству. Почитался и его сын, бог солнца Дажбог. Характерно, что у славян было несколько божеств, олицетворяющих солнце. Кроме Дажбога, богом весеннего солнца был Ярило, а зимнего — Поревит.

Наивысшими божествами в славянской мифологии считались бог грозы Перун и покровитель скотоводства Велес.

Кроме этих божеств, славяне чтили и других, связанных с хозяйственными циклами, сезонными обрядами и семейными традициями. Богом Луны был Хорс, богом ветра — Стрибог, богом растений —

Симаргл, богиней рода — Мокошь. Весну олицетворяла Лада; любви и влюблённым покровительствовали Купала и Лель. Дана (или её ещё называли Лелей) была воплощением воды как символа всего живого, Полель — света; Берегиня — прадерева мира. Таким образом, языческие боги праславян — это своеобразные символы сложного мировосприятия, связи человека с космосом. Поклонялись славяне также духам: домовым, лесовикам, водяным; верили и в разную «нечисть» — русалок, лихоманок, чудо-юдо, бабу-ягу и др.

Объектом особого поклонения у наших предков была земля. Она почиталась как кормилица, начало начал всего сущего, незыблемая основа самой жизни.

Поэтический мир славянской мифологии широко использовался в народных исторических, обрядовых песнях, думах, балладах, позже он приобрел новую жизнь в творчестве великих мастеров слова А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко.

Славянские идолы

1. Кто такие язычники? Расскажите о богах, которых почитали язычники.

2. Расскажите о верованиях древних славян.

3. Как вы думаете, что общего и что различного в древнегреческой и древнеславянской мифологии?

Знаете ли вы, что...

Мифы оживают в обрядах, праздниках, карнавалах. Так, в Древней Руси праздники были связаны с мифологическими преданиями о борьбе солнца и тьмы, весны и зимы, тепла и холода.

Очень весёлым и ярким праздником в Древней Руси был праздник встречи Лады (Ляли) — богини весны и любви. Выбирали самую красивую девушку, украшали её венками из трав и цветов. Из земли насыпали бугорок, садили на него Лялю и к её ногам бросали венки. Рядом ставили кувшины с молоком, сыром и маслом. Начинали водить хороводы, а Ляля в это время раздавала хороводницам молоко, сыр, масло, а потом разбрасывала венки. Считалось, если поймает веночек — счастье получишь, нужно только веночек сохранить до следующей весны.

А зимой зазывали Мороз и кормили его. Чем больше каши приносилось в жертву, тем лучше ожидался урожай.

☞ МИФ О СОЛНЦЕ ☞

Лежала Мать-Сыра-Земля во мраке и стуже. Мертва была — ни света, ни тепла, ни звуков, никакого движения. И сказал вечно юный, вечно радостный светлый Яр: «Взглянем сквозь тьму крошечную на Мать-Сыру-Землю, хороша ль, пригожа ль она?» И пламень взора светлого Яра в одно мгновение пронизал неизмеримые слои мрака, что лежали над спавшею Землею, и где Ярилин взор прорезал тьму, там воссияло Солнце красное. И полились через солнце жаркие волны лучезарного Ярилина света.

Мать-Сыра-Земля от сна проснулась и в юной красе раскинулась. Жадно пила она золотые лучи живоносного света, и от того света палящая жизнь и томящая нега разлились по недрам ее... Любы Земле Ярилены речи, возлюбила она бога светлого, и от жарких его поцелуев разукрасилась злаками, цветами, тёмными лесами, синими морями, голубыми реками, серебристыми озёрами...

Пила она жаркие поцелуи Ярилины, и из недр её вылетали поднебесные птицы, из вертепов выбегали лесные и полевые звери, в реках и морях заплывала рыба, в воздухе затолклись мелкие насекомые, мушки да мошки.

И всё жило, и всё любило, и всё пело хвалебные песни Отцу-Яриле, Матери-Сырой-Земле. Потом Земля породила человека. И когда вышел он из недр земных, ударил его Ярило по голове золотой вожжой — яркой молнией, и от той молнии ум в человеке зародился. Здравствовал Ярило любимого земнородного сына небесными громами, потоками молний, и от тех громов, от той молнии вся живая тварь в ужасе встрепенулась: разлетелись поднебесные птицы, попрятались в пещеры дубравные звери, один человек поднял к небу разумную голову и на речь отца громовую отвечал вещим словом, речью крылатою... И услышав то слово и узрев царя своего и владыку, все древа, все цветы и злаки перед ним преклонились.

Потом стала слабеть сила Ярилы, Мать-Сыра-Земля стала тосковать, боясь, что всё замёрзнет. Ярило утешил её, сказав, что опять вернётся, а пока для поддержания тепла на Земле послал Огонь.

Так мыслили люди о смене лета зимою и о начале Огня. Оттого наши праотцы сжигали умерших — заснувшего смертным сном Ярилина сына отдавали живущему в огне отцу. А потом стали отдавать мертвецов их матери — опуская их в ложе её, т. е. зарывая в землю. Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарование Ярилой огня человеку. Праздники совершались в долгие летние дни, когда Солнце, не укорачивая ход, начинает расставаться с Землёю...

Из романа П. Мельникова-Печерского «В лесах»

Думаем над прочитанным

1. Какое явление природы объясняет прочитанный миф?

2. Назовите персонажей, действующих в мифе.

3. Какой изображена в мифе Мать-Сыра-Земля? Найдите слова, показывающие радость её пробуждения.

4. В чём заключается божественная сила и красота бога Ярилы?

5. Как прослеживается в мифе связь человека и природы? Подтвердите свои рассуждения словами из текста.

6. Подготовьтесь к выразительному чтению мифа в классе.

7. Близко к тексту перескажите миф.

8. Подготовьтесь к уроку внеклассного чтения по теме «Мифы народов мира».

Развиваем речь

Готовимся к сообщению на литературную тему

Чтобы подготовить сообщение на литературную тему, прежде всего внимательно перечитайте художественное произведение.

Определите тему и главную мысль будущего сообщения. Придумайте ему интересное и яркое название.

Отберите из художественного текста необходимый материал (события, герои, диалоги). Подумайте, какие свои рассуждения и выводы вы включите в сообщение.

Определите последовательность изложения материала, составив его план. Важно, чтобы в плане сообщения были обозначены вступление, основная часть и выводы. При этом помните, что части должны быть пропорциональны: вступление — не слишком затянутым, выводы чёткими и лаконичными, а основная часть — развёрнутой и исчерпывающей.

Старайтесь использовать в сообщении не только повествование от автора, но и диалоги, описания из художественного текста и обязательно свои собственные рассуждения.

БИБЛЕЙСКИЕ ПРИТЧИ

Книга сия называется Евангелием, – и такова её вечно новая прелесть, что если мы... случайно откроем её, то уже не в силах противиться её сладостному влечению.

Александр Пушкин

Мир вечности, древней мудрости открывает нам Библия – одна из самых древних и мудрых книг мира, один из ценнейших памятников духовной культуры человечества. ♪

Библия имеет особое значение в жизни человека. Во-первых, это священная для христиан всего мира книга, во-вторых, выдающийся литературно-исторический памятник.

Слово «библия» пришло к нам из греческого языка и в переводе обозначает «книга». Часто Библию называют Книгой Книг, потому что она состоит из произведений различных авторов, а ещё потому, что это одна из известнейших книг в истории человечества.

Формирование Библии происходило на протяжении почти пятнадцати веков и завершилось ко II веку нашей эры. Библия состоит из двух частей – Ветхого Завета и Нового Завета.

Всего в Библии 77 отдельных книг.

Книги Ветхого Завета (а их 50) включают древние хроники, исторические повести, мифы, хвалебные торжественные песни – гимны, рассказы поучительного характера – притчи, молитвенные песни – псалмы.

Новый Завет называют ещё Евангелием (в переводе с греческого языка «радостная весть»). Состоит он из 27 книг. В нём рассказывается в основном о жизни и учении Иисуса Христа (Христос — в переводе с греческого — посланник).

О своём Учителе, его чудесном рождении, крещении, славных деяниях, мученической смерти и воскрешении рассказали людям ученики Христа — Матфей, Марк, Лука и Иоанн.

Библейские тексты дают нам возможность проследить нелёгкий путь человечества через столетия и эпохи. Это своеобразная история развития человеческого общества от первобытного строя до открытия атома и покорения космоса. Библейские книги являются постоянным источником вдохновения для художников, скульпторов, композиторов и поэтов.

Они стали основой таких шедевров мировой живописи, как «Мадонна в гроте» и «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи, «Сикстинская мадонна» Рафаэля Санти, «Раскаявшаяся Магдалина» Рубенса, «Блудный сын», «Адам и Ева» Рембрандта, а также выдающихся музыкальных творений известных композиторов.

Предлагаем вам прикоснуться душой к мудрости древних библейских текстов, читая притчи о блудном сыне и добром самарянине, которые призывают нас любить ближнего, совершенствовать своё духовное «я».

1. Расскажите, что вы знаете о Библии.
2. Почему её называют Книгой Книг?
3. Какие библейские истории вы уже знаете? Из каких источников (кино, мультимедийных фильмов, детских изданий) вы их узнали?
4. Рассмотрите в учебнике репродукции картин. Опишите их.

✧ ПРИТЧА О БЛУДНОМ¹ СЫНЕ ✧

У одного человека было два сына. Однажды младший сын сказал отцу: «Отец, дай мне мою часть наследства». Отец разделил имение, и младший сын, взяв своё, отправился в чужую страну. Там он жил весело, ни в чём себе не отказывал, и скоро денег у него не осталось.

¹Слово *блудный* — старинное. Оно означает: заблудший, совершивший ошибку, впавший в заблуждение.

Рембрандт. Возвращение блудного сына

А в это время настал голод в той стране. Юноша нанялся к одному из жителей пасти свиней. Он голодал и рад был, если ему удавалось поесть свиного корма.

И тут он опомнился и сказал: «Сколько работников у моего отца получают хлеб в изобилии, а я умираю от голода! Поїду я к отцу моему и скажу: «Отец, я согрешил против тебя и недостойн называться твоим сыном. Прости меня и прими в число наёмников твоих».

Встал он и пошёл к отцу. Отец ещё издали увидел его, побежал навстречу, обнял и поцеловал его. Сын же сказал отцу: «Отец, я согрешил против тебя и недостойн называться твоим сыном!»

А отец приказал слугам: «Принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги. И заколите откормленного телёнка, станем пировать и веселиться. Ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся». И начали веселиться.

Старший сын был в это время в поле. Возвратившись, он услышал пение и весёлые голоса. Он спросил у одного из слуг: «Что это такое?» Слуга ответил: «Твой брат пришёл. Отец, обрадовавшись, что он здоров, заколол откормленного телёнка».

Старший сын рассердился и даже не захотел войти в дом. Отец вышел и позвал его. Но сын сказал отцу: «Сколько лет я служу тебе, всегда слушался тебя, но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с друзьями. А брат, растративший имение, пришёл, и ты заколол для него откормленного телёнка».

Отец же сказал ему: «Сын мой! Ты всегда со мной, и всё, что есть у меня, — твоё. А брат твой был как бы мёртв и ожил, пропадал и нашёлся».

✠ ПРИТЧА О ДОБРОМ САМАРЯНИНЕ¹ ✠

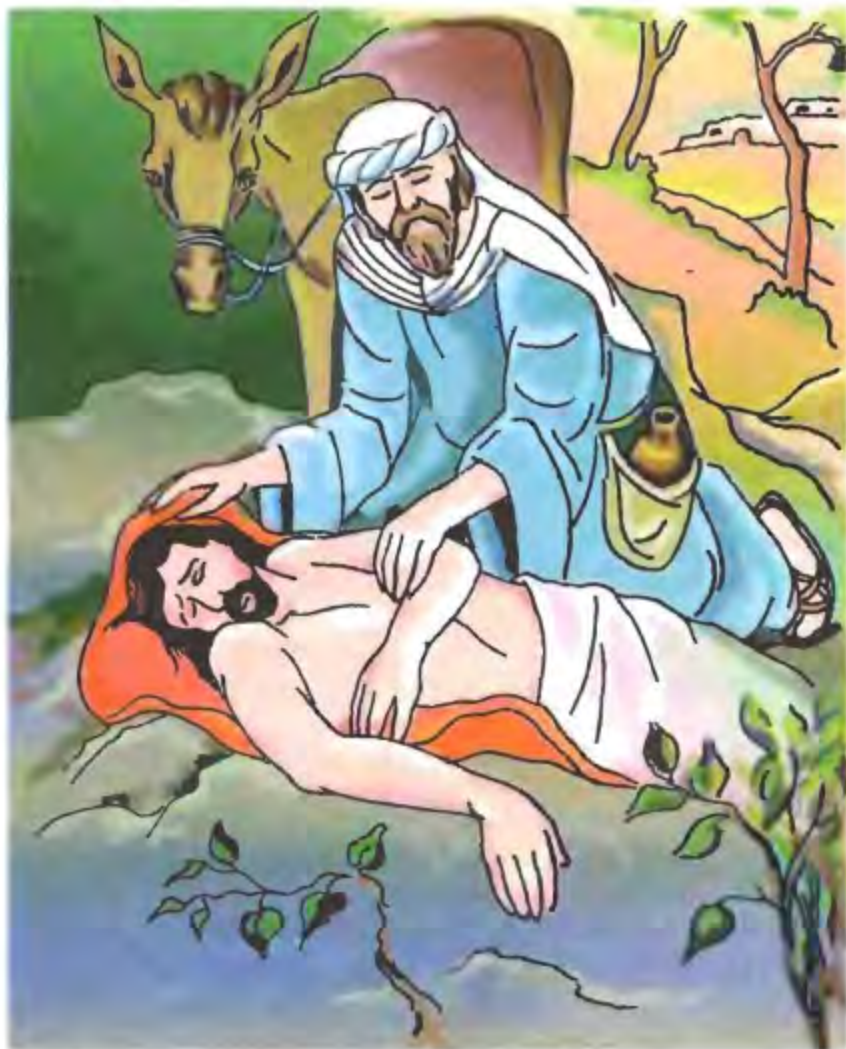
Иисус учил: «Люби ближнего своего, как самого себя». Один человек спросил у него: «А кто мой ближний?» В ответ Иисус рассказал ему притчу:

Некий человек шел из Иерусалима в Иерихон² и попался разбойникам, которые ограбили его, сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шёл тою же дорогой, увидел его и прошёл мимо. Также шёл помощник священника, подошёл, посмотрел и прошёл мимо. А потом проезжал этой дорогой самарянин, увидел его и сжалился. Он подошёл, перевязал ему раны, возливая масло и вино. И посадил на своего осла, привёз его в гостиницу и позаботился о нём. А на другой день, отъезжая, вынул два динария³, дал содержателю гостиницы и сказал ему: «Поза-

¹Самарянин — житель Самарин, области, расположенной к северу от Иерусалима.

²Иерихон — город недалеко от Иерусалима.

³Динарий — римская монета, бывшая тогда в обращении.

боться о нём, и, если издержишь денег больше, я, когда возвращусь, отдам тебе».

Иисус спросил человека: «Как ты думаешь, кто из этих троих был *близним* попавшемуся разбойникам?» Человек ответил: «Оказавший ему милость». Тогда Иисус сказал ему: «Иди и ты поступай так же».

Думаем над прочитанным

1. Объясните, как вы понимаете, что такое *притча*.
2. Как вы считаете, почему отец простил младшего сына и принял его?
3. Попробуйте определить главную мысль притчи о блудном сыне.
4. Как вы думаете, каким качеством характера нужно обладать,

чтобы следовать заповеди Христа «Люби ближнего своего, как самого себя»?

5. Рассмотрите репродукцию картины Рембрандта «Возвращение блудного сына». Как художник передал библейский сюжет?

6. Напишите сочинение-миниатюру на тему «Чему нас учат библейские притчи».

Знаете ли вы, что...

Полный перевод Библии был завершён на Руси в 1499 г. под руководством архиепископа Новгородского Геннадия. Этот перевод впоследствии получил название «Геннадиевская Библия». Она была положена в основу первой печатной Библии, изданной Иваном Фёдоровым в Остроге, на Волыни, в 1580—1581 гг.

Развиваем речь

Учимся писать сочинение-миниатюру

Готовясь к сочинению, внимательно осмыслите его тему и чётко определите, о чём будет ваша творческая работа. Ещё раз перечитайте фрагменты текста, на которые вы будете ссылаться в сочинении. Подберите дополнительный материал (эпиграф, цитаты, примеры), который вам поможет написать творческую работу. Продумайте структуру вашего сочинения: вступление, в котором вам необходимо кратко сформулировать основную цель своей работы; основную часть, предназначенную для обоснования главной мысли сочинения, и заключение, которое содержит аргументированный и эмоциональный вывод.

Сначала напишите сочинение на черновике. Внимательно проверив написанное, перепишите работу начисто.

Обобщаем изученное

1. Расскажите, что мы называем мифом, мифологией.

2. Какую роль в жизни древних людей сыграли мифы?

3. Как возник миф?

4. Прочитайте зашифрованное в головоломке высказывание Азы Тахо-Годи о мифах. Объясните, чем миф отличается от сказки.

5. Расскажите о главных олимпийских богах.
6. Символом чего можно назвать мифического героя Икара?
7. Какие подвиги совершил Геракл?
8. Назовите главные древнеславянские божества.
9. Как вы считаете, что общего и что различного в представлениях греков и славян о происхождении весны и лета (на материале мифов «Деметра и Персефона» и «Мифа о Солнце»)?
10. Выберите вначале слова, которые связаны с древнеславянской мифологией, а потом — с древнегреческой, запишите их в 2 колонки: Пегас, Олимп, Перун, Аполлон, русалки, Велес, лира, наяды, муза, Коляда, Сварог, Аид, домовый, лесовик, Цербер, Мокошь.
11. Как назывались в древнегреческой и древнеславянской мифологиях:
 - бог-громовержец;
 - бог солнца;
 - мифические жительницы рек и озёр;
 - богиня — покровительница домашнего очага?
12. Напишите собственный миф на одну из тем: «Почему идёт дождь?», «Как рождается молния?», «Откуда появляется радуга?» и т.п.
13. Что в переводе обозначает слово «Библия»?
14. Как вы считаете, почему Библия — одна из самых читаемых книг в мире?
15. Какие новые крылатые выражения вы узнали, прочитав мифы и библейские притчи? Объясните их значение.
16. Подготовьте устное сообщение на одну из тем: «Мифы — золотой фонд человеческой памяти», «Нравственные уроки Библии», «Мифологические и библейские сюжеты в мировом искусстве».

«А ВОТ О ТОМ,
КАК В БАСНЯХ ГОВОРЯТ»

История твердит — вот человек каков,
а должен быть каким — вещает басня.

Вольтер

Смеясь, говорить правду...
Древнегреческая поговорка

Наверное, у каждого из нас бывают ситуации, когда острым и ярким словом нам хочется осмеять какие-либо человеческие пороки или недостатки нашей жизни.

И тогда нам на помощь приходят художественные произведения, которым присущи, говоря словами А. С. Пушкина, «лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться». И предназначены они для того, чтобы, посмеявшись, мы стали, может быть, немного лучше.

Чистый слог и добрый дух
В баснях выложен. На слух
Принимая истин зёрна,
Пробуждаемся...

Зинаида Душкова

Понятие о басне

«Здається, байка просто бреше, а справді — правду ясну че-ше...», — так писав о басні український баснописець Леонід Глебов. Вот уже почти тридцать столетий басня стоит на страже общечеловеческих идеалов: добра, чести, справедливости, резко осуждая недостатки человека и общества. Басня — одно из самых древних произведений искусства слова. Как и миф, она стремилась ответить на извечный вопрос: как жить в этом чрезвычайно сложном мире? Так что же такое басня?

Басня — это небольшое по объёму литературное произведение с поучительным смыслом, в котором в образах животных, предметов, разных природных явлений показываются человеческие отношения и характеры.

Такое изображение какого-либо понятия или явления через конкретный образ называется **аллегорией**, а язык таких произведений — аллегорическим или **эзоповым**. Выражение «эзопов язык» связано с именем древнегреческого баснописца Эзопа и характеризует, насыщенную намёками, недомолвками речь, в которой позиция автора представлена в замаскированной форме. Суть аллегии (от греческих слов, которые переводятся «иной» и «говоря») — иносказание, когда с помощью сравнения одного явления с другим создаётся конкретный образ, раскрывающий какое-то общее понятие.

Состоит басня из двух частей — повествования и нравоучительного вывода, который называется **моралью**. Моральный вывод в баснях часто настолько удачно сформулирован, что становится поговоркой, которую мы используем в нашей речи, даже не подозревая о её происхождении. Например: «Слона-то я и не приметил» или «А воз и ныне там».

Если сравнить басню с библейскими притчами или народными сказками, то нетрудно заметить, что у них много общего. Но басни более лаконичны по объёму и всегда содержат в себе определённую мораль или назидательный вывод, которые раскрываются в аллегорической форме.

1. Что такое басня? Из каких частей она состоит?
2. Какие басни и каких авторов вы уже читали? Расскажите о них.
3. Объясните, как вы понимаете выражение «эзопов язык».

4. Раскройте понятие «аллегория».
5. Расскажите, чем басня отличается от сказки или библейской притчи.
6. Что такое мораль басни? Почему говорят, что басня учит читателя?

Эзоп

Он — раб, но мудрее свободных;
он некрасивый, но лучше красавцев.

Бабрий

Среди имён, покрытых тайной, — имя Эзопа. Жил он в Древней Греции, приблизительно в VII — VI столетии до нашей эры, и о нём не сохранилось почти никаких достоверных сведений. Древние греки произносили его имя иначе, нежели мы: Айсопос. По легенде, был он не греком, а чужестранцем, рабом, очень некрасивым внешне: хромым, с большим животом, огромной головой, да ещё и горбатый. Но если всмотреться в портрет Эзопа, созданный известным испанским художником XVII столетия Диего Веласкесом, то мы увидим совсем не уродливого раба, а независимого, гордого человека. «Почему так?» — удивитесь вы. Потому, что художник знал: этот некрасивый баснописец отличался необыкновенным умом и мудростью. О мудрости Эзопа слагались легенды. Вот одна из них.

Однажды господин Эзопа Ксанф, который считал себя философом, а на самом деле был ограниченным человеком, отправил своего раба на рынок с поручением принести ему самую дорогую вещь. Эзоп вернулся домой с языком. Ксанф попросил объяснить такой выбор. Тогда Эзоп сказал: «Что может быть на свете лучше языка! Язык — мощное оружие, с помощью которого можно проповедовать любовь, справедливость, совершать добрые поступки, дарить надежду, ценить и уважать людей, поэтому язык — самая дорогая вещь». Через некоторое время Ксанф опять отправил

Эзопа на рынок и на этот раз приказал принести самую дешёвую вещь. Эзоп снова принёс язык и так объяснил свой выбор: «Язык может причинять зло, убивать или предавать, приносить боль, разочаровывать. Поэтому это самая дешёвая вещь».

Чтобы обогатить мудростью других людей, Эзоп начал придумывать свои басни. Он создавал басни в прозе, но не записывал их, а пересказывал. Записывать басни Эзопа стали значительно позже, где-то в начале V ст. до н. э. И уже тогда было трудно отличить настоящие произведения Эзопа от басен, созданных другими авторами.

Сюжеты басен Эзопа использовали в своём творчестве поэты разных народов: римлянин Федр, грек Бабрий, француз Жан Лафонтен, поляк Игнацы Красицкий, россиянин Иван Крылов, украинцы Евгений Гребёнка и Леонид Глебов.

Предлагаем и вам «набраться мудрости у Эзопа», читая его басни.

1. Расскажите, кто такой Эзоп.
2. Внимательно перечитайте высказывание об Эзопе, вынесенное в эпиграф к статье. Согласны ли вы с таким утверждением? Аргументируйте свой ответ.

Знаете ли вы, что...

*Алексей Петренко.
Иллюстрация к басне*

Известный древнеримский оратор Марк Фабий Квинтилиан писал, что дети, которые хотят научиться выразительно и хорошо говорить, должны не выпускать из рук басни Эзопа. Он советовал сначала близко к тексту пересказывать басни, а потом записывать свои рассказы.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная Лисица заметила свесившуюся с лозы гроздь винограда и хотела было достать её, но не могла. Ушла она и говорит: «Он ещё не созрел».

Иной не может сделать что-либо из-за недостатка сил, а винит в этом случай.

Перевод М. Гаспарова

Думаем над прочитанным

-
1. Перескажите басню близко к тексту.
 2. Нарисуйте иллюстрации к прочитанному.
 3. Найдите в тексте и прочитайте мораль басни. Подберите пословицы и поговорки, которые передают мораль этой басни.

ВОЛК И ЯГНЁНОК

Волк увидел ягнёнка, который пил воду из речки, и захотелось ему под благовидным предлогом ягнёнка сожрать. Встал он выше по течению и начал попрекать ягненка, что тот мутит ему воду и не даёт пить. Ответил ягнёнок, что воды он едва губами касается, да и не может мутить ему воду, потому что стоит ниже по течению. Видя, что не удалось обвинение, сказал волк: «Но в прошлом году ты бранными словами поносил моего отца!» Ответил ягнёнок, что его тогда ещё и на свете не было. Сказал на это волк: «Хоть ты и ловок оправдываться, а всё-таки я тебя съем!»

Басня показывает: кто заранее решился на злое дело, того и самые честные оправдания не остановят.

Перевод М. Гаспарова

Думаем над прочитанным

-
-
1. Выразительно прочитайте басню по ролям.
 2. Расскажите, какие недостатки раскрывает эта басня.
 3. Докажите, что прочитанное произведение — басня.

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит:
— Сломайте!

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту. Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

— Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться, да все врозь, — вас всякий легко погубит.

Перевод Л. Толстого

Думаем над прочитанным

1. Расскажите, о чём эта басня.

2. Какие слова сказал отец сыновьям? Согласны ли вы со сказанным? Почему? Обоснуйте свой ответ.

3. Напишите свою басню с такой же моралью.

4. Вспомните и расскажите известные вам народные сказки на тему этой басни.

ДВА ТОВАРИЦА

Шли по лесу два товарища, и выскочил на них медведь. Один бросился бежать, влез на дерево и спрятался, а другой остался на дороге. Делать было ему нечего — он упал наземь и притворился мёртвым. Медведь подошёл к нему и стал нюхать: он и дышать перестал.

Медведь понюхал ему лицо, подумал, что мёртвый, и отошёл.

Когда медведь ушёл, тот слез с дерева и смеётся:

— Ну что, — говорит, — медведь тебе на ухо говорил?

— А он сказал мне, что плохие люди — те, которые в опасности от товарищей убегают.

Перевод Л. Толстого

Думаем над прочитанным

1. Понравилась ли вам басня? Почему? Обоснуйте свой ответ.

2. Перескажите басню близко к тексту.

3. Согласны ли вы с выводом, который сделал один из товарищей после встречи с медведем? Почему? Аргументируйте свой ответ.

4. Вспомните известные вам пословицы и поговорки народов мира о дружбе. Запишите их в тетрадь.

5. Подготовьте сочинение-миниатюру (устно) на тему: «Настоящий друг. Каким он должен быть?»

Особенности чтения басни

Исполнение басни, как правило, состоит из нескольких частей. Для чтения основной части характерны повествовательная манера речи и непосредственное общение чтеца со слушателями. При передаче диалога персонажей басни важно в определённой степени «перевоплотиться» в того или иного литературного героя, слова которого читаются. Для этого нужно чётко представить характер персонажа, его настроение в тот момент, когда он произносит речь, отношение к тому, к кому обращены его слова. Например, речь Лисицы, в образе которой в аллегорической форме показана хитрость, требует лживой и вкрадчивой интонации.

Читать мораль басни нужно так, чтобы передать авторскую идею, а также показать своё отношение к позиции автора. Основной текст басни целесообразно отделить надлежащей паузой от её морального вывода. Пауза необходима, чтобы обратить внимание слушателей и способствовать осмыслению прочитанного.

Таким образом, среди основных особенностей чтения басни выделим такие:

басня не просто читается, а рассказывается. Это обусловлено её построением и даже самим её названием («баять» — рассказывать);

исполнитель басни выступает в роли свидетеля событий и является как бы своеобразным комментатором перед слушателями;

мораль басни — известная истина, о которой чтец как бы напоминает слушателям. Она обязательно выделяется интонацией.

Иван Андреевич Крылов

Его басни переживут века.

Константин Батюшков

Басни входят в нашу жизнь ещё в раннем детстве вместе с замечательными сказками. Действительно, кто не помнит маленькую собачонку Моську, смело лающую на огромного

Слона, или избалованную Стрекозу, просящую помощи у серьёзного и трудолюбивого Муравья, или доверчивую Ворону, которая так глупо лишилась своего кусочка сыра?! Всё это герои известного русского баснописца Ивана Андреевича Крылова.

Жизнь писателя сложилась так, что он не смог получить систематического образования. Его детские и юношеские годы прошли в крайней бедности. Но следует сказать, что отец Крылова — большой любитель чтения — не жалел денег на книги. Именно из них черпал все основные знания будущий известный баснописец. Выучившись грамоте дома, а французскому языку в семье состоятельных знакомых — помещиков Львовых, уже в молодые годы Иван Андреевич стал одним из самых образованных людей своего времени: он прекрасно знал литературу, был неплохим математиком и музыкантом. Позже сам Крылов вспоминал, как в 13 лет читал свой перевод басни известного французского писателя Жана Лафонтена «Ворона и Лисица» перед гостями семейства Львовых.

С 14 лет И. А. Крылов живёт в Санкт-Петербурге. Он пишет комедии и стихи, занимается переводами, пытаясь заработать литературным трудом. И если сначала в творчестве Ивана Андреевича преобладали переводы знаменитых басен, как, например, известная нам с детства басня «Стрекоза и Муравей», то постепенно Крылов начал находить всё больше самостоятельных сюжетов, многие из которых были связаны со злободневными событиями жизни. Читатели под масками животных легко угадывали неправедных судей, лукавых и льстивых царедворцев, именитых вельмож.

В 1809 году И. А. Крылов выпускает первое отдельное издание своих басен, и этой небольшой книжечкой, состоящей из 23 произведений, завоёвывает себе почётное место в русской литературе. С этого времени его жизнь — ряд непрерывных успехов и почестей. Всего до конца жизни он написал более 200 басен. Иван Андреевич не переставал писать до последних дней. Последнее прижизненное издание его басен друзья и знакомые писателя получили в 1844 году одновременно с извещением о смерти автора.

Секрет неслыханной популярности басен И. А. Крылова был, прежде всего, в их естественности. Ведь впервые в русской литературе зазвучал язык крестьян, мастеровых, бедных мещан, притом не только в репликах персонажей, а и в речи самого

автора. Не случайно много изречений из его басен стали поговорами и поговорками. Н. В. Гоголь написал об И. А. Крылове: «Это наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепко русский человек...» Убедиться в этом вы сможете, прочитав басни поэта.

1. Расскажите, что вам известно о жизни и творчестве И. А. Крылова.
2. Какие басни поэта вы уже читали? Каких персонажей запомнили?
3. Перечитайте эпиграф к статье. Согласны ли вы с таким утверждением? Аргументируйте свой ответ.

Знаете ли вы, что...

В 1797—1801 годах Иван Андреевич Крылов был в Украине. Поэт восхищался украинской природой, прекрасными мелодиями народных песен. Произведения И. А. Крылова ещё при его жизни стали широко известны в Украине. Тарас Шевченко называл знаменитого баснописца «великим поэтом», не раз вспоминал о нём в дневниках, письмах. Иван Франко, подчёркивая выдающийся талант, высокое художественное мастерство И. А. Крылова, отмечал живучесть традиций русского поэта в творчестве украинских писателей, особенно Леонида Глебова. А украинский баснописец Евгений Гребёнка посвятил И. А. Крылову стихотворение «Лавровый листок»:

Пир волшебными огнями
Разливался и горел,
Стройнозвучными стихами
Хор певцов весёлый пел.
Мы справляли именины
Басни русския творца,
От времён Екатерины
К нам дошедшего певца.
Все мы шумно пировали
На волшебном пире том
И поэта увенчали
Свежим лавровым венком.
Как он был велик, прекрасен
В этот миг, седой певец!
Неподкупен и согласен
Был восторг к нему сердец.

Мы смотрели с умилением
На поэта-старика;
Жрец прекрасный вдохновенья,
Он нам дал благословенье:
Лист лавровый от венка.

Этот чистый дар поэта
Я умею оценить,
В треволненьях, в буре света
Стану я его хранить;
А о празднике народном,
Бескорыстном, благородном,
Поздним внукам расскажу
И листок венка Крылова
Для потомка молодова
Как святыню покажу.

Путешествуем по литературным местам

Памятник И. Крылову
в Летнем саду

В Санкт-Петербурге (Россия) в аллеях прекрасного парка «Летний сад» установлен памятник великому поэту-баснописцу. Он был сооружён на народные средства к 10-летию со дня смерти И. А. Крылова. Следует сказать, что популярность писателя была так велика, что в сборе денег участвовала вся Россия. Скульптор памятника известный архитектор П. К. Клодт запечатлел облик человека, которого хорошо знал и любил. Он изобразил поэта сидящим в простой, естественной позе с книжкой в руках, словно отдыхающим под липами Летнего сада. И. А. Крылов представлен в окружении образов, созданных его творческой фантазией. Здесь и проказница Мартышка, Осёл, Козёл и косолапый Мишка с музыкальными инструментами, и перепуганный до смерти Ягнёнок, и кровожадный Волк, и многие другие известные персонажи.

ВОЛК И ЯГНЁНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё
Моё
С песком и с илом?»

Евгений Рачёв. Иллюстрация к басне

За дерзость такову
 Я голову с тебя сорву». —
 «Когда светлейший¹ Волк позволит,
 Осмелюсь я донести², что ниже по ручью
 От Светлости его шагов я на сто пью,
 И гневаться напрасно он изволит:
 Питья мутить ему никак я не могу». —
 «Поэтому я лгу!
 Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
 Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете³
 Мне здесь же как-то нагрубил:
 Я этого, приятель, не забыл!» —
 «Помилуйте, мне ещё и от роду нет году», —
 Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». —
 «Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват
 И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
 Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
 Вы все мне зла хотите
 И, если можете, то мне всегда вредите,
 Но я с тобой за их разведаюсь⁴ грехи». —
 «Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать,
 Досуг⁵ мне разбирать вины твои, щенок!
 Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
 Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

Думаем над прочитанным

1. Выразительно прочитайте басню по ролям. Подумайте, с какой интонацией нужно читать слова автора, Волка и Ягнёнка.
2. Какие человеческие качества воплощены в образах басни? С помощью каких слов отражаются в басне черты характера и общественное положение персонажей?

3. Вспомните библейскую притчу о добром самарянине. Как бы вы могли соотнести её с басней «Волк и Ягнёнок»?

¹Светлейший — почётное обращение к особенно знатым князьям.

²Донести — устаревшая форма, здесь: сказать.

³В запрошлом лете — два года тому назад.

⁴Разведаться — отомстить, отплатить за обиду.

⁵Досуг — свободное время, здесь: некогда.

-
4. Какие строчки этой басни стали пословицами и поговорками? Прочитайте их.
-
5. С помощью какого глагола И. А. Крылов передаёт состояние голодного Волка? Почему именно это слово использует автор? Обоснуйте свой ответ.
-
6. Найдите в тексте и прочитайте мораль басни. Объясните, как вы её понимаете. Не оказывались ли вы или ваши знакомые в подобной ситуации?
-
7. Внимательно рассмотрите иллюстрацию к басне. Какими строчками можно её подписать?
8. Сравните прочитанную басню с одноименной басней Эзопа. Что в них общего, а чем они отличаются? Аргументируйте свой ответ.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:
Волк, евши, никогда
Костей не разбирает.
Зато на одного из них пришла беда:
Он костью чуть не подавился.
Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тут Журавль случился.
Вот кой-как знаками стал Волк его манить
И просит горю пособить.
Журавль свой нос по шею
Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
Кость вытащил и стал за труд просить.
«Ты шутишь! — зверь вскричал коварный, —
Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унёс!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперёд ты мне не попадайся».

Думаем над прочитанным

-
1. Понравилось ли вам прочитанное? Объясните свою точку зрения.

2. Объясните, как вы поняли мораль басни.

3. Какие недостатки переданы в образе Волка? Аргументируйте свой ответ.

4. Нарисуйте иллюстрации к прочитанной басне и подпишите их цитатами из текста.

Знаете ли вы, что...

Интересна история написания басни «Осёл и Соловей». Как-то один вельможа¹ пригласил И. А. Крылова в гости и попросил прочитать две-три басни. Поэт артистично прочитал несколько басен, в том числе одну, заимствованную у французского баснописца Жана Лафонтена. Вельможа выслушал их и глубокомысленно сказал: «Это хорошо, но почему вы не переводите так, как Иван Иванович Дмитриев?»² — «Не умею», — скромно ответил поэт. Возвратясь домой, И. А. Крылов написал басню «Осёл и Соловей».

ОСЁЛ И СОЛОВЕЙ

Осёл увидел Соловья
И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище.
Хотел бы очень я
Сам посудить, твоё услышав пенье,
Велико ль подлинно твоё умение?»
Тут Соловей являть своё искусство стал:
Защёлкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры³:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушке улыбался.

¹Вельмо́жа — важный и знатный человек.

²И. И. Дми́триев (1760 — 1837) — русский поэт и баснописец.

³Аврора́ — в античной мифологии богиня утренней зари, рассвета.

Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом:
«Изрядно, — говорит, — сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно;
А жаль, что незнаком
Ты с нашим петухом;
Ещё б ты боле наострился,
Когда бы у него немножко поучился».
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.

Избави, Бог, и нас от таких судей.

Думаем над прочитанным

1. Выразительно прочитайте басню.

2. Расскажите, что вам известно об истории написания этой басни.

3. Проследите по тексту, с помощью каких художественных средств поэт передаёт старание Соловья.

4. Зачитайте мораль басни. Согласны ли вы с таким выводом? Аргументируйте свой ответ.

ЩУКА

На Щуку подан в суд донос,
Что от неё житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани¹ принесли.
Судьи невдалеке сбирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве² их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за Прокурора.
И слух между народа шёл,
Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол;

¹Лохань (лоханка) — деревянная посуда для стирки белья или мытья посуды.

²Архив — помещение для хранения старых документов.

Со всем тем, не было в судьях лицеприязни¹,
 И то сказать, что Щукиных проказ
 Удобства не было закрыть на этот раз.
 Так делать нечего: пришло писать указ,
 Чтоб виноватую предать позорной казни
 И, в страх другим, повесить на суку.
 «Почтенные судьи! — Лиса тут приступила, —
 Повесить мало, я б ей казнь определила,
 Какой не видано у нас здесь на веку:
 Чтоб было впредь плутам и страшно и опасно —
 Так утопить её в реке». — «Прекрасно!» —
 Кричат судьи. На том решили все согласно,
 И Щуку бросили — в реку!

Думаем над прочитанным

1. Расскажите, о чём эта басня.

2. Что придумала Лиса, чтобы спасти Щуку?

3. Объясните, какие недостатки людей разоблачаются в образах судей и Прокурора.

4. Попробуйте изложить эту басню в виде сказки. Чем отличалось бы её построение от басни?

5. Напишите свою басню, которая имела бы такую же мораль.

Знаете ли вы, что...

На титульном листе 4-го издания басен И. А. Крылова (1815 г.) были изображены сфинкс², пронзённый копьём, лира и сова. Именно такими символами художник передал основные особенности басни. Сфинкс показывал, что в облике животного скрывается человек, сова олицетворяла мудрость, лира — вдохновение, необходимое для творчества, а копье — силу.

ЛИСТЫ И КОРНИ

В прекрасный летний день,
 Бросая по долине тень,

¹Лицеприязнь (устар.) — подчёркнуто положительное отношение к кому-то или чему-то.

²Сфинкс — в Древнем Египте статуя лежащего льва с человеческой головой; в древнегреческой мифологии — крылатое существо с туловищем льва или большой собаки и с головой женщины.

Листы на дереве с зефирами¹ шептали,
Хвалились густотой, зелёностью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нём без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красотой своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарёй
Насвистывает соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаётесь с нами». —
«Примолвить можно бы спасибо тут и нам», —
Им голос отвечал из-под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там,
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те, —
Им снизу отвечали, —
Которые, здесь роясь в темноте,
Питаем вас. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем вы цветёте.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас».

Думаем над прочитанным

1. Расскажите, о чём эта басня.
2. Докажите, что прочитанное произведение — басня.

¹Зефир — здесь: западный ветер.

3. Подберите известные вам пословицы и поговорки, которые передают мораль этой басни.
4. Подготовьтесь к инсценизации басни.

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.

Евгений Рачёв. Иллюстрация к басне

«Ведь это дереву вредит, —
Ей с Дубу Ворон говорит, —
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
«Пусть сохнет, — говорит Свинья, —
Ничуть меня то не тревожит;
В нём проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею». —
«Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут, —
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жёлуди на мне растут».

Невежда¹ так же в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Думаем над прочитанным

1. Поправились ли вам басня? Объясните почему.

2. Прочитайте выразительно по ролям басню, подбирая правильную интонацию для реплик Ворона, Свины, Дуба и автора.

3. Выучите наизусть мораль басни.

4. Подготовьте развёрнутый письменный ответ на вопрос: «Кого высмеивает И. А. Крылов в басне «Свинья под Дубом»?»

5. Внимательно рассмотрите и опишите помещённую в тексте иллюстрацию к басне.

6. Нарисуйте собственные иллюстрации к прочитанной басне и подпишите их цитатами из текста.

Развиваем речь

Обучение развёрнутому письменному ответу на вопрос

Готовясь к развёрнутому письменному ответу на вопрос, сначала внимательно прочитайте задание. На черновике сформулируйте тезис

¹Невежда — малообразованный человек.

(мысль, требующая доказательства), который вы хотите предложить. Приведите доказательства и примеры из литературного текста, которые подтверждают вашу мысль. Сделайте аргументированный вывод. Ещё раз внимательно перечитайте написанное, исправьте допущенные ошибки и неточности. Перепишите выполненное задание в тетрадь.

Обобщаем изученное

- 1. Что такое басня? Из каких структурных частей она состоит?
- 2. Кто является родоначальником басни? Расскажите, что вам известно о нём.
- 3. Объясните, как вы понимаете выражение «эзопов язык».
- 4. Каких баснописцев вы знаете? Расскажите о них.
- 5. Объясните, что такое аллегория. Приведите конкретные примеры.
- 6. Что общего у басни со сказками и библейскими притчами? Чем они отличаются? Аргументируйте свой ответ.
- 7. Какие из прочитанных басен произвели на вас наибольшее впечатление? Объясните почему.
- 8. Выразительно прочитайте выученные наизусть басни.
- 9. Подберите эпитеты к слову «басня» (например, современная, жизненная и т.д.)
- 10. В классе проведите конкурс по таким номинациям:
 - на лучшего чтеца басен;
 - на лучшую инсценизацию басни;
 - на лучшего иллюстратора басен.
- 11. И. А. Крылов говорил: «Люблю, где случай есть, пороки пощипать». Расскажите, какие пороки высмеиваются в прочитанных вами баснях.
- 12. И. С. Тургенев отмечал, что «иностранец, основательно изучивший басни Крылова, будет иметь более ясное представление о русском национальном характере, чем если прочтает множество сочинений, трактующих об этом предмете». Согласны ли вы с этим утверждением? Аргументируйте свой ответ.
- 13. Проведите конкурс на лучшего знатока басен И. А. Крылова, ответив на вопросы викторины:
 1. Из каких басен И. А. Крылова взяты эти высказывания:
 - «Недаром говорится, что дело мастера боится»;
 - «Из кожи лезут вон»;
 - «Кто в лес, кто по дрова»;
 - «Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок»;
 - «А Васька слушает да ест»;

- «А Ларчик просто открывался...»;
- «В сердце льстец всегда отыщет уголок».

2. Продолжите высказывания из басен И. А. Крылова:

- «У сильного всегда ...»;
- «Беда, коль пироги начнёт ...»;
- «Кукушка хвалит петуха за то, что ...»;
- «Когда в товарищах согласья нет, ...»;
- «Ай, Моська, знать она сильна, ...».

14. Расшифровав криптограмму, вы прочитаете высказывание Н. В. Гоголя о баснях И. А. Крылова.

	К	Н	Ц	Г	А
12	15	10	4	1	
14	21	5	18	16	
19	20	10	19	1	
14	16	4	16	15	
1	18	16	5	1	

Объясните, как вы понимаете это высказывание.

15. Раскройте секрет популярности басен И. А. Крылова.
16. Прочитайте стихотворение Михаила Исаковского:

Кто в жизни с ним не встретился своей?
 Бессмертные творения Крылова
 Мы с каждым годом любим всё сильнее.
 Со школьной парты с ними мы сживались,
 В те дни букварь постигшие едва.
 И в памяти навеки оставались
 Крылатые крыловские слова.

Расскажите, какие крылатые выражения из басен И. А. Крылова вы запомнили.

17. Учитывая особенности построения басни, напишите собственную басню. В классе проведите конкурс на лучшего баснописца.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

...вступайте смело
В священные поэзии пределы!
Как хорошо, как ясно и светло
Сияет многоцветное стекло!
Здесь новый свет откроется для вас,
Всё возвышает дух, пленяет глаз.

Иоганн Гёте

У прозаиков и поэтов часы идут
по-разному... Слово в стихе имеет тысячу
неожиданных смысловых оттенков,
стих даёт новое измерение слову.

Юрий Тынянов

Показать мир таким, каким он был когда-то, и вместе с тем —
каким он должен быть в бесконечном стремлении человека
к чему-то лучшему и светлому, помогают нам произведения ли-
тературы. Особое место среди них занимает поэзия, в которой
сложный мир человеческих чувств, лирическое переживание
передаётся особым построением речи: её ритмичностью, музы-
кальностью и своеобразным поэтическим языком.

Великий закон подлинной поэзии сформулировал англий-
ский поэт Уильям Блейк:

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность,
И небо — в чашечке цветка.

Александр Сергеевич Пушкин

Есть имена, как солнце! Имена —
Как музыка! Как яблоня в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном в любые времена!

Игорь Северянин

Пушкин! Слово, которое стало обозначением чего-то великого, грандиозного, без чего трудно представить жизнь современного образованного человека. «Солнце нашей поэзии» ... Эти слова одного из современников А. С. Пушкина литератора Александра Одоевского навсегда вошли в наши сердца.

Перелистаем несколько страниц биографин поэта...

Воспитание детей в семье Пушкиных ничем не отличалось от общепринятой тогда системы. Родители будущего поэта — Сергей Львович и Надежда Осиповна — занимались детьми мало. Как и во всех хороших домах того времени, о воспитанниках заботились учителя и няньки. Любимая няня Пушкиных Арина Родионовна Яковлева благодаря своей доброте и природному уму стала родной для всех детей в этой семье. Нежность и любовь к своей няне Александр Сергеевич сохранил на всю жизнь. Соединение добродушия с ворчливостью, нежного расположения к молодости с притворной строгостью оставили в сердце поэта самые тёплые и родственные воспоминания.

Но, безусловно, главным событием в жизни юного Пушкина, предопределившим весь его дальнейший жизненный путь, стало зачисление в Царскосельский Императорский лицей, открывшийся 19 октября 1811 года. Это было лучшее учебное заведение для мальчиков из родовитых дворянских семей России. Отличавшийся необыкновенной начитанностью и хорошей

памятью. двенадцатилетний Пушкин без особого труда сдал вступительный экзамен и был принят в числе тридцати воспитанников лицея.

В лицее будущий поэт приобрёл лучших своих друзей – Антона Дельвига, Ивана Пущина, Вильгельма Кюхельбекера.

Юные лицеисты обучались точным наукам, языкам и даже искусству стихосложения. Иван Пущин вспоминал, что однажды на одном из таких уроков учитель дал задание описать розу стихами, и если «наши стихи вообще не клеились, то Пушкин мигом прочёл два четверостишия, которые всех нас восхитили».

Именно в лицее после дебюта¹ со стихотворением «К другу стихотворцу» в журнале «Вестник Европы» в 1814 году А. С. Пушкин впервые приобрёл известность. Это было время поэтической учёбы у известных литераторов, ведь сюда приезжали лучшие поэты того времени – Василий Андреевич Жуковский, Евгений Абрамович Баратынский, Петр Андреевич Вяземский и другие. В Царском Селе началось общение юного Пушкина с Николаем Михайловичем Карамзиным. Великий историк и писатель пожелал ему: «Пари, как орёл, но не оста-

Илья Репин. Пушкин на лицейском акте

¹Дебют – первое выступление.

навливайся в полёте!» Здесь, в лицее, состоялась встреча со знаменитым поэтом Гавриилом Романовичем Державиным. Сам А. С. Пушкин спустя годы так вспоминал об этом: «Державина видел только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Я прочёл мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отрывисто зазвенел, а сердце забилось с упорным восторгом... Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли...»

Шесть лет, проведённые в лицее, навсегда остались для поэта самыми светлыми:

Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы, нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

После окончания лицея в 1817 году, поступив на службу, А. С. Пушкин занимается активной литературной деятельностью. Самые обыкновенные картины под пером поэта превращаются в прекрасные творения. В 1820 году выходит из печати его произведение «Руслан и Людмила», которое принесло ему мгновенную славу.

Между тем судьба уже готовила А. С. Пушкину первые испытания...

1. Расскажите, что вы знаете о лицейских годах поэта.
2. Какие события в жизни А. С. Пушкина этого периода имели особое значение?
3. Какие произведения А. С. Пушкина вы уже знаете? Расскажите о них.

Путешествуем по литературным местам

В столице России Москве на Тверском бульваре по проекту скульптора А. М. Опекушина сооружён памятник А. С. Пушкину. Запечатлённый в бронзе облик поэта привлекает внимание прохожих своей простотой и вдохновением.

Памятник Пушкину в Москве на Тверском бульваре

Работая над памятником, скульптор лепил множество фигур А. С. Пушкина в самых разных позах. В окончательном варианте мы видим поэта как бы идущим, углубленным в свои мысли, обдумывающим замысел нового произведения. Он грустно смотрит вдаль, и какая-то тайная мысль заботит его открытое чело¹. Может быть, сейчас рождаются новые строчки?

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных.
Я предлюсь моим мечтам.

¹Челю (уста) и лоб.

Двухсложные размеры стиха. Понятие о строфе

Вы, конечно, хорошо знаете, что упорядоченность и соразмерность стихотворной речи достигается благодаря ритму и рифме.

Напомним: ритм — это одинаковое чередование ударных и безударных слогов в строке; рифма — звуковые совпадения, созвучия в конце строк.

Возможно, вы также замечали, что во многих стихотворениях одинаково расположены ударные и безударные слоги, что создаёт особую музыкальность речи.

В зависимости от количества слогов и места ударения в стихе определяется **стихотворный размер (порядок чередования слогов в поэтической строке)**. Чтобы выяснить, каким размером написано то или иное стихотворение, нужно прежде всего расставить в нём ударения. Рассмотрим, как в известном вам стихотворении А. С. Пушкина чередуются ударные и безударные слоги.

Зима! Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь:
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью, как-нибудь...

Обозначим ударные слоги значком / , а безударные значком — .

$\text{ — } \text{ / } \text{ — } \text{ / } \text{ — } \text{ — } \text{ / } \text{ — }$
 $\text{ — } \text{ / } \text{ — } \text{ — } \text{ — } \text{ / } \text{ — } \text{ / }$
 $\text{ — } \text{ / } \text{ — } \text{ / } \text{ — } \text{ / } \text{ — } \text{ / } \text{ — }$
 $\text{ — } \text{ / } \text{ — } \text{ / } \text{ — } \text{ — } \text{ — } \text{ / }$

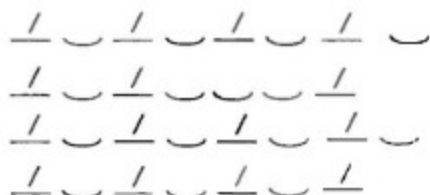
Нетрудно заметить, что в каждой строке одинаково повторяются группы из двух слогов: первый безударный, а второй ударный ($\text{ — } \text{ / }$). Такой размер стихов называется **двухсложным**.

Двухсложный размер стиха, в котором ударение падает на второй слог и другие последующие чётные слоги, называется **ямбом**.

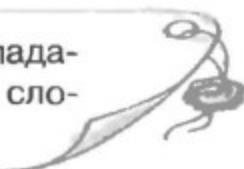
Определим размер другого стихотворения А. С. Пушкина:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.

Мы видим, что в этом стихотворении также повторяются группы из двух слогов, но первый слог ударный, а второй безударный (— —).

Двухсложный размер стиха, в котором ударение падает на первый слог и другие последующие нечётные слоги, называется **хореем**.

Но нельзя не заметить, что в некоторых строчках есть отступление от схемы. «Чистые» двухсложные размеры можно встретить очень редко.

Поэтические строки в стихотворении объединяются в строфы.

Строфа — группа строк (стихов) с определённым повторяющимся расположением рифм. Наиболее простая и самая распространённая строфа состоит из четырёх строк, она называется **четверостишием**.

Характерный пример широко распространённой строфы находим в стихотворении А. С. Пушкина «Узник»:

Мы вольные птицы: пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер ... да я!..

Строки, составляющие строфу, при чтении отделяются друг от друга интонационной паузой.

1. Какие стихотворные размеры называют двухсложными?
2. Расскажите, какие вы знаете двухсложные размеры стихов.
3. Объясните, что такое строфа.

Учимся выразительно читать

Тема чтения

Чтобы выразительно прочитать художественное произведение, нужно не только правильно расставить паузы и выделить логические ударения, но и выбрать удачную скорость произнесения текста, то есть **темп чтения**. Каждому из нас присущ свой темп речи. Например, привыкнув говорить быстро, мы и во время чтения литературного произведения торопимся, и воспринимать нас тем, кто слушает, бывает очень сложно. Прочитайте, как эту ситуацию описал известный детский писатель Самуил Яковлевич Маршак, и вы убедитесь, как важно для выразительного чтения соблюдать соответствующий темп:

Когда он вслух читает,
Поймёшь едва-едва:
И буквы он глотает,
И целые слова.
Он так спешит с налёта
Прочсть,
 Спросить,
 Сказать,
Как будто тонет кто-то,
А он бежит спасать...
Он может, но не хочет
За речью проследить.
Нам нужен переводчик
Его переводить.

Путешествуем по литературным местам

«Здесь каждый шаг в душе рождает воспоминанья прежних лет...», — так писал А. С. Пушкин о Царском Селе. В городе Пушкине (бывшее Царское Село), в пригороде Санкт-Петербурга в России, находится музей-дача поэта.

А. С. Пушкин прожил здесь вместе с семьёй с мая по октябрь 1831 года. В мезонине (надстройке над серединой дома) поэт устроил свой кабинет — простой и просторный, без лишних украшений, даже без гардин. Таким мы видим его и сейчас: диван, большой круглый стол, заваленный рукописями, бюст друга поэта Дельвига и много книг.

Просторные, светлые комнаты музея наполнены радостью и надеждой... Кстати, именно здесь была создана знаменитая «Сказка о царе Салтане...».

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры¹,

Звездою севера явись!
Вечор², ты помнишь, вьюга злилась,

Борис Кустодиев. Морозный день

¹Аврора — здесь: заря.

²Вечор — вчера вечером.

На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела, —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит,
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нестерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Думаем над прочитанным

1. Каким настроением проникнуто стихотворение?
2. Какие художественные средства использует поэт для изображения красоты зимнего утра?
3. Подумайте, с какой целью рядом с описанием зимнего утра А. С. Пушкин рисует картину вчерашней выюги.
4. Определите, каким размером написано это стихотворение.
5. Найдите в тексте сравнения и определите их роль в произведении.
6. Наизусть выразительно прочитайте стихотворение.
7. Расскажите о своих любимых местах в вашем городе или селе. Постарайтесь передать их красоту и вашу любовь к ним.

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На чёрный отдалённый путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

Николай Ге. А. С. Пушкин в селе Михайловском

Думаем над прочитанным

1. Какие чувства выразил поэт в стихотворении «Няне»?

2. Определите тему этого произведения.
3. Раскройте роль эпитетов в стихотворении.
4. Рассмотрите репродукцию картины П. П. «Пушкин в селе Михайловском». Расскажите, какой эпизод из жизни поэта изобразил художник. Как няня воспринимает беседу друзей? Как это отражено на картине?
5. Какие глаголы в стихотворении передают отношение няни к поэту?
6. Найдите в тексте сравнение и объясните его значение.
7. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения.
8. Выучите стихотворение наизусть.

Знаете ли вы, что...

А. С. Пушкин называл свою няню «мой друг», «добрая подружка». И няня горячо любила Александра Сергеевича. Сохранились письма, которые она продиктовала. В одном из них сказано: «...вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, то забуду вас... Ваше обещание к нам побывать летом очень радует».

Арину Родионовну знали и любили друзья А. С. Пушкина, навещавшие его в Михайловском. Поэт Николай Языков так писал о ней:

Ты не умрешь в воспоминаньях
О светлой юности моей
И в поучительных преданьях
Про жизнь поэтов наших дней.

Из секретов литературоведения

Понятие о балладе

Истоки баллады восходят к произведениям фольклора, в которых рассказывается о каких-либо исторических или легендарных событиях.

Главная тема баллады — столкновение человека с судьбой, роком. Сюжет, как правило, посвящён изображению каких-либо таинственных событий в мире и судьбе человека.

Баллада — это небольшое сюжетное стихотворение, в основе которого чаще всего лежит какой-то необычный случай.

Многие баллады связаны с историческими событиями или преданиями, как, например, «Песнь о вещем Олеге» А. С. Пушкина.

1. Расскажите, какие произведения называются балладами.
2. Назовите основные темы баллады.

Историческая справка

В древнерусской летописи «Повесть временных лет» рассказывается о смерти киевского князя Олега, жившего во второй половине IX—начале X века: «Олег княжил в Киеве и жил в мире со всеми странами. Наступила осень, и вспомнил Олег про своего коня, которого он поставил кормить и не садился на него. Потому что он перед тем спрашивал волхвов, кудесников: «От чего мне суждено умереть?» И один из кудесников сказал ему: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, — от него тебе и умереть!». Запали слова эти в душу Олега и сказал он: «Никогда больше не сяду на этого коня и даже не буду на него смотреть». И велел он кормить его и не приводить к себе. И прошло уже несколько лет, как он не видал его, вплоть до похода на греков. И вернувшись в Киев, он прожил ещё четыре года, на пятый год вспомнил про своего коня, от которого волхвы предсказали ему смерть. И призвал Олег своего старшего конюха и сказал ему: «Где мой конь, которого я велел кормить и беречь?» Конюх сказал: «Он умер». Олег же посмеялся и попрекнул кудесника, говоря: «Неправду говорят волхвы, всё это ложь: конь умер, а я жив». И велел оседлать себе коня: «Посмотрю на его кости». И приехал он на место, где лежали голые кости коня и его голый череп, и слез Олег с коня и посмеялся такими словами: «Не от этого ли черепа мне умереть?» — и наступил ногою на череп; и выползла оттуда змея и ужалила ему ногу, он от этого разболелся и умер. И все плакали о нём великим плачем, и понесли его, погребли на горе, которая называется Щековица. Эта могила целая до сих пор: она сльётся Олеговой могилой. Всего он княжил 33 года».

Знаете ли вы, что...

Легенда о смерти Олега была известна А. С. Пушкину с юности. Её драматизм поразил воображение поэта. Интересен тот факт, что он создаёт свое произведение на эту тему в 1822 году, когда непосредственно побывал в тех краях, где разворачиваются события «Песни о вещем Олеге».

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ¹ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам²:
Их села и нивы за буйный набег
Обрѣк он мечам и пожарам³;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник⁴,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могилой засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмёшь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий⁵ на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твоё;
Твой щит на вратах Цареграда⁶».

¹Вещий — мудрый.

²Хозары, хазары — народ, живший в VIII — XI веках в низовьях Волги, Дона и на Северном Кавказе.

³Обрѣк он мечам и пожарам — решил разрушить и сжечь.

⁴Кудесник — волхв, волшебник, колдун, предсказатель, прорицатель.

⁵Жребий — здесь: будущее, судьба.

⁶По преданию, Олег прибил свой щит над воротами Цареграда в знак победы. Царьградом (Цареградом) называли на Руси Константинополь — столицу Византии.

Виктор Васнецов. Встреча Олега с кудесником

И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ¹. и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча² ему ничего.
Но примешь ты смерть от коня своего».

¹Пращ или праща – сложенный петлёю ремень или верёвка для метания камней.

²Сеча – здесь: бой, битва.

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачились думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время:
Теперь отдыхай, уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи¹, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром!
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном,
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конём отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне весёлом стакана,
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый²?
Здоров ли? всё так же лёгок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!

¹Отроки-друзи — здесь: слуги князя.

²Ретивый — здесь: быстрый, бойкий.

Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости ко́ня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видит: на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп ко́ня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне¹, уже недалёкой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Думаем над прочитанным

1. Поделитесь своими впечатлениями о прочитанном.
2. Расскажите, какая легенда положена в основу произведения А. С. Пушкина.

¹Три́зна — поминки по умершем.

3. Сравните исторический источник и произведение А. С. Пушкина. Когда в нашем воображении возникает более яркая картина? Обоснуйте свой ответ.
4. Подумайте, каким образом поэту удалось «перенести» нас в далёкий X век, приблизить «дела давно минувших дней».
5. Какими чертами наделены в произведении князь и кудесник? Определите отношение автора к своим героям.
6. А. С. Пушкин, работая над балладой «Песнь о вещем Олеге», тщательно подбирал эпитеты. Рассмотрите примеры, в которых дан первоначальный и окончательный варианты:

*Князь по полю едет на смирном (верном) коне.
И к гордому (мудрому) старцу подъехал Олег.*

Что изменилось в характеристике коня и кудесника в связи с заменой эпитета?

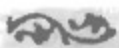
7. Составьте цитатный план характеристики князя Олега.
8. Устно охарактеризуйте главного героя.
9. Раскройте значение образа «вдохновенного кудесника» в произведении.
10. Докажите, что произведение А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» — баллада.
11. Внимательно рассмотрите репродукцию картины В. М. Васнецова «Встреча Олега с кудесником». Сравните иллюстрацию с произведением. Удалось ли художнику передать настроение произведения, его историческую основу?
12. Выучите наизусть отрывок из баллады А. С. Пушкина.
13. В классе проведите конкурс на лучшего чтеца «Песни о вещем Олеге».

Знаете ли вы, что...

Каждый год в начале июня, когда у домика няни поэта цветёт сирень, а в зарослях жасмина над рекой Соротью заливаются соловьи, тысячи людей приходят в село Михайловское Псковской области России на большой народный праздник — день рождения А. С. Пушкина, День поэзии.

Счастливы люди, имеющие таких великих предков, как Пушкин. Счастлив и Пушкин, имеющий таких благодарных потомков.

Михаил Юрьевич Лермонтов

Мятежная¹ душа поэта искала
выхода в мир свободы и гармонии,
но вся его трагедия заключалась
в том, что выхода этого не было...

Дмитрий Мережковский

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой.

Михаил Лермонтов

Вся жизнь — как огненная вспышка, вся жизнь — неуёмная жажда свободы, мятежный поиск красоты и гармонии. Именно такими словами можно сказать об очень короткой, но такой яркой жизни талантливейшего русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Годы его жизни и творчества совпали с тяжёлым временем. Вокруг царили боязнь свободомыслия, нетерпимость к любому проявлению независимости, произвол и деспотизм².

Будущий поэт родился в Москве 3(15) октября 1814 года в семье отставного капитана Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны, урождённой Арсеньевой. Вскоре после его рождения семья переехала в Тарханы — имение бабушки по материнской линии Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, в Пензенскую губернию.

Первые детские воспоминания и впечатления Лермонтова связаны с Тарханами. Здесь он впервые ощутил боль утраты. Когда малышу не было ещё и трёх лет, умерла его мама,

¹Мяте́жный — тревожный, беспокойный.

²Деспоти́зм — поведение, попирающее чужие желания.

о которой у него остались самые светлые воспоминания. Уже шестнадцатилетним юношей он запишет в своём дневнике: «Когда мне было три года, была одна песня, от которой я плакал... Мне пела её покойная матушка».

После смерти матери настал черёд разлуки и с отцом: вражда сильной, волевой бабушки и отца закончилась его согласием оставить сына на воспитание Елизавете Алексеевне.

Маленький Миша, живя в Тарханах, тесно общался с дворовыми крестьянами, любил наблюдать за народными гуляньями, слушать русские песни и рассказы о славном прошлом.

Когда мальчику исполнилось 14 лет, он поступил на учёбу в пансион при Московском университете. Спустя два года стал его студентом. Природа щедро одарила Михаила талантами: он играл на скрипке и рояле, пел арии из опер, писал музыку, очень хорошо рисовал.

Тогда же Лермонтов начал писать стихи, но до 1835 года ничего из написанного не печатал.

В университете будущий поэт изучал европейскую и русскую литературу, философию. Его называли в числе лучших студентов. Но в 1832 году Лермонтов круто меняет свою судьбу: поступает в Петербурге в школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. Окончив её, он стал офицером гусарского полка.

Но свои занятия литературой молодой офицер не оставляет. Он написал 27 поэм, более 800 стихотворений, 6 больших драм, роман «Герой нашего времени».

Каждое произведение Лермонтова — это своеобразная исповедь поэта, наполненная жгучим желанием вырваться в мир грёз, свободы, красоты и любви. Он глубоко раскрывает трагедию свободного человека в душной атмосфере деспотизма.

В этом учебном году вы познакомитесь с несколькими произведениями поэта, в которых ярко отразились переживания и чувства автора.

1. Почему жизнь Лермонтова можно назвать «огненной вспышкой, мятежным поиском красоты и гармонии»?
2. Расскажите о детских и юношеских годах Лермонтова.

Путешествуем по литературным местам

В Пензенской области (Россия) в селе Лермонтово (бывшие Тарханы) расположен музей-заповедник М. Ю. Лермонтова. Известный

Имение бабушки писателя в Тарханах

литературовед И. Л. Андроников, посетив этот живописный уголок, оставил в книге отзывов такую запись: «Этот скромный домик, эти тенистые аллеи, эти тихие пруды и бесконечный простор говорят сердцу и воображению не меньше, чем многие тома о жизни и творчестве Лермонтова». Основная часть большого лермонтовского заповедника — усадьба бабушки поэта, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. В центре старинного имения стоит обшитый тёсом дом, в котором Лермонтов жил с 1815 по 1827 год и куда приезжал навестить бабушку зимой 1835/36 годов. На первом этаже дома расположены парадные комнаты, столовая, чайная, классная, где мальчик занимался науками.

Здесь же, у церкви Михаила Архангела, в часовне, покоится прах поэта, который Е. А. Арсеньева перевезла сюда в 1842 г. из Пятигорска.

ПАРУС

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..
Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы, он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Михаил Лермонтов. Парус

Думаем над прочитанным

1. Какие чувства вызвало у вас стихотворение?
2. Устно опишите картину, которая возникает в вашем воображении, когда вы читаете «Парус».
3. Как вы думаете, что создаёт напряжённую атмосферу стихотворения?
4. На какие размышления наводит поэта увиденный в море парус?
5. В стихотворении много сопоставлений «там» и «здесь», «сейчас» и «вечно». Найдите эти сопоставления. Объясните их.
6. В стихотворении есть несколько символических образов (парус, море, туман). Попробуйте объяснить, что они символизируют.
7. Из скольких строф состоит стихотворение? Как построена каждая строфа? Определите размер стихотворения.
8. Рассмотрите репродукцию акварели М. Ю. Лермонтова «Парус». Опишите её.
9. Как художнику удалось передать основные контрасты стихотворения?
10. Выучите стихотворение наизусть.

ТРИ ПАЛЬМЫ

Восточное сказание

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,

Журча, пробивался водою холодной,
Хранимый, под сенью зелёных листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Ещё не склонялся под кущей зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать¹:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шёл колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь висели меж твёрдых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И чёрные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке² наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, поражённый стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса³ вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

¹Роптáть — выражать недовольство.

²Лука́ — изгиб переднего и заднего края седла.

³Фарис — всадник.

Василий Поленов.
Три пальмы

Вот к пальмам подходит шумя караван:
В тени их весёлый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь продолжал караван.
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный,
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно Пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскалённый заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Знаете ли вы, что...

Пальма — это священное дерево. Её название не раз встречается в Библии. Вечнозелёная, она символизирует вечную жизнь, вечность природы. А ещё пальма — символ красоты и символ Святой земли, где ступала нога Иисуса Христа. Именно пальмовые ветки бросали ему под ноги, когда он входил в Иерусалим.

Известно также, что наши предки нередко называли путешественников — пилигримов — в Святую землю паломниками, потому что они приносили с собой пальмовые ветви.

Изображение пальмы можно встретить и на дверях старинных храмов, и на древних еврейских монетах, что свидетельствует об особом почитании этого вечнозелёного стройного дерева.

Думаем над прочитанным

1. Какие проблемы поднимает поэт в стихотворении «Три пальмы»?
2. Как вы думаете, какое символическое значение имеет образ пальм?

3. Перечитайте первую и последнюю строфы стихотворения. Сравните пейзажные картины, описанные в них.

4. Попробуйте доказать, что образы пальм — многозначные образы.

5. Каким автор изображает человечество в стихотворении?

6. Обратили ли вы внимание на образы детей? Как вы думаете, с какой целью поэт ввёл их в стихотворение?

7. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Три пальмы» очень популярно в мировой литературе. В Сирии его в переводе на арабский язык изучают в школах. Как вы думаете, чем же вызвана такая популярность?

8. Какие художественные средства подчёркивают трагический финал стихотворения?

9. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, соблюдая правильный темп чтения и интонацию.

10. Стихотворение «Три пальмы» иллюстрировали многие художники: И. Репин, В. Поленов, П. Бунин, А. Якимченко. Рассмотрите иллюстрацию, помещённую в учебнике. Устно опишите её.

Из секретов литературоведения

Понятие об идее художественного произведения

Отвечая на вопросы после чтения стихотворений Лермонтова, вы пытались определить основную их мысль. Таким образом вы определяли их идею.

Основная мысль произведения, выраженная посредством художественных образов, называется **идеей произведения**.

Кроме идеи, как вы помните, каждое произведение имеет **тему**, т.е. то, о чём в нём говорится. К примеру, о чём идет речь в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Три пальмы», какова его тема? Поэт рассказывает нам об оазисе жизни в пустыне, о том, как в этот благословенный уголок зашёл караван, и о том, что потом случилось.

Но зачем он нам об этом говорит, какую главную мысль хочет донести нам, т.е. какая идея этого произведения? Определить идею произведения — задача гораздо более важная и сложная, нежели назвать его тему. В стихотворении М. Ю. Лермонтова идея заключается в том, чтобы показать безответственность и чёрствость человечества по отношению к природе, к красоте и гармонии, осудить духовное ничтожество, неоправданную жестокость ко всему живому.

1. Что называется идеей произведения?
2. Определите идею стихотворения М.Ю.Лермонтова «Парус».

УТЁС

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой¹, она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.

Иван Шишкин.
На севере диком...

Думаем над прочитанным

1. Определите основную мысль стихотворений «На севере диком...» и «Утёс». Как вы думаете, что их объединяет?

¹Риза — облачение, одежда священника для богослужения.

2. Какие чувства вызывают эти стихотворения?
- 3. Объясните, в чём заключается символическое значение образов «одиноким сосны» и «утёса».
4. Как стихотворения «Утёс» и «На севере диком...» перекликаются с судьбой самого поэта?
- 5. Подготовьте выразительное чтение стихотворений. Одно из них выучите наизусть.

Знаете ли вы, что...

Лермонтов свободно владел несколькими иностранными языками. Изучая в университете европейскую литературу, он читал произведения великих мастеров слова в оригинале. Таким образом он познакомился и с поэтическим сборником великого немецкого поэта Генриха Гейне «Книга песен». На него сильное впечатление произвело стихотворение об одиноким дереве, растущем на севере и сквозь сон мечтающем о южной стороне, где так же в одиночестве грустит другое дерево. Лермонтов сделал вольный перевод этого стихотворения. Так появилось на свет стихотворение «На севере диком...». Но всё-таки между оригиналом и переводом есть различия. Так, в немецком языке «сосна» мужского рода, а «пальма» — женского, поэтому у Гейне речь идёт о разлуке двух влюблённых. Многие переводчики это обязательно принимали во внимание. Вот, к примеру, украинский перевод Леонида Первомайского, который вместо образа сосны вводит образ кедра.

Самотній кедр на стромині
В північній стоїть стороні
І, кригою, й снігом укритий,
Дрімає і мріє вві сні.

І бачить він сон про пальму,
Що десь у південній землі
Сумує в німій самотині
На спаленій сонцем землі.

Лермонтов же в своём переводе говорит не просто о разлуке влюблённых, он говорит об одиночестве в более широком, общечеловеческом значении.

Обобщаем изученное

- 1. Расскажите, что вам известно о жизни и творчестве А. С. Пушкина.
2. В стихотворении А. С. Пушкина «Зимнее утро» выделите сло-

ва и выражения, в которых наиболее ярко выражено чувство восхищения поэта красотой зимнего утра.

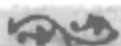

3. Расскажите, как в стихотворении А. С. Пушкина «Няне» передано его отношение к своей няне. Какое настроение создаёт это произведение?
4. Объясните, какое литературное произведение называется балладой.
5. Сформулируйте тему «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина.
6. Какие верования древних славян отражены в пушкинской балладе?
7. Раскройте понятие «строфа». Приведите примеры из изученных произведений.
8. Устно составьте «кинофильм» на основе сюжета «Песни о вещем Олеге»: продумайте место, где будут разворачиваться события «фильма»; поделите его на отдельные части; выделите его действующих лиц; отберите необходимые эпизоды, которые вы хотите «снять»; «устно нарисуйте» (создайте) кадры к каждой из частей «кинофильма». Нарисуйте иллюстрации к кадрам вашего «кинофильма». Подпишите их цитатами из текста.
9. Сравните летописный источник о смерти князя Олега с текстом баллады «Песнь о вещем Олеге». Найдите в них общие и отличительные черты.
10. Определите стихотворный размер изученных произведений А. С. Пушкина.
11. Расшифруйте головоломку. Согласны ли вы с высказыванием А. Т. Твардовского об А. С. Пушкине? Обоснуйте свой ответ.

У	У	К	Ж	А	И	Ж	З	Д	Н	О	Ь	Г	В
С	О	А	И	М	З	О	Н	М	А	Н	С	А	—
С	Ч	В	А	О	Л	Й	Е	П	Е	У	Ё	Ш	И
У	К	Ж	И	Е	Н	Н	О	Е	С	П	Т	О	А
Щ	И	И	Д	Й	А	С	Е	Я	Т	О	Н	Д	А
С	Н	Д	И	О	М	К	Д	О	Л	Н	Я	Ц	В
С	А...	Е	О	Х.	Н	О	Н	Н	А	В	Ш	Х	Б
Ы	О	Л	Д	И	И	Е	Т	С	В	Т	Н	Ь	А
...	Ш												

12. Расскажите, что вам известно о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова.

13. Как вы думаете, почему эпиграфом к биографии М. Ю. Лермонтова взяты слова из его стихотворения «Парус»?
- 14. Очень часто стихотворение «Парус» называют символом лермонтовской поэзии. Как вы думаете, почему?
- 15. О чём поэт предупреждает людей стихотворением «Три пальмы»?
- 16. Сравните переводы М. Ю. Лермонтова «На севере диком...» и Леонида Первомайского «Самотный кедр на стромині...». Найдите в них общие и отличительные черты.
- 17. Что называется темой и идеей художественного произведения? Определите тему и идею стихотворения «Утёс».
- 18. Проведите конкурс на лучшее чтение стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.
- 19. Какое место в вашей жизни занимает поэзия? Любите ли вы читать стихи? Почему? Свой ответ обоснуйте.
- 20. Напишите сочинение-рассуждение на тему «Почему уже многие поколения читателей изучают произведения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова?»
- 21. К уроку внеклассного чтения подберите понравившиеся вам стихотворения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Подготовьтесь к их выразительному чтению в классе, 1–2 произведения выучите наизусть.
- 22. Есть ли в вашем городе (населённом пункте) памятные места, связанные с именами А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова? Расскажите о них.

ТАКИЕ НЕПОХОЖИЕ, ТАКИЕ РАЗНЫЕ ИСТОРИИ

Книгу, где все слова пишутся с заглавной буквы, трудно читать:
так и с жизнью, в которой все дни воскресенья.

Франсуа Шатобриан

Жизнь — не трагедия и не комедия,
в ней объединены и трагическое,
и комическое одновременно.

О. Генри

Научиться понимать себя, других людей и окружающий мир стремится каждый человек. Неслучайно вопросы «кто я есть в этом мире?», «зачем я живу?» и «в чём смысл жизни?» самые сложные и самые важные для каждого из нас. Особенно остро они встают в детстве и в юности, когда мы открываем для себя так много нового и интересного. Найти на них ответы помогают произведения литературы, созданные великими мастерами слова, дошедшие к нам из разных эпох и стран. Писатели делятся с нами своей мудростью и жизненным опытом, помогая нам решать вопросы смысла и цели жизни.

Как и в других видах искусства, в центре художественной литературы находится прежде всего человек. А ведь человеческая жизнь очень многогранна, в ней есть всё: радость и печаль, смех и слёзы, возвышенное и обыденное. Главное — научиться всё принимать искренно, с чистой душой и совестью. Нужно уметь весело и открыто посмеяться над своими слабостями, научиться сопереживать, сочувствовать чужому горю. Настоящая литература помогает нам глубже и осознаннее воспринимать жизнь, иногда — заметить в ней прежде неразличимые оттенки, иногда — найти ответы на вопросы, которые нас так волнуют, а иногда — и просто развлечься, отдохнуть.

Ведь художественные произведения, как и сама жизнь, бывают такими разными и такими непохожими.

Николай Васильевич Гоголь

О Гоголь, наш бессмертный Гоголь!..
Перед Гоголем должно благоговеть¹,
как перед человеком, одарённым
самым глубоким умом и самою
нежною любовью к людям!..

Тарас Шевченко

Судьба и творчество великого писателя Николая Гоголя тесно связаны с духовной жизнью двух народов — украинского и русского.

Общеизвестно, что характер человека формируется в детстве и самыми яркими и незабываемыми впечатлениями становятся впечатления детских и юношеских лет. Детство же и юность Гоголя прошли в Украине.

Родился будущий писатель 20 марта (1 апреля) 1809 г. в Великих Сорочинцах Миргородского уезда Полтавской области в семье небогатого помещика Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского и Марии Ивановны, урождённой Косаровской. Через шесть недель семья переехала на хутор Васильевка, где и прошли девять лет жизни маленького Николиньки.

Усадьбу Гоголей в Васильевке называли тихим царством красоты, покоя и уюта. Старый невысокий дом с белыми колоннами. Тенистый парк, живописный пруд, обсаженный вербами и тополями. А вокруг — сколько видит глаз — раздольные степи и высокое голубое небо.

Жизнь в Васильевке текла мирно и неторопливо. У мальчика была полная свобода — ни строгих учителей, ни суровых гу-

¹Благоговеть — относиться с глубоким уважением, почтением.

вернёров. Зато с огромным наслаждением слушал он от дворовых людей легенды о славных гетьманах Кочубее и Мазепе, которые причудливо переплетались с рассказами о чертях, ведьмах, водяных и утопленниках.

Четыре раза в году в Васильевке проходили ярмарки. Почти со всей Полтавской губернии съезжались на ярмарку гости. Шум не стихал с раннего утра до самого вечера: скрипели телеги, мычали коровы, блеяли козы, пели лирники и кобзарь, играли весёлые музыканты. На маленького Никошу, так называли его родные, огромное впечатление производили народные песни. Волшебные звуки напевных мелодий, яркие поэтические образы волновали его нежную душу, пробуждали его воображение.

Творческая атмосфера царила и в самой семье. Отец был талантливейшим рассказчиком, писал стихи и комедии, руководил любительским театром. Рядом с Васильевкой в с. Обуховке жил известный поэт и драматург Капнист, а в с. Кибицы — дальний родственник Гоголей Трощинский, любивший удивлять приезжих домашним оркестром и крепостным театром. Семья Гоголей бывала у них частыми гостями.

Когда Гоголю исполнилось 12 лет, его отдали учиться в Нежинскую гимназию высших наук, которую ещё называли Лицеем.

Жизнь гимназистов была весёлой и насыщенной. Гоголь увлекался рисованием, охотно играл в театральные спектакли. Особенно ему удавались комедийные роли старых женщин. Вообще он был склонен к шуткам, розыгрышам. Мастерски выдумывал фантастические смешные истории, да так талантливо рассказывал их своим сверстникам, что они, слушая его, забывали обо всём на свете.

После окончания гимназии Гоголь уезжает в Петербург. Здесь длительное время проводит в поисках службы, иногда впадая в отчаяние и тоску. Единственной радостью становятся воспоминания о родной Украине, о весёлых, неунывающих людях, умеющих и работать, и отдыхать. В это же время в жизни Гоголя происходит значительное событие: он знакомится с А. С. Пушкиным и В. А. Жуковским. Его часто приглашают на литературные вечера. Гоголь все твёрже убеждается в том, что и его призвание в жизни — писать.

В 1830 году вышел первый сборник молодого писателя «Вечера на хуторе близ Диканьки», который сразу же принёс ему славу.

А. С. Пушкин очень высоко оценил сборник. Он, по его признанию, был потрясён необыкновенной поэтичностью, искромётным юмором произведений Н. В. Гоголя. На страницах учебника вас ждёт встреча с повестью из этого сборника «Ночь перед рождеством».

1. Расскажите о детских и юношеских годах Н. В. Гоголя, о его интересах.
2. Какие события жизни Н. В. Гоголя повлияли на развитие его литературного таланта?

Путешествуем по литературным местам

В родовом имении Н. В. Гоголя — Васильевке (ныне село Гоголево Шишацкого района Полтавской области) в день 175-летия со дня рождения писателя, 1 апреля 1984 года, был открыт заповедник-музей великого мастера слова. Экспозиция музея, расположенная в 10 залах особняка и во флигеле, имеющем вид старинной украинской избы-мазанки под камышовой кровлей, знакомит с жизнью и творчеством Н. В. Гоголя, даёт представление о быте семьи писателя, передаёт тот неповторимый дух родного гнезда, который формировал основные черты таланта писателя. Между домом и флигелем установлен бронзовый бюст Н. В. Гоголя, созданный скульптором А. А. Ковалёвым и архитектором В. С. Шевченко.

Усадьба Гоголя в Васильевке

Мемориальные строения, парковые сооружения заповедника-музея созданы на основе документальных материалов: найденных планов, воспоминаний современников писателя, посещавших родовое имение, зарисовок некоторых архитектурных деталей из записной книжки Н. В. Гоголя «Книга всякой всячины».

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

(В сокращении)

Последний день перед Рождеством прошёл. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звёзды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать¹ и славить Христа. Морозило сильнее, чем с утра: но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Ещё ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкою, как бы вызывая принаряживавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошёл тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулуне, подбитом чёрными смушками², с дьявольски сплетённою плетью, которою имеет он обыкновение подгонять своего ямщика, то он бы, верно, приметил её, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнёт. Он знает наперечёт, сколько у каждой бабы свинья мечет поросятков, и сколько в сундуке лежит полотна, и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке.

¹Колядовать у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остаётся дома колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за Бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. Однако ж если сказать правду, то в колядках и слова нет про Коляду. Поют часто про Рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому. *Замечание пасичника. (Примеч. Н. В. Гоголя.)*

²Смушки — бараний мех.

Но сорочинский заседатель не проезжал, да и какое ему дело до чужих, у него своя волость¹. А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только чёрным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звёзды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре ещё блестели. Вдруг, с противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос вместо очков колёса с Комиссаровой брички, и тогда бы не распознал, что это такое. Спереди совершенно немец²: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий³ в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь он был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто чёрт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колокольчиками к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу.

Между тем чёрт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдернул её назад, как бы обжёгшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдернул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый чёрт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывая его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чём не бывало, побежал далее.

В Диканьке никто не слышал, как чёрт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что

¹Волость — административно-территориальная единица России.

²Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарь, или пшвед — всё немец. (Примеч. Н. В. Гоголя.)

³Губернский стряпчий — губерния — административно-территориальная единица, соответствующая современной области: стряпчий — чиновник, состоящий на службе при прокуратуре.

месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том всё село; но миряне¹ качали головами и даже подымали его на смех. Но какая же была причина решиться чёрту на такое незаконное дело? А вот какая: он знал, что богатый козак Чуб приглашён дьяком на кутью, где будут: голова: приехавший из архисрейской певческой родич дьяка в синем сюртуке, бравший самого низкого баса: козак Свербыгуз и ещё кое-кто; где, кроме кутьи, будет варенуха², перегонная на шафран водка и много всякого съестного.

А между тем его дочка, красавица на всём селе, останется дома, а к дочке, наверное, придёт кузнец, силач и детина хоть куда, который чёрту был противнее проповедей отца Кондрата. В досужее от дел время кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всём околотке. Сам ещё тогда здравствовавший сотник Л...ко вызывал его нарочно в Полтаву выкрасить дощатый забор около его дома. Все миски, из которых диканьские козаки хлебали борщ, были размалёваны кузнецом. Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых: и теперь ещё можно найти в Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалёванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он Святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный чёрт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключённые прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал её на большой деревянной доске, чёрт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но, несмотря на всё, работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притвора, и с той поры чёрт поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на белом свете; но и в эту ночь он выискивал чем-нибудь выместить на кузнце свою злобу. И для этого решился украсть месяц, в той надежде, что старый Чуб ленив и не лёгок на подъём, к дьяку же от избы не так близко: дорога шла по-за селом, мимо мельниц, мимо кладбища, огибала овраг. Ещё при месячной ночи варенуха и водка, настоянная на шафран, могла бы заманить Чуба, но в такую

¹Миряне — люди.

²Варенуха — варёная водка с пряностями.

темноту вряд ли бы удалось кому стащить его с печки и вызвать из хаты. А кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нём ни за что не отважится идти к дочке, несмотря на свою силу.

Таким-то образом, как только чёрт спрятал в карман свой месяц, вдруг по всему миру сделалось так темно, что не всякий бы нашёл дорогу к шинку, не только к дьяку. Ведьма, увидевши себя вдруг в темноте, вскрикнула. Тут чёрт, подъехавши мелким бесом, подхватил её под руку и пустился нащёптывать на ухо то самое, что обыкновенно нащёптывают всему женскому роду.<...>

— Так ты, кум, ещё не был у дьяка в новой хате? — говорил козак Чуб, выходя из дверей своей избы, сухощавому, высокому, в коротком тулупе, мужику с обросшею бородою, показывавшею, что уже более двух недель не прикасался к ней обломок косы, которым обыкновенно мужики бреют свою бороду за неимением бритвы. — Там теперь будет добрая попойка! — продолжал Чуб, ослабив при этом своё лицо. — Как бы только нам не опоздать.

При сём Чуб поправил свой пояс, перехватывавший плотно его тулуп, нахлобучил крепче свою шапку, стиснул в руке кнут — страх и грозу докучливых собак; но, взглянув вверх, остановился...

— Что за дьявол! Смотри! смотри, Панас!..

— Что? — произнёс кум и поднял свою голову также вверх.

— Как что? месяца нет!

— Что за пропасть! В самом деле нет месяца.

— То-то что нет, — выговорил Чуб с некоторою досадою на неизменное равнодушие кума. — Тебе небось и нужды нет.

— А что мне делать!

— Надобно же было, — продолжал Чуб, утирая рукавом усы, — какому-то дьяволу, чтоб ему не довелось, собаке, поутру рюмки водки выпить, вмешаться!.. Право, как будто на смех... Нарочно, сидевши в хате, глядел в окно: ночь — чудо! Светло, снег блещет при месяце. Все было видно, как днём. Не успел выйти за дверь — и вот, хоть глаз выколи!

Чуб долго ещё ворчал и бранился, а между тем в то же время раздумывал, на что бы решиться. Ему до смерти хотелось покалякать о всяком вздоре у дьяка, где, без всякого сомнения, сидел уже и голова, и приезжий бас, и дегтярь Микита, ездивший через каждые две недели в Полтаву на торги и отпускавший такие шутки, что все миряне брались за животы со смеху. Уже видел Чуб мысленно стоявшую на столе варенуху.

Всё это было заманчиво, правда; но темнота ночи папомнила ему о той лени, которая так мила всем козакам. Как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя ноги, на лежанке, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колыбельки и песни весёлых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами. Он бы, безо всякого сомнения, решился на последнее, если бы был один, но теперь обоим не так скучно и страшно идти тёмною ночью, да и не хотелось-таки показаться перед другими ленивым или трусливым. Окончивши побранки, обратился он снова к куму:

— Так нет, кум, месяца?

— Нет.

— Чудно, право! А дай понюхать табаку. У тебя, кум, славный табак! Где ты берёшь его?

— Кой чёрт, славный! — отвечал кум, закрывая берёзовую тавлинку¹, исколотую узорами. — Старая курица не чихнёт!

— Я помню, — продолжал всё так же Чуб, — мне покойный шинкарь Зозуля раз привёз табаку из Нежина. Эх, табак был! добрый табак был! Так что же, кум, как нам быть? ведь темно на дворе.

— Так, пожалуй, останемся дома, — произнёс кум, ухватясь за ручку двери.

Если бы кум не сказал этого, то Чуб, верно бы, решился остаться, но теперь его как будто что-то дёргало идти наперекор.

— Нет, кум, пойдём! нельзя, нужно идти!

Сказавши это, он уже и досадовал на себя, что сказал. Ему было очень неприятно тащиться в такую ночь; но его утешало то, что он сам нарочно этого захотел и сделал-таки не так, как ему советовали.

Кум, не выразив на лице своём ни малейшего движения досады, как человек, которому решительно всё равно, сидеть ли дома или тащиться из дому, обсмотрелся, почесал палочкой ба-тога свои плечи, и два кума отправились в дорогу.

Теперь посмотрим, что делает, оставшись одна, красавица дочка. Оксане не минуло ещё и семнадцати лет, как во всём почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про неё. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было ещё никогда и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала всё, что про неё говорили,

¹Тавлинка — табакерка.

и была капризна, как красавица. Если бы она ходила не в плахте и запаске, а в каком-нибудь капоте¹, то разогнала бы всех своих девок. Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, оставляли мало-помалу и обращались к другим, не так избалованным. Один только кузнец был упрям и не оставлял своего волокитства, несмотря на то, что и с ним поступаемо было ничуть не лучше, как с другими.

По выходе отца своего она долго ещё принаряживалась и жеманилась перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою. «Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? — говорила она, как бы рассеянно, для того только, чтобы об чём-нибудь поболтать с собою. — Лгут люди, я совсем не хороша». Но мелькнувшее в зеркале свежее, живое в детской юности лицо с блестящими чёрными очами и невыразимо приятной усмешкой, прожигавшей душу, вдруг доказало противное. «Разве чёрные брови и очи мои, — продолжала красавица, не выпуская зеркала, — так хороши, что уже равных им нет и на свете? Что тут хорошего в этом вздёрнутом кверху носе? и в щеках? и в губах? Будто хороши мои чёрные косы? Ух! их можно испугаться вечером: они, как длинные змеи, перевилились и обвилились вокруг моей головы. Я вижу теперь, что я совсем не хороша! — и, отдвигая несколько подалее от себя зеркало, вскрикнула: — Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть».

— Чудная девка! — прошептал вошедший тихо кузнец, — и хвастовства у неё мало! С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится, и ещё хвалит себя вслух!

«Да, парубки, вам ли чета я? вы поглядите на меня, — продолжала хорошенькая кокетка, — как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шёлком. А какие ленты на голове! Вам век не увидать богаче галуна²! Всё это накупил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете!» И, усмехнувшись, поворотилась она в другую сторону и увидела кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась перед ним.

Кузнец и руки опустил.

¹Капот — женская одежда свободного покроя.

²Галу́н — тесьма.

Александр Бубнов. Иллюстрация к повести

Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной девушки: и суровость в нём была видна, и сквозь суровость какая-то издёвка над смутившимся кузнецом, и едва заметная краска досады тонко разливалась по лицу; и всё это так смешалось и так было неизобразимо хорошо, что расцеловать её миллион раз — вот всё, что можно было сделать тогда наилучшего.

— Зачем ты пришёл сюда? — так начала говорить Оксана. — Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопатою? Вы все мастера подъезжать к нам. Вмиг пронюхасте, когда отцов нет дома. О, я знаю вас! Что, сундук мой готов?

— Будет готов, моё сердсенько, после праздника будет готов. Если бы ты знала, сколько возился около него: две ночи не выходил из кузницы; зато ни у одной поповны не будет такого сундука. Железо на оковку положил такое, какого не клал на сотникову таратайку, когда ходил на работу в Полтаву. А как будет расписан! Хоть весь околоток выходи своими беленькими ножками, не пайдёшь такого! По всему полю будут раскиданы красные и синие цветы. Гореть будет, как жар. Не сер-

дись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!

— Кто же тебе запрещает, говори и гляди!

Тут села она на лавку и снова взглянула в зеркало и стала поправлять на голове свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шёлком, и тонкое чувство самодовольствия выразилось на устах, на свежих ланитах и отсветилось в очах.

— Позволь и мне сесть возле тебя! — сказал кузнец.

— Садись, — проговорила Оксана, сохраняя в устах и в довольных очах то же самое чувство.

— Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя! — произнёс ободрённый кузнец и прижал её к себе, в намерении схватить поцелуй; но Оксана отклонила свои щёки, найдящиеся уже на неприметном расстоянии от губ кузнеца, и оттолкнула его.

— Чего тебе ещё хочется? Ему когда мёд, так и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жёстче железа. Да и сам ты пахнешь дымом. Я думаю, меня всю обмарал сажею.

Тут она поднесла зеркало и снова начала перед ним охорашиваться.

«Не любит она меня, — думал про себя, повесив голову, кузнец. — Ей всё игрушки; а я стою перед нею как дурак и очей не свожу с неё. И всё бы стоял перед нею, и век бы не сводил с неё очей! Чудная девка! чего бы я не дал, чтобы узнать, что у неё на сердце, кого она любит! Но нет, ей и нужды нет ни до кого. Она любит себя сама собою; мучит меня, бедного: а я за грустью не вижу света; а я её так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить».

— Правда ли, что твоя мать ведьма? — произнесла Оксана и засмеялась; и кузнец почувствовал, что внутри его всё засмехалось. Смех этот как будто разом отозвался в сердце и в тихо вострепённых жилах, и со всем тем досада запала в его душу, что он не во власти расцеловать так приятно засмеявшееся лицо.

— Что мне до матери? ты у меня мать, и отец, и всё, что ни есть дорогого на свете. Если б меня призвал царь и сказал: — «Кузнец Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшего в моём царстве, всё отдам тебе. Прикажу тебе сделать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами». — «Не хочу, — сказал бы я царю, — ни каменьев дорогих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мне лучше мою Оксану!»

— Видишь, какой ты! Только отец мой сам не промах. Увидишь, когда он не женится на твоей матери, — проговорила, лукаво усмехнувшись, Оксана. — Однако ж дивчата не приходят... Что б это значило? Давно уже пора колядовать. Мне становится скучно.

— Бог с ними, моя красавица!

— Как бы не так! с ними, верно, придут парубки. Тут-то пойдут балы. Воображаю, каких наговорят смешных историй!

— Так тебе весело с ними?

— Да уж веселее, чем с тобою. А! кто-то стукнул; верно, дивчата с парубками.

«Чего мне больше ждать? — говорил сам с собою кузнец. — Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавшая подкова. Но если ж так, не достанется, по крайней мере, другому посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего; я отучу...»

Стук в двери и резко зазвучавший на морозе голос: «Отвори!» — прервал его размышления.

— Постой, я сам отворю, — сказал кузнец и вышел в сени, в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку.

Мороз увеличился, и вверху так сделалось холодно, что чёрт перепрыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мёрзнувшие руки. Не мудрено, однако ж, и смёрзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр¹, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу.

Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то что была тепло одета; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покато́й горе, и прямо в трубу.

Чёрт таким же порядком отправился вслед за нею. Но так как это животное проворнее всякого франта в чулках, то не мудрено, что он наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы, и оба очутились в просторной печке между горшками.

¹Кухмистр — повар.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку, поглядеть, не назвал ли сын её Вакула в хату гостей, но, увидевши, что никого не было, выключая только мешки, которые лежали посреди хаты, вылезла из печки, скинула тёплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездила на метле.

Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею в такие года. Однако ж она так умела причаровать к себе самых степенных козак (которым, не мешая, между прочим, заметить, мало было нужды до красоты), что к ней хаживал и голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома), и козак Корний Чуб, и козак Касьян Свербыгуз. И, к чести её сказать, она умела искусно обходиться с ними. Ни одному из них и в ум не приходило, что у него есть соперник. Шёл ли набожный мужик, или дворянин, как называют себя козак, одетый в кобеняк с видлогою¹, в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, — как не зайти к Солохе, не поесть жирных с сметаною вареников и не поболтать в тёплой избе с говорливой и угодливой хозяйкой. И дворянин нарочно для этого давал большой крюк, прежде чем достигал шинка, и называл это — заходить по дороге. А пойдёт ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую плахту с китайчатою запаскою, а сверх её синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уже верно закашливался и прищуривал невольно в ту сторону глаза; голова гладил усы, заматывал за ухо оселедец и говорил стоявшему близ его соседу: «Эх, добрая баба! чёрт-баба!»

Солоха кланялась каждому, и каждый думал, что она кланяется ему одному. Но охотник мешаться в чужие дела тотчас бы заметил, что Солоха была приветливее всего с козаком Чубом. Чуб был вдов; восемь скирд хлеба всегда стояли перед его хатою. Две пары дюжих волов всякий раз высовывали свои головы из плетёного сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму — корову, или дядю — толстого быка. Бородатый козёл взбирался на самую крышу и дребезжал оттуда резким голосом, как городничий², дразня выступавших по двору индеек

¹Кобеняк с видлогою — суконная длинная и широкая мужская одежда с капюшоном.

²Городничий — в небольшом городе чиновник, который осуществляет руководство городской властью.

и оборачиваясь задом, когда завидывал своих неприятелей, мальчишек, издевавшихся над его бороною. В сундуках у Чуба водилось много полотна, жупанов и старинных кунтушей¹ с золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. В огороде, кроме маку, капусты, подсолнечников, засевалось ещё каждый год две нивы табаку. Всё это Солоха находила нелишним присоединить к своему хозяйству, заранее размышляя о том, какой оно примет порядок, когда перейдёт в её руки, и удваивала благосклонность к старому Чубу. А чтобы каким-нибудь образом сын её Вакула не подъехал к его дочери и не успел прибрать всего себе, и тогда бы наверно не допустил её мешаться ни во что, она прибегнула к обыкновенному средству всех сорокалетних кумушек: ссорить как можно чаще Чуба с кузнецом. Может быть, эти самые хитрости и сметливость её были виною, что кое-где начали поговаривать старухи, особенно когда выпивали где-нибудь на весёлой сходке лишнее, что Солоха точно ведьма; что парубок Кизяколупенко видел у неё сзади хвост величиною не более бабьего веретена; что она ещё в позапрошлый четверг чёрною кошкою перебежала дорогу; что к попадье раз прибежала свинья, закричала петухом, надела на голову шапку отца Кондрата и убежала назад.

Случилось, что тогда, когда старушки толковали об этом, пришёл какой-то коровий пастух Тымиш Коростявый. Он не преминул рассказать, как летом, перед самою петровкою², когда он лёг спать в хлеву, подмостивши под голову солому, видел собственными глазами, что ведьма, с распущенною косою, в одной рубашке, начала доить коров, а он не мог пошевеливаться, так был околдован; подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы чем-то таким гадким, что он плевал после того целый день. Но всё это что-то сомнительно, потому что один только сорочинский заседатель может увидеть ведьму. И оттого все именитые козаки махали руками, когда слышали такие речи. «Брешут сучи бабы!» — бывал обыкновенный ответ их.

Вылезши из печки и оправившись, Солоха, как добрая хозяйка, начала убирать и ставить всё к своему месту, но мешков не тронула: «Это Вакула принёс, пусть же сам и вынесет!». Чёрт между тем, когда ещё влетал в трубу, как-то нечаянно оборотившись, увидел Чуба об руку с кумом, уже далеко от избы. Вмиг

¹*Кунтуш* — верхняя распашная женская и мужская одежда.

²*Петрówka* — церковный праздник Петра и Павла, отмечающийся 12 июля.

вылетел он из печки, перебежал им дорогу и начал разрывать со всех сторон кучи замёрзшего снега. Поднялась метель. В воздухе забелело. Снег метался взад и вперёд сетью и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам. А чёрт улетел снова в трубу, в твёрдой уверенности, что Чуб возвратится вместе с кумом назад, застанет кузнеца и отпотчует его так, что он долго будет не в силах взять в руки кисть и малевать обидные карикатуры...

В самом деле, едва только поднялась метель и ветер стал резать прямо в глаза, как Чуб уже изъяснил раскаяние, и, нахлобучивая на голову капелек, угощал побранками себя, чёрта и кума. Впрочем, эта досада была притворная. Чуб очень рад был поднявшейся метели. До дьяка ещё оставалось в восемь раз больше того расстояния, которое они прошли. Путешественники поворотили назад. Ветер дул в затылок; но сквозь метущий снег ничего не было видно.

— Стой, кум! мы, кажется не туда идём, — сказал, немного отошедши, Чуб, — я не вижу ни одной хаты. Эх, какая метель! Свороти-ка ты, кум, немного в сторону, не найдёшь ли дороги; а я тем временем поищу здесь. Дёрнет же нечистая сила потаскаться по такой вьюге! Не забудь закричать, когда найдёшь дорогу. Эх, какую кучу снега напустил в очи сатана!

Дороги, однако ж, не было видно. Кум, отошедши в сторону, бродил в длинных сапогах взад и вперёд и, наконец, набрёл прямо на шинок. Эта находка так его обрадовала, что он позабыл всё и, стряхнувши с себя снег, вошёл в сени, нимало не беспокоясь об оставшемся на улице куме. Чубу показалось между тем, что он нашёл дорогу, остановившись, принялся он кричать во всё горло, но, видя, что кум не является, решил идти сам. Немного пройдя, увидел он свою хату. Сугробы снега лежали около неё и на крыше. Хлопая намёрзнувшими на холоде руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть её.

— Чего тебе тут нужно? — сурово закричал вышедший кузнец.

Чуб, узнавши голос кузнеца, отступил несколько назад. «Э, нет, это не моя хата, — говорил он про себя, — в мою хату не забредёт кузнец. Опять же, если присмотреться хорошенько, то и не кузнецова. Чья бы была это хата? Вот на! не распознал! это хромого Левченка, который недавно женился на молодой жене. У него одного только хата похожа на мою. То-то мне показалось и сначала немного чудно, что так скоро пришёл домой. Однако

ж Левченко сидит теперь у дядка, это я знаю; зачем же кузнец?.. Э-ге-ге! он ходит к его молодой жене. Вот как! хорошо!.. теперь я всё понял».

— Кто ты такой и зачем таскаешься под дверями? — произнёс кузнец суровее прежнего и подойдя ближе.

«Нет, не скажу ему, кто я, — подумал Чуб, — чего доброго, ещё приколотит, проклятый выродок!» — и, переменив голос, отвечал:

— Это я, человек добрый! пришёл вам на забаву поколдовать немного под окнами.

— Убирайся к чёрту с своими колядками! — сердито закричал Вакула. — Что ж ты стоишь? Слышишь, убирайся сей же час вон!

Чуб сам уже имел это благоразумное намерение; но ему досадно показалось, что принуждён слушаться приказаний кузнеца.

Казалось, какой-то злой дух толкал его под руку и вынуждал сказать что-нибудь наперекор.

— Что же ты, в самом деле, так раскричался? — произнёс он тем же голосом, — я хочу колдовать, да и полно!

— Эге! да ты от слов не уймёшься!.. — Вслед за сими словами Чуб почувствовал пребольной удар в плечо.

— Да вот это ты, как я вижу, начинаешь уже драться! — произнёс он, немного отступая.

— Пошёл, пошёл! — кричал кузнец, наградив Чуба другим толчком.

— Что ж ты! — произнёс Чуб таким голосом, в котором изображалась и боль, и досада, и робость. — Ты, вижу, не в шутку дерёшься, и ещё больно дерёшься!

— Пошёл, пошёл! — закричал кузнец и захлопнул дверь.

— Смотри, как расхрабрился! — говорил Чуб, оставшись один на улице. — Попробуй подойти! вишь, какой! вот большая цаца! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Нет, голубчик, я пойду, и пойду прямо к комиссару. Ты у меня будешь знать! Я не посмотрю, что ты кузнец и маляр. Однако ж посмотреть на спину и плечи: я думаю, синие пятна есть. Должно быть, больно поколотил, вражий сын! Жаль, что холодно и не хочется скинуть кожуха! Пстой ты, бесовский кузнец, чтоб чёрт поколотил и тебя, и твою кузницу, ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибеник! Однако ж ведь теперь его нет дома. Солоха, думаю, сидит одна. Гм... оно ведь недалеко отсюда:

пойти бы! Время теперь такое, что нас никто не застанет. Может, и того, будет можно... Вишь, как больно поколотил проклятый кузнец!

Тут Чуб, почесав свою спину, отправился в другую сторону. Приятность, ожидавшая его впереди при свидании с Солохою, умаливала немного боль и делала нечувствительным и самый мороз, который трещал по всем улицам, не заглушаемый вьюжным свистом. По временам на лице его, которого бороду и усы метель намылила снегом проворнее всякого цирюльника, тирански хватающего за нос свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бы, однако ж, снег не крестил взад и вперёд всего перед глазами, то долго ещё можно было бы видеть, как Чуб останавливался, почёсывая спину, произносил: «Больно поколотил проклятый кузнец!» — и снова отправлялся в путь.

В то время, когда проворный франт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка¹, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Всё осветилось.

Метели как не бывало. Снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звездами. Мороз как бы потеплел. Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатою не толпились колядующие.

Чудно блещет месяц! Трудно рассказать, как хорошо потолкаться в такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь. Под плотным кожухом тепло; от мороза ещё живее горят щёки; а на шалости сам лукавый подталкивает сзади.

Кучи девушек с мешками вломились в хату Чуба, окружили Оксану. Крик, хохот, рассказы оглушили кузнеца. Все наперебыв спешили рассказать красавице что-нибудь новое, выгружали мешки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была в совершенном удовольствии и радости, болтала то с той, то с другою и хохотала без умолку. С какой-то досадою

¹Ладунка — небольшая сумка.

и завистью глядел кузнец на такую весёлость и на этот раз проклинал колядки, хотя сам бывал от них без ума.

— Э, Одарка! — сказала весёлая красавица, оборотившись к одной из девушек, — у тебя новые черевички! Ах, какие хорошие! и с золотом! Хорошо тебе, Одарка, у тебя есть такой человек, который всё тебе покупает; а мне некому достать такие славные черевички.

— Не тужи, моя ненаглядная Оксана! — подхватил кузнец, — я тебе достану такие черевички, какие редкая паншочка носит.

— Ты? — сказала, скоро и надменно поглядев на него, Оксана. — Посмотрю я, где ты достанешь черевички, которые могла бы я надеть на свою ногу. Разве принесёшь те самые, которые носит царица.

— Видишь, каких захотела! — закричала со смехом девичья толпа.

— Да, — продолжала гордо красавица, — будьте все вы свидетельницы: если кузнец Вакула принесёт те самые черевички, которые носит царица, то вот моё слово, что выйду тот же час за него замуж.

Девушки увели с собою капризную красавицу.

— Смейся, смейся! — говорил кузнец, выходя вслед за ними. — Я сам смеюсь над собою! Думаю, и не могу вздумать, куда девался ум мой. Она меня не любит, — ну, Бог с ней! будто только на всём свете одна Оксана. Слава Богу, дивчат много хороших и без неё на селе. Да что Оксана? с неё никогда не будет доброй хозяйки; она только мастерица рядиться. Нет, полно, пора перестать дурачиться.

Но в самое то время, когда кузнец готовился быть решительным, какой-то злой дух пропосил пред ним смеющийся образ Оксаны, говорившей насмешливо: «Достань, кузнец, царицины черевички, выйду за тебя замуж!» Всё в нём волновалось, и он думал только об одной Оксане.

Толпы колядующих, парубки особо, девушки особо, спешили из одной улицы в другую. Но кузнец шёл и ничего не видал и не участвовал в тех весёлостях, которые когда-то любил более всех.

Чёрт между тем не на шутку разнежился у Солохи: целовал её руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, как годится, наградить, то он готов на всё: кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло. Солоха

была не так жестока, притом же чёрт, как известно, действовал с нею заодно. Она таки любила видеть волочившуюся за собою толпу и редко бывала без компании; этот же вечер, однако ж, думала провести одна, потому что все именитые обитатели села званы были на кутю к дьяку. Но всё пошло иначе: чёрт только что представил своё требование, как вдруг послышался голос дюжего головы. Солоха побежала отворить дверь, а проворный чёрт влез в лежавший мешок.

Голова, стряхнув с своих капелек снет и выпивши из рук Солохи чарку водки, рассказал, что он не пошёл к дьяку, потому что поднялась метель; а увидевши свет в её хате, завернул к ней, в намерении провести вечер с нею.

Не успел голова это сказать, как в дверь послышался стук и голос дьяка.

— Спрячь меня куда-нибудь, — шептал голова. — Мне не хочется теперь встретиться с дьяком.

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотного гостя; наконец выбрала самый большой мешок с углем; уголь высыпала в кадку, и дюжий голова влез с усами, с головою и с капелюхами в мешок.

Дьяк вошёл, побряхывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто и что он сердечно рад этому случаю погулять немного у неё и не испугался метели. Тут он подошёл к ней ближе, кашлянул, усмехнулся, дотронулся своими длинными пальцами её обнажённой полной руки и произнёс с таким видом, в котором выказывалось и лукавство, и самодовольствие:

— А что это у вас, великолепная Солоха? — И, сказавши это, отскочил он несколько назад.

— Как что? Рука, Осип Никифорович! — отвечала Солоха.

— Гм! рука! хе! хе! хе! — произнёс сердечно довольный своим началом дьяк и прошёлся по комнате.

— А это что у вас, дражайшая Солоха? — произнёс он с таким же видом, приступив к ней снова и схватив её слегка рукою за шею, и таким же порядком отскочив назад.

— Будто не видите, Осип Никифорович! — отвечала Солоха. — Шея, а на шее монисто.

— Гм! на шее монисто! хе! хе! хе! — И дьяк снова прошёлся по комнате, потирая руки.

— А это что у вас, несравненная Солоха?.. — Неизвестно, к чему бы теперь притронулся дьяк своими длинными пальцами, как вдруг послышался в дверь стук и голос козака Чуба.

— Ах, Боже мой, стороннее лицо! — закричал в испуге дьяк. — Что теперь, если застанут особу моего звания?.. Дойдёт до отца Кондрата!..

Но опасения дьяка были другого рода: он боялся более того, чтобы не узнала его половина, которая и без того страшною рукою своею сделала из его толстой косы самую узенькую.

— Ради Бога, добродетельная Солоха, — говорил он, дрожа всем телом. — Ваша доброта, как говорит писание Луки глава трина... трин... Стучатся, ей-богу, стучатся! Ох, спрячьте меня куда-нибудь!

Солоха высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объёмистый телом дьяк влез в него и сел на самое дно, так что сверх его можно было насыпать ещё с полмешка угля.

— Здравствуй, Солоха! — сказал, входя в хату Чуб. — Ты, может быть, не ожидала меня, а? правда, не ожидала? может быть, я помешал?... — продолжал Чуб, показав на лице своём весёлую и значительную мину, которая заранее давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затейливую шутку. — Может быть, вы тут забавлялись с кем-нибудь?.. может быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а? — И, восхищённый таким своим замечанием, Чуб засмеялся, внутренне торжествуя, что он один только пользуется благосклонностью Солохи. — Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замёрзло от проклятого морозу. Послал же Бог такую ночь перед Рождеством. Как схватилась, слышишь, Солоха, как схватилась... эх окостенели руки: не расстегну кожуха! как схватилась выюга...

— Отвори! — раздался на улице голос, сопровождаемый толчком в дверь.

— Стучит кто-то, — сказал остановившийся Чуб.

— Отвори! — закричали сильнее прежнего.

— Это кузнец! — произнёс, схватясь за капелюхи, Чуб. — Слышишь, Солоха, куда хочешь девай меня; я ни за что на свете не захочу показаться этому выродку проклятому, чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величиною!

Солоха, испугавшись сама, металась как угорелая и, позабывшись, дала знак Чубу лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже дьяк. Бедный дьяк не смел даже изъяснить каплем и кряхтением боли, когда сел ему почти на голову тяжёлый мужик и поместил свои замёрзнувшие на морозе сапоги по обеим сторонам его висков.

Кузнец вошёл, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Заметно, что он был весьма не в духе.

В то самое время, когда Солоха затворяла за ним дверь, кто-то постучался снова. Это был козак Свербыгуз. Этого уже нельзя было спрятать в мешок, потому что и мешка такого нельзя было найти. Он был погрознее телом самого головы и повыше ростом Чубова кума. И потому Солоха вывела его в огород, чтобы выслушать от него всё то, что он хотел ей объявить.

Кузнец рассеянно оглядывал углы своей хаты, вслушиваясь по временам в далеко разносившиеся песни колядующих; наконец остановил глаза на мешках: «зачем тут лежат эти мешки? их давно бы пора убрать отсюда. Через эту глупую любовь я одурел совсем. Завтра праздник, а в хате до сих пор лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу!»

Тут кузнец присел к огромным мешкам, перевязал их крепче и готовился взвалить себе на плечи. Но заметно было, что его мысли гуляли бог знает где, иначе он бы услышал, как зашипел Чуб, когда волосы на голове его прикрутила завязавшая мешок верёвка, и дюжий голова начал было икать довольно явственно.

— Неужели не выбьется из ума моего эта негодная Оксана? — говорил кузнец, — не хочу думать о ней; а всё думается, и, как нарочно, о ней одной только. Отчего это так, что дума против воли лезет в голову? Кой чёрт, мешки стали как будто тяжелее прежнего! Тут, верно, положено ещё что-нибудь, кроме угля. Дурень я! я и позабыл, что теперь мне всё кажется тяжелее. Прежде, бывало, я мог согнуть и разогнуть в одной руке медный пятак и лошадиную подкову; а теперь мешков с углем не подыму. Скоро буду от ветра валиться. Нет, — вскричал он, помолчав и ободрившись, — что я за баба! Не дам никому смеяться над собою! Хоть десять таких мешков, всё подыму. — И бодро взвалил себе на плечи мешки, которых не понесли бы два дюжих человека. — Взять и этот, — продолжал он, подымая маленький, на дне которого лежал, свернувшись, чёрт. — Тут, кажется, я положил струмент¹ свой. — Сказав это, он вышел вон из хаты, насвистывая песню:

Мені з жінкой не возиться.

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Толпы толкавшегося народа были увеличены ещё пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились вволю. Час-

¹Струмент — искажён. «инструмент».

то между колядками слышалась какая-нибудь весёлая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков. То вдруг один из толпы вместо колядки отпускал щедровку и ревел во всё горло:

Щедрик, ведрик!
Дайте вареник,
Грудочку кашки,
Кільце ковбаски!

Хохот награждал затейника. Маленькие окна подымались, и сухощава рука старухи, которые одни только вместе с степенными отцами оставались в избах, высовывалась из окошка с колбасою в руках или куском пирога. Парубки и девушки напереерыв подставляли мешки и ловили свою добычу. В одном месте парубки, зашедши со всех сторон, окружали толпу девушек: шум, крик, один бросал комом снега, другой вырывал мешок со всякой всячиной. В другом месте девушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и он летел вместе с мешком стремглав на землю. Казалось, всю ночь напролёт готовы были повеселиться. И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась! и ещё белее казался свет месяца от блеска снега.

Кузнец остановился с своими мешками. Ему почудился в толпе девушек голос и тоненький смех Оксаны. Все жилки в нём вздрогнули; бросивши на землю мешки так, что находившийся на дне дьяк заохал от ушибу и голова икнул во всё горло, побрёл он с маленьким мешком на плечах вместе с толпою парубков, шедших следом за девичьей толпою, между которою ему послышался голос Оксаны.

«Так, это она! стоит, как царица, и блестит чёрными очами! Ей рассказывает что-то видный парубок; верно, забавное, потому что она смеётся. Но она всегда смеётся». Как будто невольно, сам не понимая как, протёрся кузнец сквозь толпу и стал около неё.

— А, Вакула, ты тут! здравствуй! — сказала красавица с той же самой усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума. — Ну, много наколядовал? Э, какой маленький мешок! А черевик, которые носит царица, достал? достань черевик, выйду замуж! — И, засмеявшись, убежала с толпою.

Как вкопанный стоял кузнец на одном месте. «Нет, не могу; нет сил больше... — произнёс он наконец. — Но Боже ты мой, отчего она так чертовски хороша? Её взгляд, и речи, и всё, ну вот так и жжёт, так и жжёт... Нет, невмочь уже пересилить себя!

Пора положить конец всему: пропадай душа, пойду утоплюсь в пролубе, и поминай как звали!»

Тут решительным шагом пошёл он вперёд, догнал толпу, поравнялся с Оксаною и сказал твёрдым голосом:

— Прощай, Оксана! Ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этом свете.

Красавица казалась удивлённою, хотела что-то сказать, но кузнец махнул рукою и убежал.

— Куда, Вакула? — кричали парубки, видя бегущего кузнеца.

— Прощайте, братцы! — кричал в ответ кузнец. — Даст Бог, увидимся на том свете; а на этом уже не гулять нам вместе. Прощайте, не поминайте лихом! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворил панихиду по моей грешной душе. Свечей к иконам Чудотворца и Божией матери, грешен, не обмалевал за мирскими делами. Всё добро, какое найдётся в моей скрыне, на церковь! Прощайте!

Проговоривши это, кузнец принялся снова бежать с мешком на спине.

— Он повредился¹! — говорили парубки.

— Пропадшая душа! — набожно пробормотала проходившая мимо старуха. — Пойти рассказать, как кузнец повесился!

Вакула между тем, пробежавши несколько улиц, остановился перевести духа. «Куда я, в самом деле, бегу? — подумал он, — как будто уже всё пропало. Попробую ещё средство: пойду к запорожцу Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей и всё сделает, что захочет. Пойду, ведь душе всё же придётся пропадать!»

При этом чёрт, который долго лежал безо всякого движения, запрыгал в мешке от радости; но кузнец, подумав, что он как-нибудь зацепил мешок рукою и произвёл сам это движение, ударил по мешку дюжим кулаком и, встряхнув его на плечах, отправился к Пузатому Пацюку.

Этот Пузатый Пацюк был точно когда-то запорожцем; но выгнали его или он сам убежал из Запорожья, этого никто не знал. Давно уже, лет десять, а может, и пятнадцать, как он жил в Диканьке. Сначала он жил, как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру; впрочем, было где и поместиться, потому что Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширину был довольно увесист. Притом шаровары, которые носил он, были так

¹Повредился — тронулся рассудком.

широки, что, какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно не заметно, и казалось — винокуренная кадь двигалась по улице. Может быть, это самое подало повод прозвать его Пузатым. Не прошло нескольких дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он знахарь. Бывал ли кто болен чем, тотчас призывал Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать несколько слов, и недуг как будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшийся дворянин подавился рыбьей костью, Пацюк умел так искусно ударить кулаком в спину, что кость отправлялась куда ей следует, не причинив никакого вреда дворянскому горлу. В последнее время его редко видали где-нибудь. Причина этому была, может быть, лень, а может, и то, что пролезать в двери делалось для него с каждым годом труднее. Тогда миряне должны были отправляться к нему сами, если имели в нём нужду.

Кадр из кинофильма «Вечера на хуторе близ Диканьки»,
режиссёр А. Роу

Кузнец не без робости отворил дверь и увидел Пацюка, сидевшего на полу по-турецки, перед небольшою кадешкою, на которой стояла миска с галушками. Эта миска стояла, как нарочно, наравне с его ртом. Не подвинувшись ни одним пальцем, он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижю, схватывая по временам зубами галушки.

«Нет, этот, — подумал Вакула про себя, — ещё ленивее Чуба: тот, по крайней мере, ест ложкою, а этот и руки не хочет поднимать!»

Пацюк, верно, крепко занят был галушками, потому что, казалось, совсем не заметил прихода кузнеца, который, едва ступивши на порог, отвесил ему пренизкий поклон.

— Я к твоей милости пришёл, Пацюк! — сказал Вакула, кланяясь снова.

Толстый Пацюк поднял голову и снова начал хлебать галушки.

— Ты, говорят, не во гнев будь сказано... — сказал, собираясь с духом, кузнец, — я веду об этом речь не для того, чтобы тебе нанести какую обиду, — приходишься немного сродни чёрту.

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумав, что выразился всё ещё напрямик и мало смягчил крепкие слова, и, ожидая, что Пацюк, схвативши кадушку вместе с мискою, пошлёт ему прямо в голову, отсторонился немного и закрылся рукавом, чтобы горячая жижa с галушек не обрызгала ему лица.

Но Пацюк взглянул и снова начал хлебать галушки. Ободрённый кузнец решился продолжать:

— К тебе пришёл, Пацюк, дай Боже тебе всего, добра всякого в довольствии, хлеба в пропорции! — Кузнец иногда умел вернуть модное слово; в том он понаторел в бытность ещё в Полтаве, когда размалёвывал сотнику дощатый забор. — Пропалать приходится мне, грешному! ничто не помогает на свете! Что будет, то будет, приходится просить помощи у самого чёрта. Что ж, Пацюк? — произнёс кузнец, видя неизменное его молчание, — как мне быть?

— Когда нужно чёрта, то и ступай к чёрту! — отвечал Пацюк, не подымая на него глаз и продолжая убирать галушки.

— Для того-то я и пришёл к тебе, — отвечал кузнец, отвешивая поклон, — кроме тебя, думаю, никто на свете не знает к нему дороги.

Пацюк ни слова и доедал остальные галушки.

— Сделай милость, человек добрый, не откажи! — наступал кузнец, — свинины ли, колбас, муки гречневой, ну, полотна, пшена или иного прочего, в случае потребности... как обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Расскажи, хоть, как, примерно сказать, попасть к нему на дорогу?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого чёрт за плечами, — произнёс равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения.

Вакула уставил на него глаза, как будто бы на лбу его написано было изъяснение этих слов. «Что он говорит?» — безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый рот готовился проглотить, как галушку, первое слово. Но Пацюк молчал.

Тут заметил Вакула, что ни галушек, ни кадушки перед ним

не было; но вместо того на полу стояли две деревянные миски: одна была наполнена варениками, другая сметаной. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотрим, — говорил он сам себе, — как будет есть Пацюк вареники. Наклоняться он, верно, не захочет, чтобы хлебать, как галушки, да и нельзя: нужно вареник сперва обмакнуть в сметану».

Только что он успел это подумать, Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и ещё сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлёпнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать.

«Вишь, какое диво!» — подумал кузнец, разинув от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет и к нему в рот и уже вымазал губы сметаной. Оттолкнувши вареник и вытерши губы, кузнец начал размышлять о том, какие чудеса бывают на свете и до каких мудростей доводит человека нечистая сила, заметя притом, что один только Пацюк может помочь ему. «Поклонюсь ему ещё, пусть растолкует хорошенько... Однако что за чёрт! ведь сегодня *голодная кутья*, а он ест вареники, вареники скоромные! Что я, в самом деле, за дурак, стою тут и греха набираюсь! Назад!» И набожный кузнец опрометью выбежал из хаты.

Однако ж чёрт, сидевший в мешке и заранее уже радовавшийся, не мог вытерпеть, чтобы ушла из рук его такая славная добыча. Как только кузнец опустил мешок, он выскочил из него и сел верхом ему на шею.

Мороз подрал по коже кузнеца; испугавшись и побледнев, не знал он, что делать; уже хотел перекреститься... Но чёрт, наклонив своё собачье рыльце ему на правое ухо, сказал:

— Это я — твой друг, всё сделаю для товарища и друга! Денег дам сколько хочешь. — пискнул он ему в левое ухо. — Оксана будет сегодня же наша, — шепнул он, заворотивши свою морду снова на правое ухо.

Кузнец стоял, размышляя.

— Изволь, — сказал он наконец, — за такую цену готов быть твоим!

Чёрт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. «Теперь-то попался кузнец! — думал он про себя, — теперь-то я вымещу на тебе, голубчик, все твои малеванья и небылицы, взводимые на чертей! Что теперь скажут мои товарищи, когда узнают, что самый набожнейший из всего села человек

в моих руках?» Тут чёрт засмеялся от радости, вспомнив, как будет дразнить в аде всё хвостатое племя, как будет беситься хромой чёрт, считавшийся между ними первым на выдумки.

— Ну, Вакула! — пропищал чёрт, всё так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, чтобы он не убежал, — ты знаешь, что без контракта ничего не делают.

— Я готов! — сказал кузнец. — У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кармане гвоздь! — Тут он заложил назад руку — и хватъ чёрта за хвост.

— Вишь, какой шутник! — закричал, смеясь, чёрт. — Ну, полно, довольно уже шалить!

— Постой, голубчик! — закричал кузнец, — а вот это как тебе покажется? — При сем слове он сотворил крест¹, и чёрт сделался так тих, как ягнёнок. — Постой же, — сказал он, стаскивая его за хвост на землю, — будешь ты у меня знать подучивать на грехи добрых людей и честных христиан! — Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения.

— Помилуй, Вакула! — жалобно простонал чёрт, — всё, что для тебя нужно, всё сделаю, отпусти только душу на покаяние: не клади на меня странного креста!

— А, вот каким голосом зашел, немец проклятый! Теперь я знаю, что делать. Вези меня сей же час на себе, слышишь, неси, как птица!

— Куда? — произнёс печальный чёрт.

— В Петербург, прямо к царице!

И кузнец обомлел от страха, чувствуя себя поднимающимся на воздух.

Долго стояла Оксана, раздумывая о странных речах кузнеца. Уже внутри её что-то говорило, что она слишком жестоко поступила с ним. Что, если он в самом деле решится на что-нибудь страшное? «Чего доброго! может быть, он с горя вздумает влюбиться в другую и с досады станет называть её первою красавицею на селе? Но нет, он меня любит. Я так хороша! Он меня ни за что не променяет; он шалит, прикидывается. Не пройдёт минут десять, как он, верно, придёт поглядеть на меня. Я в самом деле сурова. Нужно ему дать, как будто нехотя, поцеловать себя. То-то он обрадуется!» И ветреная красавица уже шутила со своими подругами.

¹Сотворил крест — перекрестился.

— Пойдите, — сказала одна из них, — кузнец позабыл мешки свои; смотрите, какие страшные мешки! Он не по-нашему наколядовал: я думаю, сюда по целой четверти барана кидали; а колбасам и хлебам, верно, счёту нет! Роскошь! целые праздники можно обедаться.

— Это Кузнецовы мешки? — подхватила Оксана. — Утащим скорее их ко мне в хату и разглядим хорошенько, что он сюда накла.

Все со смехом одобрили такое предложение.

— Но мы не поднимем их! — закричала вся толпа вдруг, сиюсь сдвинуть мешки.

— Пойдите, — сказала Оксана, — побежим скорее за санками и отвезём на санках!

И толпа побежала за санками.

Пленникам сильно прискучило сидеть в мешках, несмотря на то что дьяк проткнул для себя пальцем порядочную дыру. Если бы ещё не было народу, то, может быть, он нашёл бы средство вылезть; но вылезть из мешка при всех, показать себя на смех... это удерживало его, и он решился ждать, слегка только покрхтывая под невежливыми сапогами Чуба. Чуб сам не менее желал свободы, чувствуя, что под ним лежит что-то такое, на котором сидеть страх было неловко. Но как скоро услышал решение своей дочери, то успокоился и не хотел уже вылезть, рассуждая, что к хате своей нужно пройти, по крайней мере, шагов с сотню, а может быть, и другую. Вылезши же, нужно оправиться, застегнуть кожух, подвязать пояс — сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дивчата доведут на санках.

Но случилось совсем не так, как ожидал Чуб. В то время, когда дивчата побежали за санками, худощавый кум выходил из шинка расстроенный и не в духе. Шинкарка никаким образом не решалась ему верить в долг; он хотел было дожидаться, авось-либо придёт какой-нибудь набожный дворянин и попотчует его; но, как нарочно, все дворяне оставались дома и, как честные христиане, ели кутью посреди своих домашних. Размышляя о развращении нравов и о деревянном сердце шинкарки, продающей вино, кум набрёл на мешки и остановился в изумлении.

— Вишь, какие мешки кто-то бросил на дороге! — сказал он, осматриваясь по сторонам, — должно быть, тут и свинина есть. Полезло же кому-то счастье наколядовать столько всякой всячины! Экие страшные мешки! Положим, что они набиты

гречаниками да коржами, и то *добре*. Хотя бы были тут одни паляницы, и то в *шмак*. Утащить скорее, чтобы кто не увидел. — Тут взвалил он себе на плечо мешок с Чубом и дьяком, но почувствовал, что он слишком тяжёл. — Нет, одному будет тяжело несть, — проговорил он, — а вот, как нарочно, идёт ткач Шапуваленко. Здравствуй, Остап!

— Здравствуй, — сказал, остановившись, ткач.

— Куда идёшь?

— А так, иду, куда ноги ведут.

— Помоги, человек добрый, мешки снести! кто-то колядовал, да и кинул посреди дороги. Добром поделимся пополам.

— Мешки? а с чем мешки, с книшами или паляницами?

— Да, думаю, всего есть.

Тут выдернули они наскоро из плетня палки, положили на них мешки и понесли на плечах.

— Куда же мы понесём его? в шинок? — спросил дорогою ткач.

— Оно бы и я так думал, чтобы в шинок; но ведь проклятая шинкарка не поверит, подумает ещё, что где-нибудь украли; к тому же я только что из шинка. Мы отнесём его в мою хату. Нам никто не помешает: жинки нет дома.

— Да точно ли нет дома? — спросил осторожный ткач.

— Слава богу, мы не совсем ещё без ума, — сказал кум, — чёрт ли бы принёс меня туда, где она. Она, думаю, протаскается с бабами до света.

— Кто там? — закричала кумова жена, услышав шум в сенях, произведённый приходом двух приятелей с мешком, и отворяя дверь. Кум остолбенел.

— Вот тебе на! — произнёс ткач, опуская руки.

Кумова жена была такого рода сокровище, каких немало на белом свете. Так же как и её муж, она почти никогда не сидела дома и почти весь день пресмыкалась у кумушек и зажиточных старух, хвалила и ела с большим аппетитом и дралась только по утрам со своим мужем, потому что в это только время и видела его иногда. Хата их была вдвое старше шаровар волостного писаря, крыша в некоторых местах была без соломы. Плетня видны были одни остатки, потому что всякий выходивший из дому никогда не брал палки для собак, в надежде, что будет проходить мимо кумова огорода и выдернет любую из его плетня. Печь не топились дня по три. Всё, что ни напрашивала нежная супруга у добрых людей, прятала как можно подалее от своего мужа и часто самоуправно

отнимала у него добычу, если он не успевал её пропить в шинке. Кум, несмотря на всегдашнее хладнокровие, не любил уступать ей и оттого почти всегда уходил из дому с фонарями под обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась рассказывать старушкам о бесчинстве своего мужа и о претерпенных ею от него побоях.

Теперь можно себе представить, как были озадачены ткач и кум таким неожиданным явлением. Опустивши мешок, они заступили его собою и закрыли полами: но уже было поздно: кумова жена хотя и дурно видела старыми глазами, однако ж мешок заметила.

— Вот это хорошо! — сказала она с таким видом, в котором заметна была радость ястреба. — Это хорошо, что наколядовали столько! Вот так всегда делают добрые люди; только нет, я думаю, где-нибудь подцепили. Покажите мне сейчас, слышите, покажите сей же час мешок ваш!

— Лысый чёрт тебе покажет, а не мы, — сказал, приосанясь, кум.

— Тебе какое дело? — сказал ткач, — мы наколядовали, а не ты.

— Нет, ты мне покажешь, негодный пьяница! — вскричала жена, ударив высокого кума кулаком в подбородок и продираясь к мешку.

Но ткач и кум мужественно отстояли мешок и заставили её попятиться назад. Не успели они оправиться, как супруга выбежала в сени уже с кочергою в руках. Проворнохватила кочергою мужа по рукам, ткача по спине и уже стояла возле мешка.

— Что мы допустили её? — сказал ткач, очнувшись.

— Э, что мы допустили! а отчего ты допустил? — сказал хладнокровно кум.

— У вас кочерга, видно, железная! — сказал после небольшого молчания ткач, почёсывая спину. — Моя жинка купила прошлый год на ярмарке кочергу, дала пивкопы, — та ничего... не больно...

Между тем торжествующая супруга, поставив на пол каганец, развязала мешок и заглянула в него. Но, верно, старые глаза её, которые так хорошо увидели мешок, на этот раз обманулись.

— Э, да тут лежит целый кабан! — вскрикнула она, всплеснув от радости в ладоши.

— Кабан! слышишь, целый кабан! — толкал ткач кума. -- А всё ты виноват!

— Что ж делать! — произнёс, пожимая плечами, кум.

— Как что? чего мы стоим? отнимем мешок! ну, приступай!
— Пошла прочь! пошла! это наш кабан! — кричал, выступая, ткач.

— Ступай, ступай, чёртова баба! это не твоё добро! — говорил, приближаясь, кум.

Супруга принялась снова за кочергу, но Чуб в это время вылез из мешка и стал посреди сеней, потягиваясь, как человек, только что пробудившийся от долгого сна.

Кумова жена вскрикнула, ударивши об полы руками, и все невольно разинули рты.

— Что ж она, дура, говорит: кабан! Это не кабан! — сказал кум, выпуча глаза.

— Вишь, какого человека кинуло в мешок! — сказал ткач, пятясь с испугу. — Хоть что хочешь говори, хоть тресни, а не обошлось без нечистой силы. Ведь он не пролезет в окошко.

— Это кум! — вскрикнул, взглядевшись, кум.

— А ты думал кто? — сказал Чуб, усмехаясь. — Что, славную я выкинул над вами шутку? А вы небось хотели меня съесть

Александр Бубнов. Иллюстрация к повести

вместо свинины? Постойте же, я вас порадуя: в мешке лежит ещё что-то, — если не кабан, то, наверно, поросёнок или иная живность. Подо мною беспрестанно что-то шевелилось.

Ткач и кум кинулись к мешку, хозяйка дома уцепилась с противной стороны, и драка возобновилась бы снова, если бы дьяк, увидевши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался из мешка.

Кумова жена, остолбенев, выпустила из рук ногу, за которую начала было тянуть дьяка из мешка.

— Вот и другой ещё! — вскрикнул со страхом ткач, — чёрт знает как стало на свете... голова идёт кругом... не колбас и не паляниц, а людей кидают в мешки!

— Это дьяк! — произнёс изумившийся более всех Чуб. — Вот тебе на! ай да Солоха! посадить в мешок... То-то я гляжу, у неё полная хата мешков... Теперь я всё знаю: у неё в каждом мешке сидело по два человека... А я думал, что она только мне одному... Вот тебе и Солоха!

Девушки немного удивились, не найдя одного мешка. «Нечего делать, будет с нас и этого», — лепетала Оксана. Все принялись за мешок и взвалили его на санки.

Голова решился молчать, рассуждая: если он закричит, чтобы его выпустили и развязали мешок, — глупые дивчата разбегутся, подумают, что в мешке сидит дьявол, и он останется на улице, может быть, до завтра.

Девушки между тем, дружно взявшись за руки, полетели, как вихорь, с санками по скрипучему снегу. Множество, шалая, садилось на санки; другие взбирались на самого голову. Голова решился сносить всё. Наконец приехали, отворили настежь двери в сенях и хате и с хохотом втащили мешок.

— Посмотрим, что-то лежит тут, — закричали все, бросившись развязывать.

Тут икотка, которая не переставала мучить голову во всё время сидения его в мешке, так усилилась, что он начал икать и кашлять во всё горло.

— Ах, тут сидит кто-то! — закричали все и в испуге бросились вон из дверей.

— Что за чёрт! куда вы мечетесь как угорелые? — сказал, входя в дверь, Чуб.

— Ах, батюшко! — произнесла Оксана, — в мешке сидит кто-то!

— В мешке? где вы взяли этот мешок?

— Кузнец бросил его посередине дороги, — сказали все вдруг. «Ну, так, не говорил ли я?..» — подумал про себя Чуб.

— Чего ж вы испугались? посмотрим. А ну-ка, чоловіче, прошу не погневиться, что не называем по имени и отчеству, вылезай из мешка!

Голова вылез.

— Ах! — вскрикнули девушки.

— И голова влез туда же, — говорил про себя Чуб в недоумении, меряя его с головы до ног, — вишь как!.. Э!.. — более он ничего не мог сказать.

Голова сам был не меньше смущён и не знал, что начать.

— Должно быть, на дворе холодно? — сказал он, обращаясь к Чубу.

— Морозец есть, — отвечал Чуб. — А позволь спросить тебя, чем ты смазываешь свои сапоги, смальцем или дёгтем?

Он хотел не то сказать, он хотел спросить: «Как ты, голова, залез в этот мешок?» — но сам не понимал, как выговорил совершенно другое.

— Дёгтем лучше! — сказал голова. — Ну, прощай, Чуб! — И, нахлобучив капелюхи, вышел из хаты.

— Для чего спросил я сдуру, чем он мажет сапоги! — произнёс Чуб, поглядывая на двери, в которые вышел голова. — Ай да Солоха! эдакого человека засадить в мешок!.. Вишь, чёртова баба! А я дурак... да где же тот проклятый мешок?

— Я кинула его в угол, там больше ничего нет, — сказала Оксана.

— Знаю я эти штуки, ничего нет! подайте его сюда: там ещё один сидит! Встряхните его хорошенько... Что, нет?.. Вишь, проклятая баба! А поглядеть на неё — как святая, как будто и скромного никогда не брала в рот.

Но оставим Чуба изливать на досуге свою досаду и возвратимся к кузнецу, потому что уже надворе, верно, есть час девятый.

Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он от земли на такую высоту, что ничего уже не мог видеть внизу, и пролетел как муха под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то заценил бы его шапкою. Однако ж мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чёртом. Его забавляло до крайности, как чёрт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а чёрт, думая, что его соби-

Кадр из кинофильма «Вечера на хуторе близ Диканьки»,
режиссёр А. Роу

раются крестить, летел ещё быстрее. Всё было светло в вышине. Воздух в лёгком серебряном тумане был прозрачен. Всё было видно, и даже можно было заметить, как вихрем пронёсся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звёзды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце чёрт снял шапку, увидав кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила куда нужно ведьма... много ещё дряни встречали они. Всё, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и потом снова несло дальше и продолжало своё; кузнец всё летел; и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация.) Чёрт, перелетев через шлагбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы.

Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырёхэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырёх сторон; дома росли и будто подымались из земли на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы¹ кричали; снег свистел под тысячею летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, унизанными планками, и огромные тени их мелькали по стенам, досягая головою труб и крыш. С изумлени-

¹Форейтор — кучер, сидящий верхом на одной из передних лошадей.

ем оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные огненные очи и глядели. Господ в крытых сукном шубах он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тут панства! — подумал кузнец. — Я думаю, каждый, кто ни пройдет по улице в шубе, то и заседатель, то и заседатель! а те, что катаются в таких чудных бричках со стёклами, те когда не городничие, то, верно, комиссары, а может, ещё и больше». Его слова прерваны были вопросом чёрта: «Прямо ли ехать к царице?» «Нет, страшно, — подумал кузнец. — Тут где-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проезжали осенью через Диканьку. Они ехали из Сечи с бумагами к царице; всё бы таки посоветоваться с ними».

— Эй, сатана, полезай ко мне в карман да води к запорожцам!

Чёрт в одну минуту похудел и сделался таким маленьким, что без труда влез к нему в карман. А Вакула не успел оглянуться, как очутился перед большим домом; вошёл, сам не зная как, на лестницу, отворил дверь и подался немного назад от блеска, увидевши убранную комнату; но немного приободрился, узнавши тех самых запорожцев, которые проезжали через Диканьку, сидевших на шёлковых диванах, поджав под себя намазанные дёгтем сапоги, и куривших самый крепкий табак, называемый обыкновенно корешками.

— Здравствуйте, панове! помогай Бог вам! вот где увиделись! — сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли.

— Что там за человек? — спросил сидевший перед самым кузнецом другого, сидевшего подальше.

— А вы не poznали? — сказал кузнец, — это я, Вакула, кузнец! Когда проезжали осенью через Диканьку, то прогостили, дай Боже вам всякого здоровья и долголетия, без малого два дни. И новую шину тогда поставил на переднее колесо вашей кибитки!

— А! — сказал тот же запорожец, — это тот самый кузнец, который малюет важно. Здорово, земляк, зачем тебя Бог принёс?

— А так, захотелось поглядеть, говорят...

— Что ж, земляк, — сказал, приосанясь, запорожец и желая показать, что он может говорить и по-русски, — што, балшой город?

Кузнец и себе не хотел осрамиться и показаться новичком, притом же, как имели случай видеть выше сего, он знал и сам грамотный язык.

— Губерния знатная! — отвечал он равнодушно. — Нечего сказать: дома балшущие, картины висят скрозь важные. Мно-

гие дома исписаны буквами из сусального золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорция!

Запорожцы, услышавши кузнеца, так свободно изъясняющегося, вывели заключение очень для него выгодное.

— После потолкуем с тобою, земляк, побольше; теперь же мы едем сейчас к царице.

— К царице? А будьте ласковы, панове, возьмите и меня с собою.

— Тебя? — произнёс запорожец с таким видом, с каким говорит дядька четырёхлетнему своему воспитаннику, просящему посадить его на настоящую, на большую лошадь. — Что ты будешь там делать? Нет, не можно. — При этом на лице его выразилась значительная мина. — Мы, брат, будем с царицей толковать про своё.

— Возьмите! — настаивал кузнец. — Проси! — шепнул он тихо чёрту, ударив кулаком по карману.

Не успел он этого сказать, как другой запорожец проговорил:

— Возьмём его, в самом деле, братцы!

— Пожалуй, возьмём! — произнесли другие.

— Надевай же платье такое, как и мы.

Кузнец схватился натянуть на себя зелёный жупан, как вдруг дверь отворилась и вошедший с позументами¹ человек сказал, что пора ехать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда он понёсся в огромной карете, качаясь на рессорах, когда с обеих сторон мимо него бежали назад четырёхэтажные дома и мостовая, гремя, казалось, сама катилась под ноги лошадям.

«Боже ты мой, какой свет! — думал про себя кузнец. — У нас днём не бывает так светло».

Кареты остановились перед дворцом. Запорожцы вышли, вступили в великоленные сени и начали подыматься на блистательно освещённую лестницу.

— Что за лестница! — шептал про себя кузнец. — жаль ногами топтать. Экие украшения! Вот, говорят, лгут сказки! кой чёрт лгут! Боже ты мой, что за перила! какая работа! тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!

Уже взобравшись на лестницу, запорожцы прошли первую залу. Робко следовал за ними кузнец, опасаясь на каждом шагу поскользнуться на паркете. Прошли три залы, кузнец всё ещё

¹Позу́мент — шитая золотом или мншурой тесьма.

не переставал удивляться. Вступивши в четвёртую, он невольно подошёл к висевшей на стене картине. Это была Пречистая Дева с младенцем на руках. «Что за картина! что за чудная живопись! — рассуждал он, — вот, кажется, говорит! кажется, живая! а дитя святое! и ручки прижало! и усмехается, бедное! а краски! Боже ты мой, какие краски! тут вохры¹, я думаю, и на конейку не пошло, всё ярь² да бакан³; а голубая так и горит! важная работа! должно быть, грунт наведен был блейвасом⁴».

Сколь, однако ж, ни удивительны сии малевания, но эта медная ручка, — продолжал он, подходя к двери и шупая замок. — ещё большего достойна удивления. Эк какая чистая выделка! это всё, я думаю, немецкие кузнецы, за самые дорогие цены делали...»

Может быть, долго ещё бы рассуждал кузнец, если бы лакей с галунами не толкнул его под руку и не напомнил, чтобы он не отставал от других. Запорожцы прошли ещё две залы и остановились. Тут велено им было дожидаться. В зале толпилось несколько генералов в шитых золотом мундирах. Запорожцы поклонились на все стороны и стали в кучу.

Минуту спустя вошёл в сопровождении целой свиты величественного роста, довольно плотный человек в гетьманском мундире, в жёлтых сапожках. Волосы на нём были растрёпаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величавость, во всех движениях видна была привычка повелевать. Все генералы, которые расхаживали довольно спесиво в золотых мундирах, засуетились и с низкими поклонами, казалось, ловили его каждое слово и даже малейшее движение, чтобы сейчас лететь выполнять его. Но гетьман не обратил даже и внимания, едва кивнул головою и подошёл к запорожцам.

Запорожцы отвесили все поклон в ноги.

— Все ли вы здесь? — спросил он протяжно, произнося слова немного в нос.

— *Та вси, батько!* — отвечали запорожцы, кланяясь снова.

— Не забудете говорить так, как я вас учил?

— Нет, батько, не позабудем.

— Это царь? — спросил кузнец одного из запорожцев.

¹*Вохра* — природная краска красно-коричневого или жёлтого цвета.

²*Ярь* — блестящая белая краска.

³*Бакан* — ярко-красная краска.

⁴*Блейвас* — свинцовые белила.

— Куда тебе царь, это сам Потёмкин, — отвечал тот. В другой комнате слышались голоса, и кузнец не знал, куда деть свои глаза от множества вошедших дам в атласных платьях с длинными хвостами и придворных в шитых золотом кафтанах и с пучками назади. Он только видел один блеск и больше ничего. Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос:

— Помилуй, мамо! помилуй!

Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усердием на полу.

— Встаньте! — прозвучал над ними повелительный и вместе приятный голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.

— Не встанем, мамо! не встанем! умрём, а не встанем! — кричали запорожцы.

Потёмкин кусал себе губы, наконец подошёл сам и повелительно шепнул одному из запорожцев. Запорожцы поднялись.

Тут осмелился и кузнец поднять голову и увидел стоявшую перед собою небольшого роста женщину, несколько даже дородную, напудренную, с голубыми глазами, и вместе с тем величественно улыбающимся видом, который так умел покорять себе всё и мог только принадлежать одной царствующей женщине.

— Светлейший обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор ещё не видала, — говорила дама с голубыми глазами, рассматривая с любопытством запорожцев. — Хорошо ли вас здесь содержат? — продолжала она, подходя ближе.

— *Та спасибі, мамо!* Провиянт дают хороший, хотя бараны здешние совсем не то, что у нас на Запорожье, — почему ж не жить как-нибудь?..

Потёмкин поморщился, видя, что запорожцы говорят совершенно не то, чему он их учил...

Один из запорожцев, приносясь, выступил вперёд:

— Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневили? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чём-либо с турчином; разве изменили тебе делом или помышлением? За что ж немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь везде строить крепости от нас; после слышали, что хочешь *повернуть в карabinеры*; теперь слышим, новые напасти. Чем виновато запорожское войско? тем ли, что перевело твою армию через Перекоп и помогло твоим енералам порубать крымцев?..

Потёмкин молчал и небрежно чистил небольшою щёткою свои бриллианты, которыми были унизаны его руки.

— Чего же хотите вы? — заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули друг на друга. «Теперь пора! Царица спрашивает, чего хотите!» — сказал сам себе кузнец и вдруг повалился на землю.

— Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Из чего, не во гнев будь сказано вашей царской милости, сделаны черевички, что на ногах ваших? Я думаю, ни один швец ни в одном государстве на свете не сумеет так сделать. Боже ты мой, что, если бы моя жинка надела такие черевички!

Государыня засмеялась. Придворные засмеялись тоже. Потёмкин и хмурился и улыбался вместе. Запорожцы начали толкать под руку кузнеца, думая, не с ума ли он сошёл.

— Встань! — сказала ласково государыня. — Если так тебе хочется иметь такие башмаки, то это нетрудно сделать. Принеси-те ему сей же час башмаки самые дорогие, с золотом! Право, мне очень нравится это простодушие! Вот вам, — продолжала государыня, устремив глаза на стоявшего подалее от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом, которого скромный кафтан с большими перламутровыми пуговицами показывал, что он не принадлежал к числу придворных, — предмет, достойный остроумного пера вашего.

— Вы, ваше императорское величество, слишком милостивы. Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена! — отвечал, поклонясь, человек с перламутровыми пуговицами.

— По чести скажу вам: я до сих пор без памяти от вашего «Бригадира». Вы удивительно хорошо читаете! Однако ж, — продолжала государыня, обращаясь снова к запорожцам, — я слышала, что на Сечи у вас никогда не женятся.

— *Як же, мамо!* Ведь человеку, сама знаешь, без жинки нельзя жить, — отвечал тот самый запорожец, который разговаривал с кузнецом, и кузнец удивился, слыша, что этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием. «Хитрый народ! — подумал он сам себе, — верно, недаром он это делает».

— Мы не чернецы, — продолжал запорожец, — а люди грешные. Падки, как и всё честное христианство, до скромного. Есть у нас не мало таких, которые имеют жён, только не живут

с ними на Сечи. Есть такие, что имеют жён в Польше; есть такие, что имеют жён в Украине; есть такие, что имеют жён и в Турещине.

В это время кузнецу принесли башмаки.

— Боже ты мой, что за украшение! — вскрикнул он радостно, ухватив башмаки, — Ваше царское величество! Что ж, когда башмаки такие на ногах и в них, чаятельно, ваше благородие, ходите и на лёд *ковзаться*, какие ж должны быть самые ножки? думаю, по малой мере, из чистого сахара.

Государыня, которая точно имела самые стройные и прелестные ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплимент из уст простодушного кузнеца, который в своём запорожском платье мог похвастаться красавцем, несмотря на смуглое лицо.

Обрадованный таким благосклонным вниманием, кузнец уже хотел было расспросить хорошенько царицу о всём: правда ли, что цари едят один только мёд да сало, и тому подобное; но, почувствовав, что запорожцы толкают его под бока, решился замолчать; и когда государыня, обратившись к старикам, начала расспрашивать, как у них живут на Сечи, какие обычаи водятся, — он, отошедши назад, нагнулся к карману, сказал тихо:

«Выноси меня отсюда скорее!» — и вдруг очутился за шлагбаумом...

— Утонул! ей-богу, утонул! вот чтобы я не сошла с этого места, если не утонул! — лепетала толстая ткачиха, стоя в куче диканьских баб посреди улицы.

— Что же, разве я лгунья какая? разве я у кого-нибудь корову ukrала? разве я сглазила кого, что ко мне не имеют веры? — кричала баба в козацкой свитке¹, с фиолетовым носом, размахивая руками. — Вот чтобы мне воды не захотелось пить, если старая Переперчиха не видела собственными глазами, как повесился кузнец!

— Кузнец повесился? вот тебе на! — сказал голова, выходивший от Чуба, остановился и протеснился ближе к разговаривавшим.

— Скажи лучше, чтоб тебе водки не захотелось пить, старая пьяница! — отвечала ткачиха, — нужно быть такой сумасшед-

¹Свитка — долгополая одежда.

шей, как ты, чтобы повеситься! Он утонул! Утонул в проруби! Это я так знаю, как то, что ты была сейчас у шинкарки.

— Срамница! вишь, чем стала попрекать! — гневно возразила баба с фиолетовым носом. — Молчала бы, негодница! Разве я не знаю, что к тебе дьяк ходит каждый вечер?

Ткачиха вспыхнула.

— Что дьяк? к кому дьяк? что ты врёшь?

— Дьяк? — пропела, теснясь к спорившим, дьячиха, в тулупе из заячьего меха, крытом синею китайкой. — Я дам знать дьяка! Кто это говорит — дьяк?

— А вот к кому ходит дьяк! — сказала баба с фиолетовым носом, указывая на ткачиху.

— Так это ты... — сказала дьячиха, подступая к ткачихе. — так это ты, ведьма, напускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе?

— Отвяжись от меня, сатана! — говорила, пятась, ткачиха.

— Вишь, проклятая ведьма, чтоб ты не дождала детей своих видеть, негодная! Тьфу!.. — Тут дьячиха плюнула прямо в глаза ткачихе.

Ткачиха хотела и себе сделать то же, но вместо того плюнула в небритую бороду голове, который, чтобы лучше всё слышать, подобрался к самим спорившим.

— А, скверная баба! — закричал голова, обтирая полою лицо и поднявши кнут. Это движение заставило всех разойтись с ругательствами в разные стороны. — Экая мерзость! — повторял он, продолжая обтираться. — Так кузнец утонул! Боже ты мой, а какой важный живописец был! какие ножи крепкие, серпы, плуги умел выковывать! Что за сила была! Да, — продолжал он, задумавшись, — таких людей мало у нас на селе. То-то я, ещё сидя в проклятом мешке, замечал, что бедняжка был крепко не в духе. Вот тебе и кузнец! был, а теперь и нет! А я собирался было подковать свою рябую кобылу!..

И, будучи полон таких христианских мыслей, голова тихо побрёл в свою хату.

Оксана смутилась, когда до неё дошли такие вести. Она мало верила глазам Переперчихи и толкам баб; она знала, что кузнец довольно набожен, чтобы решиться погубить свою душу. Но что, если он в самом деле ушёл с намерением никогда не возвращаться в село? А вряд ли в другом месте где найдётся такой молодец, как кузнец! Он же так любил её! Он долее всех выносил её капризы! Красавица всю ночь под своим оде-

ялом поворачивалась с правого бока на левый, с левого на правый — и не могла заснуть. То, разметавшись в обворожительной наготе, которую ночной мрак скрывал даже от неё самой, она почти вслух бранила себя; то, приутихнув, решалась ни о чём не думать — и всё думала. И вся горела; и к утру влюбилась по уши в кузнеца.

Чуб не изъявил ни радости, ни печали об участии Вакулы. Его мысли заняты были одним: он никак не мог позабыть вероломства Солохи и сонный не переставал бранить её.

Настало утро. Вся церковь ещё до света была полна народа. Пожилые женщины в белых намитках, в белых суконных свитках набожно крестились у самого входа церковного. Дворянки в зелёных и жёлтых кофтах, а иные даже в синих кунтушах с золотыми назади усами, стояли впереди их. Дивчата, у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов, старались пробраться ещё ближе к иконостасу. Но впереди всех стояли дворяне и простые мужики с усами, с чубами. С толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, все большею частию в кобеняках, из-под которых выказывалась белая, а у иных и синяя свитка. На всех лицах, куда ни взглянь, виден был праздник. Голова облизывался, воображая, как он разговееется колбасою; дивчата помышляли о том, как они будут *ковзаться с хлопцами* на льду; старухи усерднее, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, как козак Свербыгуз клал поклоны. Одна только Оксана стояла как будто не своя: молилась и не молилась. На сердце у неё столпилось столько разных чувств, одно другого досаднее, одно другого печальнее, что лицо её выражало одно только сильное смущение; слёзы дрожали на глазах. Дивчата не могли понять этому причины и не подозревали, чтобы виною был кузнец. Однако ж не одна Оксана была занята кузнецом. Все миряне заметили, что праздник — как будто не праздник; что как будто всё чего-то недостаёт. Как на беду, дьяк после путешествия в мешке охрип и дребезжал едва слышным голосом; правда, приезжий певчий славно брал баса, но куда бы лучше, если бы и кузнец был, который всегда, бывало, как только пели «Отче наш» или «Иже херувимы», всходил на крылос и выводил оттуда тем же самым напевом, каким поют и в Полтаве. К тому же он один исправлял должность церковного титара. Уже отошла заутреня; после заутрени отошла обедня... куда же это, в самом деле, запропастился кузнец?

Ещё быстрее в остальное время ночи нёсся чёрт с кузнецом назад. И мигом очутился Вакула около своей хаты. В это время пропел петух. «Куда? — закричал он, ухватя за хвост хотевшего убежать чёрта, — постой, приятель, ещё не всё: я ещё не поблагодарил тебя». Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный чёрт припустил бежать, как мужик, которого только что выпарил заседатель. Итак, вместо того чтобы проведать, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен. После сего Вакула вошёл в сени, зарылся в сено и проспал до обеда. Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко: «Я проспал заутреню и обедню!» Тут благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это, верно, Бог нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою душу, наслал сон, который не дал даже ему побывать в такой торжественный праздник в церкви. Но, однако ж, успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу и с сегодняшнего же дня начнёт бить по пятидесяти поклонов через весь год, заглянул он в хату; но в ней не было никого. Видно, Солоха ещё не возвращалась. Бережно вынул он из пазухи башмаки и снова изумился дорогой работе и чудному происшествию минувшей ночи; умылся, оделся как можно лучше, надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынул из сундука новую шапку из решетиловских смушек с синим верхом, которой не надевал ещё ни разу с того времени, как купил её ещё в бытность в Полтаве; вынул также новый всех цветов пояс; положил всё это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу.

Чуб выпучил глаза, когда вошёл к нему кузнец, и не знал, чему дивиться: тому ли, что кузнец воскрес, тому ли, что кузнец смел к нему прийти, или тому, что он нарядился таким щёголем и запорожцем. Но ещё больше изумился он, когда Вакула развязал платок и положил перед ним новёхонькую шапку и пояс, какого не видано было на селе, а сам повалился ему в ноги и проговорил умоляющим голосом:

— Помилуй, батько! не гневись! вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает, отдаюсь сам; во всём каюсь; бей, да не гневись только! Ты ж когда-то брался с покойным батьком, вместе хлеб-соль ели и магарыч пили.

Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, стибал в руке пятаки и подковы, как гречневые блины, тот самый кузнец лежал у ног его. Чтоб ещё больше не уронить себя, Чуб взял нагайку и ударил его три раза по спине.

— Ну, будет с тебя, вставай! старых людей всегда слушай! Забудем всё, что было меж нами! Ну, теперь говори, чего тебе хочется?

— Отдай, батько, за меня Оксану!

Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс: шапка была чудная, пояс также не уступал ей; вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно:

— *Добре!* присылай сватов!

— Ай! — вскрикнула Оксана, переступив через порог и увидев кузнеца, и вперила с изумлением и радостью в него очи.

— Погляди, какие я тебе принёс черевики! — сказал Вакула, — те самые, которые носит царица.

— Нет! нет! мне не нужно черевиков! — говорила она, махая руками и не сводя с него очей, — я и без черевиков... — Далее она не договорила и покраснела.

Кузнец подошёл ближе, взял её за руку: красавица и очи потупила. Ещё никогда не была она так чудно хороша. Восхищённый кузнец тихо поцеловал её, и лицо её пуще загорелось, и она стала ещё лучше.

Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей, хвалил место, на котором стоит село, и, проезжая по улице, остановился перед новою хатою.

— А чья это такая размалёванная хата? — спросил преосвященный у стоявшей близ дверей красивой женщины с дитятей на руках.

— Кузнеца Вакулы! — сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

— Славно! славная работа! — сказал преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна все были обведены кругом красною краскою; на дверях же везде были козаки на лошадях, с трубками в зубах.

Но ещё больше похвалил преосвященный Вакулу, когда узнал, что он выдержал церковное покаяние и выкрасил даром весь левый крылос зелёною краскою с красными цветами. Это, однако же, не всё: на стене сбоку, как войдёшь в церковь, наmaleвал Вакула чёрта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: «*Он бач, яка кака намалёвана!*» — и дитя, удерживая слезёнки, косилось на картину и жалось к груди своей матери.

Думаем над прочитанным

1. С каким настроением вы читали повесть «Ночь перед рождеством»? Объясните почему.

2. Что показалось вам необычным уже в самом начале повести? Расскажите, как в повести соотносится реальное и фантастическое.

3. Какие фрагменты вызвали у вас улыбку и смех? Расскажите о них.

4. Чем запомнились вам герои повести? Обоснуйте свой ответ.

5. Раскройте авторское отношение к героям, подтверждая свои высказывания словами из текста.

6. Как вы думаете, почему Вакуле удалось перехитрить самого чёрта?

7. Найдите в тексте и прочитайте описание Оксаны. Как изображает её Гоголь?

8. Какие перемены произошли в душе Оксаны? Как вы думаете, почему?

9. Как характеризует каждого из героев повести его речь? Приведите примеры. С какой целью автор использует в повести украинские слова?

10. Выберите в тексте повести понравившийся отрывок — описание природы и подготовьте его выразительное чтение.

11. Какие обычаи и традиции украинского народа нашли отражение в повести? Свои ответы подтвердите цитатами из произведения.

Знаете ли вы, что...

Николай Васильевич Гоголь, создавая рассказы, включённые в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки», неоднократно обращался за помощью к своей матери Марии Ивановне. Он писал ей: «Дорогая моя маменька! Вы имеете тонкий наблюдательный ум, вы знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и поэтому, я знаю, вы не откажетесь сообщить мне их в нашей переписке. Это мне очень нужно. В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов, с поименованием, как всё это называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиян, — равным образом названия платья, носимого нашими крестьянскими девками до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками.

Ещё обстоятельное описание свадьбы, не упуская наималейших подробностей... Ещё несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках...»

Из секретов литературоведения

Понятие о повести

Прочитанное вами произведение Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством» — повесть. Давайте выясним, что мы называем повестью.

Своей историей повесть восходит ещё к сказкам и притчам. Значение этого слова очень характерно и определённо. Так, часть слова «*по*» указывает на принадлежность к прошедшему времени, а «*весть*» означает сообщение, рассказ о чём-либо. То есть «повесть» — это весть о прошедшем, рассказ о том, что когда-то свершилось. Слово «*повесть*» также связано с глаголом «поведать», что уже указывает на её принадлежность к прозаическим произведениям. Характер развития действия в повести сложнее, чем в рассказе, но оно менее развёрнуто, чем в романе. Повесть обычно посвящена нескольким эпизодам из жизни главного персонажа, в то время как рассказ — преимущественно одному.

Повесть — это среднее по объёму прозаическое художественное произведение, в котором раскрывается несколько эпизодов из жизни литературного героя на фоне изображения судеб других персонажей.

1. Объясните, что такое повесть.
2. Какие повести вы уже читали?
3. Докажите, что произведение Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством» — повесть.

Понятие о юморе

Смешное, комическое всегда рядом с нами. В нашей повседневной жизни мы часто становимся свидетелями комических ситуаций, иногда и сами попадаем в них. С давних времён смешное находило своё отображение и в словесном искусстве — устном и письменном.

Юмор (в переводе с англ. — *настроение*) — это особый вид смешного. Это добродушный смех над несовершенством мира, человека, отдельных явлений жизни. Юмористический смех мы легко отличаем от смеха злого, едкого. При помощи юмора автор критикует только отдельные черты характера человека, при этом сохраняя к нему чувства симпатии и сочувствия.

Так, комическое широко представлено в большинстве произведений устного народного творчества, особенно в сказках, пословицах, поговорках, шутливых песнях. Многие мастера слова включали в свои тексты описание смешного. Смешное, комическое часто называют *юмором*.

Добродушно посмеиваясь, мы понимаем, что юмор заключает в себе и скрытую серьёзность. Именно при его помощи нам показывают, от каких слабостей и недостатков необходимо избавляться.

Например, читая повесть Гоголя «Ночь перед рождеством», вы, безусловно, отметили, как добродушно подсмеивается автор над головой. Чубом, дьяком, которые очень хотят казаться важными, а попадают в мешок к Солохе.

1. Назовите отличительные черты юмора.
2. Над чем смеётся Гоголь, изображая панов, чёрта, кума в повести «Ночь перед рождеством»?

Владимир Галактионович Короленко

Дорог человек, дорога его свобода,
его возможное на земле счастье,
развитие, усложнение и удовлетворение
человеческих потребностей.

Владимир Короленко

Владимир Галактионович Короленко принадлежит к числу тех русских писателей, жизнь и творчество которых неразрывно связано с Украиной, её историей и культурой.

Будущий писатель родился в украинском городе Житомире в небогатой семье уездного судьи, человека очень честного и справедливого. Отец В. Г. Короленко воспитывал у своего сына человеческое достоинство и порядочность, отзывчивость к чужому горю и доброту. Поэтому неудивительно, что в детстве В. Г. Короленко мечтал стать героем и пострадать за родной народ. «Маленьким романтиком» назвал он сам себя позже. У него рано сформировалось непримиримое отношение к несправедливости и насилию. Известен факт, что, ещё будучи гимназистом, Владимир Галактионович выступал против побоев детей розгами.

Учился он в гимназиях Житомира и Ровно. В годы учёбы увлёкся героическим прошлым украинского народа, творчеством Тараса Григорьевича Шевченко. На всю жизнь запомнил В. Г. Короленко слова своего учителя Буткевича, что он «казацкий внук и правнук свободного казацкого рода».

Жизнь писателя вряд ли можно назвать гладкой. Он хорошо знал, что такое угнетение народов, тюрьмы и сибирские ссылки. Но они не смогли сломить его убеждений, не погасили его веры в то, что жизнь — это «целая бесконечность стремлений», что «впереди будет всё светлее, что стремиться и достигать стоит».

1. Что вам известно о жизни и творчестве В. Г. Короленко?
2. Расскажите о связи писателя с Украиной.

Знаете ли вы, что...

В одном из писем писатель говорил о повести «В дурном обществе»: «Многие черты взяты с натуры, и, между тем, именно место действия описано совсем точно с города, где мне пришлось заканчивать курс». То есть речь идёт об украинском городе Ровно, в котором В. Г. Короленко учился, начиная с третьего класса гимназии. В образе судьи писатель изобразил некоторые черты, которые были присущи его отцу.

Путешествуем по литературным местам

В 1973 году в городе Житомире в доме, в котором родился и жил В. Г. Короленко, был открыт литературно-мемориальный музей. О нелёгкой, насыщенной разными событиями жизни писателя рассказы-

вают фонды музея — книги, документы, фотографии. Например, посетив музей, можно узнать, что в 1903 году, отвечая на приветствие своих земляков по случаю 50-летия со дня рождения, В. Г. Короленко написал: «Жизнь бросала меня далеко от места рождения, но память о родных местах сохранилась у меня живо и ярко».

В ДУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

*Из детских воспоминаний моего приятеля
(Отрывки)*

І. РАЗВАЛИНЫ

Моя мать умерла, когда мне было шесть лет. Отец, весь отдавшись своему горю, как будто совсем забыл о моём существовании. Порой он ласкал мою маленькую сестру и по-своему заботился о ней, потому что в ней были черты матери. Я же рос, как дикое деревцо в поле, — никто не окружал меня особенною заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы.

Местечко, где мы жили, называлось Княжье-Вено, или, проще, Княж-городок. Оно принадлежало одному захудалому, но гордому польскому роду и представляло все типические черты любого из мелких городов Юго-западного края, где, среди тихо струящейся жизни тяжёлого труда и мелко-суетливого еврейского гешефта¹ доживают свои печальные дни жалкие останки гордого панского величия.

Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшение города. Самый город раскинулся внизу над сонными, заплесневшими прудами, и к нему приходится спускаться по отлогому шоссе, загороженному традиционной «заставой». Сонный инвалид, порыжелая на солнце фигура, олицетворение безмятежной дремоты, лениво поднимает шлагбаум, и — вы в городе, хотя, быть может, не замечаете этого сразу. Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками. Далее широкая площадь зияет в разных местах тёмными воротами еврейских «заезжих домов», казённые учреждения наводят уныние своими белыми стенами и казарменно-ровными линиями. Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кряхтит, вздрагивая под колесами, и

¹Гешефт — здесь: мелкая торговля.

шатается, точно дряхлый старик. За мостом потянулась еврейская улица с магазинами, лавками, лавчонками, столами евреев-менял, сидящих под зонтами на тротуарах, и с навесами калачниц¹. Вонь, грязь, кучи ребят, ползающих в уличной пыли. Но вот ещё минута и — ты уже за городом. Тихо шепчутся берёзы над могилами кладбища, да ветер волнует хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа.

Речка, через которую перекинут упомянутый мост, вытекала из пруда и впадала в другой. Таким образом, с севера и юга городок ограждался широкими водяными гладами и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. Посредине одного из прудов находится остров. На острове — старый, полуразрушенный замок.

Я помню, с каким страхом я смотрел всегда на это величавое дряхлое здание. О нём ходили предания и рассказы один другого страшнее. Говорили, что остров насыпан искусственно, руками пленных турок. «На костях человеческих стоит старое замчище», — передавали старожилы, и моё детское испуганное воображение рисовало под землей тысячи турецких скелетов, поддерживающих костлявыми руками остров с его высокими пирамидальными тополями и старым замком. От этого, понятно, замок казался ещё страшнее, и даже в ясные дни, когда, бывало, ободрённые светом и громкими голосами птиц, мы подходили к нему поближе, он нередко наводил на нас припадки панического ужаса, — так страшно глядели чёрные впадины давно выбитых окон; в пустых залах ходил таинственный шорох: камешки и штукатурка, отрываясь, падали вниз, будя гулкое эхо, и мы бежали без оглядки, а за нами долго ещё стояли стук и топот, и гоготанье.

<...>Было время, когда старый замок служил даровым убежищем всякому

¹Калачницы — торговая лавка с калачами (пшеничный хлеб в форме замка с дужкой).

бедняку без малейших ограничений. Всё, что не находило себе места в городе, всякое выскочившее из колеи существование, потерявшее, по той или другой причине, возможность платить хотя бы и жалкие гроши за кров и угол на ночь и в непогоду, — всё это тянулось на остров и там, среди развалин, преклоняло свои победные головушки, платя за гостеприимство лишь риском быть погребёнными под грудями старого мусора. «Живёт в замке» — эта фраза стала выражением крайней степени нищеты и гражданского падения. Старый замок радушно принимал и покрывал и перекатную голь, и временно обнищавшего писца¹, и сиротливых старушек, и безродных бродяг. Все эти существа терзали внутренности дряхлого здания, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили, чем-то питались, — вообще отправляли неизвестным образом свои жизненные функции. <...>

II. ПРОБЛЕМАТИЧЕСКИЕ НАТУРЫ

<...> Кроме этих выделявшихся из ряда личностей, около часовни ютилась еще тёмная масса жалких оборванцев, появление которых на базаре производило всегда большую тревогу среди торговков, спешивших прикрыть своё добро руками, подобно тому, как наседки прикрывают цыплят, когда в небе покажется коршун. Ходили слухи, что эти жалкие личности, окончательно лишённые всяких ресурсов со времени изгнания из замка, составили дружное сообщество и занимались, между прочим, мелким воровством в городе и окрестностях. Основывались эти слухи главным образом на той бесспорной посылке, что человек не может существовать без пищи; а так как почти все эти тёмные личности, так или иначе, отбились от обычных способов её добывания и были отёрты счастливыми из замка от благ местной филантропии², то отсюда следовало неизбежное заключение, что им было необходимо воровать или умереть. Они не умерли, значит... самый факт их существования обращался в доказательство их преступного образа действий.

Если только это была правда, то уже не подлежало спору, что организатором и руководителем сообщества не мог быть никто другой, как пан Тыбурций Драб, самая замечательная личность из всех проблематических натур, не ужившихся в старом замке.

¹Писец (устар.) — переписчик, писарь.

²Филантропия — благотворительность, покровительство нуждающимся.

Происхождение Драба было покрыто мраком самой таинственной неизвестности. Люди, одарённые сильным воображением, приписывали ему аристократическое имя, которое он покрыл позором и потому принуждён был скрыться, причём участвовал будто бы в подвигах знаменитого Кармелюка. Но, во-первых, для этого он был ещё недостаточно стар, а во-вторых, наружность пана Тыбурция не имела в себе ни одной аристократической черты. Роста он был высокого; сильная сутуловатость как бы говорила о бремени вынесенных Тыбурцием несчастий; крупные черты лица были грубо выразительны. Короткие, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкий лоб, несколько выдававшаяся вперед нижняя челюсть и сильная подвижность лицевых мускулов придавали всей физиономии что-то обезьянье; но глаза, сверкавшие из-под нависших бровей, смотрели упорно и мрачно, и в них светились, вместе с лукавством, острая проникаемость, энергия и недюжинный ум. В то время как на его лице сменялся целый kaleidoscope гримас, эти глаза сохраняли постоянно одно выражение, отчего мне всегда бывало как-то безотчётно жутко смотреть на гаерство¹ этого странного человека. Под ним будто струилась глубокая неустанная печаль.

<...> Никто не мог бы также сказать, откуда у пана Тыбурция явились дети, а между тем факт, хотя и никем не объяснённый, стоял налицо... даже два факта: мальчик лет семи, но рослый и развитой не по летам, и маленькая трёхлетняя девочка. Мальчика пан Тыбурций привёл, или, вернее, принёс, с собой с первых дней как явился сам на горизонте нашего города. Что же касается девочки, то, повидимому, он отлучался, чтобы приобрести её, на несколько месяцев в совершенно неизвестные страны.

Мальчик, по имени Валек, высокий, тонкий, черноволосый, угрюмо шатался

¹Гаер — в старину: балаганный шут.

иногда по городу без особенного дела, заложив руки в карманы и кидая по сторонам взгляды, смущавшие сердца калачниц. Девочку видели только один или два раза на руках пана Тыбурция, а затем она куда-то исчезла, и где находилась — никому не было известно.

(Продолжение следует)

Думаем над прочитанным

- 1. Расскажите о своих первых впечатлениях о прочитанном.
- 2. В каком городе разворачиваются события рассказа?
- 3. Найдите в тексте и прочитайте описание города. Какое настроение возникает во время чтения описания Княжье-Вено? Свой ответ обоснуйте, используя цитаты из текста.
- 4. Какие цвета и оттенки чаще всего встречаются в описании города? С какой целью использует их автор?
5. Подумайте, с какой целью автор вводит в рассказ такое подробное описание города.
- 6. Выразительно прочитайте описание старого замка. С помощью каких художественных средств автор показывает это «величавое дряхлое здание»?
- 7. Объясните выражение «живёт в замке».
8. Что вам стало известно о маленьком рассказчике с первых страниц произведения? Какое впечатление он на вас произвёл?
9. Объясните, как вы поняли название 2-го раздела рассказа «Проблематические натуры».
- 10. Расскажите, кто такой пан Тыбурций Драб. Что вам становится известно о нём из прочитанного?
- 11. Создайте устный портрет пана Тыбурция. Проанализируйте, как через описание внешности героя передаются особенности его характера, положение в обществе, авторское отношение к нему.

III. Я И МОЙ ОТЕЦ

— Плохо, молодой человек, плохо! — говорил мне нередко старый Януш из замка, встречая меня на улицах города в свите пана Туркевича или среди слушателей пана Драба.

И старик качал при этом своею седою бородой.

— Плохо, молодой человек, — вы в дурном обществе!.. Жаль, очень жаль сына почтенных родителей, который не щадит семейной чести.

Действительно, с тех пор как умерла моя мать, а суровое лицо отца стало ещё угрюмее, меня очень редко видели дома. В поздние летние вечера я прокрадывался по саду, как молодой волчонок, избегая встречи с отцом, отворял посредством особых приспособлений своё окно, полузакрытое густою зеленою сирени, и тихо ложился в постель. Если маленькая сестрёнка ещё не спала в своей качалке в соседней комнате, я подходил к ней, и мы тихо ласкали друг друга и играли, стараясь не разбудить ворчливую старую няню.

А утром, чуть свет, когда в доме все ещё спали, я уж прокладывал росистый след в густой, высокой траве сада, перелезал через забор и шёл к пруду, где меня ждали с удочками такие же сорванцы-товарищи, или к мельнице, где сонный мельник только что отодвинул шлюзы и вода, чутко вздрагивая на зеркальной поверхности, кидалась в «лотоки»¹ и бодро принималась за дневную работу.

Большие мельничные колеса, разбуженные шумливыми толчками воды, тоже вздрагивали, как-то нехотя подавались, точно лениясь проснуться, но через несколько секунд уже кружились, брызгая пеной и купаясь в холодных струях. За ними медленно и солидно трогались толстые валы, внутри мельницы начинали грохотать шестерни, шуршали жернова, и белая мучная пыль тучами поднималась из щелей старого-престарого мельничного здания.

Тогда я шёл далее. Мне нравилось встречать пробуждение природы: я бывал рад, когда мне удавалось вспугнуть заспавшегося жаворонка или выгнать из борозды трусливого зайца. Капли росы падали с верхушек трясушки, с головок луговых цветов, когда я пробирался полями к загородной роще. Деревья встречали меня шёпотом ленивой дремоты. Из окон тюрьмы не глядели ещё бледные, угрюмые лица арестантов, и только караул, громко звякая ружьями, обходил вокруг стены, сменяя усталых почных часовых.

Я успевал совершить дальний обход, и всё же в городе то и дело встречались мне заспанные фигуры, отворявшие ставни домов. Но вот солнце поднялось уже над горой, из-за прудов слышится крикливый звонок, сзывающий гимназистов, и голод зовёт меня домой к утреннему чаю.

Вообще все меня звали бродягой, негодным мальчишкой

¹Лото́ки — лопасти мельничного колеса.

и так часто укоряли в разных дурных наклонностях, что я наконец и сам проникся этим убеждением. Отец также поверил этому и делал иногда попытки заняться моим воспитанием, но попытки эти всегда кончались неудачей. При виде строгого и угрюмого лица, на котором лежала суровая печать неизлечимого горя, я робел и замыкался в себя. Я стоял перед ним, переминаясь, теребя свои штанишки, и озирался по сторонам. Временами что-то как будто подымалось у меня в груди; мне хотелось, чтоб он обнял меня, посадил к себе на колени и приласкал. Тогда я прильнул бы к его груди, и, быть может, мы вместе заплакали бы — ребёнок и суровый мужчина — о нашей общей утрате. Но он смотрел на меня отуманенными глазами, как будто поверх моей головы, и я весь сжимался под этим непонятным для меня взглядом.

— Ты помнишь матушку?

Помнил ли я её? О да, я помнил её! Я помнил, как, бывало, просыпаясь ночью, я искал в темноте её нежные руки и крепко прижимался к ним, покрывая их поцелуями. Я помнил её, когда она сидела больная перед открытым окном и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь с нею в последний год своей жизни.

О да, я помнил её!.. Когда она, вся покрытая цветами, молодая и прекрасная, лежала с печатью смерти на бледном лице, я, как зверёк, забился в угол и смотрел на неё горящими глазами, перед которыми впервые открылся весь ужас загадки о жизни и смерти. А потом, когда её унесли в толпе незнакомых людей, не мои ли рыдания звучали сдавленным стоном в сумраке первой ночи моего сиротства?

О да, я её помнил!.. И теперь часто, в глухую полночь, я просыпался, полный любви, которая теснилась в груди, переполняя детское сердце, — просыпался с улыбкой счастья, в блаженном неведении, навеянном розовыми снами детства. И опять, как прежде, мне казалось, что она со мною, что я сейчас встречу её любящую, милую ласку. Но мои руки протягивались в пустую тьму, и в душу проникало сознание горького одиночества. Тогда я сжимал руками своё маленькое, больно стучавшее сердце, и слезы прожигали горячими струями мои щёки.

О да, я помнил её!.. Но на вопрос высокого угрюмого человека, в котором я желал, но не мог почувствовать родную душу, я съёживался ещё более и тихо выдёргивал из его руки свою ручонку.

И он отворачивался от меня с досадою и болью. Он чувствовал, что не имеет на меня ни малейшего влияния, что между нами стоит какая-то неодолимая стена. Он слишком любил её, когда она была жива, не замечая меня из-за своего счастья. Теперь меня закрывало от него тяжелое горе.

И мало-помалу пропасть, нас разделявшая, становилась всё шире и глубже. Он всё более убеждался, что я — дурной, испорченный мальчишка, с чёрствым, эгоистическим сердцем, и сознание, что он *должен*, но *не может* заняться мною, *должен*, любить меня, но не находит для этой любви угла в своём сердце, ещё увеличивало его нерасположение. И я это чувствовал. Порой, спрятавшись в кустах, я наблюдал за ним; я видел, как он шагал по аллеям, всё ускоряя походку, и глухо стонал от нестерпимой душевной муки. Тогда моё сердце загоралось жалостью и сочувствием. Один раз, когда, сжав руками голову, он присел на скамейку и зарыдал, я не вытерпел и выбежал из кустов на дорожку, повинувшись неопределённому побуждению, толкавшему меня к этому человеку. Но он, пробудясь от мрачного и безнадежного созерцания, сурово взглянул на меня и осадил холодным вопросом:

— Что нужно?

Мне ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтоб отец не прочёл его в моём смущённом лице. Убежав в чащу сада, я упал лицом в траву и горько заплакал от досады и боли. С шести лет я испытывал уже ужас одиночества. Сестре Соне было четыре года. Я любил её страстно, и она платила мне такую же любовью; но установившийся взгляд на меня, как на отпетого маленького разбойника, воздвиг и между нами высокую стену. Всякий раз, когда я начинал играть с нею, по-своему шумно и резво, старая нянька, вечно сонная и вечно дравшая, с закрытыми глазами, куриные перья для подушек, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила к себе, кидая на меня сердитые взгляды; в таких случаях она всегда напоминала мне включённую наседку, себя я сравнивал с хищным коршуном, а Соню — с маленьким цыплёнком. Мне становилось очень горько и досадно. Не мудрено поэтому, что скоро я прекратил всякие попытки занимать Соню моими преступными играми, а ещё через некоторое время мне стало тесно в доме и в садике, где я не встречал ни в ком приветов и ласки. Я начал бродяжить. Всё моё существо трепетало тогда каким-то странным э предчувствием,

предвкушением жизни. Мне всё казалось, что где-то там, в этом большом и неведомом свете, за старою оградой сада, я найду что-то; казалось, что я что-то должен сделать и могу что-то сделать, но я только не знал, что именно; а между тем, навстречу этому неведомому и таинственному, во мне из глубины моего сердца что-то подымалось, дразня и вызывая. Я всё ждал разрешения этих вопросов и инстинктивно бежал и от няньки с её перьями, и от знакомого ленивого шёпота яблоней в нашем маленьком садике, и от глухого стука ножей, рубивших на кухне котлеты. С тех пор к прочим нелестным моим эпитетам прибавились названия уличного мальчишки и бродяги: но я не обращал на это внимания. Я притерпелся к упрёкам и выносил их, как выносил внезапно налетавший дождь или солнечный зной. Я хмуро выслушивал замечания и поступал по-своему. Шатаюсь по улицам, я всматривался детски любопытными глазами в незатейливую жизнь городка с его лачугами, вслушивался в гул проволок на шоссе, вдали от городского шума, стараясь уловить, какие вести несутся по ним из далёких больших городов, или в шелест колосьев, или в шёпот ветра на высоких гайдамацких могилах. Не раз мои глаза широко раскрывались, не раз останавливался я с болезненным испугом перед картинами жизни... Образ за образом, впечатление за впечатлением ложились на душу яркими пятнами; я узнал и увидел много такого, чего не видали дети значительно старше меня, а между тем то неведомое, что подымалось из глубины детской души, по-прежнему звучало в ней несмолкающим, таинственным, подмывающим, вызывающим рокотом.

Когда старухи из замка лишили его в моих глазах уважения и привлекательности, когда все углы города стали мне известны до последних грязных закоулков, тогда я стал заглядываться на видневшуюся вдали, на униатской горе, часовню. Сначала, как пугливый зверёк, я подходил к ней с разных сторон, всё не решаясь взобраться на гору, пользовавшуюся дурною славой. Но по мере того как я знакомился с местностью, передо мною выступали только тихие могилы и разрушенные кресты. Нигде не было видно признаков какого-либо жилья и человеческого присутствия. Всё было как-то смиренно, тихо, заброшено, пусто. Только самая часовня глядела, насупившись, пустыми окнами, точно думала какую-то — грустную думу. Мне захотелось осмотреть её всю, заглянуть внутрь, чтобы убедиться окончательно, что и там нет ничего, кроме пыли. Но так как одному

было бы и страшно и неудобно предпринимать подобную экскурсию, то я наберёвал на улицах города небольшой отряд из трёх сорванцов, привлечённых к предприятию обещанием булок и яблок из нашего сада.

(Продолжение следует)

Думаем над прочитанным

- 1. Объясните название раздела «Я и мой отец».
- 2. Какие представления друг о друге сложились у сына и отца? Объясните, как это произошло.
- 3. Найдите в тексте и прочитайте, как окружающие называли мальчика. А каким вы видите рассказчика? Свои мысли подтвердите анализом его поступков.
- 4. Выразительно прочитайте воспоминания героя о матери. Какие чувства переполняют его? Как это характеризует мальчика?
- 5. Проанализируйте взаимоотношения рассказчика с отцом.
- 6. Проследите по тексту, с помощью каких художественных средств создаётся атмосфера одиночества вокруг героя. Объясните, как вы понимаете выражение «испытывал уже ужас одиночества».
- 7. Найдите в тексте и прочитайте описание пробуждения природы. Как вы думаете, с какой целью писатель вводит в своё произведение это описание? Сравните его с душевными переживаниями мальчика.
- 8. Почему герой стал бродяжничать? Свой ответ аргументируйте.

IV. Я ПРИОБРЕТАЮ НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

<...>Перегнувшись через косяк, я заглянул внутрь часовни, и оттуда на меня пахнуло торжественной тишиной брошенного храма. Внутренность высокого узкого здания была лишена всяких украшений. Лучи вечернего солнца, свободно врываясь в открытые окна, разрисовывали ярким золотом старые, ободранные стены. Я увидел внутреннюю сторону запертой двери, провалившиеся хоры, старые, истлевшие колонны, как бы покочавшиеся под непосильною тяжестью. Углы были затканы паутиной, и в них ютилась та особенная тьма, которая залегает все углы таких старых зданий. От окна до пола казалось гораздо дальше, чем до травы снаружи. Я смотрел точно в глубокую яму и сначала не мог разглядеть каких-то странных предметов, маячивших по полу причудливыми очертаниями.

Между тем моим товарищам надоело стоять внизу, ожидая от меня известий, и потому один из них, проделав ту же процедуру, какую проделал я раньше, повис рядом со мною, держась за оконную раму.

— Престол¹, — сказал он, взглядевшись в странный предмет на полу.

— И паникадило².

— Столик для Евангелия.

— А вон там что такое? — с любопытством указал он на тёмный предмет, видневшийся рядом с престолом.

— Поповская шапка.

— Нет, ведро.

— Зачем же тут ведро?

— Может быть, в нём когда-то были угли для кадила.

— Нет, это действительно шапка. Впрочем, можно посмотреть. Давай привяжем к раме пояс, и ты по нему спустишься.

— Да, как же, так и спущусь!.. Полезай сам, если хочешь.

— Ну что ж! Думаешь, не полезу?

— И полезай!

Действуя по первому побуждению, я крепко связал два ремня, задел их за раму и, отдав один конец товарищу, сам повис на другом. Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнул; но взгляд на участливо склонившуюся ко мне рожицу моего приятеля восстановил мою бодрость. Стук каблука зазвенел под потолком, отдался в пустоте часовни, в её тёмных углах. Несколько воробьёв вспорхнули с насиженных мест на хорах и вылетели в большую прореху в крыше. Со стены, на окнах которой мы сидели, глянуло на меня вдруг строгое лицо, с бородой, в терновом венце. Это склонялось из-под самого потолка гигантское распятие.

Мне было жутко; глаза моего друга сверкали захватывающим дух любопытством и участием.

— Ты подойдёшь? — спросил он тихо.

— Подойду, — ответил я так же, собираясь с духом. Но в эту минуту случилось нечто совершенно неожиданное.

Сначала слышался стук и шум обвалившейся на хорах штукатурки. Что-то завозилось вверху, трянуло в воздухе тучею пыли, и большая серая масса, взмахнув крыльями, подня-

¹Престол — высокий стол, стоящий посредине церковного алтаря.

²Паникадило — висючая люстра в церкви.

лась к прорехе в крыше. Часовня на мгновение как будто потемнела. Огромная старая сова, обеспокоенная нашей вознёй, вылетела из тёмного угла, мелькнула, распластавшись на фоне голубого неба в пролёте, и шарахнулась вон.

Я почувствовал прилив судорожного страха.

— Подымай! — крикнул я товарищу, схватившись за ремень.

— Не бойся, не бойся! — успокаивал он, приготовляясь поднять меня на свет дня и солнца.

Но вдруг лицо его исказилось от страха; он вскрикнул и мгновенно исчез, спрыгнув с окна. Я инстинктивно оглянулся и увидел странное явление, поразившее меня, впрочем, больше удивлением, чем ужасом.

Тёмный предмет нашего спора, шапка или ведро, оказавшийся в конце концов горшком, мелькнул в воздухе и на глазах моих скрылся под престолом. Я успел только разглядеть очертания небольшой, как будто детской, руки.<...>

— А вот погоди, — ответил голос постарше. Под престолом что-то сильно завозилось, он даже как будто покачнулся, и в то же мгновение из-под него вынырнула фигура.

Это был мальчик лет девяти, больше меня, худощавый и тонкий, как тростинка. Одет он был в грязной рубашонке, руки держал в карманах узких и коротких штанишек. Тёмные курчавые волосы лохматились над чёрными задумчивыми глазами.

Хотя незнакомец, явившийся на сцену столь неожиданным и странным образом, подходил ко мне с тем беспечно задорным видом, с каким всегда на нашем базаре подходили друг к другу мальчишки, готовые вступить в драку, но всё же, увидев его, я сильно ободрился. Я ободрился ещё более, когда из-под того же престола, или, вернее, из люка в полу часовни, который он покрывал, сзади мальчика показалось ещё грязное личико, обрамлённое белокурыми волосами и сверкавшее на меня детски любопытными голубыми глазами.

Я несколько отодвинулся от стены и, согласно рыцарским правилам нашего базара, тоже положил руки в карманы. Это было признаком, что я не боюсь противника и даже отчасти намекаю на моё к нему презрение.

Мы стали друг против друга и обменялись взглядами. Оглядев меня с головы до ног, мальчишка спросил:

— Ты здесь зачем?

— Так, — ответил я. — Тебе какое дело? — Мой противник

повёл плечом, как будто намереваясь вынуть руку из кармана и ударить меня. Я не моргнул и глазом.

— Я вот тебе покажу! — погрозил он.

Я выпятился грудью вперёд.

— Ну ударь... попробуй!..

Мгновение было критическое; от него зависел характер дальнейших отношений. Я ждал, но мой противник, окинув меня тем же испытующим взглядом, не шевелился.

— Я, брат, и сам... тоже... — сказал я, но уж более миролюбиво.

Между тем девочка, упершись маленькими ручонками в пол часовни, старалась тоже выкарабкаться из люка. Она падала, вновь приподымалась и наконец направилась нетвёрдыми шагами к мальчишке. Подойдя вплоть, она крепко ухватила за него и, прижавшись к нему, поглядела на меня удивлённым и отчасти испуганным взглядом.

Это решило исход дела; стало совершенно ясно, что в таком положении мальчишка не мог драться, а я, конечно, был слишком великодушен, чтобы воспользоваться его неудобным положением.

— Как твоё имя? — спросил мальчик, глядя рукой белокурую головку девочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я Валеку... Я тебя знаю: ты живёшь в саду над прудом. У вас большие яблоки.

— Да, это правда, яблоки у нас хорошие... не хочешь ли?

Вынув из кармана два яблока, назначавшиеся для расплаты с моею постыдно бежавшей армией, я подал одно из них Валеку, другое протянул девочке. Но она скрыла своё лицо, прижавшись к Валеку.

— Боится, — сказал тот и сам передал яблоко девочке.

— Зачем ты влез сюда? Разве я когда-нибудь лазал в ваш сад? — спросил он затем.

— Что ж, приходи! Я буду рад, — ответил я радушно. Ответ этот озадачил Валека; он призадумался.

— Я тебе не компания, — сказал он грустно.

— Отчего же? — спросил я, огорчённый грустным тоном, каким были сказаны эти слова.

— Твой отец — пан судья.

— Ну так что же? — изумился я чистосердечно. — Ведь ты будешь играть со мной, а не с отцом.

Валеку покачал головой.

— Тыбурций не пустит, — сказал он, и, как будто это имя напомнило ему что-то, он вдруг спохватился: — Послушай... Ты, кажется, славный хлопец, но всё-таки тебе лучше уйти. Если Тыбурций тебя застанет, будет плохо.

Я согласился, что мне действительно пора уходить. Последние лучи солнца уходили уже сквозь окна часовни, а до города было не близко.

— Как же мне отсюда выйти?

— Я тебе укажу дорогу. Мы выйдем вместе.

— А она? — ткнул я пальцем в нашу маленькую даму.

— Маруся? Она тоже пойдёт с нами.

— Как, в окно?

Валек задумался.

— Нет, вот что: я тебе помогу взобраться на окно, а мы выйдем другим ходом.

С помощью моего нового приятеля я поднялся к окну. Отвязав ремень, я обвил его вокруг рамы и, держась за оба конца, повис в воздухе. Затем, отпустив один конец, я спрыгнул на землю и выдернул ремень. Валек и Маруся ждали меня уже под стеной снаружи.

Солнце недавно ещё село за гору. Город утонул в лилово-туманной тени, и только вёрхушки тополей на острове резко выделялись червонным золотом, разрисованные последними лучами заката. Мне казалось, что, с тех пор как я явился сюда, на старое кладбище, прошло не менее суток, что это было вчера.

— Как хорошо! — сказал я, охваченный свежестью наступающего вечера и вдыхая полной грудью влажную прохладу.

— Скучно здесь... — с грустью произнес Валек.

— Вы все здесь живёте? — спросил я, когда мы втроём стали спускаться с горы.

— Здесь.

— Где же ваш дом?

Я не мог себе представить, чтобы дети могли жить без «дома».

Валек усмехнулся с обычным грустным видом и ничего не ответил.

Мы миновали крутые обвалы, так как Валек знал более удобную дорогу. Пройдя меж камышей по высохшему болоту и переправившись через ручеёк по тонким дощечкам, мы очутились у подножия горы, на равнине.

Тут надо было расстаться. Пожав руку моему новому знакомому, я протянул её также и девочке. Она ласково подала мне

свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверх голубыми глазами, спросила:

— Ты придёшь к нам опять?

— Приду, — ответил я, — непременно!..

— Что ж, — сказал в раздумье Валек, — приходи, пожалуй, только в такое время, когда наши будут в городе.

— Кто это «ваши»?

— Да наши... все: Тыбурций, Лавровский, Туркевич. Профессор... тот, пожалуй, не помешает.

— Хорошо. Я посмотрю, когда они будут в городе, и тогда приду. А пока прощайте!

— Эй, послушай-ка, — крикнул мне Валек, когда я отошёл несколько шагов. — А ты болтать не будешь о том, что был у нас?

— Никому не скажу, — ответил я твёрдо.

— Ну вот, это хорошо! А этим твоим дуракам, когда станут приставать, скажи, что видел чёрта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай!

— Прощай.

Густые сумерки залегли над Княжьим-Веном, когда я приблизился к забору своего сада. Над замком зарисовался тонкий серп луны, загорелись звёзды.

V. ЗНАКОМСТВО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

С этих пор я весь был поглощён моим новым знакомством. Вечером, ложась в постель, и утром, вставая, я только и думал о предстоящем визите на гору. По улицам города я шатался теперь с исключительною целью — высмотреть, тут ли находится вся компания, которую Януш характеризовал словами «дурное общество»; и если Лавровский валялся в луже, если Туркевич и Тыбурций разглагольствовали перед своими слушателями, а тёмные личности шныряли по базару, я тотчас же бегом отправлялся через болото, на гору, к часовне, предварительно наполнив карманы яблоками, которые я мог рвать в саду без запрета, и лакомствами, которые я сберегал всегда для своих новых друзей.

Валек, вообще очень солидный и внушавший мне уважение своими манерами взрослого человека, принимал эти приношения просто и по большей части откладывал куда-нибудь, приберегая для сестры, но Маруся всякий раз всплескивала ручонками, и глаза её загорались огоньком восторга; бледное лицо

девочки вспыхивало румянцем, она смеялась, и этот смех нашей маленькой приятельницы отдавался в наших сердцах, вознаграждая за конфеты, которые мы жертвовали в её пользу.

Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила ещё плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки её были тонки и прозрачны: головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по-детски грустно, и улыбка так напоминала мне мою мать в последние дни, когда она, бывало, сидела против открытого окна и ветер шевелил её белокурые волосы, что мне становилось самому грустно и слёзы подступали к глазам.

Я невольно сравнивал её с моей сестрой; они были в одном возрасте, но моя Соня была кругла, как пышка, и упруга, как мячик. Она так резво бегала, когда, бывало, разыграется, так звонко смеялась, на ней всегда были такие красивые платья, и в тёмные косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

А моя маленькая приятельница почти никогда не бегала и смеялась очень редко; когда же смеялась, то смех её звучал, как самый маленький серебряный колокольчик, которого на десять шагов уже не слышно. Платье её было грязно и старо, в косе не было лент, но волосы у неё были гораздо больше и роскошнее, чем у Сони, и Валека, к моему удивлению, очень искусно умел заплетать их, что и исполнял каждое утро.

Я был большой сорванец. «У этого малого, — говорили обо мне старшие, — руки и ноги налиты ртутью», чему я и сам верил, хотя не представлял себе ясно, кто и каким образом произвёл надо мной эту операцию. В первые же дни я внёс своё оживление и в общество моих новых знакомых. Едва ли эхо старой «каплицы»¹ повторяло когда-нибудь такие громкие крики, как в это время, когда я старался расшевелить и завлечь в свои игры Валека и Марусю. Однако это удавалось плохо. Валека серьёзно смотрел на меня и на девочку, и раз, когда я заставил её бегать со мной взапуски, он сказал:

— Нет, она сейчас заплачет.

Действительно, когда я растормошил её и заставил бежать, Маруся, заслышав мои шаги за собой, вдруг повернулась ко мне, подняв ручонки над головой, точно для защиты, посмотре-

¹Каплица — католическая часовня.

ла на меня беспомощным взглядом захлопнутой пташки и громко заплакала. Я совсем растерялся.

— Вот, видишь,— сказал Вале́к,— она не любит играть.

Он усадил её на траву, нарвал цветов и кинул ей; она перестала плакать и тихо перебирала растения, что-то говорила, обращаясь к золотистым лютикам, и подносила к губам синие колокольчики. Я тоже присмирел и лёг рядом с Вале́ком около девочки.

— Отчего она такая? — спросил я наконец, указывая глазами на Марусю.

— Невесёлая? — переспросил Вале́к и затем сказал тоном совершенно убеждённого человека: — А это, видишь ли, от серого камня.

— Да-а,— повторила девочка, точно слабое эхо, — это от серого камня.

— От какого серого камня? — переспросил я, не понимая.

— Серый камень высосал из неё жизнь, — пояснил опять Вале́к, по-прежнему смотря на небо. — Так говорит Тыбу́рций... Тыбу́рций хорошо знает.

— Да-а,— опять повторила тихим эхом девочка, — Тыбу́рций всё знает.

Я ничего не понимал в загадочных словах, которые Вале́к повторял за Тыбу́рцием, однако аргумент, что Тыбу́рций всё знает, произвёл и на меня своё действие. Я приподнялся на локте и взглянул на Марусю. Она сидела в том же положении, в каком усадил её Вале́к, и всё так же перебирала цветы; движения её тонких рук были медленны; глаза выделялись глубокою синевой на бледном лице; длинные ресницы были опущены. При взгляде на эту крохотную грустную фигурку мне стало ясно, что в словах Тыбу́рция, — хотя я и не понимал их значения, — заключается горькая правда. Несомненно, кто-то высасывает жизнь из этой странной девочки, которая плачет тогда, когда другие на её месте смеются. Но как же может сделать это серый камень?

Это было для меня загадкой, страшнее всех призраков старого замка. Как ни ужасны были турки, томившиеся под землею, как ни грозен старый граф, усмирявший их в бурные ночи, но все они отзывались старою сказкой. А здесь что-то неведомо страшное было налицо. Что-то бесформенное, неумолимое, твёрдое и жестокое, как камень, склонялось над маленькою головкой, высасывая из неё румянец, блеск глаз и живость дви-

жений. «Должно быть, это бывает по ночам», — думал я, и чувство щемящего до боли сожаления сжимало мне сердце.

Под влиянием этого чувства я тоже умерил свою резвость. Применяясь к тихой солидности нашей дамы, оба мы с Валеком, усадив её где-нибудь на траве, собирали для нее цветы, разноцветные камешки, ловили бабочек, иногда делали из кирпичей ловушки для воробьёв. Иногда же, растянувшись около неё на траве, смотрели в небо, как плывут облака высоко над лохматою крышей старой «каплицы», рассказывали Марусе сказки или беседовали друг с другом.

Эти беседы с каждым днём все больше закрепляли нашу дружбу с Валеком, которая росла, несмотря на резкую противоположность наших характеров. Моей порывистой резвости он противопоставлял грустную солидность и внушал мне почтение своею авторитетностью и независимым тоном, с каким отзывался о старших. Кроме того, он часто сообщал мне много нового, о чём я раньше и не думал. Слыша, как он отзывается о Тыбурции, точно о товарище, я спросил:

— Тыбурций тебе отец?

— Должно быть, отец, — ответил он задумчиво, как будто этот вопрос не приходил ему в голову.

— Он тебя любит?

— Да, любит, — сказал он уже гораздо увереннее. — Он постоянно обо мне заботится, и, знаешь, иногда он целует меня и плачет...

— И меня любит, и тоже плачет, — прибавила Маруся с выражением детской гордости.

— А меня отец не любит, — сказал я грустно. — Он никогда не целовал меня... Он нехороший.

— Неправда, неправда, — возразил Валеk, — ты не понимаешь. Тыбурций лучше знает. Он говорит, что судья — самый лучший человек в городе и что городу давно бы уже надо провалиться, если бы не твой отец, да еще поп, которого недавно посадили в монастырь, да еврейский раввин¹. Вот из-за них троих...

— Что из-за них?

— Город из-за них ещё не провалился, — так говорит Тыбурций, — потому что они ещё за бедных людей заступаются... А твой отец, знаешь... он засудил даже одного графа...

— Да, это правда... Граф очень сердился, я слышал.

¹Раввин — священник у евреев.

— Ну, вот видишь! А ведь графа засудить не шутка.

— Почему?

— Почему? — переспросил Валек, несколько озадаченный. — Потому что граф — не простой человек... Граф делает, что хочет, и ездит в карете, и потом... у графа деньги; он дал бы другому судье денег, и тот бы его не засудил, а засудил бы бедного.

— Да, это правда. Я слышал, как граф кричал у нас в квартире: «Я всех могу купить и продать!»

— А судья что?

— А отец говорит ему: «Подите от меня вон!»

— Ну вот, вот! И Тыбурций говорит, что он не побоится прогнать богатого, а когда к нему пришла старая Иваниха с костылём, он велел принести ей стул. Вот он какой! Даже и Туркевич не делал никогда под его окнами скандалов.

Это была правда: Туркевич во время своих обличительных экскурсий всегда молча проходил мимо наших окон, иногда даже спимая шапку.

Всё это заставило меня глубоко задуматься. Валек указал мне моего отца с такой стороны, с какой мне никогда не приходило в голову взглянуть на него: слова Валека заделали в моём сердце струну сыновней гордости; мне было приятно слушать похвалы моему отцу, да ещё от имени Тыбурция, который «всё знает»; но вместе с тем дрогнула в моём сердце и нота щемящей любви, смешанной с горьким сознанием: никогда этот человек не любил и не полюбит меня так, как Тыбурций любит своих детей.

(Продолжение следует)

Думаем над прочитанным

1. От имени главного героя расскажите, как он оказался в подземелье.
2. Выразительно прочитайте в лицах сцену встречи Васи с детьми подземелья.
3. Какими увидел Вася Валека и Марусю? Какие чувства они вызвали у него? Свой ответ подтвердите цитатами из текста.
4. Подумайте, почему Вася и Валек встретились как враги, а стались друзьями.
5. Найдите в тексте и прочитайте описание прекрасной картины природы вечернего города. Подумайте, с какой целью вводится это описание в текст.

- 6. Что было общего между Валеком и Васей и чем они отличались? Обоснуйте свой ответ, используя текст произведения.
- 7. Кто из мальчиков лучше знал жизнь и как это показано в рассказе?
8. Согласны ли вы с тем, что Валеком своим поведением кажется старше своих лет? Аргументируйте свою позицию.
- 9. Найдите в тексте и зачитайте портретное описание Маруси. Какие эпитеты и сравнения использует автор?
- 10. Дайте сравнительную характеристику Сони и Маруси. Как во внешнем облике детей отразились различные условия их жизни? Свой ответ подтвердите цитатами из текста.
- 11. Объясните, как вы понимаете выражение «Серый камень высосал из неё жизнь».
- 12. Какие изменения происходят в сознании Васи под влиянием новых друзей? Свой ответ обоснуйте.

VI. СРЕДИ «СЕРЫХ КАМНЕЙ»

Прошло ещё несколько дней. Члены «дурного общества» перестали являться в город, и я напрасно шатался, скучая, по улицам, ожидая их появления, чтобы бежать на гору. Один только «профессор» прошёл раза два своєю сонною походкой, но ни Туркевича, ни Тыбурция не было видно. Я совсем соскучился, так как не видеть Валека и Марусю стало уже для меня большим лишением. Но вот, когда я однажды шёл с опущенною головою по пыльной улице, Валеком вдруг положил мне на плечо руку.

— Отчего ты перестал к нам ходить? — спросил он.

— Я боялся... Ваших не видно в городе.

— А-а... Я и не догадался сказать тебе: наших нет, приходи...

А я было думал совсем другое.

— А что?

— Я думал, тебе наскучило.

— Нет, нет... Я, брат, сейчас побегу, — заторопился я, — даже и яблоки со мной.

При упоминании о яблоках Валеком быстро повернулся ко мне, как будто хотел что-то сказать, но не сказал ничего, а только посмотрел на меня странным взглядом.

— Ничего, ничего, — отмахнулся он, видя, что я смотрю на него с ожиданием. — Ступай прямо на гору, а я тут зайду кое-куда, — дело есть. Я тебя догоню на дороге.

Я пошёл тихо и часто оглядывался, ожидая, что Валеk меня догонит; однако я успел взойти на гору и подошёл к часовне, а его всё не было. Я остановился в недоумении: передо мной было только кладбище, пустынное и тихое, без малейших признаков обитаемости, только воробьи чирикали на свободе да густые кусты черёмухи, жимолости и сирени, прижимаясь к южной стене часовни, о чём-то тихо шептались густо разросшеюся тёмной листвой.

Я оглянулся кругом. Куда же мне теперь идти? Очевидно, надо надо дожидаться Валека. А пока я стал ходить между могилами, присматриваясь к ним от нечего делать и стараясь разобрать стёртые надписи на обросших мхом надгробных камнях. Шатаюсь таким образом от могилы к могиле, я наткнулся на полуразрушенный просторный склеп. Крыша его была сброшена или сорвана непогодой и валялась тут же. Дверь была заколочена. Из любопытства я приставил к стене старый крест и, взобравшись по нему, заглянул внутрь. Гробница была пуста, только в середине пола была вделана оконная рама со стёклами, и сквозь эти стёкла зияла тёмная пустота подземелья.

Пока я рассматривал гробницу, удивляясь странному назначению окна, на гору вбежал запыхавшийся и усталый Валеk. В руках у него была большая еврейская булка, за пазухой что-то оттопырилось, по лицу стекали капли пота.

— Ага! — крикнул он, заметив меня. — Ты вот где. Если бы Тыбурций тебя здесь увидел, то-то бы рассердился! Ну, да теперь уж делать нечего. Я знаю, ты хлопец хороший и никому не расскажешь, как мы живём. Пойдем к нам!

— Где же это, далеко? — спросил я.

— А вот увидишь. Ступай за мной. Он раздвинул кусты жимолости и сирени и скрылся в зелени под стеной часовни; я последовал туда за ним и очутился на небольшой, плотно утоптанной площадке, которая совершенно скрывалась в зелени. Между стволами черёмухи я увидел в земле довольно большое отверстие с земляными ступенями, ведущими вниз. Валеk спустился туда, приглашая меня за собой, и через несколько секунд мы оба очутились в темноте, под зеленью. Взяв мою руку, Валеk повёл меня по какому-то узкому сырому коридору, и, круто повернув вправо, мы вдруг вошли в просторное подземелье.

Я остановился у входа, поражённый невиданным зрелищем. Две струи света резко лились сверху, выделяясь полосами на тёмном фоне подземелья; свет этот проходил в два окна, одно из которых я видел в полу склепа, другое, подальше, очевидно,

было пристроено таким же образом; лучи солнца проникали сюда не прямо, а прежде отражались от стен старых гробниц; они разливались в сыром воздухе подземелья, падали на каменные плиты пола, отражались и наполняли всё подземелье тусклыми отблесками; стены тоже были сложены из камня; большие широкие колонны массивно вздымались снизу и, раскинув во все стороны свои каменные дуги, крепко смыкались кверху сводчатым потолком. На полу, в освещённых пространствах, сидели две фигуры. Старый «профессор», склонив голову и что-то бормоча про себя, ковырял иголкой в своих лохмотьях. Он не поднял даже головы, когда мы вошли в подземелье, и если бы не легкие движения руки, то эту серую фигуру можно было бы принять за фантастическое каменное изваяние.

Под другим окном сидела с кучкой цветов, перебирая их, по своему обыкновению, Маруся. Струя света падала на её белокурую головку, заливала её всю, но, несмотря на это, она как-то слабо выделялась на фоне серого камня странным и маленьким туманным пятнышком, которое, казалось, вот-вот расплывётся и исчезнет. Когда там, вверху, над землей, пробегали облака, затеняя солнечный свет, стены подземелья тонули совсем в темноте, как будто раздвигались, уходили куда-то, а потом опять выступали жесткими, холодными камнями, смыкаясь крепкими объятиями над крохотной фигуркой девочки. Я поневоле вспомнил слова Валека о «сером камне», высасывавшем из Маруси её веселье, и чувство суеверного страха закралось в моё сердце; мне казалось, что я ощущаю на ней и на себе невидимый каменный взгляд, пристальный и жадный. Мне казалось, что это подземелье чутко сторожит свою жертву.

— Валека! — тихо обрадовалась Маруся, увидев брата.

Когда же она заметила меня, в её глазах блеснула живая искорка.

Я отдал ей яблоки, а Валека, разломив булку, часть подал ей, а другую съел «профессору». Несчастный ученый равнодушно взял это приношение и начал жевать, не отрываясь от своего занятия. Я переминался и ёжился, чувствуя себя как будто связанным под гнетущими взглядами серого камня.

— Уйдём... уйдём отсюда, — дернул я Валека. — Уведи её...

— Пойдем, Маруся, наверх, — позвал Валека сестру. И мы втроём поднялись из подземелья, но и здесь, наверху, меня не оставляло ощущение какой-то напряженной неловкости. Валека был грустнее и молчаливее обыкновенного.

— Ты в городе остался затем, чтобы купить булок?— спросил я у него.

— Купить?— усмехнулся Валек.— Откуда же у меня деньги?

— Так как же? Ты выпросил?

— Да, выпросишь! Кто же мне даст?.. Нет, брат, я стянул их с лотка еврейки Суры на базаре! Она не заметила.

Он сказал это обыкновенным тоном, лёжа врасстяжку с заложенными под голову руками. Я приподнялся на локте и посмотрел на него.

— Ты, значит, украл?..

— Ну да!

Я опять откинулся на траву, и с минуту мы пролежали молча.

— Воровать нехорошо,— проговорил я затем в грустном раздумье.

— Наши все ушли... Маруся плакала, потому что она была голодна.

— Да, голодна!— с жалобным простодушием повторила девочка.

Я не знал ещё, что такое голод, но при последних словах девочки у меня что-то повернулось в груди, и я посмотрел на своих друзей, точно увидал их впервые. Валек по-прежнему лежал на траве и задумчиво следил за парившим в небе ястребом. Теперь он не казался уже мне таким авторитетным, а при взгляде на Марусю, державшую обеими руками кусок булки, у меня заныло сердце.

— Почему же,— спросил я с усилием,— почему ты не сказал об этом мне?

— Я и хотел сказать, а потом раздумал; ведь у тебя своих денег нет.

— Ну так что же? Я взял бы булок из дому.

— Как, потихоньку?..

— Д-да.

— Значит, и ты бы тоже украл.

— Я... у своего отца.

— Это ещё хуже!— с уверенностью сказал Валек.— Я никогда не ворую у своего отца.

— Ну, так я попросил бы... Мне бы дали.

— Ну, может быть, и дали бы один раз,— где же завестись на всех нищих?

— А вы разве... нищие?— спросил я упавшим голосом.

— Нищие!— угрюмо отрезал Валек. Я замолчал и через несколько минут стал прощаться.

— Ты уже уходишь? — спросил Валек.

— Да, ухожу.

Я уходил потому, что не мог уже в этот день играть с моими друзьями по-прежнему, безмятежно. Чистая детская привязанность моя как-то замутилась... Хотя любовь моя к Валеку и Марусе не стала слабее, но к ней примешалась острая струя сожаления, доходившая до сердечной боли. Домá я рано лёг в постель, потому что не знал, куда уложить новое болезненное чувство, переполнявшее душу. Уткнувшись в подушку, я горько плакал, пока крепкий сон не прогнал своим веянием моего глубокого горя.

VII. НА СЦЕНУ ЯВЛЯЕТСЯ ПАН ТЫБУРЦИЙ

— Здравствуй! А уж я думал, ты не придёшь более, — так встретил меня Валек, когда я на следующий день опять явился на гору.

Я понял, почему он сказал это.

— Нет, я... я всегда буду ходить к вам, — ответил я решительно, чтобы раз и навсегда покончить с этим вопросом.

Валек заметно повеселел, и оба мы почувствовали себя свободнее.

— Ну, что? Где же ваши? — спросил я. — Всё ещё не вернулись?

— Нет ещё. Чёрт их знает, где они пропадают.

И мы весело принялись за сооружение хитроумной ловушки для воробьёв, для которой я принёс с собой ниток. Нитку

мы дали в руку Марусе, и, когда неосторожный воробей, привлечённый зерном, беспечно заскакивал в западню, Маруся дёргала нитку, и крышка захлопывала птичку, которую мы затем отпускали.

Между тем около полудня небо насупилось, надвинулась тёмная туча, и под весёлые раскаты грома зашумел ливень. Сначала мне очень не хотелось спускаться в подземелье, но потом, подумав, что ведь Валеk и Маруся живут там постоянно, я победил неприятное ощущение и пошёл туда вместе с ними. В подземелье было темно и тихо, но сверху слышно было, как перекачивался гулкий грохот грозы, точно кто ездит там в громадной телеге по гигантски сложенной мостовой. Через несколько минут я освоился с подземельем, и мы весело прислушивались, как земля принимала широкие потоки ливня; гул, всплески и частые раскаты настраивали наши нервы, вызывали оживление, требовавшее исхода.

— Давайте играть в жмурки, — предложил я.

Мне завязали глаза; Маруся звенела слабыми переливами своего жалкого смеха и шлёпала по каменному полу непроторенными ножонками, а я делал вид, что не могу поймать её, как вдруг наткнулся на чью-то мокрую фигуру и в ту же минуту почувствовал, что кто-то схватил меня за ногу. Сильная рука приподняла меня с полу, и я повис в воздухе вниз головой. Повязка с глаз моих спала.

Тыбурций, мокрый и сердитый, страшнее ещё оттого, что я глядел на него снизу, держал меня за ноги и дико вращал зрачками.

— Это что ещё, а? — строго спрашивал он, глядя на Валека. — Вы тут, я вижу, весело проводите время... Завели приятную компанию.

— Пустите меня! — сказал я, удивляясь, что и в таком необычном положении я всё-таки могу говорить, но рука пана Тыбурция только ещё сильнее сжала мою ногу.

— *Reponde*, ответствуй! — грозно обратился он опять в Валеку, который в этом затруднительном случае стоял, зажав в рот два пальца, как бы в доказательство того, что ему отвечать решительно нечего.

Я заметил только, что он сочувственным оком и с большим участием следил за моею несчастною фигурой, качавшеюся, подобно маятнику, в пространстве.

Пан Тыбурций приподнял меня и взглянул в лицо.

— Эге-ге! Пан судья, если меня не обманывают глаза... Зачем это изволили пожаловать?

— Пусти!— проговорил я упрямо.— Сейчас отпусти!— и при этом я сделал инстинктивное движение, как бы собираясь топнуть ногой, но от этого весь только забился в воздухе.

Тыбурций захохотал.

— Ого-го! Пан судья изволят сердиться... Ну, да ты меня ещё не знаешь. Его — Тыбурций *sum*¹. Я вот повешу тебя над огоньком и зажарю, как поросёнка.

Я начинал думать, что действительно такова моя неизбежная участь, тем более что отчаянная фигура Валека как бы подтверждала мысль о возможности такого печального исхода. К счастью, на выручку подоспела Маруся.

— Не бойся, Вася, не бойся! — ободрила она меня, подойдя к самым ногам Тыбурция. — Он никогда не жарит мальчиков на огне... Это неправда!

Тыбурций быстрым движением повернул меня и поставил на ноги; при этом я чуть не упал, так как у меня закружилась голова, но он поддержал меня рукой и затем, сев на деревянный обрубок, поставил меня между колен.

— И как это ты сюда попал? — продолжал он допрашивать. — Давно ли?.. Говори ты! — обратился он к Валеку, так как я ничего не ответил.

— Давно, — ответил тот.

— А как давно?

— Дней шесть.

Казалось, этот ответ доставил пану Тыбурцию некоторое удовольствие.

— Ого, шесть дней! — заговорил он, поворачивая меня лицом к себе. — Шесть дней много времени. И ты до сих пор никому ещё не разболтал, куда ходишь?

— Никому.

— Правда?

— Никому, — повторил я.

— Вепс, похвально!.. Можно рассчитывать, что не разболтаешь и впредь. Впрочем, я и всегда считал тебя порядочным малым, встречая на улицах. Настоящий «уличник», хоть и судья... А нас судить будешь, скажи-ка?

¹Я есмь Тыбурций (лат.).

Он говорил довольно добродушно, но я всё-таки чувствовал себя глубоко оскорблённым и потому ответил довольно сердито.

— Я вовсе не судья. Я — Вася.

— Одно другому не мешает, и Вася тоже может быть судьёй. — не теперь, так после... Это уж, брат, так ведётся исстари. Вот видишь ли: я — Тыбурций, а он — Валеk. Я нищий, и он — нищий. Я, если уж говорить откровенно, краду, и он будет красть. А твой отец меня судит, — ну, и ты когда-нибудь будешь судить... вот его!

— Не буду судить Валека, — возразил я угрюмо. — Неправда!

— Он не будет, — вступилась и Маруся, с полным убеждением отстраняя от меня ужасное подозрение.

Девочка доверчиво прижалась к ногам этого уродца, а он ласково гладил жилистой рукой её белокурые волосы.

— Ну, этого ты впредь не говори, — сказал странный человек задумчиво, обращаясь ко мне таким тоном, точно он говорил со взрослым. — Не говори, *amice!*¹ Эта история ведётся исстари, всякому своё, *sunt cuique*²; каждый идёт своей дорожкой, и кто знает... может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу. Для тебя хорошо, *amice*, потому что иметь в груди кусочек человеческого сердца вместо холодного камня... понимаешь? <...>

(Продолжение следует)

Думаем над прочитанным

1. Расскажите, что нового узнал Вася о жизни своих друзей. Прочитайте описание жилища, где обитали дети.

2. Прочитайте по ролям отрывок от слов «— Ты в городе остался затем, чтобы купить булок?..» до конца главы. Как отреагировал Вася, узнав, что Валеk украл булку? А как вы оцениваете этот поступок Валека? Обоснуйте свой ответ.

3. Какие новые чувства переживает Вася, узнав, что его друзья — нищие и воры? Обратите внимание на художественные детали, которые подчёркивают чувства героя.

4. Какое решение принимает Вася по отношению к своим друзьям?

¹ Друг (лат.).

² Под условием (лат.).

ям? Найдите в тексте и прочитайте, как мальчик высказывается об этом.

5. Близко к тексту перескажите, как произошла встреча Васи с Тыбурцием.

6. Подумайте, почему Тыбурций сказал: «...может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу...». Согласны ли вы с таким утверждением? Объясните свою позицию.

VIII. ОСЕНЬЮ

Близилась осень. В поле шла жатва, листья на деревьях желтели. Вместе с тем наша Маруся начала прихварывать.

Она ни на что не жаловалась, только всё худела; лицо её всё бледнело, глаза потемнели, стали больше, веки приподнимались с трудом.

Теперь я мог приходить на гору, не стесняясь тем, что члены «дурного общества» бывали дома. Я совершенно свыкся с ними и стал на горе своим человеком.

Каждый раз, придя к своим друзьям, я замечал, что Маруся всё больше хиреет. Теперь она совсем уже не выходила на воздух, и серый камень — тёмное, молчаливое чудовище подземелья — продолжал без перерывов свою ужасную работу, высасывая жизнь из маленького тельца. Девочка теперь большую часть времени проводила в постели, и мы с Валеком истощали все усилия, чтобы развлечь её и позабавить, чтобы вызвать тихие переливы её слабого смеха.

Теперь, когда я окончательно сжился с «дурным обществом», грустная улыбка Маруси стала мне почти так же дорога, как улыбка сестры; но тут никто не ставил мне вечно на вид мою испорченность, тут не было ворчливой няньки, тут я был нужен, — я чувствовал, что каждый раз моё появление вызывает румянец оживления на щеках девочки. Валек обнимал меня, как брата, и даже Тыбурций по временам смотрел на нас троих какими-то странными глазами, в которых что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; с него сбежали последние тучи, и над просыхающей землей, в последний раз перед наступлением зимы, засияли солнечные дни. Мы каждый день выносили Марусю наверх, и здесь она как будто оживала; девочка смотрела вокруг широко раскрытыми глазами, на щеках её загорался румянец; казалось, что ветер, обдававший её своими свежими взмахами, возвращал ей частицы жизни, похищенные серыми камнями подземелья. Но это продолжалось так недолго...

Между тем над моей головой тоже стали собираться тучи.

Однажды, когда я, по обыкновению, утром проходил по аллеям сада, я увидел в одной из них отца, а рядом старого Януша из замка. Старик подобострастно кланялся и что-то говорил, а отец стоял с угрюмым видом, и на лбу его резко обозначалась складка нетерпеливого гнева. Наконец он протянул руку, как бы отстраняя Януша с своей дороги, и сказал:

— Уходите! Вы просто старый сплетник!

IX. КУКЛА

Ясные дни миновали, и Марусе опять стало хуже. На все наши ухищрения, с целью занять её, она смотрела равнодушно своими большими потемневшими и неподвижными глазами, и мы давно уже не слышали её смеха. Я стал носить в подземелье свои игрушки, но и они развлекали девочку только на короткое время. Тогда я решился обратиться к своей сестре Соне.

У Сони была большая кукла, с ярко раскрашенным лицом и роскошными льняными волосами, подарок покойной матери. На эту куклу я возлагал большие надежды и потому, отозвав сестру в боковую аллею сада, попросил дать мне её на время. Я так убедительно просил её об этом, так живо описал ей бедную больную девочку, у которой никогда не было своих игрушек, что Соня, которая сначала только прижимала куклу к себе, отдала мне её и обещала в течение двух-трёх дней играть другими игрушками, ничего не упоминая о кукле.

Действие этой нарядной фаянсовой¹ барышни на нашу больную превзошло все мои ожидания. Маруся, которая увядала, как цветок осенью, казалось, вдруг опять ожила. Она так крепко меня обнимала, так звонко смеялась, разговаривая со своей новой знакомой... Маленькая кукла сделала почти чудо: Маруся, давно уже не сходившая с постели, стала ходить, водя за собой свою белокурую дочку, и по временам даже бегала, попрежнему шлёпая по полу слабыми ногами.

Зато мне эта кукла доставила очень много тревожных минут. Прежде всего, когда я нёс её за пазухой, направляясь с нею на гору, в дороге мне попался старый Януш, который долго провожал меня глазами и качал головой. Потом дня через два

¹Фаянсовый — изготовленный из фаянса (глина с примесью гипса).

старушка няня заметила пропажу и стала соваться по углам, везде разыскивая куклу. Соня старалась унять её, но своими наивными уверениями, что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернётся, только вызывала недоумение служанок и возбуждала подозрение, что тут не простая пропажа. Отец ничего ещё не знал, но к нему опять приходил Януш и был прогнан на этот раз с ещё большим гневом; однако в тот же день отец остановил меня на пути к садовой калитке и велел остаться дома. На следующий день повторилось то же, и только через четыре дня я встал рано утром и махнул через забор, пока отец ещё спал.

На горе дела опять были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало ещё хуже; лицо её горело странным румянцем, белокурые волосы раскидались по подушке; она никого не узнавала. Рядом с ней лежала злополучная кукла, с розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Я сообщил Валеку свои опасения, и мы решили, что куклу необходимо унести обратно, тем более, что Маруся этого и не заметит. Но мы ошиблись! Как только я вынул куклу из рук лежащей в забытьи девочки, она открыла глаза, посмотрела перед собой смутным взглядом, как будто не видя меня, не сознавая, что с ней происходит, и вдруг заплакала тихо-тихо, но вместе с тем так жалобно, и в исхудалом лице, под покровом бреда, мелькнуло выражение такого глубокого горя, что я тотчас же с испугом положил куклу на прежнее место. Девочка улыбнулась, прижала куклу к себе и успокоилась. Я понял, что хотел лишиться моего маленького друга первой и последней радости её недолгой жизни.

Валек робко посмотрел на меня.

— Как же теперь будет? — спросил он грустно.

Тыбурций, сидя на лавочке с печально понуренною головой, также смотрел на меня вопросительным взглядом. Поэтому я постарался придать себе вид по возможности беспечный и сказал:

— Ничего! Нянька, наверное, уж забыла.

Но старуха не забыла. Когда я на этот раз возвратился домой, у калитки мне опять попался Януш; Соню я застал с заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый подавляющий взгляд и что-то ворчала беззубым, шамкающим ртом.

Отец спросил у меня, куда я ходил, и, выслушав внимательно обычный ответ, ограничился тем, что повторил мне приказ ни под каким видом не отлучаться из дому без его позволения. Приказ был категоричен и очень решителен; ослушаться его я не посмел, но не решался также и обратиться к отцу за позволением.

Прошло четыре томительных дня. Я грустно ходил по саду и с тоской смотрел по направлению к горе, ожидая, кроме того, грозы, которая собиралась над моей головой. Что будет, я не знал, но на сердце у меня было тяжело. Меня в жизни никто ещё не наказывал; отец не только не трогал меня пальцем, но я от него не слышал никогда ни одного резкого слова. Теперь меня томило тяжёлое предчувствие.

Наконец меня позвали к отцу в его кабинет. Я вошёл и робко остановился у притолки¹. В окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отец некоторое время сидел в своём кресле перед портретом матери и не поворачивался ко мне. Я слышал тревожный стук собственного сердца.

¹Притока — верхний брус дверной рамы, а также боковой стоячий брус дверной рамы.

Наконец он повернулся. Я поднял на него глаза и тотчас же их опустил в землю. Лицо отца показалось мне страшным. Прошло около полминуты, и в течение этого времени я чувствовал на себе тяжёлый, неподвижный, подавляющий взгляд.

— Ты взял у сестры куклу?

Эти слова упали вдруг на меня так отчётливо и резко, что я вздрогнул.

— Да, — ответил я тихо.

— А знаешь ты, что это подарок матери, которым ты должен бы дорожить как святыней?.. Ты украл её?

— Нет, — сказал я, подымая голову.

— Как нет? — вскрикнул вдруг отец, отталкивая кресло. — Ты украл её и съёл!.. Кому ты съёл её?.. Говори!

Он быстро подошёл ко мне и положил мне на плечо тяжёлую руку. Я с усилием поднял голову и взглянул вверх. Лицо отца было бледно. Складка боли, которая со смерти матери залегла у него между бровями, не разгладилась и теперь, но глаза горели гневом. Я весь съёжился. Из этих глаз, глаз отца, глянуло на меня, как мне показалось, безумие или... ненависть.

— Ну, что ж ты?.. Говори! — и рука, державшая моё плечо, сжала его сильнее.

— Н-не скажу, — ответил я тихо.

— Нет, скажешь! — отчеканил отец, и в голосе его зазвучала угроза.

— Не скажу, — прошептал я ещё тише.

— Скажешь, скажешь!..

Он повторил это слово сдавленным голосом, точно оно вырвалось у него с болью и усилием. Я чувствовал, как дрожала его рука, и, казалось, слышал даже клокотавшее в груди его бешенство. И я всё ниже опускал голову, и слёзы одна за другой капали из моих глаз на пол, но я все повторял едва слышно:

— Нет, не скажу... никогда, никогда не скажу вам... Ни за что!

В эту минуту во мне сказался сын моего отца. Он не добился бы от меня иного ответа самыми страшными муками. В моей груди, навстречу его угрозам, подымалось едва осознанное оскорблённое чувство покинутого ребёнка и какая-то жгучая любовь к тем, кто меня пригрел там, в старой часовне.

Отец тяжело перевёл дух. Я съёжился ещё более, горькие слёзы жгли мои щёки. Я ждал.

Изобразить чувство, которое я испытывал в то время, очень трудно. Я знал, что он страшно вспыльчив, что в эту минуту

в его груди кипит бешенство, что, может быть, через секунду моё тело зажёбётся беспомощно в его сильных и исступлённых руках. Что он со мной сделает? — швырнёт... изломает; но мне теперь кажется, что я боялся не этого... Даже в эту страшную минуту я любил этого человека, но вместе с тем инстинктивно чувствовал, что вот сейчас он бешеным насилием разобьёт мою любовь вдребезги, что затем, пока я буду жить, в его руках и после, навсегда, навсегда в моём сердце вспыхнет та же пламенная ненависть, которая мелькнула для меня в его мрачных глазах.

Теперь я совсем перестал бояться; в моей груди защекотало что-то вроде задорного, дерзкого вызова... Кажется, я ждал и желал, чтобы катастрофа наконец разразилась. Если так... пусть... тем лучше, да, тем лучше... тем лучше...

Отец опять тяжело вздохнул. Я уже не смотрел на него, только слышал этот вздох, — тяжёлый, прерывистый, долгий... Справился ли он сам с овладевшим им исступлением, или это чувство не получило исхода благодаря последующему неожиданному обстоятельству, я и до сих пор не знаю. Знаю только, что в эту критическую минуту раздался вдруг за открытым окном резкий голос Тыбурция:

— Эге-ге!.. мой бедный маленький друг... «Тыбурций пришёл!» — промелькнуло у меня в голове, но этот приход не произвёл на меня никакого впечатления. Я весь превратился в ожидание, и, даже чувствуя, как дрогнула рука отца, лежавшая на моём плече, я не представлял себе, чтобы появление Тыбурция или какое бы то ни было другое внешнее обстоятельство могло стать между мною и отцом, могло отклонить то, что я считал неизбежным и чего ждал с приливом задорного ответного гнева.

Между тем Тыбурций быстро отпер входную дверь и, остановившись на пороге, в одну секунду оглядел нас обоих своими острыми рысьими глазами! Я до сих пор помню малейшую черту этой сцены. На мгновение в зеленоватых глазах, в широком некрасивом лице уличного оратора мелькнула холодная и злорадная насмешка, но это было только на мгновение. Затем он покачал головой, и в его голосе зазвучала скорее грусть, чем обычная ирония:

— Эге-ге!.. Я вижу моего молодого друга в очень затруднительном положении...

Отец встретил его мрачным и удивлённым взглядом, но Тыбурций выдержал этот взгляд спокойно. Теперь он был серьёзен, не кривлялся, и глаза его глядели как-то особенно грустно.

— Пан судья! — заговорил он мягко. — Вы человек справедливый... отпустите ребенка. Малый был в «дурном обществе», но, видит Бог, он не сделал дурного дела, и если его сердце лежит к моим оборванным беднягам, то, клянусь богородицей, лучше ведите меня повесить, но я не допущу, чтобы мальчик пострадал из-за этого. Вот твоя кукла, малый!..

Он развязал узелок и вынул оттуда куклу.

Рука отца, державшая моё плечо, разжалась. В лице виднелось изумление.

— Что это значит? — спросил он наконец.

— Отпустите мальчика, — повторил Тыбурций, и его широкая ладонь любовно погладила мою опущенную голову. — Вы ничего не добьётесь от него угрозами, а между тем я охотно расскажу вам всё, что вы желаете знать... Выйдем, пан судья, в другую комнату.

Отец, всё время смотревший на Тыбурция удивлёнными глазами, повиновался. Оба они вышли, а я остался на месте, подавленный ощущениями, переполнившими моё сердце. В эту минуту я ни в чём не отдавал себе отчёта, и если теперь я помню все детали этой сцены, если я помню даже, как за окном возились воробьи, а с речки доносился мерный плеск вёсел, — то это просто механическое действие памяти. Ничего этого тогда для меня не существовало; был только маленький мальчик, сердце которого встряхнули два разнородные чувства: гнев и любовь — так сильно, что это сердце замутилось, как мутятся от толчка в стакане две отстоявшиеся разнородные жидкости. Был такой мальчик, и этот мальчик был я, и мне самому себя было как будто жалко. Да ещё были два голоса, смутным, хотя и оживлённым, говором звучавшие за дверью...

Я всё ещё стоял на том же месте, как дверь кабинета отворилась и оба собеседника вошли. Я опять почувствовал на своей голове чью-то руку и вздрогнул. То была рука отца, нежно гладившая мои волосы.

Тыбурций взял меня на руки и посадил в присутствии отца к себе на колени.

— Приходи к нам, — сказал он, — отец тебя отпустит попроситься с моей девочкой. Она... она умерла.

Голос Тыбурция дрогнул, он странно заморгал глазами, но тотчас же встал, поставил меня на пол, выпрямился и быстро ушёл из комнаты.

Я вопросительно поднял глаза на отца. Теперь передо мной стоял другой человек, но в этом именно человеке я нашёл что-

то родное, чего тщетно искал в нём прежде. Он смотрел на меня обычным своим задумчивым взглядом, но теперь в этом взгляде виднелся оттенок удивления и как будто вопрос. Казалось, буря, которая только что пронеслась над нами обоими, рассеяла тяжёлый туман, нависший над душой отца, застилавший его добрый и любящий взгляд... И отец только теперь стал узнавать во мне знакомые черты своего родного сына.

Я доверчиво взял его руку и сказал:

— Я ведь не украл... Соня сама дала мне на время...

— Д-да, — ответил он задумчиво, — я знаю... Я виноват перед тобою, мальчик, и ты постарайся когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я с живостью схватил его руку и стал её целовать. Я знал, что теперь никогда уже он не будет смотреть на меня теми страшными глазами, какими смотрел за несколько минут перед тем, и долго сдерживаемая любовь хлынула целым потоком в моё сердце. Теперь я его уже не боялся.

— Ты отпустишь меня теперь на гору? — спросил я, вспомнив вдруг приглашение Тыбурция.

— Д-да... Ступай, ступай, мальчик, попрощайся... — ласково проговорил он всё ещё с тем же оттенком недоумения в голосе. — Да, впрочем, постой... пожалуйста, мальчик, погоди немного.

Он ушёл в свою спальню и через минуту вышел оттуда, сунул мне в руку несколько бумажек.

— Передай это... Тыбурцию... Скажи, что я покорнейше прошу его, — понимаешь?.. покорнейше прошу — взять эти деньги... от тебя... Ты понял?.. Да ещё скажи, — добавил отец, как будто колеблясь, — скажи, что если он знает одного тут... Фёдоровича, то пусть скажет, что этому Фёдоровичу лучше уйти из нашего города... Теперь ступай, мальчик, ступай скорее.

Я догнал Тыбурция уже на горе и, запыхавшись, нескладно исполнил поручение отца.

— Покорнейше просит... отец... — и я стал совать ему в руку данные отцом деньги.

Я не глядел ему в лицо. Деньги он взял и мрачно выслушал дальнейшее поручение относительно Фёдоровича.

В подземелье, в тёмном углу, на лавочке лежала Маруся. Слово «смерть» не имеет ещё полного значения для детского слуха, и горькие слёзы только теперь, при виде этого безжизненного тела, сдавили мне горло. Моя маленькая приятельница лежала серьёзная и грустная, с печально вытянутым личиком. Закрытые

глаза слегка ввалились и ещё резче отделились синевой. Ротик немного раскрылся, с выражением детской печали. Маруся как будто отвечала этою гримаской на наши слёзы.

«Профессор» стоял у изголовья и безучастно качал головой. Штык-юнкер стучал в углу топором, готовя, с помощью нескольких темных личностей, гробик из старых досок, сорванных с крыши часовни. Лавровский, трезвый и с выражением полного сознания, убирал Марусю собранными им самим осенними цветами. Валеk спал в углу, вздрагивая сквозь сон всем телом, и по временам нервно всхлипывал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вскоре после описанных событий члены «дурного общества» рассеялись в разные стороны. Остались только «профессор», по-прежнему, до самой смерти, слонявшийся по улицам города, да Туркевич, которому отец давал по временам кое-какую письменную работу. <...>

Штык-юнкер и тёмные личности отправились куда-то искать счастья. Тыбурций и Валеk совершенно неожиданно исчезли, и никто не мог сказать, куда они направились теперь, как никто не знал, откуда они пришли в наш город.

Старая часовня сильно пострадала от времени. Сначала у неё провалилась крыша, продавив потолок подземелья. Потом вокруг часовни стали образовываться обвалы, и она стала ещё мрачнее; ещё громче завывают в ней филины, а огни на могилах тёмными осенними ночами вспыхивают синим зловещим светом.

Только одна могила, огороженная частоколом¹, каждую весну зеленела свежим дёрном, пестрела цветами.

Мы с Соней, а иногда даже с отцом, посещали эту могилу; мы любили сидеть на ней в тени смутно лепечущей березы, в виду тихо сверкающего в тумане города. Тут мы с сестрой вместе читали, думали, делились своими первыми молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности.

Когда же пришло время и нам оставить тихий родной город, здесь же в последний день мы оба, полные жизни и надежды, произносили над маленькою могилкой свои обеты².

¹Частокол — забор из тесно вбитых кольев.

²Обёт — торжественное обещание, обязательство.

Думаем над прочитанным

1. Что нового узнали вы о героях рассказа из прочитанных разделов?
2. Объясните, почему 9-й раздел называется «Кукла».
3. Расскажите, какое «чудо» совершила кукла.
4. От имени Васи перескажите, что произошло в кабинете его отца. Готовясь к пересказу, обратите внимание на детали, которые передают душевное состояние героев в этот момент.
5. Объясните, как вы понимаете такие слова: «Теперь передо мной стоял другой человек, но в этом именно человеке я нашёл что-то родное, чего тщетно искал в нём прежде».
6. Почему пан судья сказал сыну: «Я виноват перед тобою, мальчик, и ты постарайся когда-нибудь забыть это, не правда ли?»
7. Сделайте вывод о том, как история с куклой изменила отношения отца и сына.
8. Почему Вася, Соня и их отец посещали могилку Маруси? Обоснуйте свой ответ.
9. Как вы думаете, какие обеты дали Вася и Соня над могилкой Маруси?
10. Подготовьте письменный рассказ об одном из героев произведения (на выбор).

Путешествуем по литературным местам

Путешествуя по литературным уголкам Полтавы, невозможно не посетить музей В. Г. Короленко. Он находится в доме, в котором в 1903—1921 гг. жил писатель. Среди документов, рукописей, фото-

графий, личных вещей Владимира Галактионовича, представленных в музее, особое место занимают материалы о связях писателя с Украиной, в частности о его взаимоотношениях с Михаилом Михайловичем Коцюбинским. Экспозиция музея, размещённая во флигеле, расскажет нам, что их знакомство состоялось именно в Полтаве в 1903 г., во время открытия памятника известному украинскому писателю Ивану Петровичу Котляревскому. М. М. Коцюбинский вопреки запретам царских властей выступил на украинском языке. Его речь очень повлияла на

В. Г. Короленко, духовно сблизил писателей, между ними завязались дружеские творческие отношения. Недалеко от музея в парке — могила писателя. В 1962 г. здесь был установлен памятник. На глыбе розового гранита — бронзовый барельеф писателя. Авторы памятника — скульптор Н. Кранзиевская, архитекторы В. Пасичный и Л. Вайнгорт.

Из секретов литературоведения

Портрет в художественном произведении

«Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила ещё плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки её были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по-детски грустно, и улыбка так напоминала мне мою мать в последние дни...». С помощью такого подробного описания внешности Маруси, героини рассказа В. Г. Короленко «В дурном обществе», мы можем не только много узнать об этом литературном персонаже, но и увидеть, наглядно представить себе эту маленькую девочку.

Описание внешности персонажа в художественном произведении называется **портретом** (от франц. слова — изображение).

Основное предназначение портрета — дать наглядное представление о литературном герое (о его лице, фигуре, походке, одежде, манере одеваться, характерных жестах).

Следует обратить внимание, что не всегда портретное описание действующего лица даётся сразу и полностью. Оно может быть представлено в разных фрагментах текста. Так, читая рассказ В. Г. Короленко, мы не раз встречаемся с портретными описаниями Маруси, которые дополняют наши представления о героине. Например, мы узнаем, что она «...смеялась очень редко; когда же смеялась, то смех её звучал, как самый маленький серебряный колокольчик, которого на десять шагов уже не слышно. Платье её было грязно и старо, в косе не было лент, но волосы у неё были гораздо больше и роскошнее, чем у Сони...».

Через портрет писатель часто передаёт характер, чувства, настроение персонажа, показывает своё отношение к нему. Так, сравнения Маруси с цветком, былинкой, а её головки — с головкой

колокольчика подчёркивают не только её слабость, но и нежное, трепетное отношение автора к своей героине.

Таким образом, портретное описание героя в художественном произведении даёт возможность представить внешность литературного персонажа, понять его положение в обществе, помогает раскрыть особенности его характера, переживания.

1. Что называется портретом в художественном произведении?
2. С какой целью писатель вводит в произведение портретное изображение героев?

Знаете ли вы, что...

Украина, украинская культура и литература навсегда вошли в жизнь и творчество В. Г. Короленко. Писатель поддерживал творческие отношения с Панасом Мирным, Михаилом Кропивницким, Иваном Карпенко-Карым, Михаилом Коцюбинским и другими. Так, М. М. Коцюбинский писал о произведениях В. Г. Короленко: «Я так люблю эти книги жизни, прекрасно понятые и удивительно верно изображённые великим художником».

Развиваем речь

Письменный рассказ о литературном герое

Вы уже, конечно, хорошо знаете, что обобщённым названием *литературный герой*, или *персонаж*, называют любое действующее лицо в произведении. И если вы получили задание подготовить письменный рассказ о литературном герое, сначала чётко определите своё отношение к нему. Подумайте, что вас волнует, интересует, в чём вы не согласны с автором.

Готовя такую письменную работу, ещё раз проследите по тексту, как писатель раскрывает характер героя, как описывает его поступки, какие мысли и чувства характерны для этого персонажа, как и в связи с чем они изменяются. Найдите в тексте произведения портретное описание героя, проанализируйте, какие элементы внешности персонажа выделяет автор. Обратите внимание на художественные детали, которые помогают вам сделать вывод об отношении автора к своему персонажу. Подумайте, согласны ли вы с такой точкой зрения автора. Свои мысли обязательно аргументируйте, подтвердите примерами из текста.

В заключительной части вашего рассказа сделайте обоснованный вывод, ещё раз сформулируйте своё отношение к герою.

Обобщаем изученное

- 1. Расскажите, что вам известно о творчестве Н. В. Гоголя и В. Г. Короленко. Что объединяет этих писателей?
- 2. Нарисуйте иллюстрации к прочитанным произведениям. Подпишите их цитатами из текста.
- 3. Подготовьтесь к инсценизации повести Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством».
- 4. Какие кино- и телефильмы, созданные по мотивам повести Н. В. Гоголя, вы смотрели? Сопоставьте их с прочитанным произведением.
- 5. Дайте определение повести. Докажите, что прочитанное произведение Н. В. Гоголя — это повесть.
- 6. Объясните, как вы понимаете, что такое юмор. Каковы отличительные черты юмора?
- 7. Какая главная мысль утверждается в рассказе В. Г. Короленко «В дурном обществе»?
- 8. Раскройте смысл названия рассказа «В дурном обществе».
- 9. Какую роль сыграла дружба в жизни героев рассказа В. Г. Короленко?
- 10. Расскажите, как вы понимаете значение дружбы в жизни человека.
11. Во многих изданиях рассказ В. Г. Короленко «В дурном обществе» в сокращённом варианте напечатан под названием «Дети подземелья». Сравните оба названия произведения. Какое из них вам кажется наиболее удачным? Обоснуйте свой ответ.
- 12. Устно составьте диафильм по рассказу «В дурном обществе».
- 13. Напишите сочинение-миниатюру на одну из тем: «Дружба в моей жизни», «Какую роль сыграла дружба в жизни героев рассказа В. Г. Короленко «В дурном обществе».
- 14. Какие способы выражения авторского отношения к героям вы знаете? Обоснуйте свой ответ, приводя примеры из прочитанных произведений.
- 15. Подумайте, почему этот раздел имеет такое название «Такие непохожие, такие разные истории».

МИР, ПОЛНЫЙ ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ИСПЫТАНИЙ

Настоящие свойства человека обнаруживаются лишь тогда, когда наступает время проявить их, доказать на деле.

Людвиг Фейербах

Я думаю, что судьба любит
сильных, отважных и решительных...

Леся Украинка

Задумывались ли вы над тем, почему каждый из нас так любит приключения?.. Такой интерес совсем не случаен. Ведь приключения дарят нам испытания, необходимые для того, чтобы проверить свою волю и характер. Время от времени с нами обязательно происходит что-то невероятное. Попадая в различные ситуации, решая неожиданные проблемы, мы познаём себя, свои способности, радуемся победам и огорчаемся, когда терпим поражения.

Эти чувства мы переживаем также вместе с героями произведений приключенческой литературы.

В этом разделе вам предоставляется возможность пережить удивительные приключения и испытания, выпавшие на долю героев романа Даниеля Дефо «Робинзон Крузо» и рассказа Джека Лондона «Любовь к жизни».

Даниель Дефо

Судеб таких изменчивых
никто не испытал,
тринадцать раз я был богат,
и снова беден стал.

Даниель Дефо

Эти стихотворные строчки английский писатель Даниель Дефо написал, когда ему шёл седьмой десяток. Судьба у него была и в самом деле изменчивой. Сын мясника, фамилия которого была Фо (это Даниель добавил к ней частичку «де»), он против воли отца решил стать купцом. Дефо совершил путешествия в Испанию и Португалию, Италию и Голландию, но купец из него так и не получился. Лишь на 40-м году жизни Даниель нашел своё призвание. Он стал журналистом, и последующие пятнадцать лет посвятил карьере писателя и политика. Его перо не знало покоя. Тюрьма и позорный столб, преследования и нищета – всё пришлось испытать в жизни Даниелю Дефо. Невзирая на все беды, этот сильный духом и необыкновенно энергичный человек никогда не изменял своим убеждениям и до последних дней с пером в руках боролся за свои идеалы. Из 350 произведений, принадлежащих Д. Дефо, мировую известность принёс ему роман о приключениях Робинзона Крузо на необитаемом острове.

Вот уж действительно мечты сбываются! Вдоль Дефо мечтал написать настоящую морскую историю и осуществил свой замысел, когда ему исполнилось 59 лет.

Интересна история создания этого произведения. По мнению исследователей творчества Дефо, непосредственным толчком к написанию романа стал эпизод из корабельного дневника капитана Роджерса, опубликованного под названием «Путешествие во-

круг света в 1708—1711 годах». Вскоре по материалам этого дневника известный журналист Стил напечатал статью о приключениях шотландского матроса Александра Селькирка, который, как считают, в определённой степени стал прототипом¹ Робинзона Крузо.

В отеле «Ландогер Трау» состоялась встреча Даниеля Дефо с Александром Селькирком. Писатель узнал, что Селькирк был штурманом судна «Пять портов» и его за непокорность капитану высадили на необитаемый остров Хуан-Фернандес возле берегов Чили, на котором он прожил четыре года. Результатом беседы писателя с Александром Селькирком и стало произведение о Робинзоне Крузо. В романе Дефо перенёс остров, на котором происходят события, в другое место, время действия отодвинул приблизительно на 15 лет назад, увеличил сроки пребывания своего героя на острове в 7 раз.

Так и появился роман, полное название которого звучит так: «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове, у берегов Америки, близ устья великой реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написано им самим».

1. Расскажите, что вам известно о Даниеле Дефо.
2. Раскройте историю создания романа «Робинзон Крузо».

Знаете ли вы, что...

История издания «Робинзона Крузо» достойна его «приключений». Поначалу ни один лондонский издатель не принимал рукописи Д. Дефо. Как рассказывает биограф Дефо, когда книга всё-таки появилась, её успех был настолько оглушителен, что ещё до выхода всего тиража, когда ещё не успела просохнуть типографская краска на страницах «Робинзона», в Англии и других странах появились многочисленные подражания ему.

¹*Прототип* — реальный человек, судьба которого взята автором в основу создания литературного персонажа.

ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА КРУЗО

(отрывки)

<...>В недобрый час, 1 сентября 1659 года, я взошёл на корабль. Это был тот самый день, в который восемь лет тому назад я убежал от отца и матери в Гулле, тот день, когда я восстал против родительской власти и так неразумно распорядился своею судьбой.

Наше судно было вместимостью около ста двадцати тонн: на нём было шесть пушек и четырнадцать человек экипажа, не считая капитана, юнги¹ и меня. Тяжёлого груза у нас не было, и весь он состоял из разных мелких вещей, какие обыкновенно употребляются для меновой торговли с неграми: из ножниц, ножей, топоров, зеркалец, стекляшек, раковин, бус и тому подобной дешёвки.

Как уже сказано, я сел на корабль 1 сентября, и в тот же день мы снялись с якоря. Сначала мы направились к северу вдоль берегов Бразилии, рассчитывая свернуть к Африканскому материку, когда дойдём до десятого или двенадцатого градуса северной широты: таков в те времена был обыкновенный курс судов. Всё время, покуда мы держались наших берегов, до самого мыса Святого Августина, стояла прекрасная погода, было только чересчур жарко. От мыса Святого Августина мы повернули в открытое море и вскоре потеряли из виду землю. Мы держали курс приблизительно на остров Фернандо ди Норонья, то есть на северо-восток. Остров Фернандо остался у нас по правой руке. После двенадцатидневного плавания мы пересекли экватор² и находились, по последним наблюдениям, под 7° 22' северной широты, когда на нас неожиданно налетел жестокий шквал. Это был настоящий ураган. Он начался с юго-востока, потом пошёл в обратную сторону и наконец задул с северо-востока с такою ужасающей силой, что в течение двенадцати дней мы могли только носиться по ветру и, отдавшись на волю судьбы, плыть, куда нас гнала ярость стихий. Нечего и говорить, что все эти двенадцать дней я ежечасно ожидал смерти, да и никто на корабле не чаял остаться в живых.

Но наши беды не ограничились страхом бури: один из наших матросов умер от тропической лихорадки, а двоих — матроса и юнгу — смыло с палубы. На двенадцатый день шторм стал

¹Юнга — подюсток на судне, обучающийся морскому делу.

²Экватор — условная линия, которая делит земной шар на северное и южное полушария.

стихать, и капитан произвёл по возможности точное вычисление. Оказалось, что мы находимся приблизительно под 11° северной широты, но что нас отнесло на 22° к западу от мыса Святого Августина. Мы были теперь недалеко от берегов Гвианы или северной части Бразилии, за рекой Амазонкой, и ближе к реке Ориноко, более известной в тех краях под именем Великой реки. Капитан спросил моего совета, куда нам взять курс. Ввиду того, что судно дало течь и едва ли годилось для дальнего плавания, он полагал, что лучше всего повернуть назад, к берегам Бразилии.

Но я решительно восстал против этого. В конце концов, рассмотрев карты берегов Америки, мы пришли к заключению, что до самых Карибских островов не встретим ни одной населённой страны, где можно было бы найти помощь. Поэтому мы решили держать курс на Барбадос, до которого, по нашим расчетам, можно было добраться в две недели, так как нам пришлось бы немного уклониться от прямого пути, чтобы не попасть в течение Мексиканского залива. О том же, чтобы идти к берегам Африки, не могло быть и речи: наше судно нуждалось в починке, а экипаж — в пополнении. Ввиду вышеизложенного мы изменили курс и стали держать на запад—северо-запад. Мы рассчитывали дойти до какого-нибудь из островов, принадлежащих Англии, и получить там помощь. Но судьба судила иначе. Когда мы достигли $12^{\circ} 18'$ северной широты, нас захватил второй шторм. Так же стремительно, как и в первый раз, мы понеслись на запад и очутились далеко от торговых путей, так что, если бы даже мы не погибли от ярости волн, у нас всё равно почти не было надежды вернуться на родину и мы, вероятнее всего, были бы съедены дикарями.

Однажды ранним утром, когда мы бедствовали таким образом, — ветер всё ещё не сдавал, — один из матросов крикнул: «Земля!» — но не успели мы выскочить из каюты в надежде узнать, где мы находимся, как судно село на мель. В тот же миг от внезапной остановки вода хлынула на палубу с такой силой, что мы уже считали себя погибшими: стремглав бросились мы вниз в закрытые помещения, где и укрылись от брызг и пены.

Тому, кто не бывал в подобном положении, трудно себе представить, до какого отчаяния мы дошли. Мы не знали, где находимся, к какой земле нас прибило, остров это или материк, обитаемая земля или нет. А так как буря продолжала бушевать, хоть и с меньшей силой, мы не надеялись даже, что наше судно продержится несколько минут, не разбившись в щепки: разве только каким-нибудь чудом ветер вдруг переменится. Словом,

мы сидели, глядя друг на друга и ежеминутно ожидая смерти, и каждый готовился к переходу в иной мир, ибо в здешнем мире нам уже нечего было делать. Единственным нашим утешением было то, что, вопреки всем ожиданиям, судно было всё ещё цело, и капитан сказал, что ветер начинает стихать.

Но хотя нам показалось, что ветер немного стих, всё же корабль так основательно сел на мель, что нечего было и думать сдвинуть его с места, и в этом отчаянном положении нам оставалось только позаботиться о спасении нашей жизни какой угодно ценой. У нас были две шлюпки; одна висела за кормой, но во время шторма её разбило о руль, а потом сорвало и потопило или унесло в море. На неё нам нечего было рассчитывать. Оставалась другая шлюпка, но как спустить её на воду? Задача казалась неразрешимой. А между тем нельзя было мешкать: корабль мог каждую минуту расколоться надвое; некоторые даже говорили, что он уже дал трещину.

В этот критический момент помощник капитана подошёл к шлюпке и с помощью остальных людей экипажа перебросил её через борт; мы все, одиннадцать человек, вошли в шлюпку, отчалили и, поручив себя милосердию божию, отдались на волю бушующих волн; хотя шторм значительно поулёгся, все-таки на берег набегали страшные валы, и море могло быть по справедливости названо *deh wild zee* — дикое море, как выражаются голландцы.

Наше положение было поистине плачевным: мы ясно видели, что шлюпка не выдержит такого волнения и что мы неизбежно потонем. Идти на парусе мы не могли: у нас его не было, да и всё равно он был бы нам бесполезен. Мы гребли к берегу с тяжёлым сердцем, как люди, идущие на казнь: мы все отлично знали, что, как только шлюпка подойдёт ближе к земле, её разнесёт прибоем на тысячу кусков. И, подгоняемые ветром и течением, предавши душу свою милосердию божию, мы налегли на вёсла, собственноручно приближая момент нашей гибели.

Какой был перед нами берег — скалистый или песчаный, крутой или отлогий, — мы не знали. Единственной для нас надеждой на спасение была слабая возможность попасть в какую-нибудь бухточку, или залив, или в устье реки, где волнение было слабее и где мы могли бы укрыться под берегом с наветренной стороны. Но впереди не было видно ничего похожего на

¹*Миля* — мера длины; морская миля — 1852 м.

Иван Айвазовский. Девятый вал

залив, и чем ближе подходили мы к берегу, тем страшнее казалась земля, страшнее самого моря.

Когда мы отошли или, вернее, нас отнесло примерно мили¹ на четыре от застрявшего корабля, огромный вал, величиной с гору, неожиданно набежал с кормы на нашу шлюпку, словно для того, чтобы последним ударом прекратить наши страдания. В один миг опрокинул он нашу шлюпку. Мы не успели крикнуть: «Боже!» — как очутились под водой, далеко и от шлюпки, и друг от друга.

Ничем не выразить смутения в моих мыслях, когда я погрузился в воду. Я отлично плаваю, но я не мог вынырнуть на поверхность и набрать в грудь воздуха, пока подхватившая меня волна, пронеся меня изрядное расстояние по направлению к берегу, не разбилась и не отхлынула назад, оставив меня на мелком месте, полумёртвого от воды, которой я нахлебался. У меня хватило самообладания настолько, что, увидев сушу гораздо ближе, чем я ожидал, я поднялся на ноги и опрометью пустился бежать в надежде достичь берега прежде, чем нахлынет и подхватит меня другая волна, но скоро увидел, что мне от неё не уйти; море шло горой и догоняло, как разъярённый враг, бороться с которым у меня не было ни сил, ни средств. Мне оставалось только, задержав дыхание, вынырнуть на гребень волны и плыть к берегу, насколько хватит сил. Главной моей заботой было справиться по возможности с новой волной так, чтобы, поднеся меня ещё ближе к берегу, она не увлекла меня за собой в своём обратном движении к морю.

Набежавшая волна скрыла меня футов¹ на двадцать — тридцать под водой. Я чувствовал, как меня подхватило и долго, с невероятной силой и быстротой несло к берегу. Я задержал дыхание и поплыл по течению, изо всех сил помогая ему. Я уже почти задышался, как вдруг почувствовал, что поднимаюсь кверху; вскоре, к великому моему облегчению, мои руки и голова оказались над водой, и хотя я мог продержаться на поверхности не больше двух секунд, однако успел перевести дух, и это придало мне силы и мужества. Меня снова захлестнуло, но на этот раз я пробыл под водой не так долго. Когда волна разбилась и пошла назад, я не дал ей увлечь себя обратно и скоро почувствовал под ногами дно. Я простоял несколько секунд, чтобы отдышаться, и, собрав остаток сил, снова опрометью пустился бежать к берегу. Но и теперь я ещё не ушёл от ярости моря: ещё два раза оно меня нагоняло, два раза меня подхватывало волной и несло всё вперёд и вперёд, так как в этом месте берег был очень отлогий.

Последний вал едва не оказался для меня роковым: подхватив меня, он вынес, или, вернее, бросил, меня на скалу с такой силой, что я лишился чувств и оказался совершенно беспомощным: удар в бок и в грудь совсем отшиб у меня дыхание, и если б море снова подхватило меня, я бы неминуемо захлебнулся. Но я пришёл в себя как раз вовремя: увидев, что сейчас меня опять накроет волной, я крепко уцепился за выступ скалы и, задержав дыхание, решил переждать, пока волна не схлынет. Так как ближе к земле волны были уже не столь высоки, то я продержался до её ухода. Затем я снова пустился бежать и очутился настолько близко к берегу, что следующая волна хоть и перекатилась через меня, но уже не могла поглотить и унести обратно в море. Пробежав ещё немного, я, к великой моей радости, почувствовал себя на суше, вскарабкался на прибрежные скалы и опустил на траву. Здесь я был в безопасности: море не могло достать до меня.

(Продолжение следует)

Думаем над прочитанным

1. Заинтересовало ли вас прочитанное? Поделитесь своими впечатлениями.

¹Фут — мера длины (30, 5 см).

2. Расскажите от имени главного героя, что с ним случилось. ✓
3. Найдите в тексте и прочитайте описание моря во время бури. Какие художественные средства помогают читателю представить эту картину?
4. Как вы думаете, что дальше произойдёт с главным героем? Обоснуйте, на чём основаны ваши предположения.

Знаете ли вы, что...

В благодарность за историю о Робинзоне Крузо два тихоокеанских острова, расположенные недалеко от столицы Чили — Сантьяго, названы именами Робинзона Крузо и Александра Селькирка.

Очутившись на земле целым и невредимым, я поднял взор к небу, возблагодарив Бога за спасение моей жизни, на что всего лишь несколько минут тому назад у меня почти не было надежды. Я думаю, что нет таких слов, которыми можно было бы изобразить с достаточной яркостью восторг души человеческой, восставшей, так сказать, из гроба, и я ничуть не удивляюсь тому, что, когда преступнику, уже с петлёй на шее, в тот самый миг, как его должны вздёрнуть на виселицу, объявляют помилование, — повторяю, я не удивляюсь, что при этом всегда присутствует и врач, чтобы пустить ему кровь, иначе неожиданная радость может слишком сильно потрясти помилованного и остановить биение его сердца.

Внезапная радость, как и скорбь, ума лишает.

Я ходил по берегу, воздевал руки к небу и делал тысячи других жестов и движений, которых теперь не могу уже описать. Всё моё существо было, если можно так выразиться, поглощено мыслями о спасении. Я думал о своих товарищах, которые все утонули, и о том, что, кроме меня, не спаслась ни одна душа; по крайней мере, никого из них я больше не видел; от них и следов не осталось, кроме трёх шляп, одной матросской шапки да двух непарных башмаков, выброшенных морем.

Взглянув в ту сторону, где стоял на мели наш корабль, я едва мог рассмотреть его за высоким прибоем, — так он был далеко, и я сказал себе: «Боже! Каким чудом мог я добраться до берега?»

Утешившись этими мыслями о благополучном избавлении от смертельной опасности, я стал осматриваться кругом, чтобы узнать, куда я попал и что мне прежде всего делать. Моё радостное

настроение разом упало: я понял, что хотя я и спасся, но не избавлен от дальнейших ужасов и бед. На мне не оставалось сухой нитки, переодеться было не во что; мне нечего было есть, у меня не было даже воды, чтобы подкрепить свои силы, а в будущем мне предстояло или умереть голодной смертью, или быть растерзанным хищными зверями. Но что всего ужаснее — у меня не было оружия, так что я не мог ни охотиться за дичью для своего пропитания, ни обороняться от хищников, которым вздумалось бы напасть на меня. У меня вообще не было ничего, кроме ножа, трубки да коробочки с табаком. Это было всё моё достояние. При мысли об этом я пришёл в такое отчаяние, что долго, как сумасшедший, бегал по берегу. Когда настала ночь, я с замирающим сердцем спрашивал себя, что меня ожидает, если здесь водятся хищные звери, — ведь они всегда выходят на добычу по ночам.

Единственное, что я мог тогда придумать, это взобраться на росшее поблизости толстое, ветвистое дерево, похожее на ель, но с колючками, и просидеть на нём всю ночь, а когда придёт утро, решить, какою смертью лучше умереть, ибо я не видел возможности жить в этом месте.

Я прошёл с четверть мили от берега вглубь посмотреть, нет ли пресной воды, и, к великой моей радости, нашёл ручеёк. Напившись и положив в рот немного табаку, чтобы заглушить голод, я вернулся к дереву, взобрался на него и постарался устроиться таким образом, чтобы не свалиться, в случае если засну. Затем я срезал для самозащиты коротенький сук, вроде дубинки, уселся поплотнее и от крайнего утомления крепко уснул. Я спал так сладко, как, я думаю, немногим спалось бы на моём месте, и никогда не пробуждался от сна таким свежим и бодрым.

Когда я проснулся, было совсем светло: погода прояснилась, ветер утих, и море больше не бушевало и не вздымалось. Но меня крайне поразило то, что корабль очутился на другом месте, почти у самой той скалы, о которую меня так сильно ударило волной; должно быть, за ночь его приподняло с мели приливом и пригнало сюда. Теперь он стоял не дальше мили от того места, где я провёл ночь, и так как держался он почти прямо, то я решил побывать на нём, чтобы запастись едой и другими необходимыми вещами.

Покинув своё убежище и спустившись с дерева, я ещё раз осмотрелся кругом, и первое, что я увидел, была наша шлюпка, лежавшая милях в двух вправо, на берегу, куда её, очевидно, выбросило море. Я поспешил было в том направлении, думая

дойти до неё, но оказалось, что путь преграждал глубоко врезы-
вавшийся в берег заливчик шириною в полмили. Тогда я повер-
нул назад, ибо мне было важнее попасть поскорей на корабль,
где я надеялся найти что-нибудь для поддержания своего
существования.

После полудня волнение на море совсем улеглось, и отлив
был так низок, что мне удалось подойти к кораблю на четверть
мили. Тут я снова почувствовал приступ глубокого горя, ибо
мне стало ясно, что если б мы не покинули корабль, то все оста-
лись бы живы: переждав шторм, мы благополучно перебрались
бы на берег и я не был бы, как теперь, несчастным существом,
совершенно лишённым человеческого общества. При этой мыс-
ли слёзы выступили у меня на глазах, но слезами горю не помо-
жешь, и я решил всё-таки добраться до корабля. Раздевшись
(день был нестерпимо жаркий), я вошёл в воду. Но, когда я под-
плыл к кораблю, возникло новое затруднение: как на него взо-
браться? Он стоял на мелководе, весь наружу, и уцепиться
было не за что. Дважды я проплыл вокруг него и во второй раз
заметил недлинный канат — удивительно, как он сразу не бро-
сился мне в глаза. Он свешивался так низко над водой, что мне,
хоть и не без труда, удалось поймать его конец и взобраться на
бак корабля. Судно дало течь, и трюм был полон воды; однако
оно так увязло килем¹ в песчаной или, скорее, илистой отмели,
что корма была приподнята, а нос почти касался воды. Таким
образом, вся кормовая часть оказалась сухой, и все, что там
находилось, не пострадало от воды. Я сразу обнаружил это, так
как, разумеется, мне прежде всего хотелось узнать, что из кора-
бельного имущества было попорчено и что уцелело. Оказалось,
во-первых, что весь запас провизии был совершенно сухой, а так
как меня мучил голод, то я отправился в кладовую, набил
карманы сухарями и ел их на ходу, чтобы не терять времени.
В кают-компании я нашел бутылку рому и отхлебнул из неё
несколько хороших глотков, ибо очень нуждался в подкрепле-
нии сил для предстоящей работы.

Прежде всего мне нужна была лодка, чтобы перевезти на
берег всё то, что могло мне понадобиться. Однако бесполезно
было сидеть сложа руки и мечтать о том, чего нельзя было полу-
чить. Нужда изощряет изобретательность, и я живо принялся за

¹Киль — продольный брус, проходящий по всей длине судна в середине его днища.

дело. На корабле были запасные мачты, стеньги и реи. Из них я решил построить плот. Выбрав несколько брёвен полегче, я перекинул их за борт, привязав предварительно каждое веревкой, чтобы их не унесло. Затем я спустился с корабля, притянул к себе четыре бревна, крепко связал их между собою по обоим концам, скрепив ещё сверху двумя или тремя коротенькими досками, положенными накрест. Мой плот отлично выдерживал тяжесть моего тела, но для большего груза был слишком легок. Тогда я снова принялся за дело и с помощью пилы нашего корабельного плотника распилил запасную мачту на три куска, которые и приладил к своему плоту. Эта работа стоила мне невероятных усилий, но желание запастись по возможности всем необходимым для жизни поддерживало меня, и я сделал то, что при других обстоятельствах мне было бы не под силу.

Теперь мой плот был достаточно крепок и мог выдержать порядочную тяжесть. Первым делом было нагрузить его и уберечь мой груз от морского прибоя. Над этим я раздумывал недолго. Прежде всего я положил на плот все доски, какие нашлись на корабле; на эти доски я спустил три сундука, принадлежащих нашим матросам, предварительно взломав в них замки и опорожнив их. Затем, прикинув в уме, что из вещей могло мне понадобится больше всего, я отобрал эти вещи и наполнил ими все три сундука. В один я сложил съестные припасы: хлеб, рис, три круга голландского сыру, пять больших кусков вяленой козлятины, служившей нам главной пищей, и остатки зерна для домашней птицы, которую мы взяли с собой на судно и давно уже съели. Это был ячмень, перемешанный с пшеницей; к великому моему разочарованию, он оказался попорченным крысами. Я нашёл также несколько ящиков вин и пять или шесть галлонов арака или рисовой водки, принадлежавших нашему шкиперу¹. Все эти ящики я поставил прямо на плот, так как в сундуках они бы не поместились, да и надобности не было их прятать. Между тем, пока я был занят погрузкой, начался прилив, и, к великому моему огорчению, я увидел, что мой камзол, рубашку и жилет, оставленные мною на берегу, унесло в море. Таким образом, у меня остались из платья только чулки да штаны (полотняные и коротенькие, до колен), которых я не снимал. Это заставило меня подумать о том, чтобы запастись одеждой. На корабле было немало всякой одежды, но я взял пока только

¹Шкипер — капитан.

то, что было необходимо в данную минуту: меня гораздо больше соблазняло многое другое, и прежде всего рабочие инструменты. После долгих поисков я нашёл ящик нашего плотника, и это была для меня поистине драгоценная находка, которой я не отдал бы в то время за целый корабль с золотом. Я поставил на плот этот ящик, как он был, даже не заглянув в него, так как мне было приблизительно известно, какие в нём инструменты.

Теперь мне осталось запастись оружием и зарядами. В кают-компании я нашел два прекрасных охотничьих ружья и два пистоleta, которые и переправил на плот вместе с пороховницей, небольшим мешком с дробью и двумя старыми, заржавленными саблями. Я знал, что у нас было три бочонка пороху, но не знал, где их хранил наш канонир¹. Однако, поискав хорошенько, я нашёл все три. Один оказался подмокшим, а два были совершенно сухи, и я перетащил их на плот вместе с ружьями и саблями. Теперь мой плот был достаточно нагружен, и я начал думать, как мне добраться до берега без паруса, без вёсел и без руля, — ведь довольно было самого слабого порыва ветра, чтобы опрокинуть всё моё сооружение.

Три обстоятельства ободряли меня: во-первых, полное отсутствие волнения на море; во-вторых, прилив, который должен был гнать меня к берегу; в-третьих, небольшой ветерок, дувший тоже к берегу и, следовательно, попутный. Итак, разыскав два или три сломанных весла от корабельной шлюпки, прихватив ещё две пилы, топор и молоток (кроме тех инструментов, что были в ящике), я пустился в море. С милю или около того мой плот шёл отлично; я заметил только, что его относит от того места, куда накануне меня выбросило море. Это навело меня на мысль, что там, должно быть, береговое течение, и что, следовательно, я могу попасть в какой-нибудь заливчик или речку, где мне будет удобно пристать с моим грузом.

Как я предполагал, так и вышло. Вскоре передо мной открылась маленькая бухточка, и меня быстро понесло к ней. Я правил, как умел, стараясь держаться середины течения.

Но тут, будучи совершенно незнаком с фарватером² этой бухточки, я чуть вторично не потерпел кораблекрушение, и, если бы это случилось, я, право, кажется, умер бы с горя. Мой

¹Канонир — артиллерист, который обслуживает пушку.

²Фарватер — достаточно глубокое место, позволяющее проход большим суднам.

плот неожиданно наскочил одним краем на отмель, а так как другой его край не имел точки опоры, то он сильно накренился; ещё немного, и весь мой груз съехал бы в эту сторону и свалился бы в воду. Я изо всех сил уперся спиной и руками в мои сундуки, стараясь удержать их на месте, но не мог столкнуть плот, несмотря на все усилия. С полчаса, не смея шевельнуться, простоял я в этой позе, покамест прибывшая вода не приподняла немного опустившийся край плота, а спустя некоторое время вода поднялась ещё выше, и плот сам сошёл с мели. Тогда я оттолкнул плот веслом на середину фарватера и, отдавшись течению, которое было здесь очень быстрое, вошёл наконец в бухточку или, вернее, в устье небольшой реки с высокими берегами. Я стал осматриваться, отыскивая, где бы мне лучше пристать: мне не хотелось слишком удалиться от моря, ибо я надеялся когда-нибудь увидеть на нём корабль, и потому решил обосноваться как можно ближе к берегу.

Наконец на правом берегу я высмотрел крошечный заливчик, к которому и направил свой плот. С большим трудом провёл я его поперек течения и вошёл в заливчик, упираясь в дно веслами. Но здесь я снова рисковал вывалить весь мой груз: берег был настолько крут, что если б только мой плот наехал на него одним концом, то неминуемо бы наклонился к воде другим, и моя поклажа была бы в опасности. Мне оставалось только ждать полного прилива. Высмотрев удобное местечко, где берег заканчивался ровной площадкой, я пододвинул туда плот и, упираясь в дно веслом, держал его на якоре; я рассчитывал, что прилив покроет эту площадку водой. Так и случилось. Когда вода достаточно поднялась — мой плот сидел в воде на целый фут, — я втолкнул его на площадку, укрепил с двух сторон при помощи вёсел, воткнув их в дно, и стал дожидаться отлива. Таким образом, мой плот со всем грузом оказался на сухом берегу.

Следующей моей заботой было осмотреть окрестности и выбрать себе защищённое от всяких случайностей удобное местечко для жилья, где бы я мог сложить своё добро. Я всё ещё не знал, куда я попал: на материк или на остров, в населённую или в необитаемую страну; не знал, грозит ли мне опасность со стороны хищных зверей или нет. Приблизительно в полумиле от меня виднелся холм, крутой и высокий, по-видимому, господствовавший над грядой возвышенностей, тянувшейся к северу. Вооружившись ружьём, пистолетом и пороховницей,

я отправился на разведку. Когда я взобрался на вершину холма (что стоило мне немалых усилий), мне стала ясна моя горькая участь: я был на острове, со всех сторон простиралось море и вокруг не было и признака земли, если не считать нескольких торчавших в отдалении скал да двух маленьких островов, поменьше моего, лежавших милях в десяти к западу.

Я сделал и другие открытия: мой остров был совершенно не возделан и, судя по всем признакам, необитаем. Может быть, на нём и жили хищные звери, но пока я ни одного не видал. Зато пернатые водились во множестве, но все неизвестных мне пород, так что потом, когда мне случалось убить дичь, я никогда не мог определить по виду, годится ли она в пищу или нет. Спускаясь с холма, я подстрелил большую птицу, сидевшую на дереве у опушки леса. Я думаю, что это был первый выстрел, раздавшийся здесь с сотворения мира: не успел я выстрелить, как над рощей взвилась туча птиц: каждая из них кричала по-своему, но ни один из криков не походил на крики, известные мне. Что касается убитой мною птицы, по-моему, это была разновидность нашего ястреба: она очень напоминала его окраской перьев и формой клюва, только когти у неё были гораздо короче. Её мясо отдавало падалью и не годилось в пищу.

Удовольствовавшись этими открытиями, я воротился к плоту и принялся перетаскивать вещи на берег. Это заняло у меня весь остаток дня. Я не знал, как и где устроиться мне на ночь. Лечь прямо на землю я боялся, не будучи уверен, что меня не загрызёт какой-нибудь хищник. Впоследствии оказалось, что эти страхи были напрасны.

Наметив на берегу местечко для ночлега, я загородил его со всех сторон сундуками и ящиками, а внутри этой ограды соорудил из досок нечто вроде шалаша. Что касается пищи, то я не знал ещё, как буду добывать себе впоследствии пропитание: кроме птиц да двух каких-то зверьков, вроде нашего зайца, выскочивших из рощи при звуке моего выстрела, никакой живности я здесь не видел. Но теперь я думал только о том, как бы забрать с корабля всё, что там оставалось и что могло мне пригодиться, и прежде всего паруса и канаты. Поэтому я решил, если ничто не помешает, предпринять второй рейс на корабль. А так как я знал, что при первой же буре его разобьёт в щепки, то предпочёл отложить другие дела, пока не переправлю на берег всё, что только смогу взять. Я стал держать совет (с самим собой, конечно), брать ли мне плот. Это показалось мне непрак-

тичным, и, дождавшись отлива, я пустился в путь, как в первый раз. Только теперь я разделся в шалаше, оставшись в одной нижней клетчатой рубаше, в полотняных кальсонах и в туфлях на босу ногу.

Как и в первый раз, я взобрался на корабль по канату; затем построил новый плот. Но, умудрённый опытом, я сделал его не таким неповоротливым, как первый, и не так тяжело нагрузил. Впрочем, я всё-таки перевёз на нём много полезных вещей. Во-первых, всё, что нашлось в запасах нашего плотника, а именно: два или три мешка с гвоздями (большими и мелкими), отвертку, десятка два топоров, а главное, такую полезную вещь, как точило. Затем я взял несколько вещей из склада нашего канонира, в том числе три железных лома, два бочонка с ружейными пулями, семь мушкетов, ещё одно охотничье ружьё и немного пороха, затем большой мешок с дробью и свёрток листового свинца. Впрочем, последний оказался таким тяжёлым, что у меня не хватило силы поднять и спустить его на плот.

Кроме перечисленных вещей, я взял с корабля всю одежду, какую нашёл, да прихватил ещё запасной парус, подвесную койку и несколько тюфяков и подушек. Всё это я погрузил на плот и, к великому моему удовольствию, перевёз на берег в целости.

Отправляясь на корабль, я немного побаивался, как бы в моё отсутствие какие-нибудь хищники не уничтожили моих съестных припасов. Но, воротившись на берег, я не заметил никаких следов непрошенных гостей. Только на одном из сундуков сидел какой-то зверёк, очень похожий на дикую кошку. При моём приближении он отбежал в сторону и остановился, потом присел на задние лапы, совершенно спокойно, без всякого страха, смотрел мне прямо в глаза, точно выражая желание познакомиться со мной. Я прицелился в него из ружья, но это движение было, очевидно, ему непонятно; он нисколько не испугался, даже не тронулся с места. Тогда я бросил ему кусок сухаря, хотя не особенно-то мог быть расточительным, так как мой запас провизии был очень невелик. Тем не менее я уделил ему этот кусочек. Он подошёл, обнюхал его, съел, облизнулся и с довольным видом ждал повторного угощения, но я поблагодарил за честь и больше ничего ему не дал; тогда он ушёл.

Доставив на берег свой второй груз, я хотел открыть тяжёлые бочонки с порохом и перенести его частями, однако принялся сначала за сооружение палатки. Я сделал её из паруса и жердей, которые для этой цели нарезал в роще. В палатку я

перенёс всё, что могло испортиться от солнца и дождя, а вокруг неё нагромодил пустые ящики и бочки на случай внезапного нападения людей или зверей.

Вход в палатку я загородил снаружи большим сундуком, поставив его боком, а изнутри заложил досками. Затем разостлал на земле постель, в головах положил два пистолета, рядом с тюфяком — ружьё и лег. Со дня кораблекрушения я в первый раз провёл ночь в постели. От изнеможения я проспал до утра как убитый, и не мудрено: в предыдущую ночь я почти не спал, а весь день работал, сперва над погрузкой вещей с корабля на плот, а потом переправляя их на берег.

Никто, я думаю, не устраивал для себя такого огромного склада, какой был устроен мною. Но мне всё было мало: пока корабль был цел и стоял на прежнем месте, пока на нём оставалась хоть одна вещь, которой я мог воспользоваться, я считал необходимым пополнять свои запасы. Каждый день с наступлением отлива я отправлялся на корабль и что-нибудь привозил с собою. Особенно удачным было третье моё путешествие. Я разобрал все снасти, взял с собою весь мелкий такелаж¹ (и трос и бечёвки, какие могли уместиться на плоту). Я захватил также большой кусок запасной парусины, служившей у нас для починки парусов, и бочонок с подмокшим порохом, который я было оставил на корабле. В конце концов я переправил на берег все паруса до последнего; только мне пришлось разрезать их на куски и перевозить по частям; как паруса они были уже непригодны, и вся их ценность для меня заключалась в парусине.

Но вот чему я обрадовался ещё больше. После пяти или шести таких экспедиций, когда я думал, что на корабле уже нечем больше поживиться, я неожиданно нашёл в трюме большую бочку с сухарями, три бочонка рому, ящик с сахаром и бочонок превосходной муки. Это был приятный сюрприз: я больше не рассчитывал найти на корабле какую-нибудь провизию, будучи уверен, что все оставшиеся там запасы подмокли. Сухари я вынул из бочки и перенёс на плот по частям, завертывая в парусину. Всё это мне удалось благополучно доставить на берег.

На следующий день я предпринял новую поездку. Теперь, забрав с корабля решительно все вещи, какие под силу поднять одному человеку, я принялся за канаты. Каждый канат я разрезал на куски такой величины, чтобы мне было не слишком трудно

¹Такелаж — все снасти судна.

управиться с ними, и перевёз на берег два каната и швартов. Кроме того, я взял с корабля все железные части, какие мог отделить. Затем, обрубив оставшиеся реи, я построил из них плот побольше, погрузил на него все эти тяжёлые вещи и пустился в обратный путь. Но на этот раз счастье мне изменило: мой плот был так неповоротлив и так сильно нагружен, что мне было очень трудно им управлять. Войдя в бухточку, где было выгружено моё остальное имущество, я не сумел провести его так искусно, как прежние: плот опрокинулся, и я упал в воду со всем своим грузом. Что касается меня, то беда была невелика, так как это случилось почти у самого берега, но груз мой, по крайней мере, значительная часть его, пропал, главное – железо, которое очень бы мне пригодилось и о котором я особенно жалел. Впрочем, когда вода спала, я вытащил на берег почти все куски каната и несколько кусков железа, хотя и с великим трудом; я принужден был нырять за каждым куском, и это меня очень утомляло. В дальнейшем мои посещения корабля повторялись ежедневно, и каждый раз я привозил новую добычу.

(Продолжение следует)

Думаем над прочитанным

- 1. Расскажите, что произошло с главным героем после спасения. Совпали ли ваши предположения с текстом произведения?
- 2. Какие чувства переполняли героя после катастрофы? Подтвердите свой ответ цитатами из текста.
- 3. Почему, обрадовавшись «благополучному избавлению от смертельной опасности», главный герой пришёл в отчаяние?
- 4. Что решил предпринять герой, очутившись на необитаемом острове? О чём свидетельствует его решение? Аргументируйте свой ответ.
5. Какие вещи забрал с корабля главный герой? Какие из них были, с его точки зрения, самые важные? Почему?
- 6. Почему, несмотря на то, что, по мнению героя, никто «не устраивал для себя такого склада», он всё-таки продолжал пополнять свои запасы?
- 7. Как вы думаете, что произойдёт с героем романа в дальнейшем?

Уже тринадцать дней я жил на острове и за это время побывал на корабле одиннадцать раз, переправив на берег решительно всё, что в состоянии перетащить пара человеческих рук. Если

бы тихая погода продержалась подольше, я убеждён, что перевёз бы весь корабль по кусочкам, но, делая приготовления к двенадцатому рейсу, я заметил, что подымается ветер. Тем не менее, дождавшись отлива, я отправился на корабль. Я уже так основательно обшарил нашу каюту, что, казалось, там ничего невозможно было найти; но тут я заметил шкафчик с двумя ящиками: в одном я нашёл две-три бритвы, большие ножницы и с дюжину хороших вилок и ножей; в другом оказались деньги — около тридцати шести фунтов¹ частью европейской, частью бразильской серебряной и золотой монетой.

Я улыбнулся при виде этих денег. «Ненужный хлам, — проговорил я, — зачем ты мне теперь? Ты и того не стоишь, чтобы нагнуться и поднять тебя с полу. Всю эту кучу золота я готов отдать за любой из этих ножей. Мне нечего с тобой делать. Так оставайся же, где лежишь, отправляйся на дно морское как существо, чью жизнь не стоит спасать!» Однако ж, поразмыслив, я решил взять деньги с собой и завернул всё найденное в кусок парусины. Затем я стал подумывать о сооружении плота, но пока я собирался, небо нахмурилось, ветер, дувший с берега, начал крепчать, и через четверть часа совсем засвежело. При береговом востре плот был бы мне не нужен; к тому же надо было спешить добраться до берега, пока не началось большое волнение, ибо иначе мне бы и совсем на него не попасть. Я, не теряя времени, спустился в воду и поплыл. То ли от тяжести бывших на мне вещей, то ли оттого, что мне приходилось бороться со встречным течением, у меня едва хватило сил переплыть полосу воды, отделявшую корабль от моей бухточки. Ветер крепчал с каждой минутой и ещё до начала отлива превратился в настоящий шторм.

Но к этому времени я был уже дома, в безопасности, со всем моим богатством, и лежал в палатке. Всю ночь ревела буря, и, когда поутру я выглянул из палатки, от корабля не осталось и следов! В первую минуту это неприятно меня поразило, но я утешился мыслью, что, не теряя времени и не щадя сил, достал оттуда всё, что могло мне пригодиться; будь даже в моём распоряжении больше времени, мне уже почти нечего было бы взять с корабля.

Итак, я больше не думал ни о корабле, ни о вещах, какие на нём ещё остались. Правда, после бури могло прибить к берегу

¹ *Фунт* — старинная единица веса и денежная единица Великобритании.

кое-какие обломки. Так оно потом и случилось. Но от всего этого мне было мало пользы.

Мои мысли были теперь всецело поглощены тем, как мне обезопасить себя от дикарей, если таковые окажутся, и от зверей, если они водятся на острове. Я долго раздумывал, каким способом достигнуть этого и какое мне лучше устроить жильё: выкопать ли в земле пещеру или поставить на земле палатку? В конце концов я решил сделать и то и другое, и, полагаю, будет нелишним рассказать о моих работах и описать моё жилище.

Я скоро убедился, что выбранное мною место на берегу не годится для поселения: это была низина, у самого моря, с болотистой почвой и, вероятно, нездоровая, но главное — поблизости не было пресной воды. Поэтому я решил поискать другое место, более здоровое и более удобное для жилья.

При этом я должен был сообразоваться с некоторыми необходимыми в моём положении условиями. Во-первых, моё жилище должно быть расположено в здоровой местности и поблизости от пресной воды; во-вторых, оно должно укрывать от солнечного зноя; в-третьих, должно быть защищено от нападения хищников, как двуногих, так и четвероногих, и, наконец, в-четвёртых, из него должно быть видно море, чтобы мне не упустить случая спастись, если Бог пошлёт какой-нибудь корабль, ибо мне не хотелось отказываться от надежды на избавление.

После довольно долгих поисков я нашёл наконец небольшую ровную полянку на скате высокого холма, под крутым отвесным, как стена, обрывом, так что ничто мне не грозило сверху. В этой отвесной стене было небольшое углубление, как будто бы вход в пещеру, но никакой пещеры или входа в скалу дальше не было.

Вот на этой-то зелёной полянке, возле самого углубления, я и решил разбить свою палатку. Площадка имела не более ста ярдов¹ в ширину и ярдов двести в длину, так что перед моим жильём тянулась как бы лужайка, в конце её холм спускался неправильными уступами в низину, к берегу моря. Расположен был этот уголок на северо-западном склоне холма. Таким образом, он был в тени весь день до вечера, когда солнце переходит на юго-запад, то есть близится к закату (я разумею, в тех широтах)...

...Прошло дней десять — двенадцать моего житья на острове, и я вдруг сообразил, что потеряю счёт времени из-за отсутствия

¹Ярд — английская мера длины, равная 0,91 м.

книг, перьев и чернил и что в конце концов я даже перестану отличать будни от воскресных дней. Чтобы избежать этого, я водрузил большой деревянный столб на том месте берега, куда меня выбросило море, и вырезал на доске ножом крупными буквами надпись: «Здесь я ступил на берег 30 сентября 1659 года», – которую прибил накрест к столбу.

По сторонам этого столба я каждый день делал ножом зарубку, а через каждые шесть зарубок делал одну подлиннее: это означало воскресенье; зарубки же, обозначавшие первое число каждого месяца, я делал ещё длиннее. Таким образом я вёл мой календарь, отмечая дни, недели, месяцы и годы.

Перечисляя предметы, привезённые мною с корабля, как было сказано выше, в несколько приёмов, я не упомянул о многих мелких вещах, хотя и не особенно ценных, но сослуживших мне тем не менее хорошую службу. Так, например, в каютах капитана, его помощника, артиллериста и плотника я нашёл чернила, перья и бумагу, три или четыре компаса, некоторые астрономические приборы, хронометры, подзорные трубы, географические карты и книги по навигации. Всё это я сложил в один из сундуков на всякий случай, не зная даже, понадобится ли мне что-нибудь из этих вещей. Кроме того, в моём собственном багаже оказались три Библии в хороших изданиях (я получил их из Англии вместе с выписанными мною товарами и, отправляясь в плавание, уложил вместе со своими вещами). Затем мне попалось несколько книг на португальском языке, в том числе три католических молитвенника, и ещё какие-то книги. Их я тоже забрал. Я должен ещё упомянуть, что у нас на корабле были две

кошки и собака (я расскажу в своё время любопытную историю жизни этих животных на острове). Кошек я перевёз на берег на плоту, собака же ещё в первую мою экспедицию на корабль сама прыгнула в воду и поплыла следом за мной. Много лет она была мне верным товарищем и слугой. Она делала для меня всё, что могла, и почти заменяла мне человеческое общество. Мне хотелось бы только, чтобы она могла говорить, но это ей не было дано. Как уже сказано, я взял с корабля перья, чернила и бумагу. Я сэкономил их до последней возможности и, пока у меня были чернила, аккуратно записывал всё, что случалось со мной; но когда они вышли, мне пришлось прекратить мои записи, так как не умел делать чернила и не мог придумать, чем заменить.

И тогда мне пришло в голову, что, несмотря на огромный склад всевозможных вещей, мне, кроме чернил, недоставало ещё очень многого: у меня не было ни лопаты, ни заступа, ни кирки, и мне нечем было копать или взрыхлять землю, не было ни иголок, ни ниток. Не было у меня и белья, но я скоро научился обходиться без него, не испытывая больших лишений.

Из-за недостатка инструментов всякая работа шла у меня медленно и трудно. Чуть не целый год понадобился мне, чтобы довести до конца ограду, которой я вздумал обнести своё жильё. Нарубить в лесу толстых жердей, вытесать из них колья, перетаскать эти колья к моей палатке — на всё это нужно было много времени. Колья были так тяжелы, что я не мог поднять более одной штуки сразу, а иногда у меня уходило два дня только на то, чтобы обтесать кол и принести его домой, а третий день — на то, чтобы вбить его в землю. Для этой последней работы я пользовался сначала тяжёлой деревянной дубиной, а потом вспомнил о железных ломах, привезённых мною с корабля, и заменил дубину ломом, но тем не менее вбивание кольев осталось для меня одной из самых утомительных и кропотливых работ.

Но что из того, если мне всё равно некуда было девать время? А по окончании постройки я не предвидел для себя другого дела, кроме как скитаться по острову в поисках пищи, чем я и без того занимался почти каждый день.

Настало время, когда я принялся серьёзно и обстоятельно обдумывать своё положение и вынужденные обстоятельства моей жизни и начал записывать свои мысли — не для того, чтобы увековечить их в назидание людям, которым придётся претерпевать то же, что и мне (ибо едва ли нашлось бы много таких людей), а просто, чтобы высказать словами всё, что меня терзало и мучи-

ло, и тем хоть сколько-нибудь облегчить свою душу. Но как ни тягостны были мои размышления, рассудок мой начинал мало-помалу брать верх над отчаянием. По мере сил я старался утешить себя тем, что могло бы случиться и нечто худшее, и противопоставлял злу добро. С полным беспристрастием я, словно должник и кредитор, записывал все претерпеваемые мной горести, а рядом — всё, что случилось со мной отрадного.

ЗЛО

Я заброшен судьбой на мрачный, необитаемый остров и не имею никакой надежды на избавление.

Я как бы выделен и отрезан от всего мира и обречён на горе.

Я отдалён от всего человечества; я отшельник, изгнанный из общества людей.

У меня мало одежды, и скоро мне будет нечем прикрыть своё тело.

Я беззащитен против нападения людей и зверей.

Мне не с кем перемолвиться словом, и некому утешить меня.

ДОБРО

Но я жив, я не утонул, подобно всем моим товарищам.

Но зато я выделен из всего нашего экипажа, смерть пощадила меня, и тот, кто столь чудесным образом спас меня от смерти, вызовет и из этого безотрадного положения.

Но я не умер с голоду и не погиб в этом пустынном месте, где человеку нечем пропитаться.

Но я живу в жарком климате, где я не носил бы одежду, даже если бы она у меня была.

Но остров, куда я попал, безлюден, и я не видел на нём ни одного хищного зверя, как на берегах Африки. Что было бы со мной, если б меня выбросило туда?

Но Бог сотворил чудо, пригнав наш корабль так близко к берегу, что я не только успел запастись всем необходимым для удовлетворения моих потребностей, но и получил возможность добывать себе пропитание до конца моих дней.

Запись эта неспреложно свидетельствует о том, что едва ли кто на свете попадал в более бедственное положение, и тем не менее оно содержало в себе как отрицательные, так и положительные стороны, за которые следовало быть благодарным:

горький опыт человека, изведавшего худшее несчастье на земле, показывает, что у нас всегда найдётся какое-нибудь утешение, которое в счёте наших бед и благ следует записать в графу прихода.

Итак, вняв голосу рассудка, я начинал мириться со своим положением. Прежде я поминутно смотрел на море в надежде, не покажется ли где-нибудь корабль; теперь я уже покончил с напрасными надеждами и все свои помыслы направил на то, чтобы до возможности облегчить своё существование.

(Продолжение следует)

Думаем над прочитанным

1. Сжато перескажите прочитанное.

2. Как отреагировал главный герой на деньги, которые он нашёл на корабле? Объясните, что дало ему основание назвать их «ненужным хламом».

3. Найдите в тексте и прочитайте, каким в представлении Робинзона должно было быть его жилище. Как это характеризует героя?

4. Расскажите, что делал Робинзон Крузо, чтобы не одичать.

5. Подумайте, почему моряк стал записывать свои мысли. Обоснуйте свой ответ.

6. Выразительно прочитайте записи героя о добре и зле. Докажите, что он внял «голосу рассудка».

7. Объясните, как вы понимаете такие рассуждения героя: «...едва ли кто на свете попадал в более бедственное положение, и тем не менее оно содержало в себе как отрицательные, так и положительные стороны, за которые следовало быть благодарным...» Как эти мысли характеризуют героя?

Развиваем речь

Сжатый пересказ текста

Вы уже хорошо знаете, что пересказ — это передача своими словами прочитанного или услышанного. Вы также знаете, что пересказ может быть как подробным, так и сжатым. Сжатый пересказ ещё называют кратким. И неслучайно. Ведь для того, чтобы сжато пересказать художественное произведение, нужно выделить главное и, не

останавливаясь на излишней детализации, рассказать о самых важных событиях, описанных в тексте.

Но как же выделить самые главные события, если в интересных, захватывающих произведениях важным кажется всё? — справедливо спросите вы. И отчасти будете правы, потому что, читая художественные тексты известных писателей, мы понимаем, какая кропотливая работа настоящих мастеров слова стоит за каждым из них. Вот уж действительно, как говорят, «ни прибавить, ни убавить».

Среди героев произведения есть главные и второстепенные. Так и события, в нём описанные, можно разделить на главные и те, что детализируют, подчёркивают, подтверждают, обосновывают эти события. Поэтому, сжато пересказывая текст, нужно остановиться на самых важных событиях, которые раскрывают основную идею произведения.

[Я уже описал своё жилище. Это была палатка, разбитая на склоне горы и обнесённая частоколом. Но теперь мою ограду можно было назвать скорее стеной, потому что вплотную к ней, с наружной её стороны, я вывел земляную насыпь фута в два толщины. А спустя ещё некоторое время (насколько помню, года через полтора) я поставил на насыпь жерди, прислонив их к откосу, а сверху сделал настил из разных ветвей. Таким образом, мой дворик оказался под крышей, и я мог не бояться дождей, которые, как я уже говорил, в известное время года лили на моём острове непрерывно.

Я уже упоминал, что всё своё добро принёс в ограду и пещеру, которую я выкопал за палаткой. Но должен заметить, что первое время вещи были свалены в кучу, перемешаны как попало и загромождали всё пространство, так что мне негде было повернуться. По этой причине я решил углубить мою пещеру. Сделать это было нетрудно, так как гора была рыхлой, песчаной породы, которая легко поддавалась моим усилиям. Итак, когда я увидел, что мне не угрожает опасность от хищных зверей, я принялся копать вбок, с правой стороны пещеры, а потом повернул ещё правее и вывел ход наружу, за пределы моего укрепления.

Эта галерея служила не только чёрным ходом к моей палатке, дававшим мне возможность свободно уходить и возвращаться, но также значительно увеличивала мою кладовую.

Покончив с этой работой, я принялся за изготовление самых необходимых предметов обстановки, прежде всего стола и стула: без них я не мог вполне наслаждаться даже теми скромными удовольствиями, какие были мне отпущены на земле; я не мог ни есть, ни писать с полным удобством.

И вот я принялся столярничать. Тут я должен заметить, что разум есть основа и источник математики, а потому, определяя и измеряя разумом вещи и составляя о них толковое суждение, каждый может через известное время овладеть любым ремеслом. Ни разу в жизни до тех пор я не брал в руки столярного инструмента, и тем не менее благодаря трудолюбию и прилежанию я мало-помалу так наловчился, что, несомненно, мог бы сделать что угодно, в особенности располагая таким инструментом. Но даже и без инструментов или почти без инструментов, с одним только топором да рубанком, я смастерил множество предметов, хотя, вероятно, никто ещё не делал их таким способом и не затрачивал на это столько труда. Так, например, когда мне нужна была доска, я должен был срубить дерево, очистить ствол от ветвей и, поставив его перед собой, обтёсывать с обеих сторон до тех пор, пока он не приобретал необходимую форму. А потом доску надо было ещё выстругать рубанком. Правда, при таком методе из целого дерева выходила только одна доска, и выделка этой доски отнимала у меня массу времени и труда. Но против этого у меня было лишь одно средство — терпение. К тому же моё время и мой труд стоили недорого и не всё ли было равно, куда и на что они шли?

Итак, я прежде всего сделал себе стол и стул. Я употребил на них короткие доски, которые привёз на плоту с корабля. Когда же затем я натесал длинных досок вышеописанным способом, то приладил в моём погребе, по одной его стене, несколько полок одну над другой фута по полтора шириною и сложил на них свои инструменты, гвозди, железо и прочий мелкий скраб — словом, распределил всё по местам, чтобы легко находить каждую вещь. Я вбил такие колышки в стенку погреба и развесил на них ружья и всё, что можно было повесить.

Кто увидал бы после этого мою пещеру, тот, наверно, принял бы её за склад предметов первой необходимости. Всё было у меня под руками, и мне доставляло истинное удовольствие заглядывать в этот склад: такой образцовый порядок царил там и столько было всякого добра.

Только по окончании этой работы я начал вести свой дневник и записывал туда всё сделанное мной в течение дня.

Наконец я решил попытаться сделать челнок или, ещё лучше, пирогу, какие делают туземцы в этих странах, почти без всяких инструментов и без помощников, прямо из ствола большого дерева. Я считал это не только возможным, но и лёгким делом, и мысль об этой работе очень увлекала меня. Мне казалось, что у

меня больше средств для выполнения её, чем у негров или индейцев. Я не принял во внимание большого неудобства моего положения сравнительно с положением дикарей, а именно — недостатка рук, чтобы спустить пирогу на воду, а между тем это препятствие было гораздо серьёзнее, чем недостаток инструментов. Допустим, я нашёл бы в лесу подходящее толстое дерево и с великим трудом свалил его: допустим даже, что с помощью своих инструментов я обтесал бы его снаружи и придал ему форму лодки, затем выдолбил или выжег внутри, словом, сделал бы лодку. Какая была мне от этого польза, если я не мог спустить её на воду и вынужден был бы оставить её в лесу?

Конечно, если бы я хоть сколько-нибудь отдавал себе отчёт в своём положении, то, прежде чем соорудить лодку, непременно задался бы вопросом, как я спущу её на воду. Но все мои помыслы до такой степени были поглощены предполагаемым путешествием, что я ни разу даже не подумал об этом, хотя было очевидно, что несравненно легче проплыть на лодке сорок пять миль по морю, чем протащить её по земле сорок пять сажен, отделявших её от воды.

Одним словом, взявшись за эту работу, я вёл себя глупо для человека, находящегося в здравом уме. Я тешился своей затеей, не давая себе труда рассчитать, хватит ли у меня сил справиться с ней. И не то чтобы мысль о спуске на воду совсем не приходила мне в голову, — нет, я просто не давал ей ходу, устраняя её всякий раз глупейшим ответом: «Прежде сделаю лодку, а там уж, наверное, найдётся способ спустить её». <...>

В своей жизни я не видел такой большой лодки из цельного дерева. Зато и стоила же она мне трудов! Теперь оставалось только спустить её на воду, и я не сомневался, что, если бы это мне удалось, я предпринял бы безумнейшее и самое безнадежное из всех морских путешествий.

Но все мои старания спустить её на воду не привели ни к чему, несмотря на то что они стоили мне огромного труда. До воды было никак не более ста ярдов; но первое затруднение состояло в том, что местность поднималась к берегу в гору. Я храбро решился его устранить, сняв всю лишнюю землю таким образом, чтобы образовался отлогий спуск. Сколько труда я положил на эту работу! Но кто бережёт труд, когда дело идёт о получении свободы? Когда это препятствие было устранено, дело не пошло ни на шаг: я не мог сдвинуть мою пирогу, как раньше не мог шлюпку.

Тогда я измерил расстояние, отделявшее мою лодку от моря, и решил вырыть канал: видя, что я не в состоянии подвинуть лодку к воде, я хотел подвести воду к лодке. И я уже начал было копать, но когда я прикинул в уме необходимую глубину и ширину канала, когда подсчитал, в какое приблизительно время может сделать такую работу один человек, то оказалось, что мне понадобится не менее десяти — двенадцати лет, чтобы довести её до конца. Берег был здесь очень высок, и его надо было углублять, по крайней мере, на двадцать футов.

К моему крайнему сожалению, мне пришлось отказаться и от этой попытки.

Я был огорчён до глубины души и тут только сообразил, — правда, слишком поздно, — как глупо приниматься за работу, не рассчитав, во что она обойдётся и хватит ли сил для доведения её до конца.

<...> Одним словом, природа, опыт и размышление научили меня понимать, что мирские блага ценны для нас лишь в той степени, в какой они способны удовлетворить наши потребности, и что, сколько бы мы ни накопили богатств, мы получаем от них удовольствие лишь в той мере, в какой можем использовать их, но не больше. Самый закоренелый скряга вылечился бы от своего порока, если бы очутился на моём месте и, как я, не знал, куда девать своё добро. Повторяю, мне было нечего желать, если не считать некоторых вещей, которых у меня не было, — разных мелочей, однако очень нужных для меня. Как я уже сказал, у меня было немного денег, серебра и золота, всего около тридцати шести фунтов стерлингов. Увы, они лежали как жалкий, ни на что не годный хлам: мне было некуда их тратить. С какой радостью отдал бы я пригоршню этого металла за десяток трубок для табака или ручную мельницу, чтобы размалывать своё зерно! Да что там! Я отдал бы все эти деньги за шестипенсовую пачку семян репы и моркови, за горсточку гороха и бобов или за бутылку чернил. Эти деньги не давали мне ни выгод, ни удовольствия. Так и лежали они у меня в шкафу и в дождливую погоду плесневели от сырости в моей пещере. И будь у меня шкаф полон алмазов, они точно так же не имели бы для меня никакой цены, потому что были совершенно не нужны мне.

Мне жилось теперь гораздо легче, чем раньше, и в физическом и в нравственном отношении. Садясь за еду, я часто исполнялся глубокой признательности к щедротам провидения, уготовившего мне трапезу в пустыне. Я научился смотреть больше

на светлые, чем на тёмные стороны моего положения, и помнить больше о том, что у меня есть, чем о том, чего я лишён. И это доставляло мне минуты невыразимой внутренней радости. Я говорю об этом для тех несчастных людей, которые никогда не довольны, которые не могут спокойно наслаждаться дарованными им благами, потому что им всегда хочется чего-нибудь такого, чего у них нет. Все наши сетования по поводу того, чего мы лишены, проистекают, мне кажется, от недостатка благодарности за то, что мы имеем. <...>

Я так давно жил на моём острове, что многие из взятых мною с корабля вещей или совсем испортились, или кончили свой век, а корабельные припасы частью совершенно вышли, частью подходили к концу. <...>

Запасы одежды тоже сильно оскудели. Из белья у меня давно уже не оставалось ничего, кроме клетчатых рубаш (около трёх дюжин), которые я нашёл в сундуках наших матросов и берёг пуще глаза, ибо на моём острове бывало зачастую так жарко, что приходилось ходить в одной рубашке, и я не знаю, что бы я делал без этого запаса. Было у меня ещё несколько толстых матросских шинелей; все они хорошо сохранились, но я не мог их носить из-за жары. Собственно говоря, в таком жарком климате вовсе не было надобности одеваться; но я стыдился ходить нагишом; я не допускал даже мысли об этом, хотя был совершенно один и никто не мог меня видеть.

Но была и другая причина, не позволявшая мне ходить голым: когда на мне было что-нибудь надето, я легче переносил солнечный зной. Палящие лучи тропического солнца обжигали мне кожу до пузырей, рубашка же защищала её от солнца, и, кроме того, меня охлаждало движение воздуха между рубашкой и телом. Никогда не мог я также привыкнуть ходить на солнце с непокрытой головой: всякий раз, когда я выходил без шляпы, у меня разбалчивалась голова, но стоило мне только надеть шляпу, головная боль проходила.

Итак, надо было привести в порядок хоть то тряпье, какое у меня ещё оставалось и которое я торжественно именовал своим платьем. Прежде всего мне нужна была куртка (все, какие у меня были, я износил). Я решил попытаться переделать на куртки матросские шинели, о которых я только что говорил, и некоторые другие материалы. И вот я принялся портняжничать, или, вернее, кромсать и ковырять иглой, ибо, говоря по совести, я был довольно-таки горе-портной. Как бы то ни было,

я с грехом пополам состряпал две или три куртки, которых, по моему расчёту, мне должно было надолго хватить. О первой моей попытке сшить брюки лучше не говорить, так как она окончилась постыдной неудачей.

Я уже говорил, что сохранял шкурки всех убитых мною животных (я разумею четвероногих). Каждую шкурку я просушивал на солнце, растянув на пестях. Поэтому по большей части они становились такими жёсткими, что едва ли могли на что-нибудь пригодиться, но некоторые из них были очень хороши. Первым делом я сшил себе из них большую шапку. Я сделал её мехом наружу, чтобы лучше предохранить себя от дождя. Шапка так мне удалась, что я решил соорудить себе из такого же материала полный костюм, то есть куртку и штаны. И куртку и штаны я сделал совершенно свободными, а последние — короткими до колен, ибо и то и другое было мне нужно скорее для защиты от солнца, чем для тепла. Покрой и работа, надо признаться, никуда не годились: плотник я был очень неважный, а портной и подавно. Как бы то ни было, моё изделие отлично мне служило, особенно когда мне случалось выходить во время дождя: вся вода стекала по длинному меху шапки и куртки, и я оставался совершенно сухим.

После куртки и брюк я потратил очень много времени и труда на изготовление зонтика, который был очень мне нужен. Я видел, как делают зонтики в Бразилии: там никто не ходит без зонтика из-за жары, а на моём острове было ничуть не менее жарко, пожалуй, даже жарче, чем в Бразилии, так как он был ближе к экватору. Мне же приходилось выходить во всякую погоду, а иной раз подолгу бродить и по солнцу и по дождю; словом, зонтик был мне весьма полезен. Много было хлопот с этой работой, и много времени прошло, прежде чем мне удалось сделать что-то похожее на зонтик (раза два или три я выбрасывал испорченный материал и начинал снова). Главная трудность заключалась в том, чтобы он раскрывался и закрывался. Сделать раскрытый зонтик мне было легко, но тогда пришлось бы всегда носить его над головой, а это было неудобно. Но как уже сказано, я преодолел эту трудность, и мой зонтик мог закрываться. Я обтянул его козьими шкурами мехом наружу: дождь стекал по нему, как по наклонной крыше, и он так хорошо защищал от солнца, что я мог выходить из дому даже в самую жаркую погоду и чувствовал себя лучше, чем раньше, в более прохладную, а когда он был мне не нужен, закрывал его и нес под мышкой.

Так я жил на моём острове тихо спокойно, всецело покорившись воле Божьей и доверившись providению.<...>

Однажды около полудня я шёл берегом моря, направляясь к своей лодке, и, к величайшему своему изумлению, вдруг увидел след голый человеческой ноги, ясно отпечатавшийся на песке. Я остановился как громом поражённый или как если бы увидел привидение. Я прислушивался, озирался кругом, но не услышал и не увидел ничего подозрительного. Я взбежал вверх на откос, чтобы лучше осмотреть местность; опять спустился, ходил взад и вперёд по берегу, — но других следов нигде не обнаружил. Я пошёл ещё раз взглянуть на отпечаток ноги, чтоб удостовериться, действительно ли это человеческий след и не вообразилось ли мне. Но нет, я не ошибся; это был, несомненно, отпечаток человеческой ступни: я ясно различал пятку, пальцы, подошву. Как он сюда попал? Я терялся в догадках и не смог остановиться ни на одной. В полном смятении, не чуя, как говорится, под собой земли, я пошёл домой в свою крепость. Я был охвачен невероятным ужасом: через каждые два-три шага я оглядывался назад, пугался каждого куста, каждого дерева, и каждый показавшийся вдали пенёк принимал за человека. Невозможно описать, в какие страшные и неожиданные формы облекались все предметы в моём возбуждённом воображении, какие дикие мысли проносились в моей голове и какие нелепые решения принимал я всё время по дороге.<...>

Но так как за пятнадцать лет, которые я прожил на острове, я до последнего времени не открыл и следа человеческого, то, стало быть, если дикари и приезжали сюда, они тотчас же снова уезжали и никогда не имели намерения водвориться здесь.

Следовательно, единственная опасность, какая могла мне грозить, была опасность наткнуться на них в один из этих наездов. Но так как они приезжали сюда не по доброй воле, а их пригоняло ветром, то они спешили поскорее убраться домой, проведя на острове всего какую-нибудь ночь, чтобы не упустить отлива и успеть вернуться засветло. <...>

(Продолжение следует)

Думаем над прочитанным

1. Найдите в тексте и прочитайте описание жилища Робинзона.

2. Расскажите, почему герой начал столярничать. Как это его характеризует?
- 3. Благодаря каким качествам характера Робинзону удалось научиться этому ремеслу? Как сам герой об этом говорит? Свой ответ подтвердите цитатой из текста.
- 4. Близко к тексту перескажите, как Робинзон соорудил лодку.
5. Почему, когда герой смастерил лодку, его ожидало разочарование? Какой урок вынес Робинзон из этой ситуации? В своём ответе используйте цитаты из текста.
- 6. Объясните, почему деньги Робинзон называет «жалким, ни на что не годным хламом». А вы согласны с героем?
- 7. Согласны ли вы с утверждением Робинзона, что «все наши сетования по поводу того, чего мы лишены, проистекают... от недостатка благодарности за то, что мы имеем»?
- 8. Расскажите, какими ещё ремёслами овладел герой, живя на острове?
9. Как вы думаете, какие приключения Робинзона ожидают читателя в дальнейшем?

Знаете ли вы, что...

В Украине одним из первых почитателей Даниеля Дефо был Тарас Шевченко. Он советовал и взрослым, и детям прочитать роман «Робинзон Крузо», который называл «бессмертным творением». Т. Шевченко, будучи не только великим поэтом, но и талантливым художником, нарисовал к роману Д. Дефо иллюстрацию.

Всё это время я почти ежедневно ходил на южную и западную оконечность острова смотреть, не подъезжают ли к берегу лодки с дикарями, но лодки не показывались. Эта неудача очень меня огорчала и волновала, но, не в пример другим подобным случаям, моё желание достигнуть намеченной цели на этот раз нисколько не ослабевало, напротив, чем больше оттягивалось его осуществление, тем больше оно обострялось. Словом, насколько я прежде был осторожен, стараясь не попасть на глаза дикарям, настолько же нетерпеливо я теперь искал встречи с ними.

В своих мечтах я воображал, что справлюсь даже не с одним, а с двумя-тремя дикарями и сделаю их своими рабами, готовыми беспрекословно исполнять все мои приказания, поставив их в такое положение, чтобы они не могли нанести мне вреда. Я дол-

го тешился этой мечтой, но случая осуществить её всё не представлялось, ибо дикари очень долго не показывались.

Прошло уже полтора года с тех пор, как я составил свой замысел, поэтому я начал уже считать его неосуществимым. Представьте же себе моё изумление, когда однажды ранним утром я увидел на берегу, на моей стороне острова, по меньшей мере пять индейских пирог. Все они стояли пустые: приехавшие в них дикари куда-то скрылись. Я знал, что в каждую лодку садится обыкновенно по четыре, по шесть человек, а то и больше, и, сознаюсь, меня весьма смущала многочисленность прибывших гостей. Я решительно не знал, как я справлюсь один с двумя-тремя десятками дикарей. Обескураженный, расстроенный, я засел в своей крепости, однако сделал все заранее обдуманное приготовления для атаки и решил действовать, если будет нужно. Я долго ждал, прислушиваясь, не доносится ли шум со стороны дикарей, но, наконец, сгорая от нетерпения

Тарас Шевченко. Робинзон Крузо

узнать, что происходит, поставил ружьё под лестницей и полез на вершину холма обыкновенным своим способом — прислоняя лестницу к уступу. Добравшись до вершины, я стал таким образом, чтобы голова моя не высовывалась над холмом, и принялся смотреть в подзорную трубу. Дикарей было не менее тридцати человек. Они развели на берегу костёр и что-то стряпали на огне. Я не мог разобрать, как они стряпали и что именно, я видел только, что они плясали вокруг костра с нелепыми ужимками и прыжками.

Вдруг несколько человек отделились от танцующих и побежали в ту сторону, где стояли лодки, и вслед за тем я увидел, что они тащат к костру двух несчастных, очевидно, предназначенных на убой, которые, должно быть, лежали связанные в лодках. Одного из них сейчас же повалили, ударив по голове чем-то тяжёлым (дубиной или деревянным мечом, какие употребляют дикари), и тащившие его люди немедленно принялись за работу: распоролли ему живот и начали его потрошить. Другой пленник стоял тут же, ожидая своей очереди. В этот момент несчастный, почувствовав себя на свободе, очевидно, исполнился надеждой на спасение, он вдруг ринулся вперёд и с невероятной быстротой пустился бежать по песчаному берегу прямо ко мне, то есть в ту сторону, где было мое жильё.

Сознаюсь, я страшно перепугался, когда увидел, что он бежит ко мне, тем более что мне показалось, будто вся ватага бросилась его догонять. Итак, первая половина моего сна сбылась наяву: преследуемый дикарь будет искать убежища в моей роще; но я не мог рассчитывать, чтобы сбылась и другая половина этого сна, то есть чтобы остальные дикари не стали преследовать свою жертву и не нашли бы её. Тем не менее я остался на своём посту и очень ободрился, увидев, что за беглецом гонятся всего два или три человека; я окончательно успокоился, когда стало ясно, что он бежит гораздо быстрее своих преследователей, расстояние между ними всё увеличивается и, если ему удастся продержаться ещё полчаса, они его не поймают.

От моей крепости бежавших отделяла бухточка, о которой я неоднократно упоминал в начале моего рассказа, — та самая, куда я причаливал со своими плотами, когда перевозил вещи с нашего корабля. Я ясно видел, что беглец должен будет переплыть её, иначе ему не уйти от погони. Действительно, он, не задумываясь, бросился в воду, в каких-нибудь тридцать взма-

хов переплыл бухточку, вылез на другой берег и, не сбавляя шагу, побежал дальше. Из трёх его преследователей только двое бросились в воду, а третий не решился; он постоял на том берегу, поглядел вслед двум другим, потом повернулся и медленно пошёл назад: он избрал себе благую участь, как увидит сейчас читатель.

Я заметил, что двум дикарям, гнавшимся за беглецом, понадобилось вдвое больше времени, чем ему, чтобы переплыть бухточку. И тут-то я всем существом моим почувствовал, что пришла пора действовать, если я хочу приобрести слугу, а может быть, товарища или помощника; само провидение, подумал я, призывает меня спасти жизнь несчастного. Не теряя времени, я сбежал по лестницам к подножию горы, захватил оставленные мною внизу ружья, затем с такой же поспешностью взобрался опять на гору, спустился с другой её стороны и побежал к морю наперерез бегущим дикарям. Так как я взял кратчайший путь, к тому же вниз по склону холма, то скоро оказался между беглецом и его преследователями. Услышав мои крики, беглец оглянулся и в первый момент испугался меня, кажется, ещё больше, чем своих врагов. Я сделал ему знак воротиться, а сам медленно пошёл навстречу преследователям. Когда передний поравнялся со мной, я неожиданно бросился на него и сшиб с ног ударом ружейного приклада. Стрелять я боялся, чтобы не привлечь внимания остальных дикарей, хотя на таком большом расстоянии они едва ли могли услышать мой выстрел или увидеть дым от него. Когда передний из бежавших упал, его товарищ остановился, видимо, испугавшись, я же быстро побежал к нему. Но когда, приблизившись, я заметил, что он держит в руках лук и стрелу и целится в меня, мне оставалось только предупредить его: я выстрелил и положил его на месте. Несчастный беглец, видя, что оба его врага упали замертво (как ему казалось), остановился, но был до того напуган огнём и треском выстрела, что растерялся, не зная, идти ли ему ко мне или убегать от меня, хотя, вероятно, больше склонялся к бегству; тогда я стал опять кричать ему и делать знаки подойти ко мне, и он меня понял: сделал несколько шагов и остановился, потом снова сделал несколько шагов и снова остановился. Тут я заметил, что он весь дрожит, как в лихорадке: бедняга, очевидно, считал себя моим пленником, с которым я поступлю точно так же, как поступил с его врагами. Тогда я опять помахивал ему к себе и вообще старался ободрить его, как умел. Он

подходил всё ближе и ближе, через каждые десять-двенадцать шагов падая на колени в знак благодарности за спасение его жизни. Я ласково ему улыбался и продолжал манить его рукой. Наконец, подойдя совсем близко, он снова упал на колени, поцеловал землю, прижался к ней лицом, взял мою ногу и поставил её себе на голову. Последнее, по-видимому, означало, что он клянётся быть моим рабом до гроба. Я поднял его, потрепал по плечу и всячески старался показать, что ему нечего бояться меня. <...> Тогда я повернулся и пошёл, приглашая его следовать за мной и стараясь объяснить ему знаками, что оставаться опасно, так как за ним может быть новая погоня.]

Дикарь ответил мне тоже знаками, что следовало бы прежде зарыть мертвецов, чтобы его враги не нашли их, если придут на это место. Я выразил своё согласие, и он сейчас же принялся за дело. В несколько минут он голыми руками выкопал в песке настолько глубокую яму, что в ней легко мог поместиться один человек; затем он перетащил в эту яму одного из убитых и завалил его землёй. Так же проворно распорядился он и с другим мертвецом; словом, вся процедура погребения заняла у него не более четверти часа. Когда он кончил, я опять сделал ему знак следовать за мной и повёл его не в крепость мою, а совсем в другую сторону — в дальнюю часть острова, к моему новому гроту. Таким образом, я не дал своему сну сбыться в этой части: дикарь не искал убежища в моей роще.

Когда мы с ним пришли в грот, я дал ему хлеба, кисть винограда и напоил водой, в чём он сильно нуждался после быстрого бега. Когда он подкрепился, я знаками пригласил его лечь и уснуть, показав ему в угол пещеры, где у меня лежала большая охапка рисовой соломы и одеяло, не раз служившие мне постелью. Бедняга не заставил себя долго просить: он лёг и мгновенно заснул. Это был красивый малый высокого роста, безукоризненного сложения, с прямыми и длинными руками и ногами, небольшими ступнями и кистями рук. На вид ему можно было дать лет двадцать шесть. В его лице не было ничего дикого и свирепого, однако это было мужественное лицо, обладавшее в то же время мягким и нежным выражением европейца, особенно когда он улыбался. Волосы у него были чёрные, длинные и прямые, не имевшие ничего общего с курчавыми, как овечья шерсть, волосами негров; лоб высокий и открытый, цвет кожи не чёрный, а смуглый, но не того противного жёлто-бурого оттенка, как у бразильских или виргинских индейцев, а скорее

оливковый, очень приятный для глаз, но который не так легко описать. Лицо у него было круглое и довольно пухлое, нос небольшой, но совсем не приплюснутый. Ко всему этому у него были быстрые блестящие глаза, хорошо очерченный рот с тонкими губами и правильной формы, белые, как слоновая кость, превосходные зубы.

Проспав или, вернее, продремав около получаса, он проснулся и вышел ко мне. Я в это время доил своих коз в загоне подле грота. Как только он меня увидел, он подбежал и распростёрся передо мной, выражая всей своей позой самую смиренную благодарность и производя при этом множество самых странных телодвижений. Припав лицом к земле, он опять поставил себе на голову мою ногу и всеми доступными ему способами старался доказать мне свою бесконечную преданность и покорность и дать мне понять, что с этого дня он будет мне слугой на всю жизнь. Я понял многое из того, что он хотел мне сказать, и, в свою очередь, постарался объяснить ему, что я им очень доволен. Тут же я начал говорить с ним и учить отвечать мне. Прежде всего я объявил, что его имя будет «Пятница», так как в этот день недели я спас ему жизнь.

Затем я научил его произносить слово «господин» и дал понять, что это мое имя; научил также произносить «да» и «нет» и растолковал значение этих слов. Я дал ему молока в глиняном кувшине, предварительно отпив сам и обмакнув в него хлеб; я дал ему также лепёшку, чтобы он последовал моему примеру; он с готовностью повиновался и знаками показал мне, что угощение пришлось ему очень по вкусу.

Мы провели с ним ночь в гроте, но как только рассвело, я подал ему знак следовать за мной. Я показал ему, что хочу его одеть, чему он, по-видимому, очень обрадовался, так как был совершенно наг. Когда мы проходили мимо того места, где были зарыты убитые нами дикари, он указал мне на приметы, которыми он для памяти обозначил могилы, и стал делать мне знаки, что нам следует откопать оба трупа и съесть их. В ответ на это я постарался как можно выразительнее показать свой гнев и своё отвращение, — показать, что меня тошнит при одной мысли об этом, и повелительным жестом приказал ему отойти от могил, что он и исполнил с величайшей покорностью. После этого я повёл его на вершину холма посмотреть, ушли ли дикари. Вытащив подозрную трубу, я навёл её на то место побережья, где они были накануне, но их и след простыл: не было

видно ни одной лодки. Ясно было, что они уехали, не потрудившись поискать своих пропавших товарищей.

Но я не удовольствовался этим открытием; набравшись храбрости и сгорая от любопытства, я велел своему слуге следовать за мной, вооружив его своим тесаком и луком со стрелами, которыми, как я уже успел убедиться, он владел мастерски. Кроме того, я дал ему нести одно из моих ружей, а сам взял два других, и мы пошли к тому месту, где накануне пировали дикари: мне хотелось собрать теперь более точные сведения о них. На берегу моим глазам предстала такая страшная картина, что у меня замерло сердце и кровь застыла в жилах. В самом деле, зрелище было ужасное, по крайней мере для меня, хотя Пятница остался совершенно равнодушен к нему. Весь берег был усеян человеческими костями, земля обогрета кровью; повсюду валялись недоеденные куски жареного человеческого мяса, огрызки костей и другие остатки кровавого пиршества, которым эти изверги отпраздновали свою победу над врагом. Я насчитал три человеческих черепа, пять рук; нашёл в разных местах кости от трёх или четырёх ног и множество частей скелета. Пятница знаками рассказал мне, что дикари привезли для пиршества четырёх пленных, троих они съели, а четвёртый был он сам. Насколько можно было понять из его объяснений, у этих дикарей произошло большое сражение с соседним племенем, к которому принадлежал он, Пятница. Враги Пятницы взяли много пленных и развезли в разные места, чтобы устроить пиршество и съесть их, совершенно так же, как сделала та шайка дикарей, которая привезла своих пленных на мой остров.<...>

Уничтожив остатки кровавого пиршества, мы вернулись в крепость, и я, не откладывая, принялся обшивать моего слугу. Прежде всего я дал ему холщовые штаны, которые достал из найденного мной на погибшем корабле сундука бедного артиллериста; после небольшой переделки они пришлись ему как раз впору. Затем я сшил ему куртку из козьего меха, приложив всё своё умение, чтобы она вышла получше (я был в то время уже довольно сносным портным), и в заключение смастерил для него шапку из заячьих шкурок, очень удобную и довольно изящную. Таким образом, мой слуга был на первое время весьма сносно одет и остался очень доволен тем, что теперь стал похож на своего господина. Правда, сначала ему было стеснительно и неловко во всей этой сбруе; особенно мешали ему штаны, да и рукава были

тесны ему под мышками и натирали плечи, так что пришлось переделать их там, где они беспокоили его. Но мало-помалу он привык к своему костюму и чувствовал себя в нём хорошо.

На другой день я стал думать, где бы мне его поместить. Чтобы устроить его поудобнее и в то же время чувствовать себя спокойно, я поставил его маленькую палатку в свободном пространстве между двумя стенами моей крепости — внутренней и наружной; так как сюда выходил наружный ход из моего погреба, то я устроил в нём настоящую дверь из толстых досок в прочном наличнике и приладил её таким образом, что она отворялась внутрь, и на ночь запирал на засов; лестницы я тоже убирал к себе; таким образом, Пятница никак не мог проникнуть ко мне во внутреннюю ограду, а если бы вздумал попытаться, то непременно на шумел бы и разбудил меня. Дело в том, что всё пространство крепости за внутренней оградой, где стояла моя палатка, представляло крытый двор. Крыша была сделана из длинных жердей, одним концом упиравшихся в гору. Для большей прочности я укрепил эти жерди поперечными балками и густо переплёл рисовой соломой, толстой, как камыш; в том же месте крыши, которое я оставил незакрытым для того, чтобы входить по лестнице, я приладил откидную дверцу, которая при малейшем напоре снаружи падала с громким стуком. Всё оружие я на ночь брал к себе.

Но эти предосторожности были совершенно излишни; никто еще не имел такого любящего, такого верного и преданного слуги, какого имел я в лице моего Пятницы: ни раздражительности, ни упрямства, ни своеволия; всегда ласковый и услужливый, он был привязан ко мне, как к родному отцу. Я уверен, что, если бы понадобилось, он пожертвовал бы ради меня жизнью. Я так много раз убеждался в преданности Пятницы, что у меня исчезли всякие сомнения на его счёт, и я скоро пришёл к убеждению, что мне незачем ограждать себя от него.

(Продолжение следует)

Думаем над прочитанным

1. Сжато перескажите прочитанное.
2. Как главный герой отреагировал, когда услышал речь человека? Объясните почему.
3. Найдите в тексте и прочитайте портретное описание Пятницы.

Обратите внимание на эпитеты. Как они помогают представить спасённого дикаря?

4. Расскажите, какие взаимоотношения сложились между главным героем и Пятницей. Свой ответ подтвердите цитатами из текста.

5. Нарисуйте иллюстрации к прочитанному.

6. Как вы думаете, с какой целью Даниель Дефо ввёл в роман образ Пятницы, ведь прототип Робинзона жил на острове один? Обоснуйте свой ответ.

7. Попробуйте разыграть сценку обучения Пятницы общению с Робинзоном.

8. Подумайте, что ещё может произойти с героями романа.

Никогда не пренебрегайте тайным предчувствием, предостерегающим вас об опасности, даже в тех случаях, когда вам кажется, что нет никакого основания доверять ему. Что предчувствия бывают у каждого из нас — этого, я думаю, не станет отрицать ни один мало-мальски наблюдательный человек. Не можем мы сомневаться и в том, что такие внушения внутреннего голоса являются откровением невидимого мира, доказывающим общение души. И если таинственный голос предостерегает нас об опасности, то почему не допустить, что внушения исходят от благожелательной нам силы (высшей или низшей и подчинённой — всё равно) для нашего блага?

Случай со мной, о котором я веду теперь речь, как нельзя лучше подтверждает верность этого рассуждения. Если бы я тогда не послушался предостерегающего меня тайного голоса, я бы неминуемо погиб или, во всяком случае, попал бы в несравненно худшее положение, чем то, в каком я был раньше.

Вскоре я увидел, что лодка приблизилась к берегу, как бы выбирая место, где бы лучше пристать. К счастью, сидевшие в ней не заметили бухточки, где я когда-то приставал с плотами, а причалили в другом месте, приблизительно в полумиле расстояния от неё, говорю — к счастью, потому что, высадись они в этой бухточке, они очутились бы, так сказать, у порога моего жилья, выгнали бы меня и уже, наверно, обобрали бы до нитки.

Когда лодка причалила и люди вышли на берег, я мог хорошо их рассмотреть. Это были, несомненно, англичане, по крайней мере большинство из них. Одного или двух я, правда, принял за голландцев, но ошибся, как оказалось потом. Всех их

было одиннадцать человек, причём трое из них были привезены в качестве пленников, потому что у них не было никакого оружия, и мне показалось, что у них связаны ноги: я видел, как четыре или пять человек, выскочившие на берег первыми, вытащили их из лодки. Один из пленников сильно жестикулировал, умолял о чём-то; он, видимо, был в страшном отчаянии. Двое других тоже говорили что-то, воздевая руки к небу, но были много сдержаннее.

Я был в полнейшем недоумении, не зная, чем объяснить эту сцену. Вдруг Пятница крикнул мне на своем невозможном английском языке:

— О господин! Смотри: белые люди тоже кушать человека, как дикие люди.

— С чего ты взял, Пятница, что они их съедят?

— Нет, нет, ты ошибаешься, — продолжал я, — боюсь, правда, что они убьют их, но можешь быть уверен, что есть их не станут.

Не зная, что и думать обо всём, что там происходило, я с трепетом и ужасом ожидал, что три пленника вот-вот будут убиты. Я увидел даже, как над головой одной из жертв сверкнуло оружие — кинжал или тесак. Кровь застыла в моих жилах; я был уверен, что бедняга сейчас свалится мёртвый. Как я жалел в эту минуту, что со мной нет моего испанца и старика индейца, отца Пятницы. Я заметил, что ни у кого из разбойников не было с собой ружей. Так хорошо было бы подкрасться к ним теперь и выстрелить по ним в упор. Но скоро мысли мои приняли иное направление.

Я увидел, что, поиздевавшись над тремя связанными пленниками, негодяи разбежались по острову, желая, вероятно, осмотреть местность. Я заметил также, что и троим пленным была предоставлена свобода идти, куда им вздумается. Но все трое сидели на земле, погружённые в размышления, и были, повидимому, в глубоком отчаянии.

Это напомнило мне первое время моего пребывания на острове. Точно так же и я сидел на берегу, дико озираясь кругом. Я тоже считал себя погибшим. Какие ужасы мерещились мне в первую ночь, когда я забрался на дерево, боясь, чтобы меня не растерзали хищные звери! Как я не знал той ночью о поддержке свыше, которую получу в виде прибитого бурей и приливом ближе к берегу корабля, откуда я запасся всем необходимым для жизни на много, много лет, так и эти трое несчастных не знали, что избавление и поддержка близки и что в тот самый момент,

когда они считали себя погибшими и своё положение безнадёжным, они находились уже почти в полной безопасности.

Лодка подошла к берегу во время прилива, и пока разбойники вели разговоры с тремя пленниками да пока они шныряли по острову, прошло много времени: начался отлив, и лодка очутилась на мели. В ней остались два человека, которые, как я обнаружил впоследствии, здорово напились и вскоре уснули. Когда один из них проснулся и увидел, что лодка стоит на земле, он попробовал столкнуть её в воду, но не мог. Тогда он стал окликать остальных. Они сбежались на его крики и принялись ему помогать, но песчаный грунт был так рыхл, а лодка так тяжела, что все их усилия спустить её на воду не привели ни к чему.

Тогда они, как истые моряки, — а моряки, как известно, самый легкомысленный народ в мире, — бросили лодку и снова разбрелись по острову. Я слышал, как один из них, уходя, крикнул двоим, оставшимся в лодке:

— Джек! Том! Да бросьте вы её! Чего там возиться! Всплывёт со следующим приливом. — Это было сказано по-английски, так что не оставалось уже никаких сомнений, что эти люди — мои земляки.

Всё это время я или выходил на свой наблюдательный пост на вершине холма, или сидел, притаившись в своём замке и радуясь, что я так хорошо его укрепил. До начала прилива оставалось не менее десяти часов; к тому времени должно было стемнеть. Тогда я мог незаметно подкрасться к морякам и наблюдать за их движениями, а также подслушать, что они будут говорить.

Тем временем я начал готовиться к бою, но с большой осмотрительностью, так как знал, что теперь мне предстоит иметь дело с более опасным врагом, чем дикари. Пятнице, который сделался у меня превосходным стрелком, я тоже приказал вооружиться. В своей мохнатой куртке из козьих шкур и такой же шапке, с обнажённой саблей у бедра и с двумя ружьями за спиной, я имел поистине грозный вид.

Как уже сказано, я решил было ничего не предпринимать, пока не стемнеет. Но часа в два, когда жара стала нестерпимой, я заметил, что все моряки побрели к лесу и, вероятно, уснули там. Что же касается трёх несчастных пленников, то им было не до сна. Все трое сидели под большим деревом, не более как в четверти мили от меня и, как мне казалось, вне поля зрения остальных.

Тут я решил показаться им и разузнать что-нибудь о их положении. Я немедленно отправился в путь в только что

описанном наряде, с Пятницей на почтительном расстоянии от меня. Мой слуга был тоже вооружён до зубов, как и я, но всё-таки меньше походил на выходца с того света.

Я подошёл к трём пленникам совсем близко и, прежде чем они успели заметить меня, громко спросил их по-испански:

— Кто вы такие, господа?

Они вздрогнули от неожиданности и обернулись на голос, но, кажется, ещё больше перепугались, увидя подходившее к ним странное существо. Ни один из них не ответил ни слова, и мне показалось, что они собираются бежать. Тогда я заговорил с ними по-английски.

— Господа, — начал я, — не пугайтесь: быть может, вы найдёте друга там, где меньше всего ожидали встретить его.

— Если так, то значит, его посылает нам само небо, — отвечал мне торжественно один из троих, снимая передо мной шляпу, — потому что мы не можем надеяться на человеческую помощь.

— Всякая помощь от Бога, сударь, — сказал я. — Однако угодно ли вам указать чужому человеку, как помочь вам, ибо вы, по видимому, находитесь в очень незавидном положении. Я видел, как вы высаживались, видел, как вы о чём-то умоляли приехавших с вами негодяев и как один из них замахнулся кинжалом.

Бедняга залился слезами и пролепетал, весь дрожа:

— Кто со мной говорит: человек или Бог? Обыкновенный смертный или ангел?

— Да не смущают вас такого рода сомнения, сударь, — отвечал я, — можете быть уверены, что перед вами простой смертный. Поверьте, что, если бы Бог послал ангела вам на помощь, он был бы не в таком одеянии и иначе вооружён. Итак, прошу вас, отбросьте ваш страх. Я — человек, англичанин и хочу вам помочь. Как видите, нас только двое, я и мой слуга, но у нас есть ружья и заряды. Говорите же прямо: чем мы можем вам служить? Что с вами произошло?

— Слишком долго рассказывать всё, как было, — отвечал он. — Наши злодеи близко. Но вот вам, сударь, вся наша история в коротких словах. Я — капитан корабля; мой экипаж взбунтовался; едва удалось убедить этих людей не убивать меня; наконец они согласились высадить меня на этот пустынный берег с моим помощником и одним пассажиром, которых вы видите перед собой. Мы были уверены в нашей гибели, так как считали эту землю необитаемой. Да и теперь ещё мы не знаем, что нам думать о нашей встрече с вами.

— Где эти звери — ваши враги? — спросил я. — В какую сторону они пошли?

— Вон они лежат под теми деревьями, сударь. — И он указал в сторону леса. — У меня сердце замирает от страха, что они увидят вас и услышат, потому что тогда они всех нас убьют.

— Есть у них ружья? — спросил я.

— Только два, — отвечал он, — и одно из них оставлено в лодке.

— Чудесно, — сказал я, — всё остальное я беру на себя. Кажется, они крепко уснули; нам нетрудно всех их перебить, но не лучше ли взять их в плен? — На это капитан мне сказал, что между этими людьми есть два отпетых негодяя, которых едва ли было бы разумно щадить; но если отделаться от этих двоих, то остальные, он уверен, вспомнят о своём долге. Я попросил его указать мне этих двоих; он сказал, что не может узнать их на таком большом расстоянии, но что сам он исполнит всё, что я прикажу.

— В таком случае, — продолжал я, — прежде всего отойдём подальше, чтобы не разбудить их, и решим сообща, как нам действовать. — Все трое с полной готовностью последовали за мной, и вскоре деревья укрыли нас от глаз наших врагов.

— Слушайте, сударь, — сказал я, — я попытаюсь выручить вас, но прежде ставлю вам два условия... — Он не дал мне договорить.

— Я весь в вашей власти, — сказал он поспешно, — распоряжайтесь мною по своему усмотрению — и мной, и моим кораблем, если нам удастся отнять его у разбойников; если же нет, то даю вам слово: пока жив, я буду вашим послушным рабом, пойду всюду, куда бы вы меня ни послали, и, если понадобится, умру за вас.

Оба его товарища обещали то же самое.

Тогда я сказал:

— Если так, господа, то вот мои условия: во-первых, пока вы у меня на острове, вы не будете предъявлять никаких притязаний на власть; и, если я дам вам оружие, вы по первому моему требованию возвратите мне его, не станете злоумышлять ни против меня, ни против моих подданных на этом острове и будете подчиняться всем моим распоряжениям. Во-вторых, если нам удастся овладеть вашим кораблем, вы бесплатно доставите на нём в Англию меня и моего слугу.

Капитан заверил меня всеми клятвами, какие только может придумать человеческая изобретательность, что он исполнит эти в высшей степени разумные требования и, кроме того, во

всякое время и при всех обстоятельствах будет считать себя обязанным мне своей жизнью.<...>

<...>От корабля до берега было около шести миль, так что мы имели время рассмотреть сидевших в шлюпке. Мы различали даже лица. Шлюпку относил течением немного восточнее того места, куда мы вытащили баркас, и матросы гребли вдоль берега, чтобы пристать к тому самому месту, куда пристала первая лодка.

Таким образом, повторяю, мы видели в лицо каждого человека. Капитан всех их узнал и тут же охарактеризовал мне каждого из них. По его словам, между ними было три честных матроса. Он был уверен, что их вовлекли в заговор против воли, силой и угрозами; зато боцман который, по-видимому, командовал ими, и все остальные были отъявленные мерзавцы.

— Они зашли слишком далеко, — добавил капитан, — будут защищаться отчаянно. Боюсь, что нам не устоять против них.

Я улыбнулся и сказал, что люди в таких обстоятельствах, как мы, уже не подвержены действию страха; что бы ни ожидало нас в будущем, всё будет лучше нашего настоящего положения, и, следовательно, всякий выход из этого положения — даже смерть — мы должны считать избавлением. Я спросил его, что он думает о здешнем моём существовании и неужели он не находит, что мне стоит рискнуть жизнью ради своего избавления.

— И где же, сударь, — сказал я, — ваша уверенность, что я сохранён здесь для спасения вашей жизни, — уверенность, которую вы выражали несколько времени тому назад? Что касается меня, то в предстоящей нам задаче меня смущает только одно.

— Что такое? — спросил он.

— Да то, что, как вы говорите, в числе этих людей есть три или четыре порядочных человека, которых следует пощадить. Будь они все негодяями, я бы ни на секунду не усомнился, что сам Бог, желая их наказать, передаёт их в наши руки; ибо всякий вступивший на этот остров будет в нашей власти и, смотря по тому, как он к нам отнесётся, умрёт или останется жить.

Всё это я произнёс бодро и решительно, с весёлым лицом. Моя уверенность передалась капитану, и мы ревностно принялись за дело. Как только с корабля была спущена вторая шлюпка, мы позаботились разлучить наших пленников и хорошенько запрятать их. Двоих, как самых ненадёжных (так, по

крайней мере, их аттестовал капитан), я отправил под конвоем Пятницы и капитанского помощника в свою пещеру. Это было достаточно укромное место, откуда арестантов не могли услышать и откуда им было бы нелегко убежать, — они едва ли нашли бы дорогу в лесу. Их посадили связанными, но оставили им еды и сказали, что если они будут вести себя смирно, то через день или два их освободят, но зато при первой попытке бежать убьют без всякой пощады. Они обещали терпеливо переносить своё заключение и очень благодарили за то, что их не оставили без пищи и позаботились, чтоб они не сидели впотьмах, так как Пятница дал им несколько наших самодельных свечей. Они были уверены, что Пятница остался на часах у входа.

С четырьмя остальными пленниками мы поступили мягче. Правда, двоих мы оставили пока связанными, так как капитан за них не ручался, но двух других я взял под своё начало по рекомендации капитана и после того, как оба они торжественно поклялись мне в верности. Итак, — считая этих двоих и капитана с двумя его товарищами, — нас было теперь семеро хорошо вооружённых людей, и я не сомневался, что мы управимся с теми десятью, которые приближались к острову, тем более что в числе их, по словам капитана, было три или четыре честных человека.

Подойдя к острову в том месте, где мы оставили баркас, они причалили, вышли из шлюпки и вытащили её на берег, чему я был очень рад. Признаться, я боялся, что они из предосторожности станут на якорь, не доходя до берега, и что часть людей останется караулить шлюпку: тогда мы не смогли бы её захватить.

Выйдя на берег, они первым делом бросились к баркасу, и легко представить себе их изумление, когда они увидели, что с него исчезли все снасти и весь груз и что в дне его зияет дыра.

Поразмыслив по поводу этого неприятного сюрприза, они принялись что было мочи окликать своих товарищей, надеясь, что те их услышат. Долго надсаживали они себе глотки, но без всякого результата. Тогда они стали в кружок и по команде дали залп из ружей. По лесу раскатилось гулкое эхо, но это нисколько им не помогло: сидевшие в пещере ничего не могли слышать; те же, которые были с нами, хоть и слышали, но откликнуться не посмели.

Матросы были так ошеломлены исчезновением своих товарищей, что (как они нам потом рассказали) решили воротиться на корабль с донесением, что баркас продырявлен, а люди, вероятно, все перебиты. Мы видели, как они торопливо спустили на воду шлюпку и как потом сели в неё.

Капитан, который до сих пор ещё надеялся, что нам удастся захватить корабль, теперь совсем пал духом. Он боялся, что когда на корабле узнают об исчезновении команды баркаса, то снимутся с якоря, и тогда прощай все его надежды. Но скоро у него явился новый повод для страха. Не успела шлюпка отдалиться от берега, как мы увидели, что она возвращается: должно быть, посоветовавшись между собой, они приняли новое решение. Мы продолжали наблюдать. Шлюпка причалила к берегу, и в ней осталось три человека, остальные же семеро вышли и отправились в глубь острова, очевидно, на розыски пропавших.

Дело принимало невыгодный для нас оборот. Даже если бы мы захватили семерых вышедших на берег, это не принесло бы нам никакой пользы — шлюпка с тремя остальными вернулась бы назад, и корабль, несомненно, снялся бы с якоря, поднял паруса и был бы для нас потерян.

Однако нам не оставалось ничего больше, как терпеливо выжидать, чем всё это кончится. Высадив семерых человек, шлюпка с тремя остальными отошла на порядочное расстояние от берега и стала на якорь, отрезав нам, таким образом, всякую возможность добраться до неё. Семеро разведчиков, держась плотно друг к другу, стали подниматься на горку, под которой было моё жильё. Нам было отлично их видно, но они не могли видеть нас. Мы все надеялись, что они подойдут поближе — тогда мы могли бы дать по ним залп — или, напротив, уйдут подальше и позволят нам, таким образом, выйти из своего убежища.

Но, добравшись до гребня холма, откуда открывался вид на всю северо-восточную часть острова, спускавшуюся к морю отлогими лесистыми долинами, они остановились и снова стали кричать и звать своих товарищей, пока не охрипли. Наконец, боясь, должно быть, удалиться от берега и друг от друга, они уселись под деревом и стали совещаться. Оставалось только, чтобы они заснули, как те, что приехали в первой группе, тогда наше дело было бы выиграно. Но страх не располагает ко сну, а эти люди, видимо, трусили, хотя и не знали, какая им грозит опасность и откуда она может прийти.

Тут капитану пришла в голову весьма разумная мысль, а именно, что, в случае если бы они решили ещё раз попытаться подать сигнал выстрелами своим проспавшим товарищам, мы могли бы броситься на них как раз в тот момент, когда они выстрелят и, следовательно, их ружья будут разряжены. Тогда, говорил он, им ничего больше не останется, как сдаться, и дело обойдётся без кровопролития.

План был недурён, но его можно было привести в исполнение, только если бы мы находились достаточно близко к ним, когда они дадут залп, и могли бы наброситься на них прежде, чем ружья будут снова заряжены. Но они и не думали стрелять. Мы долго сидели в засаде, не зная, на что решиться. Наконец я сказал, что, по моему мнению, до наступления ночи нам нечего и думать о каких-либо действиях. Если же к тому времени эти семеро не вернутся на лодку, тогда мы в темноте незаметно проберёмся к морю, и, может быть, нам удастся заманить на берег тех, что остались в лодке.

Время тянулось нестерпимо медленно, и нам казалось, что совещанию их не будет конца, но вдруг мы немало встревожились, увидев, что они встали и решительным шагом направились прямо к морю. Должно быть, страх неизвестной опасности оказался сильнее товарищеских чувств, и они решили бросить всякие поиски и воротиться на корабль. Я понял это сразу, едва только увидел, что они направляются к берегу, и поделился своей догадкой с капитаном, который пришёл в совершенное отчаяние. Но тут мне внезапно пришла на ум одна уловка, которая могла заставить их воротиться и, стало быть, как нельзя лучше отвечала нашим целям.

Я приказал Пятнице и помощнику капитана направиться к западу от бухточки, к месту, где высаживались дикари в день освобождения Пятницы; затем, поднявшись на горку на расстояние полумили, кричать изо всей мочи, пока их не услышат моряки; когда же те откликнутся, перебежать на другое место и снова аукать и, таким образом, постоянно меняя место, заманивать врагов всё дальше и дальше в глубь острова, пока они не заблудятся в лесу, а тогда указанными мной окольными путями вернуться ко мне.

Матросы уже садились в лодку, когда со стороны бухточки раздался крик Пятницы и помощника капитана. Они сейчас же откликнулись и пустились бежать вдоль берега на голос, но, добежав до бухточки, принуждены были остановиться, так как

было время прилива и вода в бухточке стояла очень высоко. Посоветовавшись между собой, они наконец крикнули оставшимся в шлюпке, чтобы те подъехали и перевезли их на другой берег. На это-то я и рассчитывал.

Переправившись через бухточку, они пошли дальше, прихватив с собой ещё одного человека. Таким образом, в шлюпке остались только двое, я видел, как они отвели её в самый конец бухточки и привязали там к небольшому пню.

Всё складывалось для нас как нельзя лучше. Предоставив Пятнице и помощнику капитана делать своё дело, я скомандовал остальному отряду следовать за мной. Мы переправились через бухточку вне поля зрения неприятеля и неожиданно выросли перед ним. Один матрос сидел в шлюпке, другой лежал на берегу и дремал. Увидев нас в трёх шагах от себя, он хотел было вскочить, но капитан, бывший впереди, бросился на него и ударил его прикладом. Затем, не давая опомниться другому матросу, он крикнул ему: «Сдавайся или умрёшь!»

Не требуется большого красноречия, чтобы убедить сдаться человека, который видит, что он один против пятерых и единственный его союзник сбит с ног у него на глазах. К тому же этот матрос был как раз одним из троих, про которых капитан говорил, что они примкнули к заговору не по своей охоте, а под давлением большинства. Он не только беспрекословно положил оружие по первому требованию, но вслед за тем сам заявил о своём желании, по-видимому, вполне искреннем, перейти на нашу сторону.

Тем временем Пятница с помощником капитана так чисто обделали своё дело, что лучше нельзя было и желать. Крича и откликаясь на ответные крики матросов, они водили их по всему острову, от горки к горке, из лесу в лес, пока не завели в такую непроглядную глушь, откуда не было никакой возможности выбраться на берег до наступления ночи. О том, как они измучили неприятеля, можно было судить по тому, что и сами они вернулись домой, еле волоча ноги.

Теперь нам оставалось только подкараулить в темноте, когда моряки будут возвращаться, и, ошелобив их неожиданным нападением, расправиться с ними наверняка.

Прошло несколько часов со времени возвращения Пятницы и его товарища, а о тех не было ни слуху ни духу. Наконец мы услышали вдали их голоса. Передний кричал отставшим, чтобы поторопились, а отставшие отвечают, что не могут идти быст-

рее, что совсем стерли себе ноги и падают от усталости. Нам было очень приятно слышать это.

Мы долго ждали, пока они подойдут к лодке. Надо заметить, что за эти несколько часов начался отлив, и шлюпка, привязанная к пню, очутилась на берегу. Невозможно описать, что с ними сделалось, когда они увидели, что шлюпка стоит на мели, а люди исчезли. Мы слышали, как они проклинали свою судьбу, крича, что попали на заколдованный остров, на котором живут или черти, или духи, и что они будут или убиты, или унесены нечистой силой. Несколько раз они принимались окликать своих товарищей, называя их по именам, но, разумеется, не получали ответа. При слабом свете меркнувшего дня нам было видно, как они то бегали, ломая руки, то, утомившись этой беготней, бросались в лодку в безысходном отчаянии, то опять выскакивали на берег и опять шагали взад и вперед, и так без конца.

Мои люди упрашивали меня позволить им напасть на неприятеля, как только стемнеет. Но я предпочитал не проливать крови, если только будет хоть какая-нибудь возможность этого избежать, а главное, зная, как хорошо вооружены наши противники, я не хотел рисковать жизнью своих людей. Я решил подождать, не разойдутся ли они в стороны, и, чтобы действовать наверняка, придвинул свою засаду ближе к лодке. Пятнице с капитаном я приказал ползти на четвереньках, чтобы мятежники не заметили их, и стрелять только в упор.

Недолго им пришлось припадать к земле, ибо на них почти напнулись отделившиеся от остальных два матроса и боцман, который, как уже сказано, был главным зачинщиком бунта, но теперь совсем пал духом. У капитана, почувствовавшего, что главный виновник всех бедствий в его власти, еле хватило терпения выждать, пока тот подойдет ближе, чтобы удостовериться, он ли это, так как до сих пор они слышали только его голос. Едва он приблизился, как капитан и Пятница вскочили и выстрелили.

Боцман был убит наповал, другой матрос ранен в грудь навылет. Он тоже свалился, как сноп, но умер только часа через два. Третий матрос убежал.

Услышав выстрелы, я мгновенно двинул вперед всю свою армию, которая насчитывала теперь восемь человек. Вот её полный состав: я — генералиссимус, Пятница — генерал-лейтенант, затем капитан с двумя друзьями и трое военнопленных, которых мы удостоили своим доверием, приняв в число рядовых и вооружив ружьями.

Мы подошли к неприятелю, когда уже совсем стемнело, чтобы нельзя было разобрать, сколько нас. Я приказал матросу, который был оставлен в лодке и незадолго перед тем добровольно присоединился к нам, окликнуть по именам своих бывших товарищей. Прежде чем стрелять, я хотел попытаться вступить с ними в переговоры и, если удастся, покончить дело миром. Мой расчёт вполне удался, что, впрочем, и понятно: в их положении им оставалось только сдаться. Итак, мой парламентёр заорал во всё горло:

— Том Смит! Том Смит!

Том Смит сейчас же откликнулся:

— Кто это? Ты, Робинзон? — Он, очевидно, узнал его по голосу.

Робинзон отвечал:

— Да, да, это я. Ради бога, Том Смит, бросай оружие и сдавайся, не то через минуту со всеми вами будет покончено.

— Да кому же сдаваться? Где они там? — прокричал опять Том Смит.

— Здесь! — откликнулся Робинзон. — Здесь наш капитан и с ним пятьдесят человек. Вот уж два часа, как они гонятся за вами. Боцман убит. Уил Фрай ранен, а я попал в плен. Если вы не сдадитесь сию же минуту, вы все погибнете.

— А нас помилуют, если мы сдадимся? — спросил Том Смит.

— Сейчас я спрошу капитана, — ответил Робинзон. Тут вступил в переговоры уже сам капитан.

— Эй, Смит, и все вы там! — закричал он. — Вы узнаете мой голос? Если вы немедленно положите оружие и сдадитесь, я обещаю вам пощаду — всем, кроме Уила Аткинса.

— Капитан, ради бога, смилуйтесь надо мной! — взмолился Уил Аткинс. — Чем я хуже других? Все мы одинаково виноваты. — Кстати сказать, это была ложь, потому что, когда начался бунт, Уил Аткинс первый бросился на капитана, связал ему руки и обращался с ним крайне грубо, осыпая его оскорбительной бранью. Однако капитан сказал ему, чтоб он сдавался без всяких условий, а там уж пусть губернатор решает, жить ему или умереть. Губернатором капитан и все они величали меня.

Словом, бунтовщики положили оружие и стали умолять о пощаде. Наш парламентёр и ещё два человека по моему приказанию связали всех, после чего моя грозная армия в пятьдесят человек, которая на самом деле вместе с тремя передовыми состояла всего из восьми, окружила их и завладела шлюпкой.

Сам я и Пятница, однако, не показывались пленным по государственными соображениям...

...Когда всё было кончено, капитан приказал произвести семь пушечных выстрелов. Это был условный знак успешного окончания дела. Я продежурил на берегу до двух часов ночи, поджидая этого сигнала; можете судить, как я обрадовался, услышав его.

Ясно услышав все семь выстрелов, я лёг и, утомлённый волнениями дня, крепко уснул. Меня разбудил гром нового выстрела. Я мгновенно вскочил и услышал, что кто-то зовёт меня: «Губернатор! Губернатор!» Я сейчас же узнал голос капитана. Он стоял над моей крепостью, на холме. Я быстро поднялся к нему, он заключил меня в свои объятия и, указывая на корабль, промолвил:

— Мой дорогой друг и избавитель, вот ваш корабль. Он ваш со всем, что на нём есть, и со всеми нами.

Взглянув на море, я действительно увидел корабль, стоявший всего в полумиле от берега. Восстановив себя в правах командира, капитан тотчас же приказал сняться с якоря и, пользуясь легоньким попутным ветерком, подошёл к той бухточке, где я когда-то причаливал со своими плотами; так как вода стояла высоко, то он на своём катере вошёл в бухточку, высадился на берег и прибежал ко мне.

Увидев корабль, так сказать, у порога моего дома, я от неожиданной радости чуть не лишился чувств. Пробыл наконец час моего избавления. Я, если можно так выразиться, уже осязал свою свободу. Все препятствия были устранены; к моим услугам было большое океанское судно, готовое доставить меня, куда я захочу. От волнения я не мог вымолвить ни слова: язык не слушался меня. Если бы капитан не поддерживал меня своими сильными руками, я бы упал.

Заметив моё состояние, он достал из кармана пузырёк с каким-то укрепляющим снадобьем, которое захватил нарочно для меня, и дал мне выпить глоток, затем осторожно посадил меня на землю. Я пришёл немного в себя, но долго ещё не в силах был говорить.

Бедняга капитан и сам не мог опомниться от радости, хотя для него она уже была не столь неожиданной, как для меня. Он успокаивал меня, как малого ребёнка, изливался мне в своей признательности и наговорил тысячу самых нежных и ласковых слов. Но я плохо понимал, что он говорит; должно быть, мой ум помутился от наплыва счастья. Наконец моё душевное смятение разрешилось слезами, после чего способность речи вернулась ко мне...

Простившись с островом, я взял с собой на память сделанную мной собственноручно большую шапку из козьей шкуры, мой зонтик и одного из попугаев. Не забыл я взять и деньги, о которых уже упоминал раньше, но они так долго лежали у меня без употребления, что совсем потускнели и только после основательной чистки стали опять похожи на серебро; я взял также деньги, найденные мною в обломках испанского корабля.

Так покинул я остров 19 декабря 1686 года, судя по корабельному календарю, пробывши на нём двадцать восемь лет, два месяца и девятнадцать дней; из этого вторичного плена я был освобождён в тот самый день месяца, в какой я некогда спасся бегством на баркасе от мавров города Сале.

После продолжительного морского путешествия я прибыл в Англию 11 июня 1687 года, пробыв в отсутствии тридцать пять лет...

Перевод М. Шишмарёвой

Думаем над прочитанным

- 1. Составьте план рассказа о том, как главному герою удалось спасти пленников.
- 2. От имени пленников расскажите об их встрече с главным героем.
- 3. Какие условия выдвинул главный герой пленникам? Как это его характеризует? Обоснуйте свой ответ.
4. Составьте простой план характеристики образа Робинзона.
5. Как вы думаете, почему капитан и его люди называли Робинзона губернатором?
- 6. Расскажите, какой план придумал Робинзон, чтобы освободить корабль.
- 7. Найдите в тексте и прочитайте описание душевного состояния главного героя, когда он увидел освобождённый корабль. Какие художественные средства использует писатель, чтобы подчеркнуть чувства Робинзона в этот момент?
- 8. Напишите сочинение-миниатюру на тему: «Что помогло Робинзону выжить на необитаемом острове?»
- 9. Согласны ли вы с утверждением, что Даниель Дефо верил в силу характера человека, его способность выстоять в любых обстоятельствах? Аргументируйте свой ответ.
- 10. Подготовьте вопросы к литературной викторине по роману «Робинзон Крузо».

Историческая справка

У романа «Робинзон Крузо» есть продолжение. Даниель Дефо в новом романе рассказывает о совершенно невероятных событиях, приключившихся с его героем в Южной Америке, а затем на Мадагаскаре, в Индии и, наконец, при его возвращении в Англию через Китай — России. Опубликован этот роман в 1719 году. Успех произведения был огромный. Новое путешествие Робинзона, совершённое в уже преклонном возрасте, длится 10 лет и 9 месяцев.

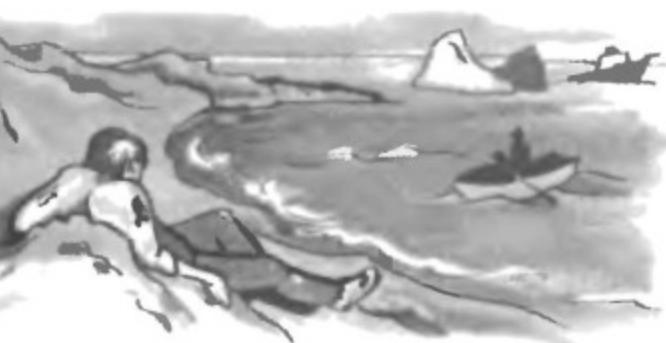

Знаете ли вы, что...

Роман Даниеля Дефо положил начало так называемым «робинзо-надам» — многочисленным произведениям, написанным под влиянием «Робинзона Крузо». В них авторы, изображая фантастические морские путешествия со множеством приключений, идеализируют возможности человека.

Литература XVIII столетия была насыщена десятками «робинзо-над». В каждой стране и даже в большинстве городов появлялись свои «Робинзоны». Например, только в одной Германии до 1760 года существовало до сорока «робинзонад».

Джек Лондон

Я начал не с просьб и жалоб.
Я смело взялся за труд.
Я хватался за случай, и это —
удачей теперь зовут.

Редьярд Киплинг

... Джек Лондон — удивительный писатель,
прекрасный образец таланта и воли...

Леонид Андреев

Американский писатель Джек Лондон (настоящее имя Джон Гриффит) прожил нелёгкую жизнь, полную лишений и борьбы. Но всё-таки он сумел выбраться из нищеты и безвестности и стать писателем, книги которого популярны во всём мире.

Родился будущий писатель 12 января 1876 года в Сан-Франциско. Рос мальчик в страшной нищете, с малых лет вынужден был зарабатывать себе на хлеб. Позже он вспоминал: «В десять лет я уже продавал на улицах газеты. Каждый цент отдавал семье, и по дороге в школу каждый раз стыдился своей шляпы, ботинок, одежды. Я подымался в три часа утра, чтобы идти получать газеты, а затем не домой, а в школу. После школы — вечерние газеты...».

Очень рано Джек стал единственным кормильцем в семье. Ему пришлось поработать и на консервном заводе, и на электростанции, и на жгутовой фабрике, он боролся с браконьерами на должности рыбного инспектора, плавал матросом на корабле. Но при этом у мальчика было сильнейшее влечение к знаниям, к книгам. Уже с пяти лет Джек читал всё, что попадало ему в руки. В автобиографии он напишет: «Не помню, чтобы меня обучали грамоте, но в пять лет я умел читать и писать...».

Годы изнуряющего труда (как говорил сам Лондон, он до шестнадцати лет перепробовал тысячу и одно занятие), месяцы вынужденной безработицы. Потом были ещё участие в нашествии безработных в Вашингтон, арест за бродяжничество.

Когда на Аляске нашли золото и страну охватила «золотая лихорадка», Джек Лондон поехал туда с надеждой разбогатеть. Там пришлось испытать ему и тяжелейшие условия труда, и страх одиночества, и человеческую жестокость, но и силу дружбы, и духовную стойкость.

Золота будущий писатель на Севере не нашёл, но зато вынес оттуда не менее ценный клад: глубокое знание жизни, встречи, беседы, яркие примеры борьбы человека за выживание. В долгие часы полярной ночи наблюдал он картины величавой северной природы, удивительнейшие события и характеры, которые позже изобразил в своих произведениях. Переполненный жизненными впечатлениями, Джек Лондон всё больше чувствовал влечение к литературному труду. Поэтому он и принимает решение «продавать не силу своих мышц, а изделия своего мозга». Дни и ночи проводит он над рукописями, уверенно двигаясь к вершинам славы. В 1899 году увидели свет его первые рассказы «За тех, кто в дороге» и «Белое безмолвие».

Первый сборник рассказов Джека Лондона открыл перед читателями неизведанный мир Севера, где жизнь и смерть неразделимы, где человеку необходимо быть сильным, отважным, верным и открытым в дружбе.

Много места в рассказах Лондон уделяет изображению внутреннего мира своих героев, создавая потрясающие по силе выразительности картины человеческих переживаний.

Рассказ «Любовь к жизни», который вы будете читать, также посвящён теме стойкости и силы человеческого характера, раскрывающегося в сложных ситуациях.

1. Внимательно прочтите слова Р.Киплинга. Как вы думаете, почему именно они стали эпиграфом к биографии Джека Лондона?
2. Что в биографии Джека Лондона вас поразило больше всего?
3. Какое влияние оказала на писателя его поездка на Север? Какой «настоящий клад» он там отыскал?

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Прихрамывая, они спускались к речке, и один раз тот, что шёл впереди, зашатался, споткнувшись посреди каменной россыпи. Оба устали и выбились из сил, и лица их выражали терпеливую покорность — след долгих лишений. Плечи им оттягивали тяжёлые тюки, стянутые ремнями. Каждый из них нёс ружьё. Оба шли сторбившись, низко нагнув голову и не поднимая глаз.

— Хорошо бы иметь хоть два патрона из тех, что лежат у нас в тайнике, — сказал один.

Голос его звучал вяло, без всякого выражения. Он говорил равнодушно, и его спутник, только что ступивший в молочно-белую воду, пенящуюся по камням, ничего ему не ответил.

Второй тоже вошёл в речку вслед за первым. Они не разулись, хотя вода была холодная как лед, — такая холодная, что ноги у них и даже пальцы на ногах онемели от холода. Местами вода захлестывала колени, и оба они пошатывались, теряя опору.

Второй путник поскользнулся на гладком валуне и чуть не упал, но удержался на ногах, громко вскрикнув от боли. Должно быть, у него закружилась голова, — он пошатнулся и замахал свободной рукой, словно хватаясь за воздух. Справившись с собой, он шагнул вперёд, но снова пошатнулся и чуть не упал. Тогда он остановился и посмотрел на своего спутника: тот всё так же шёл вперёд, даже не оглядываясь.

Целую минуту он стоял неподвижно, словно раздумывая, потом крикнул:

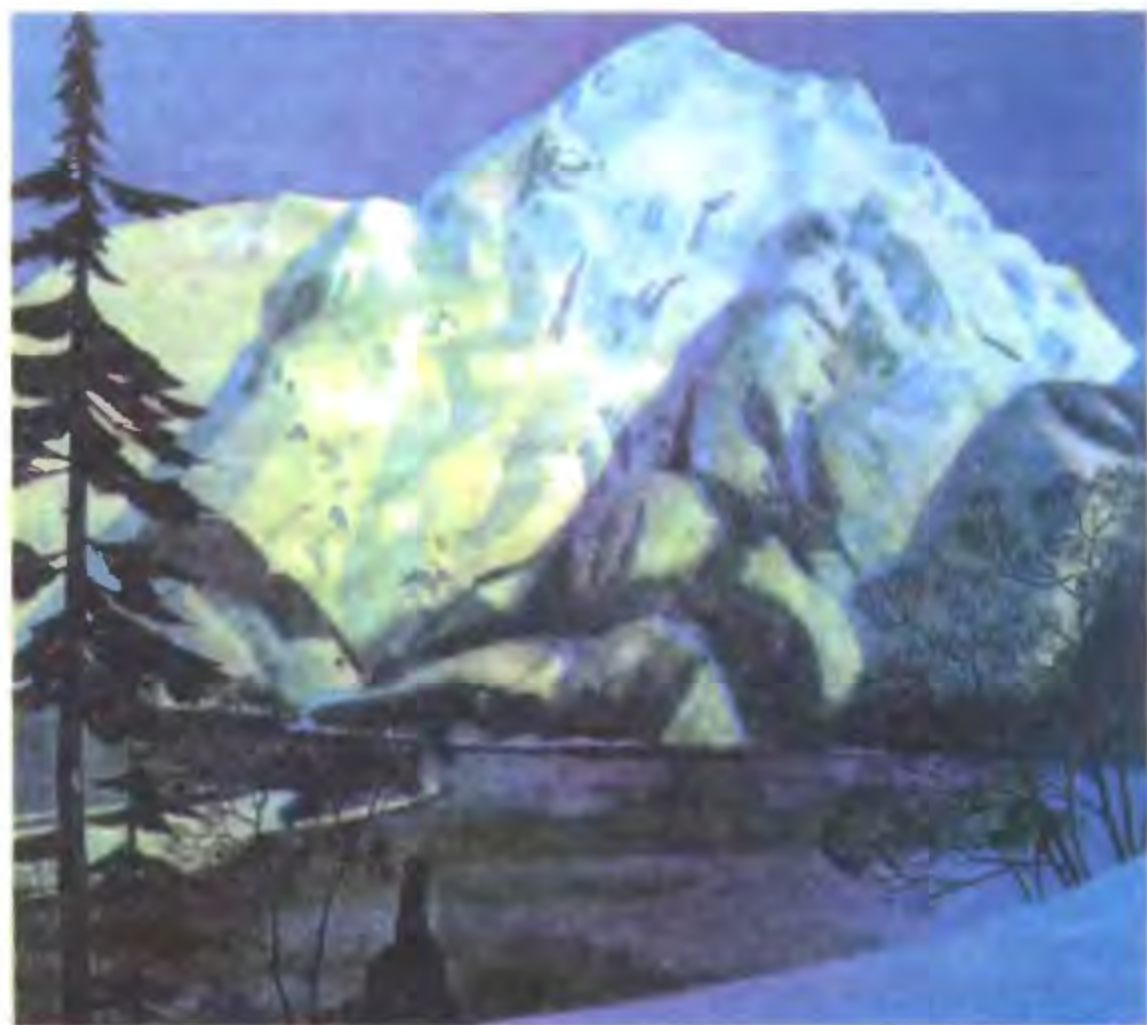
— Слушай, Билл, я вывихнул ногу!

Билл ковылял дальше по молочно-белой воде. Он ни разу не оглянулся. Второй смотрел ему вслед, и хотя его лицо оставалось по-прежнему тупым, в глазах появилась тоска, словно у раненого оленя.

Билл уже выбрался на другой берег и плёлся дальше. Тот, что стоял посреди речки, не сводил с него глаз. Губы у него так сильно дрожали, что шевелились жесткие рыжие усы над ними. Он облизнул сухие губы кончиком языка.

— Билл! — крикнул он.

Это была отчаянная мольба человека, попавшего в беду, но Билл не повернул головы. Его товарищ долго следил, как он неуклюжей походкой, прихрамывая и спотыкаясь, взбирается по отлогому склону к волнистой линии горизонта, образованной

Рокуэлл Кент. Аляска

гребнем невысокого холма. Следил до тех пор, пока Билл не скрылся из виду, перевалив за гребень. Тогда он отвернулся и медленно обвёл взглядом тот круг вселенной, в котором он остался один после ухода Билла.

Над самым горизонтом тускло светило солнце, едва видимое сквозь мглу и густой туман, который лежал плотной пеленой, без видимых границ и очертаний. Опираясь на одну ногу всей своей тяжестью, путник достал часы. Было уже четыре. Последние недели две он сбился со счёта; так как стоял конец июля и начало августа, то он знал, что солнце должно находиться на северо-западе. Он взглянул на юг, соображая, что где-то там, за этими мрачными холмами, лежит Большое Медвежье озеро и что в том же направлении проходит по канадской равнине страшный путь Полярного круга. Речка, посреди которой он стоял, была притоком реки Коппермайн, а Коппер-

майн течёт также на север и впадает в залив Коронацин, в Северный Ледовитый океан. Сам он никогда не бывал там, но видел однажды эти места на карте Компании Гудзонова залива.

Он снова окинул взглядом тот круг вселенной, в котором остался теперь один. Картина была невесёлая. Низкие холмы замыкали горизонт однообразной волнистой линией. Ни деревьев, ни кустов, ни травы — ничего, кроме беспредельной и страшной пустыни, — и в его глазах появилось выражение страха.

— Билл! — прошептал он и повторил опять: — Билл!

Он присел на корточки посреди мутного ручья, словно бескрайняя пустыня подавляла его своей несокрушимой силой, угнетала своим страшным спокойствием. Он задрожал, словно в лихорадке, и его ружьё с плеском упало в воду. Это заставило его опомниться. Он пересилил свой страх, собрался с духом и, опустив руку в воду, нашарил ружьё, потом передвинул тюк ближе к левому плечу, чтобы тяжесть меньше давила на больную ногу, и медленно и осторожно пошёл к берегу, морщась от боли.

Он шёл не останавливаясь. Не обращая внимания на боль, с отчаянной решимостью, он торопливо взбирался на вершину

холма, за гребнем которого скрылся Билл, — и сам он казался ещё более смешным и неуклюжим, чем хромой, едва ковылявший Билл. Но с гребня он увидел, что в неглубокой долине никого нет! На него снова напал страх, и, снова поборов его, он передвинул тюк ещё дальше к левому плечу и, хромая, стал спускаться вниз.

Дно долины было болотистое, вода пропитывала густой мох, словно губку. На каждом шагу она брызгала из-под ног, и подошва с хлопаньем отрывалась от влажного мха. Стараясь идти по следам Билла, путник перебирался от озерка к озерку по камням, торчавшим во мху, как островки.

Оставшись один, он не сбился с пути. Он знал, что ещё немного — и он подойдёт к тому месту, где сухие пихты и ели, низенькие и чахлые, окружают маленькое озеро Титчинничили, что на местном языке означает: «Страна Маленьких Палок». А в озеро впадает ручей, и вода в нём не мутная. По берегам ручья растёт камыш — это он хорошо помнил, — но деревьев там нет, и он пойдёт вверх по ручью до самого водораздела. От водораздела начинается другой ручей, текущий на запад; он спустится по нему до реки Диз и там найдёт свой тайник под перевернутым челноком, заваленным камнями. В тайнике спрятаны патроны, крючки и лески для удочек и маленькая сеть — всё нужное для того, чтобы добывать себе пропитание. А ещё там есть мука — правда, немного, и кусок грудинки, и бобы.

Билл подождёт его там, и они вдвоём спустятся по реке Диз до Большого Медвежьего озера, а потом переправятся через озеро и пойдут на юг, всё на юг, пока не доберутся до реки Маккензи. На юг, всё на юг, — а зима будет догонять их, и быструю в реке затянет льдом, и дни станут холодней, — на юг, к какой-нибудь фактории Гудзонова залива, где растут высокие, мощные деревья и где сколько хочешь еды.

Вот о чём думал путник, с трудом пробираясь вперёд. Но как ни трудно было ему идти, ещё труднее было уверить себя в том, что Билл его не бросил, что Билл, конечно, ждёт его у тайника. Он должен был так думать, иначе не имело никакого смысла бороться дальше, — оставалось только лечь на землю и умереть. И пока тусклый диск солнца медленно скрывался на северо-западе, он успел рассчитать — и не один раз — каждый шаг того пути, который предстоит проделать им с Биллом, уходя на юг от наступающей зимы. Он снова и снова перебирал мысленно запасы пищи в своём тайнике и запасы на скла-

де Компании Гудзонова залива. Он ничего не ел уже два дня, но ещё дольше он не ел досыта. То и дело он нагибался, срывал бледные болотные ягоды, клал их в рот, жевал и проглатывал. Ягоды были водянистые и быстро таяли во рту, — оставалось только горькое жёсткое семя. Он знал, что ими не насытишься, но всё-таки терпеливо жевал, потому что надежда не хочет считаться с опытом.

В девять часов он ушиб большой палец ноги о камень, пошатнулся и упал от слабости и утомления. Довольно долго он лежал на боку не шевелясь; потом высвободился из ремней, неловко приподнялся и сел. Ещё не стемнело, и в сумеречном свете он стал шарить среди камней, собирая клочки сухого мха. Набрав целую охапку, он развёл костёр — тлеющий, дымный костёр — и поставил на него котелок с водой.

Он распаковал тюк и прежде всего сосчитал, сколько у него спичек. Их было шестьдесят семь. Чтобы не ошибиться, он пересчитывал три раза. Он разделил их на три кучки и каждую завернул в пергамент: один свёрток он положил в пустой кисет, другой — за подкладку изношенной шапки, а третий — за пазуху. Когда он проделал всё это, ему вдруг стало страшно; он развернул все три свёртка и снова пересчитал. Спичек было попрежнему шестьдесят семь.

Он просушил мокрую обувь у костра. От мокасин остались одни лохмотья, сшитые из одеяла носки прохудились насквозь, и ноги у него были стёрты до крови. Лодыжка сильно болела, и он осмотрел её: она распухла, стала почти такой же толстой, как колено. Он оторвал длинную полосу от одного одеяла и крепко-накрепко перевязал лодыжку, оторвал ещё несколько полос и обмотал ими ноги, заменив этим носки и мокасины, потом выпил княжку, завёл часы и лёг, укрывшись одеялом.

Он спал как убитый. К полуночи стемнело, но не надолго. Солнце взошло на северо-востоке — вернее, в той стороне начало светать, потому что солнце скрывалось за серыми тучами.

В шесть часов он проснулся, лёжа на спине. Он посмотрел на серое небо и почувствовал, что голоден. Повернувшись и приподнявшись на локте, он услышал громкое фырканье и увидел

большого оленя, который настороженно и с любопытством смотрел на него. Олень стоял от него шагах в пятидесяти, не больше, и ему сразу представился запах и вкус оленины, шипящей на сковороде. Он невольно схватил незаряженное ружьё, прицелился и нажал курок. Олень всхрапнул и бросился прочь, стуча копытами по камням.

Он выругался, отшвырнул ружьё и со стоном попытался встать на ноги. Это удалось ему с большим трудом и нескоро. Суставы у него словно заржавели, и согнуться или разогнуться стоило каждый раз большого усилия воли. Когда он наконец поднялся на ноги, ему понадобилась ещё целая минута, чтобы выпрямиться и стать прямо, как полагается человеку.

Он взобрался на небольшой холмик и осмотрелся кругом. Ни деревьев, ни кустов — ничего, кроме серого моря мхов, где лишь изредка виднелись серые валуны, серые озёрки и серые ручьи. Небо тоже было серое. Ни солнечного луча, ни проблеска солнца! Он потерял представление, где находится север, и забыл, с какой стороны он пришёл вчера вечером. Но он не сбился с пути. Это он знал. Скоро он придёт в Страну Маленьких Палок. Он знал, что она где-то налево, недалеко отсюда — быть может, за следующим пологим холмом.

Он вернулся, чтобы увязать свой тюк по-дорожному; проверил, целы ли его три свёртка со спичками, но не стал их пересчитывать. Однако он остановился в раздумье над плоским, туго набитым мешочком из оленьей кожи. Мешочек был невелик, он мог поместиться между ладонями, но весил пятнадцать фунтов — столько же, сколько всё остальное, — и это его тревожило. Наконец, он отложил мешочек в сторону и стал свёртывать тюк; потом взглянул на мешочек, быстро схватил его и вызывающе оглянулся по сторонам, словно пустыня хотела отнять у него золото. И когда он поднялся на ноги и поплёлся дальше, мешочек лежал в тюке у него за спиной.

Он свернул налево и пошёл, время от времени останавливаясь и срывая болотные ягоды. Нога у него одеревенела, он стал хромать сильнее, но эта боль ничего не значила по сравнению с болью в желудке. Голод мучил его невыносимо. Боль всё грызла и грызла его, и он уже не понимал, в какую сторону надо идти, чтобы добраться до Страны Маленьких Палок. Ягоды не утоляли грызущей боли, от них только щипало язык и нёбо.

Когда он дошел до небольшой ложбины, навстречу ему с камней и кочек поднялись белые куропатки, шелестя крыльями и крича:

кр, кр, кр... Он бросил в них камнем, но промахнулся. Потом, положив тюк на землю, стал подкрадываться к ним ползком, как кошка подкрадывается к воробьям. Штаны у него порвались об острые камни, от колен тянулся кровавый след, но он не чувствовал этой боли, — голод заглушал её. Он полз по мокрому мху; одежда его намокла, тело зябло, но он не замечал ничего, так сильно терзал его голод. А белые куропатки всё вспархивали вокруг него, и наконец это «кр, кр» стало казаться ему насмешкой; он выругал куропаток и начал громко передразнивать их крик.

Один раз он чуть не наткнулся на куропатку, которая, должно быть, спала. Он не видел её, пока она не вспорхнула ему прямо в лицо из своего убежища среди камней. Как ни быстро вспорхнула куропатка, он успел схватить её таким же быстрым движением — и в руке у него осталось три хвостовых пера. Глядя, как улетает куропатка, он чувствовал к ней такую ненависть, будто она причинила ему страшное зло. Потом он вернулся к своему тюку и взвалил его на спину.

К середине дня он дошёл до болота, где дичи было больше. Словно дразня его, мимо прошло стадо оленей, голов в двадцать, — так близко, что их можно было подстрелить из ружья. Его охватило дикое желание бежать за ними, он был уверен, что догонит стадо. Навстречу ему попалась чёрно-бурая лисица с куропаткой в зубах. Он закричал. Крик был страшен, но лисица, отскочив в испуге, всё же не выпустила добычи.

Вечером он шёл по берегу мутного от извести ручья, поросшего редким камышом. Крепко ухватившись за стебель камыша у самого корня, он выдернул что-то вроде луковицы, не крупнее обойного гвоздя. Луковица оказалась мягкая и аппетитно хрустела на зубах. Но волокна были жёсткие, такие же водянистые, как ягоды, и не насыщали. Он сбросил свою поклажу и на четвереньках пополз в камыши, хрустя и чавкая, словно жвачное животное.

Он очень устал, и его часто тянуло лечь на землю и уснуть; но желание дойти до Страны Маленьких Палок, а ещё больше голод не давали ему покоя. Он искал лягушек в озёрах, копал руками землю в надежде найти червей, хотя знал, что так далеко на Севере не бывает ни червей, ни лягушек.

Он заглядывал в каждую лужу и наконец с наступлением сумерек увидел в такой луже одну-единственную рыбку величиной с пескаря. Он опустил в воду правую руку по самое плечо, но рыба от него ускользнула. Тогда он стал ловить её обеими руками

и поднял всю муть со дна. От волнения он остушился, упал в воду и вымок до пояса. Он так замутил воду, что рыбку нельзя было разглядеть, и ему пришлось дожидаться, пока муть осядет на дно.

Он опять принялся за ловлю и ловил, пока вода опять не замутилась. Больше ждать он не мог. Отвязав жестяное ведро, он начал вычерпывать воду. Сначала он вычерпывал с яростью, весь облился и выплескивал воду так близко от лужи, что она стекала обратно. Потом стал черпать осторожнее, стараясь быть спокойным, хотя сердце у него сильно билось и руки дрожали. Через полчаса в луже почти не осталось воды. Со дна уже ничего нельзя было зачерпнуть. Но рыба исчезла. Он увидел незаметную расщелину среди камней, через которую рыбка проскользнула в соседнюю лужу, такую большую, что её нельзя было вычерпать и за сутки. Если б он заметил эту щель раньше, он с самого начала заложил бы её камнем, и рыба досталась бы ему.

В отчаянии он опустился на мокрую землю и заплакал. Сначала он плакал тихо, потом стал громко рыдать, будя безжалостную пустыню, которая окружала его; и долго ещё он плакал без слёз, сотрясаясь от рыданий.

Он развёл костёр и согрелся, выпив много кипятку, потом устроил себе ночлег на каменистом выступе, так же как и в прошлую ночь. Перед сном он проверил, не намокли ли спички, и завёл часы. Одежда была сырая и холодная на ощупь. Вся нога горела от боли, как в огне. Но он чувствовал только голод, и ночью ему снились пиры, званные обеды и столы, заставленные едой.

Он проснулся озябший и больной. Солнца не было. Серые краски земли и неба стали темней и глубже. Дул резкий ветер, и первый снегопад выбелил холмы. Воздух словно сгустился и побелел, пока он разводил костёр и кипятил воду. Это повалил мокрый снег большими влажными хлопьями. Сначала они таяли, едва коснувшись земли, но снег валил всё гуще и гуще, застилая землю, и наконец весь собранный им мох отсырел, и костёр погас.

Это было ему сигналом снова взвалить тук на спину и брести вперёд, неизвестно куда. Он уже не думал ни о Стране Маленьких Палок, ни о Билле, ни о тайнике у реки Диз. Им владело только одно желание: есть! Он помешался от голода. Ему было всё равно, куда идти, лишь бы идти по ровному месту. Под мокрым снегом он ощупью искал водянистые ягоды, выдергивал стебли камыша с корнями. Но всё это было пресно

и не насыщало. Дальше ему попалась какая-то кислая на вкус травка, и он съел, сколько нашел, но этого было очень мало, потому что травка стлалась по земле и её нелегко было найти под снегом.

В ту ночь у него не было ни костра, ни горячей воды, и он залез под одеяло и уснул тревожным от голода сном. Снег превратился в холодный дождь. Он то и дело просыпался, чувствуя, что дождь мочит ему лицо. Наступил день — серый день без солнца. Дождь перестал. Теперь чувство голода у путника притупилось. Осталась тупая, ноющая боль в желудке, но это его не очень мучило. Мысли у него прояснились, и он опять думал о Стране Маленьких Палок и о своём тайнике у реки Диз.

Он разорвал остаток одного одеяла на полосы и обмотал стёртые до крови ноги, потом перевязал больную ногу и приготовился к дневному переходу. Когда дело дошло до тюка, он долго глядел на мешочек из оленьей кожи, но в конце концов захватил и его.

Дождь растопил снег, и только верхушки холмов оставались белыми. Проглянуло солнце, и путнику удалось определить стороны света, хотя теперь он знал, что сбился с пути. Должно быть, блуждая в эти последние дни, он отклонился слишком далеко влево. Теперь он свернул вправо, чтобы выйти на правильный путь.

Муки голода уже притупились, но он чувствовал, что ослаб. Ему приходилось часто останавливаться и отдыхать, собирая болотные ягоды и луковицы камыша. Язык у него распух, стал сухим, словно шерстистым, и во рту был горький вкус. А больше всего его донимало сердце. После нескольких минут пути оно начинало безжалостно стучать, а потом словно подсакивало и мучительно трепетало, доводя его до удушья и головокружения, чуть не до обморока.

Около полудня он увидел двух пескарей в большой луже. Вычерпать воду было немыслимо, но теперь он стал спокойнее и ухитрился поймать их жестяным ведёрком. Они были с мизинец длиной, не больше, но ему не особенно хотелось есть. Боль в желудке всё слабела, становилась всё менее острой, как будто желудок дремал. Он съел рыбок сырыми, старательно их разжёвывая, и это было чисто рассудочным действием. Есть ему не хотелось, но он знал, что это нужно, чтобы остаться в живых.

Вечером он поймал еще трёх пескарей, двух съел, а третьего оставил на завтрак. Солнце высушило изредка попадавшиеся

кочки мха, и он согрелся, вскипятив себе воды. В этот день он прошёл не больше десяти миль, а на следующий, двигаясь только когда позволяло сердце, — не больше пяти. Но боли в желудке уже не беспокоили его; желудок словно уснул. Местность была ему теперь незнакома, олени попадались всё чаще и волки тоже. Очень часто их вой доносился до него из пустынной дали, а один раз он видел трёх волков, которые, крадучись, перебегали ему дорогу.

Ещё одна ночь, и наутро, образумившись наконец, он развязал ремешок, стягивавший кожаный мешочек. Из него жёлтой струйкой сыпался крупный золотой песок и самородки. Он разделил золото пополам, одну половину спрятал на видном издалека выступе скалы, завернув в кусок одеяла, а другую высыпал обратно в мешок. Своё последнее одеяло он тоже пустил на обмотки для ног. Но ружьё он всё ещё не бросал, потому что в тайнике у реки Диз лежали патроны.

День выдался туманный. В этот день в нём снова пробудился голод. Путник очень ослабел, и голова у него кружилась так, что по временам он ничего не видел. Теперь он постоянно спотыкался и падал, и однажды свалился прямо на гнездо куропатки. Там было четыре только что вылупившихся птенца, не старше одного дня; каждого хватило бы только на глоток; и он съел их с жадностью, запихивая в рот живыми: они хрустели у него на зубах, как яичная скорлупа. Куропатка-мать с громким криком летала вокруг него. Он хотел подшибить её прикладом ружья, но она увернулась. Тогда он стал бросать в неё камнями и перебил ей крыло. Куропатка бросилась от него прочь, вспархивая и волоча перебитое крыло, но он не отставал.

Птенцы только раздражили его голод. Неуклюже подскакивая и припадая на больную ногу, он то бросал в куропатку камнями и хрипло вскрикивал, то шёл молча, угрюмо и терпеливо поднимаясь после каждого падения, и тёр рукой глаза, чтобы отогнать головокружение, грозившее обмороком.

Погоня за куропаткой привела его в болотистую низину, и там он заметил человеческие следы на мокром мху. Следы были не его — это он видел. Должно быть, следы Билла. Но он не мог остановиться, потому что белая куропатка убегала всё дальше. Сначала он поймает её, а потом уже вернётся и рассмотрит следы.

Он загнал куропатку, но и сам обессилен. Она лежала на боку, тяжело дыша, и он, тоже тяжело дыша, лежал в десяти шагах

от неё, не в силах подползти ближе. А когда он отдохнул, она тоже собралась с силами и упорхнула от его жадно протянутой руки. Погоня началась снова. Но тут стемнело, и птица скрылась. Споткнувшись от усталости, он упал с тюком на спине и поранил себе щеку. Он долго не двигался, потом повернулся на бок, завёл часы и пролежал так до утра.

Опять туман. Половину одеяла он израсходовал на обмотки. Следы Билла ему не удалось найти, но теперь это было неважно. Голод упорно гнал его вперёд. Но что, если... Билл тоже заблудился? К полудню он совсем выбился из сил. Он опять разделил золото, на этот раз просто высыпав половину на землю. К вечеру он выбросил и другую половину, оставив себе только обрывок одеяла, жестяное ведёрко и ружьё.

Его начали мучить навязчивые мысли. Почему-то он был уверен, что у него остался один патрон, — ружьё заряжено, он просто этого не заметил. И в то же время он знал, что в магазине нет патрона. Эта мысль неотвязно преследовала его. Он боролся с ней часами, потом осмотрел магазин и убедился что никакого патрона в нём нет. Разочарование было так сильно, словно он и в самом деле ожидал найти там патрон.

Прошло около получаса, потом навязчивая мысль вернулась к нему снова. Он боролся с ней и не мог побороть и, чтобы хоть чем-нибудь помочь себе, опять осмотрел ружьё. По временам рассудок его мутился, и он продолжал брести дальше бессознательно, как автомат; странные мысли и нелепые представления точили его мозг, как черви. Но он быстро приходил в сознание, муки голода постоянно возвращали его к действительности. Однажды его привело в себя зрелище, от которого он тут же едва не упал без чувств. Он покачнулся и зашатался, как пьяный, стараясь удержаться на ногах. Перед ним стояла лошадь. Лошадь! Он не верил своим глазам. Их завлакивал густой туман, пронизанный яркими точками света. Он стал яростно тереть глаза и, когда зрение прояснилось, увидел перед собой не лошадь, а большого бурого медведя. Зверь разглядывал его с недружелюбным любопытством.

Он уже вскинул было ружьё, но быстро опомнился. Опустив ружьё, он вытащил охотничий нож из шитых бисером ножен. Перед ним было мясо и жизнь. Он провёл большим пальцем по лезвию ножа. Лезвие было острое, и кончик тоже острый. Сейчас он бросится на медведя и убьёт его. Но сердце заколотилось, словно предостерегая: тук, тук, тук, потом бешено подскочило

кверху и дробно затрепетало; лоб сдавило, словно железным обручем, и в глазах потемнело.

Отчаянную храбрость смыло волной страха. Он так слаб — что будет, если медведь нападёт на него? Он выпрямился во весь рост как можно внушительнее, выхватил нож и посмотрел медведю прямо в глаза. Зверь неуклюже шагнул вперёд, поднялся на дыбы и зарычал. Если бы человек бросился бежать, медведь погнался бы за ним. Но человек не двинулся с места, осмелев от страха; он тоже зарычал, свирепо, как дикий зверь, выражая этим страх, который неразрывно связан с жизнью и тесно сплетается с её самыми глубокими корнями.

Медведь отступил в сторону, угрожающе рыча, в испуге перед этим таинственным существом, которое стояло прямо и не боялось его. Но человек всё не двигался. Он стоял как вкопанный, пока опасность не миновала, а потом, весь дрожа, словно в лихорадке, повалился на мокрый мох.

Собравшись с силами, он пошёл дальше, терзаясь новым страхом. Это был уже не страх голодной смерти: теперь он боялся умереть насильственной смертью, прежде чем последнее стремление сохранить жизнь заглохнет в нём от голода. Кругом были волки. Со всех сторон в этой пустыне доносился их вой, и самый воздух вокруг дышал угрозой так неотступно, что он невольно поднимал руки, отстраняя эту угрозу, словно полотнище колеблемой ветром палатки.

Волки по двое и по трое то и дело перебегали ему дорогу. Но они не подходили близко. Их было не так много; кроме того, они привыкли охотиться за оленями, которые не сопротивлялись им, а это странное животное ходило на двух ногах, и должно быть, царапалось и кусалось.

К вечеру он набрёл на кости, разбросанные там, где волки настигли свою добычу. Час тому назад это был живой оленёнок, он резво бегал и мычал. Человек смотрел на кости, дочиста обглоданные, блестящие и розовые, оттого что в их клестках ещё не угасла жизнь. Может быть, к концу дня и от него останется не больше? Ведь такова жизнь, суетная и скоропреходящая. Только жизнь заставляет страдать. Умереть не больно. Умереть — уснуть. Смерть — это значит конец, покой. Почему же тогда ему не хочется умирать?

Но он не долго рассуждал. Вскоре он уже сидел на корточках, держа кость в зубах и высасывая из неё последние частицы жизни, которые ещё окрашивали её в розовый цвет. Сладкий

вкус мяса, еле слышный, неуловимый, как воспоминание, доводил его до бешенства. Он стиснул зубы крепче и стал грызть. Иногда ломалась кость, иногда его зубы. Потом он стал дробить кости камнем, размалывая их в кашу, и глотать с жадностью. Второпях он попал себе по пальцам, и всё-таки, несмотря на спешку, находил время удивляться, почему он не чувствует боли от ударов.

Наступили страшные дни дождей и снега. Он уже не помнил, когда останавливался на ночь и когда снова пускался в путь. Шёл, не разбирая времени, и ночью и днём, отдыхал там, где падал, и тащился вперёд, когда угасавшая в нём жизнь вспыхивала и разгоралась ярче. Он больше не боролся, как борются люди. Это сама жизнь в нём не хотела погибнуть и гнала его вперёд. Он не страдал больше. Нервы его притупились, словно оцепенели, в мозгу теснились странные видения, радужные сны.

Он, не переставая, сосал и жевал раздробленные кости, которые подобрал до последней крошки и унёс с собой. Больше он уже не поднимался на холмы, не пересекал водоразделов, а брёл по отлогому берегу большой реки, которая текла по широкой долине. Перед его глазами были только видения. Его душа и тело шли рядом, и всё же порознь — такой тонкой стала нить, связывающая их.

Он пришёл в сознание однажды утром, лёжа на плоском камне. Яркое светило и пригревало солнце. Издали ему слышно было мычание оленят. Он смутно помнил дождь, ветер и снег, но сколько времени его преследовала непогода — два дня или две недели, — он не знал.

Долгое время он лежал неподвижно, и щедрое солнце лило на него свои лучи, напитывая теплом его жалкое тело. «Хороший день», — подумал он. Быть может, ему удастся определить направление по солнцу. Сделав мучительное усилие, он повернулся на бок. Там, внизу, текла широкая, медлительная река. Она была ему незнакома, и это его удивило. Он медленно следил за её течением, смотрел, как она вьётся среди голых, угрюмых холмов, ещё более угрюмых и низких, чем те, которые он видел до сих пор. Медленно, равнодушно, без всякого интереса он проследил за течением незнакомой реки почти до самого горизонта и увидел, что она вливается в светлое блистающее море. И всё же это его не взволновало. «Очень странно, подумал он, это или мираж, или видение, плод расстроенного воображения». Он ещё более убедился в этом, когда увидел корабль,

стоявший на якоре посреди блистающего моря. Он закрыл глаза на секунду и снова открыл их. Странно, что видение не исчезает! А впрочем, нет ничего странного. Он знал, что в сердце этой бесплодной земли нет ни моря, ни кораблей, так же как нет патронов в его незаряженном ружье.

Он услышал за своей спиной какое-то сопение — не то вздох, не то кашель. Очень медленно, преодолевая крайнюю слабость и оцепенение, он повернулся на другой бок. Поблизости он ничего не увидел и стал терпеливо ждать. Опять послышались сопение и кашель, и между двумя островерхими камнями, не больше чем шагах в двадцати от себя, он увидел серую голову волка. Уши не торчали кверху, как это ему приходилось видеть у других волков, глаза помутнели и налились кровью, голова бессильно понурилась. Волк, верно, был болен: он всё время чихал и кашлял.

«Вот это по крайней мере не кажется», — подумал он и опять повернулся на другой бок, чтобы увидеть настоящий мир, не застланный теперь дымкой видений. Но море всё так же сверкало в отдалении, и корабль был ясно виден. Быть может, это всё-таки настоящее? Он закрыл глаза и стал думать — и в конце концов понял, в чём дело. Он шёл на северо-восток, удаляясь от реки Диз, и попал в долину реки Коппермайн. Эта широкая, медлительная река и была Коппермайн. Это блистающее море — Ледовитый океан. Этот корабль — китобойное судно, заплывшее далеко к востоку от устья реки Маккензи, оно стоит на якоре в заливе Коронации. Он вспомнил карту Компании Гудзонова залива, которую видел когда-то, и всё стало ясно и понятно.

Он сел и начал думать о самых неотложных делах. Обмотки из одеяла совсем износились, и ноги у него были содраны до живого мяса. Последнее одеяло было израсходовано. Ружьё и нож он потерял. Шапка тоже пропала и вместе с ней спички, спрятанные за подкладку, но спички в кисете за пазухой, завернутые в пергамент, остались целы и не отсырели. Он посмотрел на часы. Они всё ещё шли и показывали одиннадцать часов. Должно быть, он не забывал заводить их.

Он был спокоен и в полном сознании. Несмотря на страшную слабость, он не чувствовал никакой боли. Есть ему не хотелось.

Мысль о еде была даже неприятна ему, и всё, что он ни делал, делалось им по велению рассудка. Он оторвал штанины до колен и обвязал ими ступни. Ведёрко он почему-то не бросил: надо будет выпить кипятку, прежде чем начать путь к кораблю — очень тяжёлый, как он предвидел.

Все его движения были медленны. Он дрожал, как в параличе. Он хотел набрать сухого мха, но не смог подняться на ноги. Несколько раз он пробовал встать и в конце концов пополз на четвереньках. Один раз он подполз очень близко к больному волку. Зверь неохотно посторонился и облизнул морду, насилу двигая языком. Человек заметил, что язык был не здорового, красного цвета, а желтовато-бурый, покрытый полусохшей слизью.

Выпив кипятку, он почувствовал, что может подняться на ноги и даже идти, хотя силы его были почти на исходе. Ему приходилось отдыхать чуть не каждую минуту. Он шёл слабыми, неверными шагами, и такими же слабыми, неверными шагами тащился за ним волк.

И в эту ночь, когда блистающее море скрылось во тьме, человек понял, что приблизился к нему не больше чем на четыре мили.

Ночью он всё время слышал кашель больного волка, а иногда крики оленят. Вокруг была жизнь, но жизнь, полная сил и здоровья, а он понимал, что больной волк тащится по следам больного человека в надежде, что этот человек умрёт первым. Утром, открыв глаза, он увидел, что волк смотрит на него тоскливо и жадно. Зверь, похожий на замороженную унылую собаку, стоял, понутив голову и поджав хвост. Он дрожал на холодном ветру и угрюмо оскалил зубы, когда человек заговорил с ним голосом, упавшим до хриплого шёпота.

Взошло яркое солнце, и всё утро путник, спотыкаясь и падая, шёл к кораблю на блистающем море. Погода стояла прекрасная. Это началось короткое бабье лето северных широт. Оно могло продержаться неделю, могло кончиться завтра или послезавтра.

После полудня он напал на след. Это был след другого человека, который не шёл, а тащился на четвереньках. Он подумал, что это, возможно, след Билла, но подумал вяло и равнодушно. Ему было всё равно. В сущности, он перестал что-либо чувствовать и волноваться. Он уже не ощущал боли. Желудок и нервы словно дремали. Однако жизнь, ещё теплившаяся в нём, гнала его вперёд. Он очень устал, но жизнь в нём не хотела гибнуть; и потому, что она не хотела гибнуть, человек всё ещё ел болотные

ягоды и пескарей, пил кипяток и следил за больным волком, не спуская с него глаз.

Он шёл по следам другого человека, того, который тащился на четвереньках, и скоро увидел конец его пути: обглоданные кости на мокром мху, сохранившем следы волчьих лап. Он увидел туго набитый мешочек из оленьей кожи — такой же, какой был у него, — разорванный острыми зубами. Он поднял этот мешочек, хотя его ослабевшие пальцы не в силах были удержать такую тяжесть. Билл не бросил его до конца. Ха-ха! Он ещё посмеётся над Биллом. Он останется жив и возьмёт мешочек на корабль, который стоит посреди блистающего моря. Он засмеялся хриплым, страшным смехом, похожим на карканье ворона, и больной волк вторил ему, уныло подвывая. Человек сразу замолчал. Как же он будет смеяться над Биллом, если это Билл, если эти бело-розовые, чистые кости — всё, что осталось от Билла?

Он отвернулся. Да, Билл его бросил, но он не возьмёт золота и не станет сосать кости Билла. А Билл стал бы, будь Билл на его месте, размышлял он, тащась дальше.

Он набрёл на маленькое озерко. И, наклонившись над ним в поисках пескарей, отшатнулся, словно ужаленный. Он увидел своё лицо, отражённое в воде. Это отражение было так страшно, что пробудило даже его отупевшую душу. В озерке плавали три пескаря, но оно было велико, и он не мог вычерпать его до дна: он попробовал поймать рыб ведёрком, но в конце концов бросил эту мысль. Он побоялся, что от усталости упадёт в воду и утонет. По этой же причине он не отважился плыть по реке на бревне, хотя брёвен было много на песчаных отмелях.

В этот день он сократил на три мили расстояние между собой и кораблем, а на следующий день на две мили; теперь он полз на четвереньках, как Билл. К концу пятого дня до корабля всё ещё оставалось миль семь, а он теперь не мог пройти и мили в день. Бабье лето ещё держалось, а он то полз на четвереньках, то падал без чувств, и по его следам всё так же тащился больной волк, кашляя и чихая. Колени человека были содраны до живого мяса и ступни тоже, и хотя он оторвал две полосы от рубашки, чтобы обмотать их, красный след тянулся за ним по мху и камням. Оглянувшись как-то, он увидел, что волк с жадностью лижет этот кровавый след, и ясно представил себе, каков будет его конец, если он сам не убьёт волка. И тогда началась самая жестокая борьба, какая только бывает в жизни: больной человек на четвереньках и больной волк,

ковылявший за ним, оба они, полумёртвые, тащились через пустыню, подстерегая друг друга.

Будь то здоровый волк, человек не стал бы так сопротивляться, но ему было неприятно думать, что он попадёт в утробу этой мерзкой твари, почти падали. Ему стало противно. У него снова начинался бред, сознание туманили галлюцинации, и светлые промежутки становились всё короче и реже.

Однажды он пришёл в чувство, услышав чьё-то дыхание над самым ухом. Волк отпрыгнул назад, споткнулся и упал от слабости. Это было смешно, но человек не улыбнулся. Он даже не испугался. Страх уже не имел над ним власти. Но мысли его на минуту прояснились, и он лежал, раздумывая. До корабля оставалось теперь мили четыре, не больше. Он видел его совсем ясно, протирая затуманенные глаза, видел и лодочку с белым парусом, рассекавшую сверкающее море. Но ему не одолеть эти четыре мили. Он это знал и относился к этому спокойно. Он знал, что не проползёт и полумили. И всё-таки ему хотелось жить. Было бы глупо умереть после всего, что он перенёс. Судьба требовала от него слишком много. Даже умирая, он не покорялся смерти. Возможно, это было чистое безумие, но и в когтях смерти он бросал ей вызов и боролся с ней.

Он закрыл глаза и бесконечно бережно собрал все свои силы. Он крепился, стараясь не поддаваться чувству дурноты, затопившему, словно прилив, всё его существо. Это чувство поднималось волной и мутило сознание. Временами он словно тонул, погружаясь в забытие и силясь выплыть, но каким-то необъяснимым образом остатки воли помогали ему снова выбраться на поверхность.

Он лежал на спине неподвижно и слышал, как хриплое дыхание волка приближается к нему. Оно ощущалось всё ближе и ближе, время тянулось без конца, но человек не пошевелился ни разу. Вот дыхание слышно над самым ухом. Жёсткий сухой язык царапнул его щеку словно наждачной бумагой. Руки у него вскинулись кверху — по крайней мере он хотел их вскинуть, — пальцы согнулись как когти, но схватили пустоту. Для быстрых и уверенных движений нужна сила, а силы у него не было.

Волк был терпелив, но и человек был терпелив не меньше. Полдня он лежал неподвижно, борясь с забытием и сторожа волка, который хотел его съесть и которого он съел бы сам, если

бы мог. Время от времени волна забытия захлёстывала его, и он видел долгие сны; но всё время, и во сне и наяву, он ждал, что вот-вот услышит хриплое дыхание и его лизнет шершавый язык.

Дыхания он не слышал, но проснулся оттого, что шершавый язык коснулся его руки. Человек ждал. Клыки слегка сдавили его руку, потом давление стало сильнее — волк из последних сил старался вонзить зубы в добычу, которую так долго подстерегал. Но и человек ждал долго, и его искусанная рука сжала волчью челюсть. И в то время, как волк слабо отбивался, а рука так же слабо сжимала его челюсть, другая рука протянулась и схватила волка. Ещё пять минут, и человек придавил волка всей своей тяжестью. Его рукам не хватало силы, чтобы задушить волка, но человек прижался лицом к волчьей шее, и его рот был полон шерсти. Прошло полчаса, и человек почувствовал, что в горло ему сочится тёплая струйка. Это было мучительно, словно ему в желудок вливали расплавленный свинец, и только усилием воли он заставлял себя терпеть. Потом человек перекатился на спину и уснул.

На китобойном судне «Бедфорд» ехало несколько человек из научной экспедиции. С палубы они заметили какое-то странное существо на берегу. Оно ползло к морю, едва передвигаясь по песку. Учёные не могли понять, что это такое, и, как подобает естествоиспытателям, сели в шлюпку и поплыли к берегу. Они увидели живое существо, но вряд ли его можно

было назвать человеком. Оно ничего не слышало, ничего не понимало и корчилось на песке, словно гигантский червяк. Ему почти не удавалось продвинуться вперёд, но оно не отступало и, корчась и извиваясь, продвигалось вперёд шагов на двадцать в час.

Через три недели, лёжа на койке китобойного судна «Бедфорд», человек со слезами рассказывал, кто он такой и что ему пришлось вынести. Он бормотал что-то бессвязное о своей матери, о Южной Калифорнии, о домике среди цветов и апельсиновых деревьев.

Прошло несколько дней, и он уже сидел за столом вместе с учёными и капитаном в кают-компании корабля. Он радовался изобилию пищи, тревожно провожал взглядом каждый кусок, исчезавший в чужом рту, и его лицо выражало глубокое сожаление. Он был в здравом уме, но чувствовал ненависть ко всем сидевшим за столом. Его мучил страх, что еды не хватит. Он расспрашивал о запасах провизии повара, юнгу, самого капитана. Они без конца успокаивали его, но он никому не верил и тайком заглядывал в кладовую, чтобы убедиться собственными глазами.

Стали замечать, что он поправляется. Он толстел с каждым днём. Учёные качали головой и строили разные теории. Стали ограничивать его в еде, но он всё раздавался в ширину, особенно в поясе.

Матросы посмеивались. Они знали, в чём дело. А когда учёные стали следить за ним, им тоже стало всё ясно. После завтрака он прокрадывался на бак и, словно нищий, протягивал руку кому-нибудь из матросов. Тот ухмылялся и подавал ему кусок морского сухаря. Человек жадно хватал кусок, глядел на него, как скряга на золото, и прятал за пазуху. Такие же подачки, ухмыляясь, давали ему и другие матросы.

Учёные промолчали и оставили его в покое. Но они осмотрели потихоньку его койку. Она была набита сухарями. Матрац был полон сухарей. Во всех углах были сухари. Однако человек был в здравом уме. Он только принимал меры на случай голодовки — вот и все. Учёные сказали, что это должно пройти. И это действительно прошло, прежде чем «Бедфорд» стал на якорь в гавани Сан-Франциско.

Перевод *Н. Дарузес*

Думаем над прочитанным

1. Где происходит действие в рассказе? Какие географические названия встречаются в произведении?
2. Найдите в тексте описания природы. Как они помогают передать внутреннее состояние героя?
3. Как вы думаете, почему автор не называет героя по имени?
4. Как вы можете охарактеризовать поведение Билла? С вашей точки зрения, его постигло справедливое наказание?
5. Подумайте, почему в рассказе нет прямых портретных характеристик. Что заменяет их?
6. Расскажите, что пришлось пережить герою. Как на него повлияли голод и боль?
7. Какое значение для понимания характера героя имеет эпизод встречи с волком?
8. Как вы думаете, почему на единоборство решился не волк, а человек?
9. Как вы оцениваете поведение героя в экстремальных ситуациях?
10. Почему герой расстался с золотом, ради которого он испытал столько бед? Обоснуйте свой ответ.
11. Подумайте, что помогло герою выжить.
12. Расскажите об авторском отношении к герою. Подтвердите свои выводы цитатами из текста.
13. Какую роль играют деньги в жизни человека? Чего они не могут дать?
14. Вспомните, что называется темой и идеей произведения. Определите тему и идею рассказа «Любовь к жизни».
15. Составьте план собственного рассказа о герое.

Путешествуем по литературным местам

На окраине небольшого городка, расположенного в часе езды от Сан-Франциско (Америка), находится дом-музей Джека Лондона. Вся экспозиция музея — это три дома, разбросанных по огромному участку земли, в которых писатель никогда не жил. Первый из домов построен в 1919 году, спустя три года после смерти писателя, его вдовой в память о муже. Двухэтажная каменная вилла хранит в себе личные вещи и документы Джека Лондона. Есть здесь и коллекция изданий Джека Лондона на разных языках и в разных странах. Среди них и тринадцать увесистых томов на русском языке.

Обобщаем изученное

1. Английский писатель и литературовед И. Дизраэли писал: «Путешествия воспитывают терпение». Согласны ли вы с таким утверждением? Обоснуйте свой ответ, опираясь на прочитанные произведения.

2. Разгадайте ребус. Расскажите, что вам известно об этом персонаже.

ы=о, а=и

”

,

3,5,6,7 а=о

3. Определите основную мысль романа Д. Дефо «Робинзон Крузо».

4. Можно ли утверждать, что остров Отчаяния Робинзон превратил в остров Надежды? Объясните свой ответ.

5. Если бы вы оказались на необитаемом острове, какие три вещи вы взяли бы с собой? Аргументируйте свой ответ.

6. Ответьте на вопросы литературной викторины по роману «Робинзон Крузо»:

- Назовите прототипа главного героя романа Даниеля Дефо.
- Дата, когда Робинзон Крузо решил отправиться в плавание.
- Кто, помимо Робинзона, из затонувшего корабля жил на острове?
- Как называли Робинзона пленники?
- Какие вещи взял с собой Робинзон, покидая свой остров?
- Сколько лет прожил Робинзон на острове? 28 лет

7. Рассмотрите иллюстрации к прочитанным произведениям и подпишите их цитатами из текста.

8. Чешский писатель Юлиус Фучик писал: «...желание стать Робинзоном — это желание быть исследователем, изобретателем, желание трудиться над собственными изобретениями...». А у вас есть желание стать Робинзоном? Обоснуйте свой ответ.

9. Объясните, как вы поняли эниграф к разделу «Мир, полный приключений и испытаний».

10. Какие средства выразительности использует Джек Лондон, чтобы углубить психологическое напряжение в рассказе «Любовь к жизни»?

-
11. Можно ли сделать вывод, что каждое живое существо борется за свою жизнь? Подтвердите свои мысли цитатами из рассказа «Любовь к жизни».
-
12. Как вы считаете, что помогло спастись герою, который остался наедине с суровой природой?
-
13. В тексте рассказа Джека Лондона найдите и выразительно прочитайте пейзажные и портретные описания, которые помогают передать внутреннее состояние главного героя.
-
14. Раскройте смысл названия рассказа Джека Лондона.
-
15. Словесно опишите, какую обложку для книги с рассказом «Любовь к жизни» вы бы создали.
-
16. Какое место в мире природы принадлежит человеку? Свой ответ обоснуйте, приводя примеры из прочитанных произведений.
-
17. Подумайте, какими законами должен руководствоваться каждый из нас, живя на Земле.
-
18. Какие ещё произведения приключенческой литературы вы читали? Расскажите о них.
-
19. Напишите сочинение на тему «Мир полный приключений и испытаний» в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо»/ или в рассказе Джека Лондона «Любовь к жизни».
-
20. Перечитайте эпиграфы к разделу «Мир, полный приключений и испытаний». Согласны ли вы с утверждением, что «судьба любит сильных, отважных и решительных»? Свой ответ обоснуйте.
-
21. В классе проведите конкурс на лучшего иллюстратора прочитанных произведений.

УРОКИ ДОБРОТЫ И МИЛОСЕРДИЯ

...самая большая ценность, которой награждает человека искусство, — это ценность доброты. Награждённый даром понимать искусство, человек становится нравственно лучше, а следовательно, и счастливее.

Дмитрий Лихачёв

Добротой рождается доверье,
А доверье будит доброту.

Игорь Кобзев

Доброта, сочувствие, понимание, милосердие¹... Вы, конечно же, неоднократно слышали эти слова, и были, наверное, очень рады, когда они относились к вам. Мир добрых чувств открывают нам произведения искусства, волшебная сила которого заставляет нас плакать и смеяться, радоваться и сожалеть, сострадать и осуждать.

Читая художественные произведения, мы иногда открываем другой, непривычный для нас мир, в котором живут жестокость и несправедливость, зло и обман. Переживая вместе с любимыми героями и плача над страницами прочитанных книг, мы, сами не подозревая того, учимся чуткости и милосердию, отзывчивости и доброте.

¹Милосердие — готовность помочь кому-нибудь или простить кого-нибудь из сострадания, человеколюбия.

Валентин Григорьевич Распутин

Таких писателей, как Валентин Распутин, таких своих сыновей народ и рождает для того, чтобы не забыть своего прошлого, трезво оценить настоящее и не потерять надежды на будущее.

Владимир Солоухин

Творчество русского писателя Валентина Григорьевича Распутина уже давно обрело всемирную известность. Его повести и рассказы переведены на многие языки мира. Его книгами зачитывается не одно поколение читателей. Каждое его интервью становится настоящим событием литературной жизни...

Родился В. Г. Распутин в таёжном посёлке Аталанка Усть-Удинского района Иркутской области России. У будущего писателя было трудное детство, совпавшее с Великой Отечественной войной и тяжёлыми послевоенными годами. В.Г. Распутин вспоминает: «Моё детство прошло в глухой ангарской¹ деревне, в 400 километрах от Иркутска. Она и теперь, ставши посёлком, переехав на новое место и переменив образ жизни, осталась глухой, моя Аталанка... Жили мы бедно, и не мы одни, вся деревня жила бедно, земли для хлебов были худородные, мошка (мелкий гнус) заедала скотину, которая днями во всё лето спасалась только под дымокурком и только на короткие ночные часы выбегала на выгон... Колхоз наш не вылезал из долгов, они время от времени списывались и снова нарастали, и жила деревня огородами. Да ещё тайгой и Ангарой.

¹Ангара — река, которая берёт своё начало из озера Байкал и протекает в Иркутской области и Красноярском крае России.

Первые мои впечатления связаны с Ангарой, потом с матерью и бабушкой. Я понимаю, что должно быть наоборот, ведь не Ангара же вскармливала меня грудным молоком, но, сколько не веду я в себе раскопки, ничего прежде Ангары не нахожу. Вероятно, присутствие матери было настолько естественным и необходимым, сращённость была настолько полной, что я не отделял себя от неё. Ангара же поразила меня волшебной красотой и силой, я не понимал, что это природа, существующая самостоятельно от человека миллионы лет, мне представлялось, что это она принесла нас сюда, расставила в определённом порядке избы и заселила их семьями».

Неслучайно именно малая родина, деревушка в 40 дворов на берегу Ангары, её природа и судьбы её жителей стали центральными в творчестве писателя.

В своих произведениях В. Г. Распутин помогает читателю открыть в себе неисчерпаемые запасы доброты. Усвоить уроки не только французского языка, но и уроки милосердия и человечности. сможете вы, прочитав рассказ «Уроки французского», события которого происходят в сложные послевоенные годы.

1. Что вам известно о В. Г. Распутине?
2. Расскажите о роли «малой родины» в жизни и творчестве писателя.

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Анастасии Прокопьевне Копыловой

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что случилось с нами после.

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорила со своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полуторки¹, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

¹Полуторка — грузовой автомобиль.

Голод в тот год ещё не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестрёнку глазки проросшей картошки и зерна овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, — тогда не придётся всё время думать о еде. Всё лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполезная и человеку когда-нибудь ещё пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет — некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно в меня верили, когда дело касалось облигаций¹. Их за войну у людей скопилось много, таблицы выигрышей приходили часто, и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мелкие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от неё несколько перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали: однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагрёб мне ведро картошки — под весну это было немалое богатство.

И всё потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

— Башковитый у тебя парень растёт. Ты это... давай учи его. Грамота зря не пропадёт.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

¹Облигация — документ, подтверждающий денежный долг государства населению.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? — затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятерки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало всё моё ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливал короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторять — я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Всё было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать, там меня тормозили ребята, вместе с ними — хочешь не хочешь — приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось

об одном — домой и домой. Я сильно похудел: мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но когда она стала уезжать, не выдержал и с рёвом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и её, — я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

— Собирайся, — потребовала она, когда я подошёл. — Хватит, отучился, поедем домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же ещё я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в Заготзерно, стоявшее неподалёку от райцентра, еду мне посылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне её не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут — кажется, много,хватишься через два дня — пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил — так и есть: был — нету. То же самое творилось с картошкой. Кто потаскивал — тётя Надя ли, крикливая, замотанная женщина, которая одна мыкалась с тремя ребятишками, кто-то из её старших девчонок или младший, Федька, — я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестрёнки с братишкой, а оно всё равно идёт мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. Тут для меня всё вокруг было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля. Небольшую речушку на десять рядов процеживали бреднями. Я как-то в воскресенье просидел с удочкой весь день и поймал трёх маленьких, с чайную ложку, пескариков — от такой рыбалки тоже не раздобреешь. Больше не ходил — что зря время переводить! По вечерам околачивался у чайной, на базаре, запоминая, что почём продают, давился слюной и шёл ни с чем обратно. На плите у тёти Нади стоял горячий чайник; пошвырвав гольного кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала полуторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодав-

шись и зная, что харч мой всё равно долго не продержится, как бы я его ни экономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку.

Однажды, ещё в сентябре, Федька спросил у меня:

— Ты в «чику» играть не боишься?

— В какую «чику»? — не понял я.

— Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем.

— Нету.

— И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, слошью заросшего крапивой, уже чёрной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

— Этого ещё зачем привёл? — недовольно сказал он Федьке.

— Он свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живёт.

— Играть будешь? — спросил меня Вадик.

— Денег нету.

— Гляди, не вякни кому, что мы здесь.

— Вот ещё! — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторонку и стал наблюдать. Играли не все — то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея, в основном, за Вадика. Хозяйничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой метрах в двух от кассы, а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. Бросать её надо было с тем расчётом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за нее, — тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему. Но важней всего считалось ещё при броске накрыть

шайбой монеты, и если хоть одна из них оказывалась на орле, вся касса без разговоров переходила в твой карман, и игра начиналась снова.

Вадик хитрил. Он шёл к валуну после всех, когда полная картина очередности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперёд. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся — шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. Быстрым движением головы он забрасывал съехавшую чёлку наверх, небрежно сплёвывал в сторону, показывая, что дело сделано, и ленивым, нарочито замедленным шагом ступал к деньгам. Если они были в куче, бил резко, со звоном, одиночные же монетки трогал шайбой осторожно, с накатиком, чтобы монетка не билась и не крутилась в воздухе, а, не поднимаясь высоко, всего лишь переваливалась на другую сторону. Никто больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками, но и там нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добыюсь полного результата — десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Всё же раза два она подкладывала мне в письмо по пятёрке — на молоко. На теперешние это пятьдесят копеек, не разживёшься, но всё равно деньги, на них на базаре можно было купить пять пол-литровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился за свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал. И недалеко, за десять минут добежишь.

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй — шестьдесят. Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что приноравливаюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба пошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадёт и сколько ещё прокатится по земле. По вечерам, когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла тёплая и сухая. Ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесёнными откуда-то из непогоды слабым попутным ветерком. Небо синело совсем полетнему, но стало словно бы уже, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей полянке, пожелтевшая и сморенная, всё же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибежал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень, следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень, по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегая вперёд, скажу, что в третьей четверти он вдруг, как снег на голову, свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверно, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазёнками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает, не знает — всё равно тянет. Вызовут — молчит.

— Что ж ты руку поднимал? — спрашивают Тишкина. Он шлёпал своими глазёнками:

— Я помнил, а пока вставал, забыл.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное — от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день.

У меня был свой расчёт: не надо катать шайбу по площадке, добиваясь права на первый удар; когда много играющих, это не просто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности перевалить за неё и остаться последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш втройне. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приёмом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, токал от себя — так было непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убежал, покупал на базаре баночку молока (тётки ворчали, глядя на мои погнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смирляла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался в накладке, а из его карманов вряд ли мне что-нибудь перепадало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учитесь, мазилы. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

— Ты что это — загрёб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

— Мне уроки надо, Вадик, делать, — стал отговариваться я.

— Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит.

А Птаха подпел:

— Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал, и нередко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам удивлялся своей меткости, мне надо бы догадаться придержать её, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своём деле он вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. В таких случаях при броске обычно кричат «в склад!», чтобы — если не окажется орла — собрать для удара деньги в одну кучу, но я, как всегда, понадеялся на удачу и не крикнул.

— Не в склад! — объявил Вадик.

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы её закрывать.

— Ты перевернул её, — сказал я. — Она была на орле, я видел. Он сунул мне под нос кулак.

— А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно: если начнётся драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. «Хлюзда на правду наведёт, — решил я. — Всё равно я их сейчас все заберу». Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склонённой вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись.

За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птаха. Я опешил:

— Чего-о ты?!

— Кто тебе сказал, что это я? — отперся он. — Приснилось, что ли?

— Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её. Обида перехлестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

— Давай сюда! — потребовал Вадик.

— Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

— Ну-ка повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

— Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха. Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивая одно и то же:

— Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам,

потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро! Я поднялся и, всхлипывая, швыряя омертвевшим носом, поплёлся в гору.

— Только вякни кому — убьём! — пообещал мне вслед Вадик. Я не ответил. Всё во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было, мочи — так что слышал, наверное, весь посёлок:

— Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся, — видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всём белом свете человека несчастнее меня.

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и если бы не привычное место, ни за что не догадаешься, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шутливые, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моём лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали обора-

— Ну вот, — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. — Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у неё косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал, — брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

— Хи, упал. — выкрикнул Тишкин, захлебываясь от радости. — Это ему Вадик из седьмого класса поднёс. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит — упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает, или это он нарочно? За игру на деньги у нас в два счёта могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха всё всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внёс ясность — нечего сказать.

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. — Иди к доске, раз уж ты разговоришься, и приготовься отвечать. — Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным, Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что, кроме сегодняшней беседы, завтра меня выведут перед школьной линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спрашивал провинившегося, что бы он ни натворил, — разбил окно, подрался или курил в уборной: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперёд в такт широким шагам плечи, так что казалось, будто наглухо застёгнутый, оттопыривающийся тёмный френч двигается самостоятельно чуть наперёд директора, и подгонял: «Отвечай, отвечай. Мы ждём. Посмотри, вся школа ждёт, что ты нам скажешь». Ученик начинал в своё оправдание что-нибудь бормотать, но директор обрывал его: «Ты мне на вопрос отвечай, на вопрос. Как был задан вопрос?» — «Что меня побудило?» — «Вот именно: что побудило? Слушаем тебя».

Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходились на занятия. Труднее было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и всё это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увёл к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжёгшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело — если бы я сам бросал школу... Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадёжный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вовсе меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы ещё потерпел здесь, я бы привык, но так домой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подальше от неё, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

— Это правда, что ты играешь на деньги? — сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но запираться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

— Правда.

— Ну и как — выигрываешь или проигрываешь?

Я замялся, не зная, что лучше.

— Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверное?

— Вы...выигрываю.

— Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

В первое время в школе я долго не мог привыкнуть к голосу Лидии Михайловны, он сбивал меня с толку. У нас в деревне говорили, запахивая голос глубоко в нутро, и потому звучал он вволюш-ку, а у Лидии Михайловны он был каким-то мелким и лёгким, так что в него приходилось вслушиваться, и не от бессилия вовсе — она иногда могла сказать и всласть, а словно бы от притаённости и ненужной экономии. Я готов был свалить всё на французский язык: конечно, пока училась, пока приноравливалась к чужой речи,

голос без свободы сел, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдётся и окрепнет. Вот и сейчас Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов её всё равно было не уйти.

— Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко.

— Молоко?

[Она сидела передо мной аккуратная вся, умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от неё, который я принимал за самое дыхание; к тому же она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне. Не смея поднять глаза на неё, я не посмел и обмануть её. Да и зачем, в конце концов, мне было обманывать?]

[Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде её косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней кривился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки¹ марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки.] Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обувь. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.]

— И всё-таки на деньги играть не надо. — задумчиво сказала Лидия Михайловна. — Обошёлся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

¹Чирки — самодельная обувь.

Не смея поверить в своё спасение, я легко пообещал:

— Можно.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать веревками.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано рассчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. Хорошо ещё, что, спохватившись, я догадался немножко припрятать в стоящей во дворе заброшенной сараюшке, и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карманы и убегал за улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удобной и скрытой пизинке развести огонь. Мне всё время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы, бродил по пустырям, следил за ребятами, которых заносило в холмы. Всё было напрасно, сезон кончился, подули холодные октябрьские ветры. И только на нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как взблёскивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошёл, и игра сама собой приостановилась, все уставились на меня. Птаха был в шапке с подвёрнутыми ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой, навывпуск рубаше с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка.

Первым встретил меня Птаха:

— Чего пришёл? Давно не били?

— Играть пришёл, — как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

— Кто тебе сказал, что с тобой, — Птаха выругался, — будут тут играть?

— Никто.

— Что, Вадик, сразу будем бить или подождём немножко?

— Чего ты пристал к человеку, Птаха? — щурясь на меня, сказал Вадик. — Понял, человек играть пришёл. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

— У вас нет по десять рублей, — только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

— У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

— Дать ему, Вадик?

— Не надо, пусть играет. — Вадик подмигнул ребятам. — Он здорово играет, мы ему в подмётки не годимся.

Теперь я был учёный и понимал, что это такое — доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы пощекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в неё меня. Но как только я затрону его самолюбие, мне опять не поздоровится. Он найдёт, к чему придраться, рядом с ним Птаха.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашёл ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать о рубле; копеек двадцать — тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, случается, случилось. На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось её постоянно прикусывать. Но как ни прятал я её, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками. — Да что же

это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. Ну, зачем ещё, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же «о», например, в слове «веаиссир» (много), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристомом пускать звуки через нос, когда испокон веков он служил человеку совсем для другой надобности? Зачем? Должны же существовать границы разумного. Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех.

Оказалось, что и это ещё не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остаётся в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор.

Я шёл туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. Мне надо было говорить, чтобы я раздевался, проходил в комнату, садился, — меня приходилось передвигать, словно вещь, и чуть ли не силой добывать из меня слова. Моим успехам во французском это никак не способствовало. Но, странное дело, мы и занимались здесь меньше, чем в школе, где нам будто бы мешала вторая смена. Больше того, Лидия Михайловна, хлопоча что-нибудь по квартире, расспрашивала меня или рассказывала о себе. Подозреваю, что она нарочно для меня придумала, будто пошла на французский факультет потому лишь, что в школе этот язык ей тоже не давался и она решила доказать себе, что может овладеть им не хуже других.

Забившись в угол, я слушал, не чая дожидаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна

стоял большой красивый радиоприёмник с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку. Так или иначе, от него никуда было не деться. Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко мне. Я никак не мог поверить, что сижу у неё в доме, всё здесь было для меня слишком неожиданным и необыкновенным, даже воздух, пропитанный лёгкими и незнакомыми запахами, иной, чем я знал, жизни. Невольно создавалось ощущение, словно я подглядываю эту жизнь со стороны, и от стыда и неловкости за себя я ещё глубже запахивался в свой кургузый¹ пиджачишко...

[Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того; я хорошо помню её правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем чёрные, коротко остриженные волосы. Но при всём этом не было видно в её лице жесткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю? ...]

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходить. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не какой-нибудь манной небесной, — настолько она представлялась мне человеком необыкновенным, не похожим на всех остальных.

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки, к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было

¹Кургузый — короткий, тесный.

невозможно. Я убежал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофер, — какой ещё мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог — вот и оставил в раздевалке. Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тётя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящичке? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня — чтобы не перепутали, для кого.

Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже, пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня ещё был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные жёлтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не крошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки. Не для того мать их покупала, тратила последние деньги. Нет, макаронами я так просто не попущусь. Это вам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны... Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не было, ни за

какие шиши их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде, я разгрёб макароны и нашёл на дне ящичка несколько больших кусков сахара и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия — мне. Интересно, очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдём, знаем, где живёт, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол — получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше никому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивлённо спрашивала:

— Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

— Это Вы сделали, — сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

— Что я сделала? О чём ты?

— Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, Вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тётка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

— Как! Совсем не бывает?! — она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так?! — Она на минутку задумалась. — Но тут и догадаться трудно было — честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

— Горох бывает. Редька бывает.

— Горох... редька... А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок. Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда. — Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня. — Не злись. Я же хотела, как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми...

— Не возьму, — перебил я её.

— Ну, зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать, что захочу, но ведь мне одной... Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

— Я совсем не голодаю.

— Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмёшь сейчас эти макароны и сварить себе сегодня хороший обед. Почему я не могу тебе помочь — единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Столько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чём ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Её голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь её все-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжёлыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

— Хорошо, — подбадривала меня Лидия Михайловна. — В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей — обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже. Мало ли что Лидия Михайловна возьмётся ещё придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, всё сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Мне казалось, что Лидия Михайловна всё время ожидающе присматривается ко мне, а присматриваясь, посмеивается над моей диковатостью, — я злил-

ся, но злость эта, как ни странно, помогала мне держаться уверенней. Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шаг, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё ещё, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой отмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Впереди годы да годы. Что я потом стану делать, если от начала до конца выучу всё одним разом? Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной, и я продолжал тянуть свою французскую лямку. Впрочем, лямку ли? Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарь, заглядывал в данные в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня ещё подстёгивало самолюбие: не получалось — получится, и получится — не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы ещё не надо было ходить к Лидии Михайловне... Я бы сам, сам... Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну, а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонку да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это была за игра? В чём она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

— Чего мне бояться?!

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

— Нет, — Лидия Михайловна покачала головой. — Мы играли в «пристенки». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри. — Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодвинула от стены

стул. Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. — Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. — Теперь, — Лидия Михайловна сунула мне вторую монетку в руку, — бьёшь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется: замеряшки. Достанешь, — значит, выиграл. Бей.

Я ударил — моя монета, попав на ребро, покатила в угол.

— О-о, — махнула рукой Лидия Михайловна. — Далеко. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, — я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

— Чего тут непонятного?

— Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

— Как же я с Вами буду играть?

— А что такое?

— Вы же учительница!

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одёргивать себя: то нельзя, это нельзя. — Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстранённо смотрела в окно. — Иной раз полезно забыть, что ты учительница, — не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьёз, понимать, что он может научить совсем немногому. — Она встряхнулась и сразу повеселела. — А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

— Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошке. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал её. Свето-

преставление — не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

— Ну, что — попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену — ребром ли, или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы мы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила её.

— Нет, так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть, так по-настоящему, а то мы с тобой как трёхлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги, — несмело напомнил я.

— Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

— Неужели боишься? — подзадорила меня Лидия Михайловна.

— Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик попервости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длиннее, она станет замерять большим и средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимались на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счёт. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня — одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой на неё прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скопировать этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издала пошла своей монетой на мою, и счёт сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело и дальше так пойдет, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль перебивать нельзя — не то позор и стыд на всю жизнь.

Кадр из кинофильма «Уроки французского»,
режиссёр А. Москвина

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вовсе у меня выигрывать. При замерах её пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину, — там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотянулся без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

— Нет, — заявил я, — так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

— Но я действительно не могу их достать, — стала отказываться она. — У меня пальцы какие-то деревянные.

— Можете.

— Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство — от противного. Когда на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает её к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу её чистой воды мошенничество, она как ни в чём не бывало продолжала двигать монету.

— Что Вы делаете? — возмутился я.

— Я? А что я делаю?

— Зачем вы её подвинули?

— Да нет же, она тут и лежала, — самым бессовестным образом, с какой-то даже радостью отперлась Лидия Михайловна, ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да ещё и смеётся надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподаёт, называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать — двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала ещё раз, и мы, не мешкая, переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко — теперь уже в мороженных кружках. Я осторожно срезал с кружка наплыв сливок, совал рассыпающиеся ледяные ломтики в рот и, ощущая во всём теле их сытую сладость, закрывал от удовольствия глаза. Затем переворачивал кружок вверх дном и долбил ножом сладковатый молочный отстой. Остаткам позволял растаять и выпивал их, заедая куском чёрного хлеба.

Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказаться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормошила меня.

Знать бы нам, чем это всё кончится...

...Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая, — напoлзая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна, — зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— «Чика» неслитово.

— Почему это неслитово?

— У вас тоже была «чика».

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас дoнёсся удивлённый, если не сказать, поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, покрасневшая и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? Объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор...

— Играем в «пристенок», — спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с этим?.. — Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. — Играете с учеником?! Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете... Директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Растление. Сoвращение. И ещё, ещё... Я двадцать лет работаю в школе, видывал всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

— Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь. — А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись, — она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, достав опять топор из-под лестницы, — аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

Знаете ли вы, что...

В рассказе «Уроки французского» В. Г. Распутин описал то, что случилось с ним, мальчишкой из глухой сибирской деревни, когда он учился в пятом классе. Интересен тот факт, что издание этого произведения помогло писателю найти свою бывшую учительницу. Она прочитала рассказ в книге, узнала в героине себя и написала В. Г. Распутину. Но она почему-то не помнила, что похожим, как в рассказе, образом отправляла своему ученику посылку с макаронами. Сначала писателя это очень удивило, но потом... Вот как он об этом написал: «Меня сначала поразило: как же так — не помнит?! Как же такое забыть?! Но, поразмыслив, я понял, что удивительного тут в сущности нет ничего: истинное добро со стороны того, кто творит его, имеет меньшую память, чем со стороны того, кто его принимает. Так и должно быть. На то оно и добро, чтобы не искать прямой отдачи...»

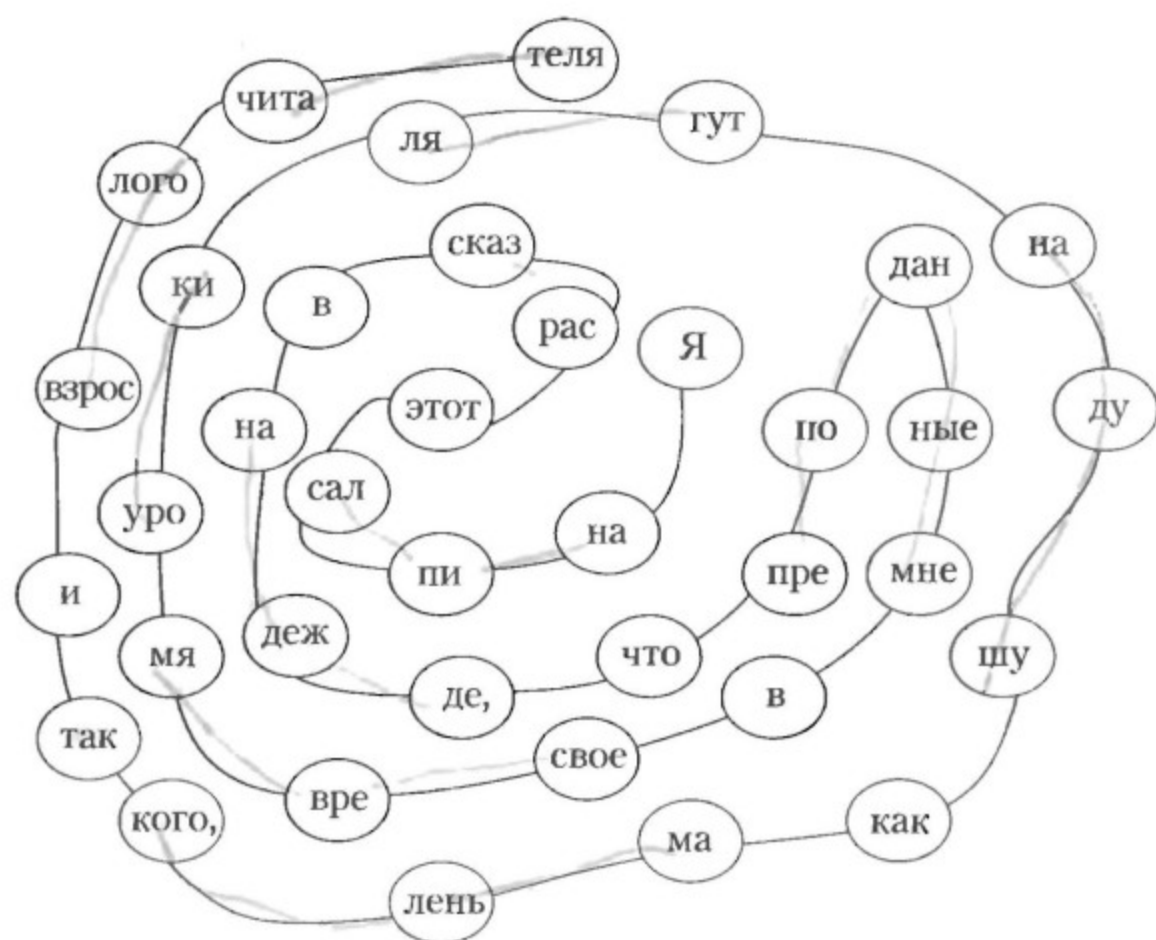

Думаем над прочитанным

1. Понравился ли вам рассказ? Объясните почему.
2. От имени главного героя расскажите, как началась его самостоятельная жизнь в райцентре.
3. Найдите в тексте и прочитайте, какие чувства переполняли мальчика, оказавшегося далеко от дома.
4. Расскажите, почему главный герой стал играть в «чику». А как вы относитесь к этому увлечению мальчика? Обоснуйте свой ответ.
5. Близко к тексту перескажите, что случилось однажды с главным героем во время игры. Дайте свою оценку случившемуся.

6. Как вы считаете, почему Лидия Михайловна не рассказала директору школы о том, что произошло с её учеником? Аргументируйте свой ответ.
7. Почему, несмотря на своё обещание, главный герой опять стал играть на деньги? Можно ли его оправдать?
8. Как вы думаете, что побудило Лидию Михайловну начать индивидуально заниматься с мальчиком? Обоснуйте свой ответ.
9. Как складывались отношения главного героя с учительницей? Почему он отказывался ужинать у Лидии Михайловны, не согласился принять посылку? Как это характеризует его? Свой ответ обоснуйте.
10. Расскажите, как мальчик относился к учёбе.
11. Почему Лидия Михайловна стала играть на деньги со своим учеником? Как вы оцениваете поведение учительницы? Аргументируйте свою позицию.
12. Как вы думаете, когда герой понял истинный смысл этой игры?
13. Как вы относитесь к рассуждениям Лидии Михайловны о том, каким должен быть учитель?
14. Составьте цитатный план к рассказу «Уроки французского».
15. Расшифруйте головоломку.

А какие уроки извлекли из этого произведения вы?

16. Сформулируйте главную мысль прочитанного рассказа.
17. Напишите сочинение-миниатюру на тему: «Уроки доброты и милосердия в рассказе В. Г. Распутина».

Виктор Петрович Астафьев

Виктор Астафьев вошёл в нашу культуру каким-то очень ярким явлением и таким в ней, конечно, останется. Это была громадная личность.

Марк Захаров

Свою жизнь русский писатель Виктор Петрович Астафьев считал сложной, но менять в ней ничего бы не стал. «Если бы мне дано было родиться второй раз, — часто повторял он, — я выбрал бы эту самую жизнь».

Будущий писатель родился в России недалеко от города Красноярск в селе с добрым и немного необычным названием Овсянка, что расположена на берегу могучей сибирской реки Енисей. Предвоенное детство В. П. Астафьева было трудным. Его мать, Лидия Ильинична, погибла, когда сыну исполнилось 8 лет. Виктор Петрович так и не смог привыкнуть к этой потере. Много позднее, в 1972 году, он напишет: «Её мне не хватало всю жизнь...». Заступницей и кормилицей мальчика становится бабушка — Екатерина Петровна. Именно она научила В. П. Астафьева любить людей и природу, жить по законам добра и справедливости. Вскорости после смерти матери отец женился второй раз, и в 1935 году Виктор с отцом и мачехой переезжает в город Игарка. Годы, проведённые в этом суровом

уголке Сибири, были не просто трудными. Заработков, на которые рассчитывал отец, не оказалось. Отношения Виктора с мачехой тоже не сложились. Через некоторое время мальчик остаётся один, без крова и средств к существованию. На его долю выпали голод, скитания, бродяжничество, детдом. «Самостоятельную жизнь я начал сразу, безо всякой подготовки», — напишет впоследствии В. П. Астафьев. И всё же в Игарке благодаря встрече с добрыми и порядочными людьми родилась вера в то, что он не лишний на этой земле человек, что есть в нём что-то такое, что нужно непременно развить и постараться отдать людям.

Учитель русского языка и литературы в детдоме-интернате сибирский поэт Игнатий Дмитриевич Рождественский заметил в Викторе склонность к литературе и развил её. А было это так. Однажды школьникам предложили написать рассказ о том, как прошло лето. Сочинение В. П. Астафьева под названием «Жив» по рекомендации учителя было напечатано в школьном журнале. Интересно, что много лет спустя писатель вспомнил о своём школьном сочинении. История, описанная в нём, стала основой первого его рассказа для детей «Васюткино озеро».

О том, что побудило В. П. Астафьева стать писателем, он говорит в своих воспоминаниях: «После войны занимался в литературном кружке одной уральской газеты. Там я прослушал однажды рассказ кружковца, который взбесил меня надуманностью и фальшью. Тогда я написал рассказ о своём фронтовом друге. Так и стал писателем».

Однажды Виктора Петровича спросили, не жалеет ли он, что ему не довелось учиться в университете. Он искренне ответил: «Жалею!.. Я страшно завидую молодым, которые имеют возможность учиться. А мне всю жизнь приходилось добирать самообразованием. Я до сих пор учусь на писателя!».

В. П. Астафьева уже нет среди нас. Трудное сиротское детство, ранняя трудовая жизнь, фронтовые ранения в годы войны и острая боль за всё, что происходит вокруг, дали о себе знать. Но остаются его произведения, их добрые и светлые уроки.

1. Расскажите, что вам известно о В. П. Астафьеве.
2. Какие события детских лет повлияли на его писательскую судьбу?
3. Объясните, как вы понимаете слова В. П. Астафьева: «Я до сих пор учусь на писателя!»

КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребятишки собираются на увал¹ по землянику, и велела сходить с ними.

— Наберёшь туесок². Я повезу свои ягоды в город, твои тоже продам и куплю тебе пряник.

— Конём, баба?

— Конём, конём.

Пряник конём! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые.

Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо. Но пряник — совсем другое дело.

Пряник можно засунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса — потерял! — хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться, что тут он, конь-огонь!..

С таким конём сразу почёту сколько, внимания! Ребята левонтьевские к тебе и так и эдак ластьются, и в чижа первому бить дают³, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его.

Когда даёшь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусывать положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост да грива.

Левонтий, сосед наш, работал на бадобах⁴ вместе с Мишкой Коршуновым. Левонтий заготавливал лес на бадоби, пилил его, колол и сдавал на известковый завод, что был супротив села по другую сторону Енисея.

Один раз в десять дней — а может, и в пятнадцать, я точно не помню — Левонтий получал деньги, и тогда в доме Левонтьевых, где были одни ребятишки и ничего больше, начинался пир горой.

Какая-то беспокойность, лихорадка, что ли, охватывала тогда не только левонтьевский дом, но и всех соседей. Ранним ещё утром к бабушке забегала Левонтьиха, тётка Васеня, запыхавшаяся, загнанная, с зажатými в горсти рублями.

¹Увал — пологий холм, имеющий значительную протяжённость.

²Туесок — берестяная корзинка с тугой крышкой.

³Бить в чижа — детская игра.

⁴Бадоба — длинные поленья.

— Кума! — испуганно-радостным голосом восклицала она. — Долг-от я принесла! — и тут же кидалась прочь из избы, взметнув юбкою вихрь.

— Да постой ты, чумовая! — окликала её бабушка. — Сосчитать ведь надо!

Тётка Васеня покорно возвращалась, и пока бабушка считала деньги, она перебирала босыми ногами, ровно горячий конь, готовый рвануть, как только приотпустят вожжи¹.

Бабушка считала обстоятельно и долго, разглядывая каждый рубль. Сколько я помню, больше семи или десяти рублей из «запасу» на чёрный день бабушка никогда Левонтьихе не давала, потому как весь этот «запас», кажется, состоял из десяти. Но и при такой малой сумме заполошная² Васеня умудрялась обсчитаться на рубль, а то и на тройку.

— Ты как с деньгами-то обращаешься, чучело безглазое! — напускалась бабушка на соседку. — Мне рупь! Другому рупь! Это что же получится?

Но Васеня опять юбкой вихрь взмётывала и укатывалась:

— Передала ведь!

Бабушка ещё долго поносила Левонтьиху, самого Левонтия, била себя руками по бёдрам, плевалась, а я подсаживался к окну и с тоской глядел на соседский дом.

Стоял он сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застеклёнными окнами — ни забор, ни ворота, ни сенцы³, ни наличники, ни ставни.

Весною левонтьевское семейство ковыряло маленько землю вокруг дома, возводило изгородь из жердей, хворостин, старых досок. Но зимой всё это постепенно исчезало в утробе русской печки, раскорячившейся посреди избы.

Танька левонтьевская так говаривала, шумя беззубым ртом, обо всём ихнем заведении:

— Зато как папа шурунёт нас — бегишь и не запнешша!

Сам дядя Левонтий в тёплые вечера выходил на улицу в штанах, державшихся на единственной медной пуговице с двумя орлами, и в бязевой рубахе вовсе без пуговиц. Садился на истюканный топором чурбак⁴, изображавший крыльцо, курил, смотрел, и если моя бабушка корила его в окно за безделье, перечис-

¹Вожжи — ремни, верёвки для управления лошастью.

²Запoлoшная — суетливая.

³Сeнцы (сени) — помещение между жилой частью дома и крыльцом.

⁴Чурбáк (чурбан) — обрубок бревна.

ляла работу, которую он должен был, по её разумению, сделать в доме и вокруг дома, дядя Левонтий только благодушно почёсывался:

— Я, Петровна, свободу люблю! — и обводил рукой вокруг себя. — Хорошо! Как на море! Ничто глаз не угнетат!

Дядя Левонтий плавал когда-то по морям, любил море, а я любил его. Главная цель моей жизни была — прорваться в дом Левонтия после его получки. Сделать это не так-то просто. Бабушка знает все мои повадки.

— Нечего куски выглядывать! — гремела она. — Нечего этих пролетарьев объедать, у них самих в кармане вошь на аркане¹.

Но если мне удаётся ушмыгнуть из дома и попасть к левонтьевским, то уж всё: тут уж я окружён бываю редкостным вниманием, тут мне полный праздник.

— Выдь отсюда! — строго приказывал пьяненький дядя Левонтий кому-нибудь из своих парнишек. И пока кто-либо из них неохотно вылезал из-за стола, пояснял детям это действие уже обмякшим голосом: — Он сирота, а вы всё ж при родителях! — И, жалостно глянув на меня, тут же взрёвывал: — Мать-то ты хоть помнишь? — Я утвердительно кивал головой, и тогда дядя Левонтий горестно облакачивался на руку, кулачищем растирал по лицу слёзы, вспоминал: — Бадога с ней по один год кололи-и-и! — И совсем уж разрыдавшись: — Когда ни придёшь... ночь, полночь... «Проп... пропащая ты голова, Левонтий!» — скажет и... опохмели-и-ит...

Тут тётка Васеня, ребятишки дяди Левонтия и я вместе с ними ударялись в рёв, и до того становилось жалостно в избе, и такая доброта охватывала людей, что всё-всё высыпалось и вываливалось на стол, и все наперебой угощали меня и сами ели уж через силу.

Поздно вечером либо совсем уж ночью дядя Левонтий задавал один и тот же вопрос: «Что такое жисть?!» — после чего я хватал пряники, конфеты, ребятишки левонтьевские тоже хватали что попало под руки и разбегались кто куда. Последней ходу задавала Васеня. И бабушка моя «привечала» её до утра. Левонтий бил остатки стёкол в окнах, ругался, гремел, плакал.

На следующее утро он стеклил окна, ремонтировал скамейки, стол, затем, полный мрака и раскаяния, отправлялся на работу. Тётка Васеня дня через три-четыре опять ходила по

¹Аркан — длинная веревка с петлёй на конце для ловли животных.

соседям и уже не взмётывала юбкою вихрь. Она снова занимала денег, муки, картошек — чего придётся...

Вот с ребятишками дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник. Ребятишки несли бокалы с отбитыми краями, старые, наполовину изодранные на растопку берестяные туески, а у одного парнишки был ковшик без ручки. Левонтьевские орлы бросали друг в друга посудой, барахтались, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластали беремя луку-батуна, наелись до зелёной слюны, а недоеденный побросали. Оставили всего несколько пёрышек на свистульки. В обкусанные перья они пицали всю дорогу, и под музыку мы скоро пришли в лес, на каменистый увал.

Тут все перестали пицать, рассыпались по увалу и начали брать землянику, только-только ещё поспевающую, белобокую, редкую и потому особенно радостную и дорогую.

Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького тусеска стакана на два-три. Бабушка говаривала: главное, мол, в ягодах — закрыть дно посуды. Вздыхнул я с облегчением и стал собирать ягоды скорее, да и попадалось их выше по увалу больше и больше.

Левонтьевские ребяташки сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшего парнишки, и побрякивал он, чтобы мы слышали, что старшой тут, поблизости, и бояться нам нечего и не-зачем.

Вдруг крышка чайника забренчала нервно, послышалась возня.

— Ешь, да? Ешь, да? А домой чё? — спрашивал старшой и давал кому-то пинка после каждого вопроса.

— А-га-а-а-а! — запела Танька. — Санька тоже пожрал, так ничего-о-о-о...

Попало и Саньке. Он рассердился, бросил посудину и свалился в траву. Старшой брал, брал ягоды, и, видать, обидно ему сделалось. Берёт он, старшой, ягоды, для дома старается, а те вот жрут ягоды либо вовсе на траве валяются. Подскочил старшой и пнул Саньку ещё раз. Санька взвыл, кинулся на старшого. Зазвенел чайник, брызнули из него ягоды. Бьются братья Левонтьевы, катаются по земле, всю землянику раздавили.

После драки у старшого опустились руки. Принялся он собирать просыпанные, давленные ягоды — и в рот их, в рот.

— Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя? Вам можно, а мне, значит, нельзя? — зловеще спрашивал он, пока не съел всё, что удалось собрать.

Вскоре братья Левонтьевы как-то незаметно помирились, перестали обзывать и решили сходить к Малой речке побрызгаться.

Мне тоже хотелось побрызгаться, но я не решался уйти с увала, потому как ещё не набрал полную посудину.

— Бабушки Петровны испугался! Эх, ты! — закривлялся Санька.

— Зато мне бабушка пряник конём купит!

— Может, кобылой? — усмехнулся Санька. Он плюнул себе под ноги и что-то быстро смекнул: — Скажи уж лучше — боишься её, и ещё жадный!

— Я?!

— Ты!

— Жадный?

— Жадный!

— А хочешь, все ягоды съем? — Сказал я это и сразу покаялся: понял, что попал на уд¹.

Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпкам² на руках и ногах, с красными окровавленными глазами, Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят.

— Слабо! — сказал он.

— Мне слабо? — хорохорился я, искося глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. — Мне слабо? — повторял я гаснущим голосом и, чтобы не спасовать, не струсить, не опозориться, решительно вытряхнул ягоды в траву: — Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась левонтьевская орда, и ягоды вмиг исчезли. Мне досталось всего несколько малюсеньких ягодок. Жалко ягод. Грустно. Но я напустил на себя отчаянность, махнул на всё рукой. Всё равно уж теперь! Я мчался вместе с левонтьевскими ребятами к речке и хвастался:

— Я ещё у бабушки калач украду!

Ребята поощряли меня: дескать, действуй, и не один калач неси. Может, ещё шанёг³ прихватишь либо пирог.

— Ладно!

Мы брызгались из речки студёной водой, бродили по ней и руками ловили подкаменщика. Санька ухватил эту мерзкую на вид рыбку, и мы растерзали её на берегу за некрасивый вид.

¹Попадать на уд¹ (попасться на удочку) — давать себя обмануть.

²Цыпки — мелкие трещинки на коже рук, лица, появляющиеся при обветривании.

³Шанёга — так называют на Севере и в Сибири ватрушку — булочку с творогом.

Потом пуляли камнями в пролетающих птичек и подшибли стрижа. Мы отпаивали стрижа водой из речки, но он пускал в речку кровь, а воды проглотить не мог, и умер, уронив головку. Мы похоронили стрижа на берегу, в гальке, и скоро забыли о нём, потому что занялись захватывающим, жутким делом: забежали в устье холодной пещеры, где жила (это в селе доподлинно знали) нечистая сила. Дальше всех в пещеру забежал Санька. Его и нечистая сила не брала!

— Это ещё чё! — хвалился Санька, воротившись из пещеры. — Я бы дальше побёг, вглубь побёг бы, да босой я, а там змеев гибель.

— Жмеев? — Танька отступила от устья пещеры и на всякий случай подтянула спадающие штанишки.

— Домовнику с домовым видел, — продолжал рассказывать Санька.

— Хлопуша! — срезал Саньку старшой. — Домовые на чердаке живут да под печкой.

Санька смешался было, однако тут же оспорил старшого:

— Да тама какой домовой-то? Домашний. А тут пещерный. В мохе весь, серый, дрожмя дрожит — студёно ему. А домовника худая, глядит жалобливо и стонет. Да меня не подманишь, подойди только — схватит и слопаст. Я ей камнем в глаз залимонил!..

Может, Санька и врал про домовых, но всё равно страшно было слушать, и чудилось мне — кто-то в пещере всё стонет, всё стонет. Первой деранула от этого худого места Танька, а следом за нсю и все ребята с горы посыпались. Санька свистнул, заорал, поддавая нам жару...

Так интересно и весело провели мы весь день, и я совсем уж забыл про ягоды. Но настала пора возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятанную под деревом.

— Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! — заржал Санька. — Ягоды-то мы съели... Ха-ха! Нарочно съели! Ха-ха. Нам-то ништяк! Ха-ха. А тебе-то хо-хо!..

Я и сам знал, что им-то, левонтьевским, «ха-ха», а мне «хо-хо». Бабушка моя, Катерина Петровна, не тётка Васеня.

Тихо плёлся я за левонтьевскими ребятами из лесу. Они бежали впереди меня гурьбой и гнали по дороге ковшик без ручки. Ковшик звякал, подпрыгивая на камнях, и от него отскакивали остатки эмалировки.

— Знаешь чё? — поговорив с братанами, вернулся ко мне Санька. — Ты в туюс травы натолкай, а сверху ягод — и готово дело! «Ой,

дитятко моё! — принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. — Пособил тебе Господь, сиротинке, пособил...» — И подмигнул мне бес Санька, и помчался дальше, вниз с увала.

А я остался.

Утихли голоса левонтьевских ребятшек внизу, за огородами, и мне сделалось жутко. Правда, село здесь слышно, и всё же тайга, пещера недалеко, а в ней домовниха с домовым и змеи кишмя кишат.

Повздыхал, повздыхал я, даже чуть было не всплакнул, и принялся рвать траву. Нарвал, натолкал в туесок, потом пасобирал ягод, заложил ими траву, получилось земляники даже с «копной».

— Дитятко ты моё! — запричитала бабушка, когда я, замирая от страха, передал ей свою посудину. — Господь тебе, сиротинке, пособил!.. Уж куплю я тебе пряник, да самый большущий. И пересыпать ягодки твои не стану к своим, а прямо в этом туеске увезу...

Отлегло маленько.

Я думал, сейчас бабушка обнаружит моё мошенничество, даст мне что полагается, и уже приготовился к каре за содеянное злодейство.

Но обошлось. Всё обошлось. Бабушка унесла туесок в подвал, ещё раз похвалила меня, дала есть, и я подумал, что бояться мне пока нечего и жизнь не так уж худа.

Я поел и отправился на улицу играть, и там дёрнуло меня сообщить обо всём Саньке.

— А я расскажу Петровне! А я расскажу!..

— Не надо, Санька!

— Принеси калач, тогда не расскажу.

Я пробрался тайком в кладовку, вынул из ларя калач и принёс его Саньке под рубахой. Потом ещё принес, потом ещё, пока Санька не нажрался.

«Бабушку надул. Калачи украл. Что только будет?» — терзался я ночью, ворочаясь на полатах¹. Сон не брал меня, как окончательно запутавшегося преступника.

— Ты чего там елзишь? — хрипло спросила из темноты бабушка. — В речке небось опять бродил? Ноги опять болят?

— Не-е, — откликнулся я, — сон приснился...

— Спи с Богом! Спи, не бойся. Жизнь страшнее снов, батюшко...

«А что, если разбудить её и всё-всё рассказать?»

¹ *Полати* — место для сна под потолком между печкой и стеной.

Я прислушался. Снизу доносилось трудное дыхание бабушки. Жалко её будить: устала она, ей рано вставать. Нет уж, лучше я не буду спать до утра, скараулю бабушку, расскажу ей обо всём: и про туесок, и про домовнику с домовым, и про калачи, и про всё, про всё...

От этого решения мне стало легче, и я не заметил, как закрылись глаза. Возникла Санькина немытая рожа, а потом замелькала земляника, завалила она и Саньку, и всё на этом свете.

На полатях запахло сосняком, холодной таинственной пещерой...

Дедушка был на заимке¹, километрах в пяти от села, в устье речки Маны. Там у нас была посеяна полоска ржи, полоска овса и полоска картошек.

О колхозах тогда ещё только начинались разговоры, и сельчане наши пока жили одиночно. У дедушки на заимке я любил бывать. Спокойно у него там, обстоятельно как-то. Может, оттого, что дедушка никогда не шумел и даже работал неторопливо, но очень уёмисто и податливо. Ах, если бы заимка была ближе! Я бы ушёл, скрылся. Но пять километров для меня были тогда огромным, непреодолимым расстоянием. И Алёшки, моего брата, нет. Недавно приезжала тётка Августа и забрала Алёшку с собой на лесоучасток, где она работала.

Слонялся я, слонялся по пустой избе и ничего другого не смог придумать, как податься к левонтьевским.

— Уплыла Петровна? — усмехнулся Санька и цыркнул слюной в дырку меж передних зубов. У него в этой дырке мог поместиться ещё один зуб, и мы страшно завидовали этой Сашкиной дырке. Как он в неё плевал!

Санька собирался на рыбалку и распутывал леску. Малые левонтьевские ходили возле скамеек, ползали, ковыляли на кривых ногах. Санька раздавал затрешины направо и налево, за то что малые лезли под руку и путали леску.

— Крючка нету, — сердито сказал он. — Проглотил, должно, который-то.

— Помрёт?

— Ништяк, — успокоил меня Санька. — У тебя много крючков, дал бы. Я б тебя на рыбалку взял.

¹ *Заимка* — земельный участок вдали от села, освоенный (вспаханный) его владельцем.

— Идёт!

Я обрадовался и помчался домой; схватил удочки, хлеба, и мы подались к каменным бычкам, за поскотину¹, спускавшуюся прямо в Енисей ниже села.

Старшего левонтьевского сегодня не было. Его взял с собой «на бадюги» отец, и Санька командовал напропалую. Поскольку был он сегодня старшим и чувствовал большую ответственность, то уже не задибался почти и даже умирал «народ», если тот принимался драться.

У бычков Санька поставил удочки, наживил червяков, поплевал на них и закинул лески.

— Ша! — сказал Санька, и мы замерли.

Долго не клевало. Мы устали ждать, и Санька прогнал нас искать щавель, чеснок береговой и редьку дикую.

Левонтьевские ребята умели пропитаться «от земли» — всё ели, что Бог пошлёт, ничем не брезговали и оттого были краснокожие, сильные, ловкие, особенно за столом.

Пока мы собирали пригодную для жратвы зелень, Санька вытащил двух ершей, одного пескаря и белоглавого ельца.

Развели огонь на берегу. Санька вздел на палочки рыб и начал их жарить.

Рыбки были съедены почти сырые, без соли. Хлеб мой ребята ещё раньше смолотили и занялись кто чем: вытаскивали из норок стрижей, «блинали» каменными плиточками по воде, пробовали купаться, но вода была ещё холодная, и мы быстро выскочили из реки отогреваться у костра. Отогрелись и повалились в ещё низкую траву.

День был ясный, летний. Сверху пекло. Возле поскотины клонились к земле рябенькие кукушкины слёзки. На длинных хрустких стеблях болтались из стороны в сторону синие колокольчики, и, наверное, только пчёлы слышали, как они звенели. Возле муравейника, на обогретой земле, лежали полосатые цветки-граммофончики, и в голубые их рупоры совали головы шмели. Они надолго замирали, выставив мохнатые зобы, — должно быть, заслушивались музыкой. Берёзовые листья блестели, осинник сомлел от жары. Боярка доцветала и сорила в воду. Сосняк был в синем куреве. Над Енисеем чуть мерцало. Сквозь это мерцание едва проглядывали красные жерла известковых печей, полыхающих по ту сторону реки. Леса на скалах стояли

¹Поскотина — пастбище, выгон.

неподвижно, и железнодорожный мост в городе, видимый из нашего села в ясную погоду, колыбался тонким кружевцем, — и если долго смотреть на него, он истоншался и кружевец рвалось.

Оттуда, из-за моста, должна приплыть бабушка. Что только будет?! И зачем я так сделал? Зачем послушался левонтьевских?

Вон как хорошо было жить! Ходи, бегай и ни о чём не думай. А теперь? Может, лодка опрокинется и бабушка утонет? Нет, уж лучше пусть не опрокидывается. Моя мать утонула. Чего хорошего? Я нынче сирота. Несчастный человек. И пожалеть меня никому. Левонтий только пьяный жалеет, и всё. А бабушка только кричит да нет-нет и поддаст — у неё не задержится. И дедушки нет. На заимке он, дедушка. Он бы не дал меня в обиду. Бабушка и на него кричит: «Потатчик! Своим всю жизнь потакал, теперь этому!..»

«Дедушка ты, дедушка, хоть бы ты в баню мыться приехал и взял меня с собой!»

— Ты чего нюнишь? — наклонился ко мне Санька с озабоченным видом.

— Ничего-о-о! — Голосом я давал понять, что это он, Санька, довёл меня до такой жизни.

— Ништяк! — утешил меня Санька. — Не ходи домой, и всё! Заройся в сено и притаись. Петровна боится — вдруг ты утонешь. Вот она как запричитает: «Утону-у-ул мой дитятко, спокинул меня, сиротиночка...» — ты тут и вылезешь!

— Не буду так делать! И слушаться тебя не буду!..

— Ну, и лешак с тобой! Об тебе ж стараются... Во! Ключуло! У тебя ключуло!

Я свалился с яра¹, переполошив стрижей в дырках, и рванул удочку. Попался окунь. Потом ёрш. Подошла рыба, начался клёв. Мы наживляли червяков, закидывали.

— Не перешагивай через удилице! — суеверно орал Санька на совсем опалевших от восторга малышей и таскал, таскал рыбёшек.

Малыши надевали их на ивовый прут и опускали в воду.

Вдруг за ближним каменным бычком защёлкали по дну кованые шесты, и из-за мыса показалась лодка. Трое мужиков разом выбрасывали из воды шесты. Сверкнув отшлифованными наконечниками, шесты разом падали в воду, и лодка, зарывшись по самые обводы в реку, рвалась вперёд, откидывая на стороны волны.

Взмах шестов, перекидка рук, толчок, — лодка вспрыгнула носом, ходко подалась вперёд. Она ближе, ближе... Вот уж

¹Яр — здесь: крутой край оврага.

кормовой дакнул шестом, и лодка кивнула в сторону от наших удочек. И тут я увидел сидящего на беседке ещё одного человека. Полушалок на голове, концы его пропущены под мышки, крест-накрест завязаны на спине. Под полушалком крашенная в бордовый цвет кофта. Вынималась эта кофта из сундука только по случаю поездки в город или на большим праздникам.

Да это ж бабушка!

Рванул я от удочек прямо к яру, подпрыгнул, ухватившись за траву, засунул большой палец ноги в стриженую норку. Подлетел стриж, тукнул меня по голове, и я упал на комья глины. Соскочил и ударился бежать по берегу, прочь от лодки.

— Ты куда?! Стой! Стой, говорю! — крикнула бабушка. Я мчался во весь дух.

— Я-а-а-авишься, я-а-а-авишься домой, мошенник! — нёсся вслед мне голос бабушки.

А тут ещё мужики подстегнули.

— Держи его! — крикнули, и я не заметил, как оказался на верхнем конце села.

Теперь только я обнаружил, что наступил уже вечер и волей-неволей надо возвращаться домой. Но я не хотел домой и на всякий случай подался к двоюродному братишке Кешке, дяди-Ваниному сыну, жившему здесь, на верхнем краю села.

Мне повезло. Возле дяди-Ваниного дома играли в лапту¹. Я ввязался в игру и пробегал до темноты. Появилась тётя Феня, Кешкина мать, и спросила меня:

— Ты почему домой не идёшь? Бабушка потеряет тебя!

— Не-е, — ответил я как можно бодрей и беспечней. — Она в город уплыла. Может, ночует там.

Тётя Феня предложила мне поесть, и я с радостью смолотил всё, что она мне дала.

А тонкошей молчун Кешка попил вареного молока, и мать сказала ему:

— Всё на молочке да на молочке. Гляди вон, как ест парнишка, и оттого крепок.

Я уже надеялся, что тётя Феня и ночевать меня оставит. Но она порасспрашивала, порасспрашивала меня обо всём, после чего взяла за руку и отвела домой.

В доме уже не было свету. Тётя Феня постучала в окно. Бабушка крикнула: «Не заперто!» Мы вошли в тёмный и тихий

¹Лапта — русская игра в небольшой мяч.

дом, где только и слышалось многокрылое постукивание бабочек да жужжание бьющихся о стекло мух.

Тётя Феня оттеснила меня в сени и втолкнула в пристроенную к сениям кладовку. Там была налажена постель из половинок и старого седла в головах — на случай, если днём кого-то сморит жара и ему захочется отдохнуть в холодке. Я зарылся в половики, притих, слушая.

Тётя Феня и бабушка о чём-то разговаривали в избе. В кладовке пахло отрубями¹, пылью и сухой травой, натыканной во все щели и под потолком. Трава эта всё чего-то пощёлкивала да потрескивала. Тоскливо было в кладовке. Темень была густа и шероховата, вся заполненная запахом и тайной жизнью.

Под полом одиноко и робко скреблась мышь, голодавшая из-за кота. И всё потрескивали сухие травы и цветы под потолком, открывали коробочки и сорили во тьму семечки.

На селе утверждалась тишина, прохлада и ночная жизнь. Убитые дневной жарой собаки приходили в себя, вылезали из-под сеней, крылец, из конур и пробовали голоса. У моста, что проложен через Малую речку, пиликала гармошка. На мосту у нас собирается молодёжь, пляшет там, поёт.

У дяди Левонтия спешно рубили дрова. Должно быть, дядя Левонтий принёс чего-то на вареву. У кого-то левонтьевские «сбодали» жердь... Скорее всего, у нас. Есть им время сейчас промышлять дрова далеко!..

Ушла тётя Феня и плотно прикрыла дверь в сенках. Воровато прошмыгнул по крыльцу кот. Под полом стихла мышь. Стало совсем темно и одиноко. В избе не скрипели половицы, не ходила бабушка. Устала, должно быть. Мне сделалось холодно. Я свернулся калачиком и стал дышать себе на грудь.

Проснулся я от солнечного луча, пробившегося в мутное окошко кладовой. В луче мошкой мельтешила пыль. Откуда-то паносило заимкой, пашней. Я огляделся, и сердце моё радостно подпрыгнуло: на меня был накинута дедушкин старенький полушубок. Дедушка приехал ночью! Красота!

На кухне бабушка громко, возмущённо рассказывала:

— ...Культурная дамочка, в шляпке. Говорит: «Я у вас эти вот ягодки все куплю». — «Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемычный собирал...»

¹Отруби — остатки от оболочки зерна, получающиеся после размола. употребляются как корм.

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог разобрать, что говорила она дальше, потому что закрылся полущубком, забился в него, чтобы помереть скорее. Но сделалось жарко, глухо, стало невозможно дышать, и я открылся.

— Своих вечно потачил! — шумела бабушка. — Теперь этому! А он уже мошенничает! Чё потом из него будет? Каторжанец будет! Вечный арестант будет! Я вот ещё левонтьевских в оборот возьму! Это ихняя грамота!..

Убрался дед во двор от греха подальше. Бабушка вышла в сенки, заглянула в кладовку. Я крепко сомкнул веки.

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё-ё вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом бабушкина племянница, спросила, как бабушка сплавала в город. Бабушка сказала, что слава Богу, и тут же принялась рассказывать:

— Мой-то малой-то!.. Чего утворил!..

В это утро к нам приходило много людей, и всем бабушка говорила: «А мой-то малой-то!»

Бабушка ходила взад-вперёд, поила корову, выгоняла её к пастуху, делала разные свои дела и всякий раз, пробегая мимо дверей кладовки, кричала:

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё-ё вижу!

Я знал, что она управится по дому и уйдёт. Все равно уйдёт — поделиться новостями, почерпнутыми в городе, и узнать те новости, какие свершились без неё на селе. И каждому встречному бабушка будет твердить: «А мой-то малой-то!»

В кладовку завернул дедушка, вытянул из-под меня кожаные вожжи и подмигнул: ничего, дескать, не робей! Я заширкал носом.

Дед погладил меня по голове, и так долго копившиеся слёзы хлынули безудержно из моих глаз.

— Ну, что ты, что ты! — успокаивал меня дед, обирая большой жёсткой рукой слёзы с моего лица. — Чего же голодный-то лежишь? Попроси прощенья... Ступай, ступай, — легонько подтолкнул меня дед в спину.

Придерживая одной рукой штаны, я принял другую к глазам, ступая в избу, и заревел:

— Я больше... я больше... я больше... — И ничего дальше сказать не мог.

— Ладно уж, умойся да садись трескать! — всё ещё непримиримо, но уже без грозы сказала бабушка.

Я покорно умылся, долго и очень тщательно утирался рушником, то и дело содрогаясь от всё ещё не прошедших всхлипов.

и присел к столу. Дед возился на кухне, сматывал на руку вожжи, ещё что-то делал. Чувствуя его незримую и надёжную поддержку, я взял со стола краюху и стал есть всухомятку. Бабушка одним махом плеснула в бокал молока и со стуком поставила посудину передо мной.

— Ишь ведь, какой смиреннький! Ишь ведь, какой тихонький! И молочка не попросит!..

Дед мне подморгнул: терпи. Я и без него знал: Боже упаси сейчас перечить бабушке или сделать чего не так, не по её усмотрению. Она должна разрядиться, должна высказать всё, что у неё накопилось, душу отвести должна.

Долго бабушка обличала меня и срамила. Я ещё раз раскаянно заревел. Она ещё раз прикрикнула на меня.

Но вот выговорилась бабушка. Ушёл куда-то дед. Я сидел, разглаживал заплатку на штанах, вытягивая из неё нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой...

Я зажмурился и снова открыл глаза. Ещё раз зажмурился, ещё раз открыл. По скобленому кухонному столу, как по огромной земле с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах скакал белый конь с розовой гривой.

— Бери, бери, чего смотришь? Глядишь, зато ещё когда обманешь бабушку...

Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло! А я всё не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой.

Думаем над прочитанным

1. Понравился ли вам рассказ В. П. Астафьева? Обоснуйте свой ответ.

2. Выделяя основные эпизоды произведения, сжато перескажите прочитанное.

3. От чьего имени ведётся повествование в рассказе? Каким вы представляете рассказчика? Устно опишите его.

4. Какие новые слова и выражения вы узнали, прочитав произведение В. П. Астафьева? Как вы думаете, с какой целью писатель использует их в своём произведении? Свой ответ обоснуйте.

5. Расскажите о семье Левонтия. Что особенно привлекало рассказчика в этой семье?

6. Близко к тексту перескажите, как главный герой был втянут в обман. Выскажите своё отношение к его поступку.

-
7. Какие чувства переполняли мальчика после содеянного?
8. Найдите в тексте и выразительно прочитайте эпизод, в котором больше всего ощутимо, что мальчик сожалеет о случившемся. Отметьте слова, с помощью которых автор передаёт состояние героя.
-
9. Подумайте, почему бабушка Катерина Петровна, несмотря на обман внука, всё равно купила ему пряник. Свой ответ обоснуйте.
10. Объясните смысл названия рассказа. Что олицетворяет для героя конь с розовой гривой?
-
11. Подготовьте рекламу на радио по прочитанному произведению. Обратите внимание на продолжительность, объём звучащей информации, главную мысль и ключевые слова.
-
12. Напишите сочинение-миниатюру на тему: «Уроки доброты и милосердия в рассказе В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой».

Из секретов литературоведения

Об авторском отношении к литературному герою

Внимательно читая художественное произведение, мы можем узнать, как автор относится к своим героям. Авторское отношение к персонажу проявляется по-разному: и через описание его внешности, речи; и тогда, когда автор включает в произведение высказывания, которые дают прямую оценку литературному герою.

Отношение автора может проявляться и в описании поведения, поступков персонажей. Так, изображение героя в необычных обстоятельствах помогает автору глубже и ярче раскрыть характер литературного героя, вызвать определённые чувства у читателей. Например, в рассказе В. Г. Распутина «Уроки французского» сцена драки мальчиков не только вызывает сочувствие, но и выразительно подчёркивает, что главный герой смело противостоит сложившимся обстоятельствам, добиваясь справедливости. Вспомним, как пишет В. Г. Распутин: *«Обида пережестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. (...) Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором»*. Автор как бы подсказывает своим читателям: главный герой — смелый и решительный человек с чувством собственного достоинства.

Внимательно читая рассказ В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой», мы видим переживания мальчика из-за того, что ему при-

шлось обмануть бабушку. Автор пишет: *«Бабушку надул. Калачи украл. Что только будет?»* — *терзался я ночью, ворочаясь на полотах. Сон не брал меня, как окончательно запутавшегося преступника*». Обратите внимание, какой глагол для описания ощущений главного героя выбрал писатель: «терзался», то есть мучился, переживал. А сравнение героя с «окончательно запутавшимся преступником» ещё более усиливает описание чувства вины рассказчика. С помощью художественных средств В. П. Астафьев показывает нам, что главный герой — не равнодушный обманщик, а живой мальчик со своими слабостями и переживаниями.

Таким образом, показывая героя в необычных обстоятельствах, автор раскрывает характер литературного персонажа и своё отношение к нему.

1. Как в художественном произведении проявляется авторское отношение к литературному герою?
2. Определите отношение автора к главным героям прочитанного рассказа.

Путешествуем по литературным местам

В селе Овсянка, которое находится в 20 км от города Красноярск в России, 29 ноября 2002 года открылся мемориальный дом-музей В. П. Астафьева. Ещё при жизни свою усадьбу писатель завещал Красноярскому краеведческому музею. Благодарные жители Овсянки тщательно собирают все материалы, связанные с жизнью и творчеством их любимого земляка. Здесь же работает и библиотека, которая носит имя писателя. Она создавалась по инициативе и усилиями самого Виктора Петровича как культурный и духовный центр Овсянки. Работники музея старательно поддерживают усадьбу так, как это было при жизни писателя.

Здесь же недалеко находится и могила В. П. Астафьева.

Обобщаем изученное

1. В. Г. Распутин писал: «Есть такие понятия: духовная память и духовный опыт человека, которые должны присутствовать в каждом из нас, независимо от нашего возраста. Это то главное и как бы высшее, дающее нам нравственное направление наперёд». Объясните, как вы понимаете слова писателя.

-
2. Расскажите об истории создания произведения В. Г. Распутина «Уроки французского».
-
3. Внимательно перечитайте начало рассказа «Уроки французского». Объясните, как вы поняли слова писателя. А вам приходилось чувствовать свою вину перед учителями?
-
4. Выразительно прочитайте последний абзац рассказа В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой». Как вы думаете, почему главный герой не может забыть «бабушкин пряник»?
-
5. Докажите, что прочитанное произведение — рассказ.
6. Раскройте главную мысль прочитанных произведений.
-
7. Рассмотрите иллюстрации к произведениям. Такими ли вы представляли героев рассказов? Подпишите рисунки цитатами из текста.
-
8. Подумайте, что объединяет рассказы В. Г. Распутина «Уроки французского» и В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой». Обоснуйте свой ответ.
-
9. Приходилось ли вам встречаться с бескорыстной помощью? Расскажите об этом.
-
10. Внимательно перечитайте эпиграфы к разделу «Уроки доброты и милосердия». Согласны ли вы с таким утверждением? Аргументируйте свою позицию, используя примеры из прочитанных рассказов.
-
11. Какие жизненные уроки извлекли вы из прочитанных произведений?
-
12. Напишите сочинение-миниатюру на тему «Уроки доброты и милосердия в моей жизни».
-
13. Составьте кроссворд по прочитанным произведениям.

ЛИРИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

Приди, о муза благодатна...

Василий Жуковский

...Над синей белизной
Бумаги писчей строятся виденья,
И первая строка стихотворенья
По первопутку в поисках добра
Идёт, плывёт под парусом пера.

Лев Озеров

«Дневник душевного состояния» — такое определение лирике дал великий немецкий поэт Иоганн Гёте.

Неповторимое очарование, чувства нежной тоски и светлой печали, радостное вдохновение и восторг, гармонию звуков, слов, чувств и мыслей дарит нам поэзия. Поэтические произведения часто называют музыкой в словах, «глазами сердца» и «голосом чувства». Слова в стихотворных строчках, как рассыпанные жемчужины, собранные в одну нить, и кажется, что поёт сама душа...

Николай Алексеевич Заболоцкий

Я человек, часть мира, его произведение. Я — мысль природы и её разум. Я — часть человеческого общества, его единица. С моей помощью природа и человечество преобразуют самих себя, совершенствуются, улучшаются.

Николай Заболоцкий

Известного русского поэта Николая Заболоцкого всегда волновали такие проблемы, как человек и природа, жизнь и смерть, естественный мир и цивилизация. Именно они нашли отражение в его поэтических произведениях, которые с удовольствием читает уже не одно поколение.

Всю жизнь Заболоцкий верил в человека, в труд, честность и упорство. И эту веру он пронёс сквозь все невзгоды и испытания, выпавшие на его долю. А их было даже в избытке: аресты за политические убеждения, тюрьмы, ссылки, замалчивание его стихов...

Родился Николай Алексеевич Заболоцкий в семье агронома 24 апреля 1903 года под Казанью. Но вскоре семья переехала в село Сернур Уржумского уезда (ныне это Кировская область Российской Федерации). Позже Заболоцкий писал о крае своего детства: «Удивительные места в этом Сернуре... Вдоволь я наслушался там соловьёв, вдоволь насмотрелся закатов и всей прелести растительного мира... Чудесные зимние дороги — одно из лучших моих детских воспоминаний... Зима, огромная, просторная, нестерпимо блистающая на снежных пустынях полей, развёртывала передо мной свои диковинные картины...»

И ещё одно незабываемое воспоминание детства — это библиотека отца и то немудрёное наставление, которое отец вырезал из календаря и приклеил на книжный шкаф: «Милый друг! Люби и уважай книгу. Книги — плод ума человеческого. Береги их. Не рви и не пачкай. Написать книгу нелегко. Для многих книги всё равно что хлеб».

Именно здесь, у отцовского книжного шкафа, Заболоцкий выбрал себе будущую профессию — писателя.

Первые свои стихи Заболоцкий опубликовал в детских журналах «Ёж», «Чиж», «Пионер», «Костёр», и они очень понравились маленьким читателям.

Н. А. Заболоцкому удавалось обнаруживать глубинные законы жизни в простых событиях и фактах и рассказывать их в своих произведениях...

1. Как вы понимаете слова Н. А. Заболоцкого, которые взяты эпиграфом к статье?
2. Какие впечатления детства остались в памяти поэта?
3. Какую роль в жизни Н. А. Заболоцкого сыграли книги?

ЖУРАВЛИ

Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,
Длинным треугольником
летели,
Утоная в небе, журавли.

Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вёл вожак в долину изобилья
Свой немногочисленный народ.

Но когда под крыльями
блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Чёрное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.

Луч огня ударил в сердце
птичье,
Быстрый пламень вспыхнул
и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

Два крыла, как два огромных
горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданию горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Только там, где движутся
светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое
стремленье,
Волю непреклонную к борьбе —
Всё, что от былого поколенья
Переходит, молодость, к тебе.

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

Думаем над прочитанным

1. Каким настроением проникнуто стихотворение?
2. Определите тему и идею стихотворения.
3. Как вы думаете, от чего предостерегает нас автор стихотворением «Журавли»?
4. Найдите эпитеты в стихотворении. Определите их роль для раскрытия основной мысли произведения.
5. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, правильно соблюдая интонацию, темп чтения, логические паузы и ударения.

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам её,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про неё,
Она ж за ними бежит по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит её и вон из сердца рвётся,
И девочка ликует и смеётся,
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Еще не знает это существо.
Ей всё на свете так безмерно ново,
Так живо всё, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка.
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине её горит,
Всю боль её один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты её нехороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движении.
А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Думаем над прочитанным

1. Сформулируйте тему и основную мысль стихотворения.
2. О каком огне, «мерцающем в сосуде», говорит автор? Обоснуйте свой ответ, используя текст стихотворения.
3. А как вы считаете, «что есть красота»? Напишите об этом сочинение-миниатюру.

Роберт Иванович Рождественский

Плохо ли, хорошо ли, но поэт всегда
говорит в стихах о себе, о своих мыслях,
о своих чувствах. Даже когда он пишет о космосе.

Роберт Рождественский

Творческую судьбу Роберта Ивановича Рождественского во многом определила Вторая мировая война. Именно на это тяжёлое время пришлись детские годы будущего поэта.

Родился он в 1932 году в алтайском селе Косиха, недалеко от Барнаула. Его отец, кадровый военный, и мать, врач, в первые дни войны ушли на фронт. Мальчик, сильно потрясённый всем случившимся, написал стихотворение и показал своему школьному учителю, и тот отнёс его в газету. Так было опубликовано первое стихотворение Рождественского, которому было тогда всего 9 лет. Позже он вспоминал об этом: «Конечно, стихи были напечатаны в газете совсем не потому, что обладали какими-то

особенными литературными достоинствами. Скорее всего их напечатали потому, что судьба мальчишки — автора этих стихов — была типична для того времени. Миллионы советских мальчишек и девчонок проводили тогда на фронт своих отцов, старших братьев, а иногда и матерей».

Тема войны прочно вошла в творчество молодого поэта. Но многие свои стихотворения он посвятил и общечеловеческим духовным проблемам, ответственности человека перед всеми живущими и перед самой матерью-Землёй.

Стихи Роберта Рождественского очень популярны, об этом свидетельствует и то, что многие из них стали песнями, которые вы, вероятно, слышали: «За того парня», «Огромное небо», «Товарищ Песня» и др.

1. Расскажите, какие события повлияли на творчество Р. И. Рождественского;
2. Найдите самостоятельно и прочтите несколько стихотворений поэта.

Учимся выразительно читать

Особенности чтения лирического произведения

Вспомним, что *лирический* — это эмоционально окрашенный, волнующий, такой, в котором чувства, душевные переживания преобладают над разумом.

Лирические стихотворения всегда наполнены сокровенными мыслями, чувствами автора.

Как же следует читать такие стихотворения, чтобы суметь передать и собственное, и авторское отношение к изображаемому?

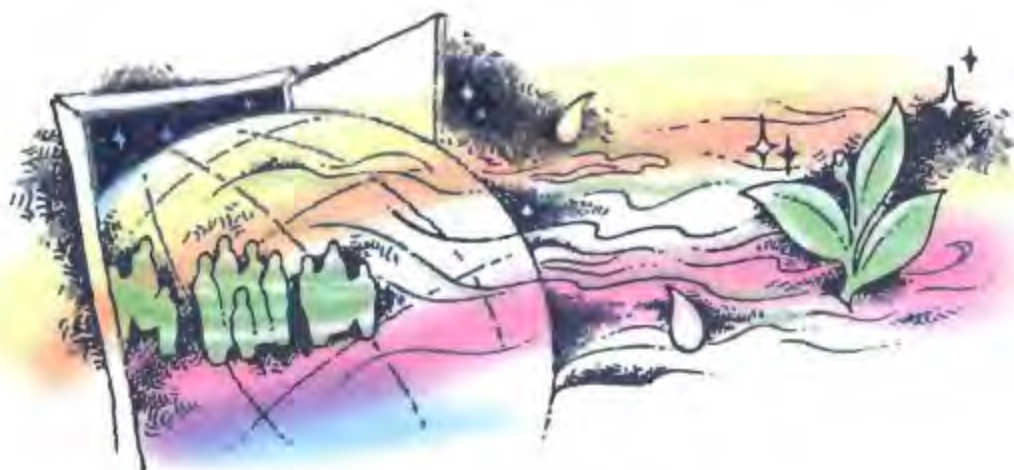
Исполнитель — чтец художественного текста — должен готовиться к тому, чтобы говорить от имени автора его словами. Прежде всего необходимо выяснить, каким настроением проникнуто произведение, определить его главную мысль, попытаться разобраться, с помощью каких изобразительных средств языка поэт передаёт свои чувства и настроения. Иначе говоря, нужно суметь «вжиться» в текст.

Но такое умение не приходит сразу. Им овладевают постепенно. Научитесь читать текст вдумчиво, прислушиваясь к каждой фразе, звуку, ритму. Представьте себе прочитанное, вникните в настроение поэта, попытайтесь понять, что он хотел сказать нам своими стихами. И тогда появится нужная интонация, благодаря которой ваше чтение будет волнующим, эмоционально насыщенным и выразительным.

КСЕНИИ

Вырастешь, Ксения,
строки эти
прочти...
Водосточные трубы
уже устали трубить!
Целый час ты живёшь на земле.
Прими её.
И прости,
что земля ещё не такая,
какою ей надо быть...
На земле умирают и плачут.
По земле ручьи бегут
нараспев.
Задыхаются пальмы.
Чавкает тундровый мох...
Я хотел её сделать
самой праздничной!
И не успел.
Я хотел её сделать
самой улыбчивой!
И не смог.
Я над нею трясся.
Я её так просил!
Я земле открывался.
Понял её язык...
Ты прости
отца.

У него не хватило сил
накормить голодных,
оживить убитых,
обуть босых.
Мы –
всегда продолженье,
И я
не начал с нуля.
Мы –
всегда продолженье!
Распахнута настежь дверь.
Будет самой счастливой
твоя и моя
земля.
В это верит отец!
И ты –
непременно –
верь!..
Ты пока что не знаешь,
как пронзителен шар земной.
Что такое «светло» –
не знаешь.
Что такое «темно».
Что такое «весна».
(Хотя родилась ты
весной.)
Что такое «снег».

Думаем над прочитанным

1. Стихотворение «Ксении» посвящено радостному событию в жизни Р. И. Рождественского — рождению дочери. Определите его главную мысль.

2. Каким настроением проникнуто стихотворение?

3. Как вы думаете, за что отец просит прощения у своей дочери, почему он беспокоится за её судьбу?

4. Найдите в тексте и прочитайте, что отец желает маленькой Ксении.

5. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Над головой созвездия мигают,
и руки сами тянутся к огню...

Как страшно мне, что люди привыкают,
открыв глаза, не удивляться дню.
Существовать. Не убежать за сказкой.
И уходить, как в монастырь, в стихи.
Ловить Жар-птицу для жаркого с кашей.
А Золотую рыбку — для ухи.

Думаем над прочитанным

1. Объясните, как вы поняли стихотворение.

2. Против чего предостерегает нас поэт?

3. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения в классе. Обратите внимание на необходимые паузы и логические (смысловые) ударения.

4. А вы умеете радоваться и удивляться каждому новому дню? Расскажите об этом.

Из секретов литературоведения

Понятия о метафоре и изобразительных средствах языка

Вы уже знаете о выразительных средствах языка, которые помогают сделать речь художественных произведений, а особенно поэтических, более выразительной, яркой, способной передавать мысли, чувства, настроения автора и его героев.

Это *олицетворение, сравнение, эпитет*. Но, пожалуй, одним из важнейших средств художественной речи является *метафора*.

Метафора (в переводе с греч. — перенесение) — средство художественной речи, которое обозначает перенесение свойств одних предметов на другие по принципу их родства или контраста.

Мы говорим «солнышко улыбается», «заря разгорается», «звёзды гаснут», хотя, конечно, в небе никто не зажигает и не гасит звёзды, и не пылает там костёр, разведённый из зари, и планета Солнце не умеет улыбаться, как человек. Просто мы перенесли свойства одного предмета на другой.

В основе любой метафоры лежит сравнение. Однако в сравнении всегда известно, что с чем сравнивается:

Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну...

Николай Заболоцкий, «Журавли»

А в метафоре сравнение не названо, оно скрыто, но мы о нём догадываемся:

... Задыхаются пальмы.
Чавкает тундровый мох...

Роберт Рождественский, «Ксении»

Разновидностью метафоры является *олицетворение*, когда свойства живых существ переносятся на неживые предметы.

Эпитеты, сравнения, метафоры и другие средства художественного изображения в литературном произведении называются **изобразительно-выразительными средствами языка**.

Изобразительно-выразительные средства языка создают образность художественной речи, которая выражается в её непосредственности, эмоциональной насыщенности, в предельной точности, экононости и одновременно ёмкости. Неслучайно поэт Александр Твардовский писал:

Слово — основа всех основ...
Есть слова, что жгут, как пламя,
что светят вдаль и вглубь — до дна...

1. Что называется метафорой?
2. Объясните, чем метафора отличается от сравнения.
3. Расскажите, что называется изобразительно-выразительными средствами языка.
4. Вспомните определения эпитета, сравнения, звукописи. Приведите примеры.

Обобщаем изученное.

- 1. Как вы думаете, почему этот раздел учебника назван «Лирическое настроение»?
- 2. Расскажите о роли поэтических произведений в жизни человека.
- 3. Перечитайте эпиграфы к этому разделу. Объясните, как вы их понимаете.
- 4. Какие общие темы объединяют творчество Н. А. Заболоцкого и Р. И. Рождественского?
- 5. Расскажите, какие выразительные средства языка используют поэты в своих стихотворениях. Приведите примеры.
- 6. Какие стихотворения этих поэтов вы читали самостоятельно?
- 7. Выучите понравившиеся вам стихотворения наизусть. Проведите в классе конкурс на лучшее чтение.

ИЗ СОКРОВИЩНИЦЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

Фантастика о будущем помогает жить в настоящем. Ведь будущее рождается из настоящего. Будущее создаётся нами сейчас. В каждую минуту, которую мы проживаем, нам дана возможность творить его.

Рей Брэдбери

Проблемы, которые поднимаются в фантастике, становятся важными проблемами всего человечества.

Айзек Азимов

Мир невероятных, чудесных картин и образов, рождённых воображением писателей, раскрывает перед нами фантастическая литература. Тысячи цивилизаций и сотни открытий дарит своим читателям фантастика. Но главное, что, читая фантастические произведения, мы прежде всего ощущаем боль за человека — то, без чего не может быть настоящего искусства. Ведь фантастика — это прежде всего произведения литературы, в центре которых человек с его проблемами и поисками ответов на извечные вопросы: кто мы, откуда и куда идём.

Заставить задуматься о наших стремлениях и поступках, предупредить человечество о возможных опасностях и последствиях уже содеянного, решить проблемы дальнейшего развития цивилизации — в этом и заключается главная задача фантастики.

Ответить на вопрос, что ожидает человека в будущем в необъятных просторах космоса, пытаются многие писатели-фантасты в своих произведениях.

Рей Дуглас Брэдбери

Если когда-нибудь после моей смерти к моей могиле придёт мальчик и скажет: «Тут покоится рассказчик приключений», — я буду счастлив.

Рей Брэдбери

«Я прежде всего маг. Маг, который может создавать разнообразные вещи... я занимаюсь волшебством...», — эти слова принадлежат известному американскому писателю-фантасту Рею Дугласу Брэдбери.

Его называют королём фантастики. И с этим трудно не согласиться, ведь он умеет быть одинаково интересным и детям, и молодёжи, и взрослым.

«Я прожил прекрасную, удивительную, славную жизнь... я написал 25 книг, 300 рассказов, 30 пьес, подготовил 60 телесериалов. Я и сейчас не могу и не хочу бросать писать», — так подытожил творческую жизнь Брэдбери ещё накануне своего семидесятилетия. И хотя прошло уже достаточно много лет после этих юбилейных слов, писатель продолжает радовать своих читателей новыми произведениями.

Любовь к литературе возникла у Брэдбери ещё в детстве. Не получив высшего образования, он всё же приобрёл энциклопедические познания благодаря чтению. Неслучайно сам писатель называет себя «выпускником библиотек». Благодаря чтению книг он увлёкся научной фантастикой.

Поэтому неудивительно, что даже творческая позиция писателя сформировалась под влиянием одного из героев романов Жюль Верна: «Все мы похожи на капитана Нэмо: ему не нрави-

лось, как устроен мир. Вместо того, чтобы его разрушить, он создаёт мир, который нужен ему. Тем самым он даёт нам урок... Так и авторы научной фантастики: они затрагивают струны, которые предостерегают людей».

Сам Брэдбери неоднократно подчёркивал, что фантастические произведения прежде всего обращены к читателям, чьё восприятие мира свежо, а жажда познания неуёмна.

А вы принадлежите к ним?

1. Расскажите, что вам известно о Рее Брэдбери.
2. Объясните, почему писателя называют королём фантастики.

КАНИКУЛЫ

День был свежий — свежестью травы, что тянулась вверх, облаков, что плыли в небесах, бабочек, что опускались на траву. День был соткан из тишины, но она вовсе не была немой, её создавали пчёлы и цветы, суша и океан, всё, что двигалось, порхало, трепетало, вздымалось и падало, подчиняясь своему течению времени, своему неповторимому ритму. Край был недвижим, и всё двигалось. Море было беспокойно, и море молчало. Парадокс¹, сплошной парадокс: безмолвие срасталось с безмолвием, звук со звуком. Цветы качались, и пчёлы маленькими каскадами золотого дождя падали на клевер. Волны холмов и волны океана, два рода движения, были разделены железной дорогой, пустынной, сложенной из ржавчины и стальной сердцевины, дорогой, по которой, сразу видно, много лет не ходили поезда. На тридцать миль к северу она тянулась, петляя, потом терялась в мгlistых далях; на тридцать миль к югу пронизывала острова летучих теней, которые на глазах смещались и меняли свои очертания на склонах далеких гор.

Неожиданно рельсы задрожали.

Сидя на путях, одинокий дрозд ощутил, как рождается мерное слабое биение, словно где-то, за много миль, забилося чье-то сердце. Чёрный дрозд взмыл над морем.

Рельсы продолжали тихо дрожать, и наконец из-за поворота показалась, вдоль по берегу пошла небольшая дрезина², в великом безмолвии зафыркал и зарокотал двухцилиндровый мотор.

¹Парадокс — противоречащее общепринятому, странное.

²Дрезина — четырёхколёсная тележка для езды по железнодорожным рельсам.

На этой маленькой четырёхколесной дрезине, на обращенной в две стороны двойной скамейке, защищенные от солнца небольшим тентом, сидели мужчина, его жена и семилетний сынишка. Дрезина проходила один пустынный участок за другим, ветер бил в глаза и развеивал волосы, но все трое не оборачивались и смотрели только вперед. Иногда, на выходе из поворота, глядели нетерпеливо, иногда печально, и всё время настороженно — что дальше?

На ровной прямой мотор вдруг закашлялся и смолк. В сокрушительной теперь тишине казалось — это покой, излучаемый морем, землёй и морем, землёй и небом, затормозил и пресёк вращение колес.

— Бензин кончился.

Мужчина, вздохнув, достал из узкого багажника запасную канистру и начал переливать горючее в бак.

Его жена и сын тихо глядели на море, слушали приглушённый гром, шёпот. слушали, как раздвигается могучий занавес из песка, гальки, зелёных водорослей, пены.

— Море красивое, правда? — сказала женщина.

— Мне нравится, — сказал мальчик.

— Может быть, заодно сделаем привал и поедим?

Мужчина навёл бинокль на зелёный полуостров вдаль.

— Давайте. Рельсы сильно изъело ржавчиной. Впереди путь разрушен. Придётся ждать, пока я исправлю.

— Сколько лопнуло рельсов, столько привалов! — сказал мальчик.

Женщина попыталась улыбнуться, потом перевела свои серьёзные, пытливые глаза на мужчину.

— Сколько мы проехали сегодня?

— Неполных девяносто миль. — Мужчина всё ещё напряжённо глядел в бинокль. — Больше, по-моему, и не стоит проходить в день. Когда гонишь, не успеваешь ничего увидеть. Послезавтра будем в Монтерее, на следующий день, если хочешь, в Пало-Альто.

Женщина развязала ярко-жёлтые ленты широкополой соломенной шляпы, сняла её с золотистых волос и, покрытая легкой испариной, отошла от машины. Они столько ехали без остановки на трясучей дрезине, что всё тело пропиталось её ровным ходом. Теперь, когда машина остановилась, было какое-то странное чувство, словно с них сейчас снимут оковы.

— Давайте есть!

Мальчик бегом отнёс корзинку с припасами на берег.

Мать и сын уже сидели перед расстеленной скатертью, когда мужчина спустился к ним; на нём был строгий костюм с жилетом, галстук и шляпа, как будто он ожидал кого-то встретить в пути. Раздавая сэндвичи и извлекая маринованные овощи из прохладных зелёных баночек, он понемногу отпускал галстук и расстёгивал жилет, всё время озираясь, словно готовый в любую секунду опять застегнуться на все пуговицы.

— Мы одни, папа? — спросил мальчик, не переставая жевать.

— Да.

— И больше никого, нигде?

— Больше никого.

— А прежде на свете были люди?

— Зачем ты всё время спрашиваешь? Это было не так уж давно. Всего несколько месяцев. Ты и сам помнишь.

— Плохо помню. А когда нарочно стараюсь припомнить, и вовсе забываю. — Мальчик просеял между пальцами горсть песка. — Людей было столько, сколько песка тут, на пляже? А что с ними случилось?

— Не знаю, — ответил мужчина, и это было правда.

В одно прекрасное утро они проснулись — и мир был пуст. Висела бельевая верёвка соседей, и ветер трепал ослепительно белые рубашки, как всегда, поутру блестели машины перед коттеджами, но не слышно ничьего «до свиданья», не гудели уличным движением мощные артерии города, телефоны не вздрагивали от собственного звонка, не кричали дети в чаще подсолнечника.

Лишь накануне вечером он сидел с женой на террасе, когда принесли вечернюю газету, и, даже не развертывая её, не глядя на заголовки, сказал:

— Интересно, когда мы ему осточертеем и он всех нас выметет вон?

— Да, до чего дошло, — подхватила она. — И не остановишь. Как же мы глупы, правда?

— А замечательно было бы... — Он раскурил свою трубку. — Проснуться завтра, и во всём мире ни души, начинать всё сначала!

Он сидел и курил, в руке сложенная газета, голова откинута на спинку кресла.

— Если бы можно было сейчас нажать такую кнопку, ты бы нажал?

— Наверно, да, — ответил он. — Без насилия. Просто всё исчезнет с лица земли. Оставить землю и море, и всё, что растёт, — цветы, траву, плодовые деревья. И животные тоже пусть остаются. Всё оставить, кроме человека, который охотится, когда не голоден, ест, когда сыт, жесток, хотя его никто не задевает.

— Но мы-то должны остаться. — Она тихо улыбнулась.

— Хорошо было бы. — Он задумался. — Впереди — сколько угодно времени. Самые длинные каникулы в истории. И мы с корзиной припасов, и самый долгий пикник. Только ты, я и Джим. Никаких сезонных билетов. Не нужно тянуться за Джонсами. Даже автомашины не надо. Придумать какой-нибудь другой способ путешествовать, старинный способ. Взять корзину с сэндвичами, три бутылки шипучки, дальше, как понадобится, пополнять запасы в безлюдных магазинах в безлюдных городах, и впереди нескончаемое лето...

Долго они сидели молча на террасе, их разделяла свёрнутая газета.

Наконец она сказала:

— А нам не будет одиноко?

Вот каким было утро нового мира. Они проснулись и услышали мягкие звуки земли, которая теперь была просто-напросто лугом, города тонули в море травы-муравы, ноготков, маргариток, выюнков. Сперва они приняли это удивительно спокойно, должно быть потому, что уже столько лет не любили город и позади было столько мнимых друзей, и была замкнутая жизнь в уединении, в механизированном улье.

Муж встал с кровати, выглянул в окно и спокойно, словно речь шла о погоде, заметил:

— Все исчезли.

Он понял это по звукам, которых город больше не издавал.

Они завтракали не торопясь, потому что мальчик ещё спал. Потом муж выпрямился и сказал:

— Теперь мне надо придумать, что делать.

— Что делать? Как... разве ты не пойдёшь на работу?

— Ты всё ещё не веришь, да? — Он засмеялся. — Не веришь, что я не буду каждый день выскакивать из дому в десять минут девятого, что Джиму больше никогда не надо ходить в школу. Всё, занятия кончились, для всех нас кончились! Больше никаких карандашей, никаких книг и кислых взглядов босса! Нас отпустили, милая, и мы никогда не вернёмся к этой дурацкой, проклятой, нудной рутине. Пошли!

И он повёл её по пустым и безмолвным улицам города.

— Они не умерли, — сказал он. — Просто... ушли.

— А другие города?

Он зашёл в телефонную будку, набрал номер Чикаго, потом Нью-Йорка, потом Сан-Франциско. Молчание. Молчание. Молчание.

— Всё, — сказал он, вешая трубку.

— Я чувствую себя виноватой, — сказала она. — Их нет, а мы остались. И... я радуюсь. Почему? Ведь я должна горевать.

— Должна? Никакой трагедии нет. Их не пытали, не жгли, не мучили. Они исчезли и не почувствовали этого, не узнали. И теперь мы ни перед кем не обязаны. У нас одна обязанность — быть счастливыми. Тридцать лет счастья впереди, разве плохо?

— Но... но тогда нам нужно заводить ещё детей?

— Чтобы снова населить мир? — Он медленно, спокойно покачал головой.

— Нет. Пусть Джим будет последним. Когда он состарится и умрёт, пусть мир принадлежит лошадям и коровам, бурундукам и паукам. Они без нас не пропадут.

А потом когда-нибудь другой род, умеющий сочетать естественное счастье с естественным любопытством, построит города, совсем не такие, как наши, и будет жить дальше. А сейчас уложим корзину, разбудим Джима и начнём наши тридцатилетние каникулы. Ну, кто первым добежит до дома?

Он взял с маленькой дрезины кувалду, и пока он полчаса один исправлял ржавые рельсы, женщина и мальчик побежали вдоль берега. Они вернулись с горстью влажных ракушек и чудесными розовыми камешками, сели, и мать стала учить сына, и он писал карандашом в блокноте домашнее задание, а в полдень к ним спустился с насыпи отец, без пиджака, без галстука, и они пили апельсиновую шипучку, глядя, как в бутылках, теснясь, рвутся вверх пузырьки.

Стояла тишина. Они слушали, как солнце настраивает старые железные рельсы.

Солёный ветер разносил запах горячего дёгтя от шпал, и мужчина легонько постукивал пальцем по своему карманному атласу.

— Через месяц, в мае, доберёмся до Сакраменто, оттуда двинемся в Сиэтл. Пробудем там до первого июля, июль хороший месяц в Вашингтоне, потом, как станет холоднее, обратно, в Йеллоустон, несколько миль в день, здесь поохотимся, там порыбачим...

Мальчику стало скучно, он отошёл к самой воде и бросал палки в море, потом сам же бегал за ними, изображая учёную собаку. Отец продолжал:

— Зимуем в Таксоне, в самом конце зимы едем во Флориду, весной — вдоль побережья, в июне попадём, скажем, в Нью-Йорк. Через два года лето проводим в Чикаго. Через три года — как ты насчёт того, чтобы провести зиму в Мехико-Сити? Куда рельсы приведут, куда угодно, и если нападём на совсем неизвестную старую ветку — превосходно, поедем по ней до конца, посмотрим, куда она ведёт. Когда-нибудь, честное слово, пойдём на лодке вниз по Миссисипи, я об этом давно мечтал. На всю жизнь хватит, не маршируют — находка...

Он смолк. Он хотел уже захлопнуть атлас неловкими руками, но что-то светлое мелькнуло в воздухе и упало на бумагу. Скатилось на песок, и получился мокрый комочек.

Жена глянула на влажное пятнышко и сразу перевела взгляд на его лицо. Серьезные глаза его подозрительно блеснули. И по одной щеке тянулась влажная дорожка.

Она ахнула. Взяла его руку и крепко сжала.

Он стиснул её руку и, закрыв глаза, через силу заговорил:

— Хорошо, правда, если бы мы вечером легли спать, а ночью всё каким-то образом вернулось на свои места. Все нелепости, шум и гам, ненависть, все ужасы, все кошмары, злые люди и бес-

толковые дети, вся эта катавасия, мелочность, суета, все надежды, чаяния и любовь. Правда, было бы хорошо?

Она подумала, потом кивнула.

И тут оба вздрогнули.

Потому что между ними (когда он пришёл?), держа в руке бутылку из-под шипучки, стоял их сын.

Лицо мальчика было бледное. Свободной рукой он коснулся щеки отца, там, где оставила след слезинка.

— Ты... — сказал он и вздохнул. — Ты... Папа, тебе тоже не с кем играть.

Жена хотела что-то сказать. Муж хотел взять руку мальчика. Мальчик отскочил назад.

— Дураки! Дураки! Глупые дураки! Болваны вы, болваны! Сорвался с места, сбежал к морю и, стоя у воды, залился слезами.

Мать хотела пойти за ним, но отец её удержал:

— Не надо. Оставь его.

Тут же оба оцепенели. Потому что мальчик на берегу, не переставая плакать, что-то написал на клочке бумаги, сунул клочок в бутылку, закупорил её железным колпачком, взял покрепче, размахнулся — и бутылка, описав крутую блестящую дугу, упала в море.

Что, думала она, что он написал на бумажке? Что там, в бутылке?

Бутылка плыла по волнам.

Мальчик перестал плакать.

Потом он отошёл от воды и остановился около родителей, глядя на них; лицо ни просветлевшее, ни мрачное, ни живое, ни убитое, ни решительное, ни отрешённое, а какая-то причудливая смесь, словно он примирился со временем, стихиями и этими людьми. Они смотрели на него, смотрели дальше, на залив и затерявшуюся в волнах светлую искорку — бутылку, в которой лежал клочок бумаги с каракулями.

«Он написал наше желание? — думала женщина. — Написал то, о чём мы сейчас говорили, нашу мечту?»

Или написал что-то своё, пожелал для себя одного, чтобы проснуться завтра утром — и он один в безлюдном мире, больше никого, ни мужчины, ни женщины, ни отца, ни матери, никаких глупых взрослых с их глупыми желаниями, подошёл к рельсам и сам, в одиночку, повёл дрезину через одичавший материк, один отправился в нескончаемое путешествие, и где захотел — там и привал.

Это или не это?

Наше или своё?..

Она долго глядела в его лишённые выражения глаза, но не прочла ответа, а спросить не решилась.

Тени чаек парили в воздухе, осеняя их лица мимолетной прохладой.

— Пора ехать, — сказал кто-то.

Они поставили корзину на платформу. Женщина покрепче привязала шляпу к волосам жёлтой лентой, ракушки сложили кучкой на доски, муж надел галстук, жилет, пиджак и шляпу, и все трое сели на скамейку, глядя в море, — там, далеко, у самого горизонта, поблескивала бутылка с запиской.

— Если попросить — исполнится? — спросил мальчик. — Если загадать — сбудется?

— Иногда сбывается... даже чересчур.

— Смотря чего ты просишь.

Мальчик кивнул, мысли его были далеко.

Они посмотрели назад, откуда приехали, потом вперёд, куда предстояло ехать.

— До свиданья, берег. — сказал мальчик и помахал рукой.

Дрезина покатила по ржавым рельсам. Её гул затих и пропал. Вместе с ней вдали, среди холмов, пропали женщина, мужчина, мальчик.

Когда они скрылись, рельсы минуты две тихонько дребезжали, потом смолкли. Упала ржавая чешуйка. Кивнул цветок.

Море сильно шумело.

Перевод Л. Жданова

Думаем над прочитанным

1. С какого описания начинается рассказ? Что помогло писателю воссоздать картину пустоты?

2. Расскажите, что произошло с героями рассказа.

3. Объясните, как вы поняли идею этого произведения.

4. Раскройте смысл названия рассказа. Свой ответ обоснуйте.

5. А вы бы хотели, чтобы наступили такие каникулы? Аргументируйте свою позицию.

6. Как вы думаете, что написал мальчик в записке? А что бы вы написали?

УЛЫБКА

На главной площади очередь установилась ещё в пять часов, когда за выбеленными инеем полями пели далёкие петухи и нигде не было огней. Тогда вокруг, среди разбитых зданий, клочьями висел туман, но теперь, в семь утра, рассвело и он начал таять. Вдоль дороги по двое, по трое подстраивались к очереди ещё люди, которых приманил в город праздник и базарный день.

Мальчишка стоял сразу за двумя мужчинами, которые громко разговаривали между собой, и в чистом холодном воздухе звук голосов казался вдвое громче. Мальчишка притонтывал на месте и дул на свои красные, в цыпках, руки, поглядывая то на грязную, из грубой мешковины, одежду соседей, то на длинный ряд мужчин и женщин впереди.

— Слышь, парень, ты-то что здесь делаешь в такую рань? — сказал человек за его спиной.

— Это моё место, я тут очередь занял, — ответил мальчик.

Леонардо да Винчи. Мона Лиза

— Бежал бы ты, мальчик, отсюда, уступил бы своё место тому, кто знает в этом толк!

— Оставь в покое парня, — вмешался, резко обернувшись, один из мужчин, стоящих впереди.

— Я же пошутил. — Задний положил руку на голову мальчишки. Мальчик угрюмо стряхнул её. — Просто подумал, чудно это — ребёнок, такая рань, а он не спит.

— Этот парень знает толк в искусстве, ясно? — сказал заступник, его фамилия была Григсби. — Тебя как звать-то, малец?

— Том.

— Наш Том, уж он плюнет что надо, в самую точку — верно, Том?

— Точно!

Смех покатился по шеренге людей.

Впереди кто-то продавал горячий кофе в треснувших чашках. Поглядев туда, Том увидел маленький жаркий костёр и бурлящее варево в ржавой кастрюле. Это был не настоящий кофе. Его заварили из каких-то ягод, собранных на лугах за городом, и продавали по пенни чашка, согреть желудок, но мало кто покупал, мало кому это было по карману.

Том устремил взгляд туда, где очередь пропадала за разваленной взрывом каменной стеной.

— Говорят, она улыбается, — сказал мальчик.

— Ага, улыбается, — ответил Григсби.

— Говорят, она сделана из краски и холста.

— Точно. Потому-то и сдаётся мне, что она не подлинная. Та, настоящая, — я слышал — была на доске нарисована, в незапамятные времена.

— Говорят, ей четыреста лет.

— Если не больше. Коли уж на то пошло, никому не известно, какой сейчас год.

— Две тысячи шестьдесят первый!

— Верно, так говорят, парень, говорят. Брешут. А может, трёхтысячный! Или пятитысячный! Почём мы можем знать? Сколько времени одна сплошная катавасия была... И достались нам только рожки да ножки.

Они шаркали ногами, медленно продвигаясь вперед по холодным камням мостовой.

— Скоро мы её увидим? — уныло протянул Том.

— Ещё несколько минут, не больше. Они огородили её, повесили на четырёх латунных столбиках бархатную верёвку, всё

честь по чести, чтобы люди не подходили слишком близко. И учти, Том, никаких камней, они запретили бросать в неё камни.

— Ладно, сэр.

Солнце поднималось всё выше по небосводу, неся тепло, и мужчины сбросили с себя измазанные дерюги и грязные шлёпанцы.

— А зачем мы все тут собрались? — спросил, подумав, Том. — Почему мы должны плевать?

Григсби и не взглянул на него, он смотрел на солнце, соображая, который час.

— Э, Том, причин уйма. — Он рассеянно протянул руку к карману, которого уже давно не было, за несуществующей сигаретой. Том видел это движение миллион раз. — Тут всё дело в ненависти, ненависти ко всему, что связано с Прошлым. Ответь-ка ты мне, как мы дошли до такого состояния? Города — груды развалин, дороги от бомбёжек — словно пила, вверх-вниз, поля по ночам светятся, радиоактивные... Вот и скажи, Том, что это, если не последняя подлость?

— Да, сэр, конечно.

— То-то и оно... Человек ненавидит то, что его стугило, что ему жизнь поломало. Так уж он устроен. Неразумно, может быть, но такова человеческая природа.

— А есть хоть кто-нибудь или что-нибудь, чего бы мы не ненавидели? — сказал Том.

— Во-во! А всё эта орава идиотов, которая заправляла миром в Прошлом! Вот и стоим здесь с самого утра, кишки подвело, стучим от холода зубами — новые троглодиты, ни покурить, ни выпить, никакой тебе утешки, кроме этих наших праздников, Том. Наших праздников...

Том мысленно перебрал праздники, в которых участвовал за последние годы. Вспомнил, как рвали и жгли книги на площади, и все смеялись, точно пьяные. А праздник науки месяц тому назад, когда притащили в город последний автомобиль, потом бросили жребий, и счастливицы могли по одному разу долбануть машину кувалдой!..

— Помню ли я, Том? Помню ли? Да ведь я разбил переднее стекло — стекло, слышишь? Господи, звук-то какой был, прелесть! Тррахх!

Том и впрямь словно услышал, как стекло рассыпается сверкающими осколками.

— А Биллу Гендерсону досталось мотор раздолбать. Эх, и лихо же он это сработал, прямо мастерски. Бамм! Но лучше все-

го, — продолжал вспоминать Григсби, — было в тот раз, когда громили завод, который ещё пытался выпускать самолеты. И отвели же мы душеньку! А потом нашли типографию и склад боеприпасов — и взорвали их вместе! Представляешь себе, Том?

Том подумал.

— Ага.

Полдень. Запахи разрушенного города отравляли жаркий воздух, что-то копошилось среди обломков зданий.

— Сэр, это больше никогда не вернётся?

— Что — цивилизация¹? А кому она нужна? Во всяком случае, не мне!

— А вот я готов её терпеть, — сказал один из очереди. — Не всё, конечно, но были и в ней свои хорошие стороны...

— Чего зря болтать-то! — крикнул Григсби. — Всё равно впустую.

— Э, — упорствовал один из очереди, — не торопитесь. Вот увидите: ещё появится башковитый человек, который её подластает. Попомните мои слова. Человек с душой.

— Не будет этого, — сказал Григсби.

— А я говорю, появится. Человек, у которого душа лежит к красивому. Он вернёт нам — нет, не старую, а, так сказать, ограниченную цивилизацию, такую, чтобы мы могли жить мирно.

— Не успеешь и глазом моргнуть, как опять война!

— Почему же? Может, на этот раз всё будет иначе.

Наконец и они вступили на главную площадь. Одновременно в город въехал верховой, держа в руке листок бумаги. Том, Григсби и все остальные, копя слюну, подвигались вперёд — шли, изготовившись, предвкушая, с расширившимися зрачками. Сердце Тома билось часто-часто, и земля жгла его босые пятки.

— Ну, Том, сейчас наша очередь, не зевай!

По углам огороженной площадки стояло четверо полицейских — четверо мужчин с жёлтым шнурком на запястьях, знаком их власти над остальными. Они должны были следить за тем, чтобы не бросали камней.

— Это для того, — уже напоследок объяснил Григсби, — чтобы каждому досталось плюнуть по разку, понял, Том? Ну, давай!

Том замер перед картиной, глядя на неё.

¹Цивилизация — общественная культура, достигшая высокой степени развития.

— Ну, плюй же!

У мальчишки пересохло во рту.

— Том, давай! Живее!

— Но, — медленно произнес Том, — она же красивая!

— Ладно, я плюну за тебя!

Плевок Григсби блеснул в лучах солнца. Женщина на картине улыбалась таинственно-печально, и Том, отвечая на её взгляд, чувствовал, как колотится его сердце, а в ушах будто звучала музыка.

— Она красивая, — повторил он.

— Иди уж, пока полиция...

— Внимание!

Очередь притихла. Только что они бранили Тома — стал, как пень! — а теперь все повернулись к верховому.

— Как её звать, сэр? — тихо спросил Том.

— Картину-то? Кажется, «Мона Лиза»... Точно: «Мона Лиза».

— Слушайте объявление, — сказал верховой. — Власти постановили, что сегодня в полдень портрет на площади будет передан в руки здешних жителей, дабы они могли принять участие в уничтожении...

Том и ахнуть не успел, как толпа, крича, толкаясь, мечась, понесла его к картине. Резкий звук рвущегося холста... Полицейские бросились наутёк. Толпа выла, и руки клевали портрет, словно голодные птицы. Том почувствовал, как его буквально швырнули сквозь разбитую раму. Слепо подражая остальным, он вытянул руку, схватил клочок лоснящегося холста, дёрнул и упал, а толчки и пинки вышибли его из толпы на волю. Весь в ссадинах, одежда разорвана, он смотрел, как старухи жевали куски холста, как мужчины разламывали раму, поддавали ногой жёсткие лоскуты, рвали их в мелкие-мелкие клочки.

Один Том стоял притихший в стороне от этой свистопляски. Он глянул на свою руку. Она судорожно притиснула к груди кусок холста, пряча его.

— Эй, Том, что же ты! — крикнул Григсби. Не говоря ни слова, всхлипывая, Том побежал прочь. За город, на испещрённую воронками дорогу, через поле, через мелкую речушку, он бежал и бежал, не оглядываясь, и сжатая в кулак рука была спрятана под куртку.

На закате он достиг маленькой деревушки и пробежал через неё. В девять часов он был у разбитого здания фермы. За ней, в том, что осталось от силосной башни, под навесом, его встрети-

ли звуки, которые сказали ему, что семья спит — спит мать, отец, брат. Тихонько, молча, он скользнул в узкую дверь и лёг, часто дыша.

— Том? — раздался во мраке голос матери.

— Да.

— Где ты болтался? — рявкнул отец. — погоди, вот я тебе утром всыплю...

Кто-то пнул его ногой. Его собственный брат, которому пришлось сегодня в одиночку трудиться на их огороде.

— Ложись! — негромко прикрикнула на него мать.

Ещё пинок.

Том дышал уже ровнее. Кругом царила тишина. Рука его была плотно-плотно прижата к груди. Полчаса лежал он так, зажав глаза.

Потом ощутил что-то: холодный белый свет. Высоко в небе плыла луна, и маленький квадратик света полз по телу Тома. Только теперь его рука ослабила хватку. Тихо, осторожно, прислушиваясь к движениям спящих, Том поднял её. Он помедлил, глубоко-глубоко вздохнул, потом, весь ожидание, разжал пальцы и разгладил клочок закрашенного холста.

Мир спал, освещённый луной.

А на его ладони лежала Улыбка.

Он смотрел на неё в белом свете, который падал с полуночного неба. И тихо повторял про себя, снова и снова: «Улыбка, чудесная улыбка...»

Час спустя он всё ещё видел её, даже после того, как осторожно сложил и спрятал. Он закрыл глаза, и снова во мраке перед ним — Улыбка. Ласковая, добрая, она была там и тогда, когда он уснул, а мир был объят безмолвием и луна плыла в холодном небе сперва вверх, потом вниз, навстречу утру.

Перевод Л. Жданова

Знаете ли вы, что...

Вот уже больше пяти столетий сердца многих и многих людей из разных уголков нашей планеты привлекает таинственная улыбка Моны Лизы (Джоконды), созданная кистью известного итальянского художника Леонардо да Винчи. Тайну загадочной улыбки пытаются разгадать все, кто хотя бы один раз видел этот портрет.

Думаем над прочитанным

1. Объясните, как вы поняли прочитанное.
2. Близко к тексту перескажите рассказ.
3. Найдите в тексте и прочитайте отрывок, в котором один из стоящих в очереди рассуждает о том, кто сможет спасти цивилизацию? Кто же способен спасти её?
4. Расскажите, что произошло с Томом, когда он оказался перед картиной. Почему мальчик изменил свои намерения и не плюнул, как другие?
5. С помощью каких деталей писатель передаёт волнение Тома в момент встречи с «Моной Лизой»?
6. Подумайте, от чего хочет автор предостеречь людей этим рассказом.
7. Раскройте смысл названия рассказа.
8. Напишите сочинение-миниатюру на тему «Красота спасёт мир».

ВСЁ ЛЕТО В ОДИН ДЕНЬ

- Готовы?
- Да?
- Уже?
- Скоро!
- А учёные верно знают? Это правда будет сегодня?
- Смотри, смотри, сам увидишь!

Теснясь, точно цветы и сорные травы в саду, всё вперемешку, дети старались выглянуть наружу — где там запрятано солнце? Лил дождь.

Он лил не переставая семь лет подряд; тысячи и тысячи дней, с утра до ночи, без передышки дождь лил, шумел, барабанил, звенел хрустальными брызгами, низвергался сплошными потоками, так что кругом ходили волны, заливая островки суши. Ливнями повалило тысячи лесов, и тысячи раз они вырастали вновь и снова падали под тяжестью вод. Так навеки повелось здесь, на Венере, а в классе полно было детей, чьи отцы и матери прилетели застраивать и обживать эту дикую дождливую планету.

- Перестаёт! Перестаёт!
- Да, да!

Марго стояла в стороне от них, от всех этих ребят, которые только и знали, что вечный дождь, дождь, дождь. Им всем было по девять лет, и если и выдался семь лет назад такой день,

когда солнце всё-таки выглянуло, показалось на час изумлённому миру, они этого не помнили. Иногда по ночам Марго слышала, как они ворочаются, вспоминая, и знала: во сне они видят и вспоминают золото, яркий жёлтый карандаш, монету — такую большую, что можно купить целый мир. Она знала, им чудится, будто они помнят тепло, когда вспыхивает лицо и всё тело — руки, ноги, дрожащие пальцы. А потом они просыпаются — и опять барабанит дождь, без конца сыплются звонкие прозрачные бусы на крышу, на дорожку, на сад и лес, и сны разлетаются как дым.

Накануне они весь день читали в классе про солнце. Какое оно жёлтое, совсем как лимон, и какое жаркое. И писали про него маленькие рассказы и стихи.

Мне кажется, солнце — это цветок,
Цветёт оно только один часок.

Такие стихи сочинила Марго и негромко прочитала их перед притихшим классом. А за окнами лил дождь.

— Ну, ты это не сама сочинила! — крикнул один мальчик.

— Нет, сама, — сказала Марго. — Сама.

— Уильям! — остановила мальчика учительница.

Но то было вчера. А сейчас дождь утихал, и дети теснились к большим окнам с толстыми стёклами.

— Где же учительница?

— Сейчас придёт.

— Скорей бы, а то мы всё пропустим!

Они вертелись на одном месте, точно пёстрая беспокойная карусель.

Марго одна стояла поодаль. Она была слабенькая, и казалось, когда-то давно она заблудилась и долго-долго бродила под дождём, и дождь смыл с неё все краски: голубые глаза, розовые губы, рыжие волосы — всё вылиняло. Она была точно старая поблекшая фотография, которую вынули из забытого альбома, и всё молчала, а если и случалось ей заговорить, голос её шелестел еле слышно. Сейчас она одиноко стояла в стороне и смотрела на дождь, на шумный мокрый мир за толстым стеклом.

— Ты-то чего смотришь? — сказал Уильям. Марго молчала.

— Отвечай, когда тебя спрашивают!

Уильям толкнул её. Но она не пошевелилась; покачнулась — и только.

Все её сторонятся, даже и не смотрят на неё. Вот и сейчас бросили её одну. Потому что она не хочет играть с ними в гулких туннелях этого города-подвала. Если кто-нибудь осалит её и кинется бежать, она только с недоумением поглядит вслед, но догонять не станет. И когда они всем классом поют песни о том, как хорошо жить на свете и как весело играть в разные игры, она еле шевелит губами. Только когда поют про солнце, про лето, она тоже тихонько подпевает, глядя в заплаканные окна.

Ну а самое большое её преступление, конечно, в том, что она прилетела сюда с Земли всего лишь пять лет назад, и она помнит солнце, помнит, какое оно, солнце, и какое небо она видела у Огайо, когда ей было четыре года. А они — они всю жизнь живут на Венере; когда здесь в последний раз светило солнце, им было только по два года, и они давно уже забыли, какое оно, и какого цвета, и как жарко греет. А Марго помнит.

— Оно большое, как медяк, — сказала она однажды и зажмурилась.

— Неправда! — закричали ребята.

— Оно — как огонь в очаге, — сказала Марго.

— Врёшь, врёшь, ты не помнишь! — кричали ей.

Но она помнила и, тихо отойдя в сторону, стала смотреть в окно, по которому сбегали струи дождя. А один раз, месяц назад, когда всех повели в душевую, она ни за что не хотела стать под душ и, прикрывая макушку, зажимая уши ладонями, кричала — пускай вода не льётся ей на голову! И после этого у неё появилось странное, смутное чувство: она не такая, как все. И другие дети тоже это чувствовали и сторонились её.

Говорили, что на будущий год отец с матерью отвезут её назад на Землю — это обойдётся им во много тысяч долларов, но она, видно, зачахнет. И вот за все эти грехи, большие и малые, в классе её невзлюбили. Противная эта Марго, противно, что она такая бледная немочь, и такая худючая, и вечно молчит и ждёт чего-то, и, наверно, улетит на Землю...

— Убейся! — Уильям опять её толкнул. — Чего ты ещё ждёшь?

Тут она впервые обернулась и посмотрела на него. И по глазам было видно, чего она ждёт. Мальчишка взбеленился.

— Нечего тебе здесь торчать! — закричал он. — Не дождёшься, ничего не будет!

Марго беззвучно пошевелила губами.

— Ничего не будет! — кричал Уильям. — Это просто для смеха, мы тебя разыграли. — Он обернулся к остальным. — Ведь сегодня ничего не будет, верно?

Все поглядели на него с недоумением, а потом поняли, и засмеялись, и покачали головами: верно, ничего не будет!

— Но ведь... — Марго смотрела беспомощно. — Ведь сегодня тот самый день, — прошептала она. — Учёные предсказывали, они говорят, они ведь знают... Солнце...

— Разыграли, разыграли! — сказал Уильям и вдруг схватил её. — Эй, ребята, давайте заперём её в чулан, пока учительницы нет!

— Не надо, — сказала Марго и попятилась.

Все кинулись к ней, схватили и поволокли, — она отбивалась, потом просила, потом заплакала, но её притащили по туннелю в дальнюю комнату, втолкнули в чулан и заперли дверь на засов. Дверь тряслась: Марго колотила в неё кулаками и кидалась на неё всем телом. Приглушённо доносились крики. Ребята постояли, послушали, а потом улыбнулись и пошли прочь — и как раз вовремя: в конце туннеля показалась учительница.

— Готовы, дети? — она поглядела на часы.

— Да! — отозвались ребята.

— Все здесь?

— Да!

Дождь стихал.

Они столпились у огромной массивной двери.

Дождь перестал.

Как будто посреди кинофильма про лавины, ураганы, смерчи, извержения вулканов что-то случилось со звуком, аппарат испортился, — шум стал глуше, а потом и вовсе оборвался, смолкли

удары, грохот, раскаты грома... А потом кто-то выдернул плёнку и на место её вставил спокойный диапозитив — мирную тропическую картинку. Всё замерло — не вздохнёт, не шелохнётся. Такая настала огромная, неправдоподобная тишина, будто вам заткнули уши или вы совсем оглохли. Дети недоверчиво подносили руки к ушам. Толпа распалась, каждый стоял сам по себе. Дверь отошла в сторону, и на них пахнуло свежестью мира, замершего в ожидании.

И солнце явилось.

Оно пламенело, яркое, как бронза, и оно было очень большое. А небо вокруг сверкало, точно ярко-голубая черепица. И джунгли так и пылали в солнечных лучах, и дети, очнувшись, с криком выбежали в весну.

— Только не убегайте далеко! — крикнула вдогонку учительница. — Помните, у вас всего два часа. Не то вы не успеете укрыться!

Но они уже не слышали, они бегали и запрокидывали голову, и солнце гладило их по щекам, точно тёплым утюгом; они скинули куртки, и солнце жгло их голые руки.

— Это лучше наших искусственных солнц, верно?

— Ясно, лучше!

Они уже не бегали, а стояли посреди джунглей, что сплошь покрывали Венеру и росли, росли бурно, непрерывно, прямо на глазах. Джунгли были точно стая осьминогов, к небу пучками тянулись гигантские щупальца мясистых ветвей, раскачивались, мгновенно покрывались цветами — ведь весна здесь такая короткая. Они были серые, как пепел, как резина, эти заросли, оттого что долгие годы они не видели солнца. Они были цвета камней, и цвета сыра, и цвета чернил, и были здесь растения цвета луны.

Ребята со смехом кидались на сплошную поросль, точно на живой упругий матрац, который вздыхал под ними, и скрипел, и пружинил. Они носились меж деревьев, скользили и падали, толкались, играли в прятки и в салки, но, главное — опять и опять, жмурясь, глядели на солнце, пока не потекут слёзы, и тянули руки к золотому сиянию и к невиданной синеве, и вдыхали эту удивительную свежесть, и слушали, слушали тишину, что обнимала их словно море, блаженно спокойное, беззвучное и недвижимое. Они на всё смотрели и всем наслаждались. А потом, будто зверьки, вырвавшиеся из глубоких нор, снова неистово бегали кругом, бегали и кричали. Целый час бегали и никак не могли уgomониться.

И вдруг...

Посреди весёлой беготни одна девочка громко, жалобно закричала.

Все остановились.

Девочка протянула руку ладонью кверху.

— Смотрите, — сказала она и вздрогнула. — Ой, смотрите! Все медленно подошли поближе.

На раскрытой ладони, по самой серединке, лежала большая круглая дождевая капля.

Девочка посмотрела на неё и заплакала. Дети молча поглядели на небо.

— О-о...

Редкие холодные капли упали на нос, на щёки, на губы. Солнце затянула туманная дымка. Подул холодный ветер. Ребята повернулись и пошли к своему дому-подвалу, руки их вяло повисли, они больше не улыбались.

Загремел гром, и дети в испуге, толкая друг дружку, бросились бежать, словно листья, гонимые ураганом. Блеснула молния — за десять миль от них, потом за пять, в миле, в полумиле небо почернело, будто разом настала непроглядная ночь.

Минуту они стояли на пороге глубинного убежища, а потом дождь полил вовсю. Тогда дверь закрыли, и все стояли и слушали, как с оглушительным шумом рушатся с неба тонны, потоки воды — без просвета, без конца.

— И так опять будет целых семь лет?

— Да. Семь лет. И вдруг кто-то вскрикнул:

— А Марго?

— Что?

— Мы ведь её заперли, она так и сидит в чулане.

— Марго...

Они застыли, будто ноги у них примёрзли к полу. Переглянулись и отвели взгляды. Посмотрели за окно — там лил дождь, лил упрямо, неустанно. Они не смели посмотреть друг другу в глаза. Лица у всех стали серьёзные, бледные. Все потупились, кто разглядывал свои руки, кто уставился в пол.

— Марго...

Наконец одна девочка сказала:

— Ну что же мы?.. — Никто не шелохнулся.

— Пойдём... — прошептала девочка.

Под холодный шум дождя они медленно прошли по коридору. Под рёв бури и раскаты грома перешагнули порог и вошли в

ту дальнюю комнату, яростные синие молнии озаряли их лица. Медленно подошли они к чулану и стали у двери.

За дверью было тихо.

Медленно, медленно они отодвинули засов и выпустили Марго.

Перевод Н. Галь

Думаем над прочитанным

- 1. Понравилось ли вам прочитанное? Объясните почему.
2. Расскажите, что произошло в одной из школ на Венере.
3. Почему одноклассники сторонились Марго? А как вы оцениваете поведение школьников? Обоснуйте свой ответ.
- 4. Найдите в тексте и прочитайте, что случилось после того, как ребята вспомнили о Марго.
- 5. Подумайте, почему, как пишет автор, школьники отвели взгляды и «не смели посмотреть друг другу в глаза». О чём это свидетельствует?
- 6. Случались ли у вас в классе ситуации, за которые вам было стыдно? Расскажите о них.
- 7. Найдите в тексте и прочитайте описание солнца. Сравните его с описанием джунглей. Какие художественные средства использует писатель?

ЗЕЛЁНОЕ УТРО

Когда солнце зашло, он присел возле тропы и приготовил нехитрый ужин; потом, кладя в рот еду и задумчиво жуя, слушал, как потрескивает огонь. День был похож на тридцать других — с утра пораньше вырыть побольше аккуратных ямок, потом сыпать в них семена и носить воду из прозрачных каналов. Сейчас скованный свинцовой усталостью, он лежал, глядя, как в небе один оттенок темноты сменяется другим.

Его звали Бенджамен Дрисколл, ему был тридцать один год. Он мечтал о том, чтобы весь Марс зазеленел, покрылся высокими деревьями с густой листвой, рождающей воздух, больше воздуха; пусть растут во все времена года, освежают города и душное лето, не пускают зимние ветры. Дерево, чего-чего только оно не может... Оно красит природу, простирает тень, роняет плоды. Или становится царством детских игр — целый небес-

ный мир, где можно лазить, играть, висеть на руках... Средоточие пища и радости — вот что такое дерево. Но большинство деревьев — это живительный холодок для лёгких и ласковый шелест для уха, который ночью, когда лежишь в снежно-белой постели, баюкает тебя.

Он лежал и слушал, как тёмная почва собирается с силами, ожидая солнце, ожидая дождей, которых всё нет и нет... Приложив ухо к земле, он слышал поступь грядущих годов и видел — видел, как посаженные сегодня семена брызжут зеленью, как ветка за веткой рвутся к небу, цепляются за него и тянутся ввысь, и весь Марс становится солнечным лесом, светлым фруктовым садом.

Рано утром, едва маленькое бледное солнце всплывёт над складками холмов, он встанет, живо проглотит завтрак с дымком, затопчет головешки и выйдет в путь с рюкзаком, выбирая места, копая,

сажая семена или саженцы, осторожно уминая землю, поливая — и дальше, насвистывая и глядя в ясное небо, а оно к полудню всё ярче и жарче...

— Тебе нужен воздух, — сказал он своему костру. Костёр — живой румяный товарищ, который шутливо кусает тебе пальцы, а в прохладные ночи, тёплый, дремлет рядом, щуря сонные розовые глаза... — Нам всем нужен воздух. Здесь, на Марсе, воздух редкий. Чуть что и устал. Всё равно что в Андах, в Южной Америке. Вдохнул и не чувствуешь. Никак не надышишься.

Он тронул грудную клетку. Как она расширилась за тридцать дней! Да, им нужно развивать легкие, чтобы вдохнуть побольше воздуха. Или сажать ещё деревья.

— Понял, зачем я здесь? — сказал он. Огонь стрельнул. — В школе нам рассказывали про Джонни Эплсида. Как он шёл через Америку и сажал яблони. А ведь моё дело поважнее. Я сажаю дубы, вязы и клёны. Всякие деревья: осины, каштаны и кедры. И делаю не просто плоды для желудка, а воздух для лёгких. Только подумать: когда все эти деревья наконец вырастут, сколько — сколько от них будет кислорода!

Вспомнилось прибытие на Марс. Подобно тысяче других, он всматривался с тихое марсианское утро и думал: «Как-то я здесь освоюсь? Что буду делать? Найдётся ли работа по мне?»

И потерял сознание.

Кто-то сунул ему под нос пузырьёк с нашатырным спиртом, он закашлялся и пришёл в себя.

— Ничего, оправитесь, — сказал врач.

— А что со мной было?

— Здесь очень редкий воздух. Одни его переносят. А вам, мне кажется, лучше возвратиться на Землю.

— Нет! — Он сел, но в тот же миг в глазах у него потемнело, и Марс сделал два оборота у него под ногами. Ноздри расширились, он принудил лёгкие пить нечто. — Я свыкнусь. Я останусь здесь!

Его оставили в покое; он лежал, дыша, словно рыба на песке, и думал: «Воздух, воздух. Они хотят меня отослать из-за воздуха». И он повернул голову, чтобы видеть холмы и равнины Марса. Присмотрелся и сразу заметил: куда ни глянь, сколько ни смотри — ни одного дерева, ни единого. Волнами уходит вдаль чёрный перегой, а на нём — ничего, ни одной травинки. «Воздух, — думал он, шумно вдыхая бесцветное нечто. — Воздух, воздух...» И на верхушках холмов, на тенистых склонах, даже возле ручья — ни деревца, ни травинки.

Ну конечно!

Ответ родился не в сознании, а в горле, в лёгких. И мысль, словно глоток чистого кислорода, сразу взбодрила. Деревья и трава. Он поглядел на свои руки и повернул их ладонями вверх. Он будет сажать траву и деревья. Вот его работа: бороться против того самого, что может ему помешать остаться здесь. Он поведёт свою частную «садовую» войну с Марсом. Древняя марсианская почва... Её собственные растения прожили столько тысячелетий, что вконец одряхлели. А если посадить новые виды? Земные деревья — ветвистые мимозы, плакучие ивы, магнолии, величественные эвкалипты. Что тогда? Можно лишь гадать, какие минеральные богатства таятся в здешней почве — нетронутые, потому что древние папоротники, цветы, кусты, деревья погибли от изнеможения.

— Я должен встать! — крикнул он. — Мне надо видеть Координатора!

Полдня он и Координатор говорили о том, что растёт в зеленом уборе. Пройдут месяцы, если не годы, прежде чем начнутся планомерные посадки. Пока что продовольствие доставляют с

Земли замороженным, в летающих сосульках; лишь несколько общественных садов зеленеют хлореллой¹.

— Так что пока, — сказал Координатор, — действуйте сами. Добудем семян, сколько можно, кое-какое снаряжение. Сейчас в ракетах плохо с местом. Боюсь, поскольку первые поселения связаны с рудниками, ваш проект зелёных посадок не будет пользоваться успехом...

— Но вы мне разрешите?

Ему разрешили. Выдали мотоцикл, он наполнил багажник семенами и саженцами, выезжал в пустынные долины, оставлял машину и шёл пешком, работая.

Это началось тридцать дней назад, и он ни разу не оглянулся. Оглянуться — значит пасть духом: стояла необычайно сухая погода, и вряд ли хоть одно семечко проросло. Может быть, битва проиграна? Четыре недели труда — впустую? И он смотрел только вперёд, шёл вперёд по широкой солнечной долине, всё дальше от Первого Города, и ждал — ждал, когда же пойдёт дождь.

...Он натянул одеяло на плечи; над сухими холмами пухли тучи. Марс непостоянен, как время. Пропечённые солнцем холмы подёрнулись ночным инеем, а он думал о богатой чёрной почве — такой чёрной и блестящей, что она чуть ли не шевелилась в горсти, о жирной почве, из которой могли бы расти могучие исполинские стебли фасоли, и спелые стручки будут ронять огромные, невообразимые зёрна, сотрясающие землю.

Сонный костёр укутался пеплом. Воздух дрогнул: вдали прокатилась телега. Гром. Неожиданный запах влаги. «Сегодня ночью, — подумал он и вытянул руку проверить, идёт ли дождь. — Сегодня ночью».

Что-то тронуло его бровь, и он проснулся.

По носу на губу скатилась влага. Вторая капля ударила в глаз и на миг его затуманила. Третья разбилась о щеку.

Дождь.

Прохладный, ласковый, лёгкий, он моросил с высокого неба — волшебный эликсир², пахнущий чарами, звёздами, воздухом; и он нёс с собой острую на вкус пыль, рождая во рту то же ощущение, что старый херес³.

Дождь.

¹Хлорéлла — разновидность зеленой водоросли.

²Эликсир — живительный напиток.

³Хéрес — сорт виноградного вина.

Он сел. Одеяло съехало, и по голубой рубашке забегали тёмные пятна: капли становились крупнее и крупнее. Костёр выглядел так, будто по нему, топча огонь, плясал невидимый зверь; и вот остался только сердитый дым. Шёл дождь. Огромный чёрный свод вдруг треснул, и шесть аспидно-голубых осколков полетели вниз. Он увидел десять миллиардов дождевых кристаллов, они замерли в воздухе ровно на столько времени, сколько было необходимо, чтобы их запечатлел электрический фотограф. И — мрак, вода.

Он промок до костей, но сидел и смеялся, подняв лицо, и капли стучали по векам. Он хлопнул в ладоши, вскочил на ноги и прошёлся вокруг своего маленького лагеря; был час ночи.

Дождь лил непрерывно два часа, потом прекратился. Высыпали чисто вымытые звёзды, яркие, как никогда.

Бенджамен Дрисколл достал из целлофановой сумки сухую одежду, переоделся, лёг, счастливый, уснул.

Солнце медленно взошло между холмами. Лучи вырвались за ограду, тихо скользнули по земле и разбудили Дрисколла.

Он чуть помешкал, прежде чем встать. Целый месяц, долгий жаркий месяц он работал и ждал, и работал... Но вот он поднялся и впервые стал лицом в ту сторону, откуда пришел.

Утро было зелёное.

Насколько хватало глаз, к небу поднимались деревья. Не одно, не два, не десяток, а все те тысячи, что он посадил, опуская в землю семена и саженцы. И не мелочь какая-нибудь, нет, не поросль, не хрупкие деревца, а мощные стволы, могучие деревья высотой с дом, зелёные-зелёные, огромные, пышные, деревья с отливающей серебром листвой, шелестящие на ветру, длинные ряды деревьев на склонах холмов, лимонные деревья и липы, секвойи и мимозы, дубы и вязы, осины, вишни, клёны, ясени, яблони, апельсиновые деревья, эвкалипты — подстёгнутые буйным дождём, вскормленные чужой волшебной почвой. На его глазах тянулись новые ветви, лопались новые почки.

— Невероятно! — воскликнул Бенджамен Дрисколл.

Но долина и утро были зелёные.

А воздух!

Отовсюду, словно живой поток, словно горная река, струился свежий воздух, кислород, источаемый зелёными деревьями. Присмотришься — и увидишь, как он переливается в небе хрустальными волнами. Кислород — свежий, чистый, зелёный, прохладный кислород превратил долину в дельту реки. Ещё мгновение, и в посёлке

распахнутся двери, люди выбегут навстречу чуду, будут его глотать, вдыхать полной грудью, щёки порозовеют, носы озябнут, лёгкие заново оживут, сердца забьются чаще, и усталые тела полетят в танце.

Бенджамен Дрисколл глубоко-глубоко вдохнул влажный зелёный воздух и потерял сознание.

Прежде чем он очнулся, навстречу золотистому солнцу поднялось ещё пять тысяч деревьев.

Перевод Л. Жданова

Думаем над прочитанным

1. От имени главного героя Бенджамина Дрисколла перескажите прочитанный рассказ.

2. Объясните, почему Бенджамин отказался от предложения врача возвратиться на Землю.

3. Какую цель поставил перед собой главный герой? Чем её можно объяснить?

4. Подумайте, почему за эти тридцать дней Бенджамин, как пишет автор, «... ни разу не оглянулся. Оглянуться — значит пасть духом».

5. Найдите в тексте и прочитайте описания Марса до и после дождя. Сравните их.

6. Объясните смысл названия рассказа. А какое название предложили бы вы? Обоснуйте его.

7. Нарисуйте иллюстрации к произведению.

Обобщаем изученное

1. Какие из рассказов Рея Брэдбери произвели на вас особое впечатление? Объясните почему.

2. Докажите, что прочитанные произведения — фантастические рассказы.

3. Внимательно перечитайте эпиграфы к разделу «Из сокровищницы мировой фантастики». Согласны ли вы с такими утверждениями? Обоснуйте свой ответ, используя примеры из рассказов Р. Брэдбери.

4. Нарисуйте иллюстрации к прочитанному и подпишите их цитатами из текста.

5. Определите тему и основную мысль изученных произведений Р. Брэдбери.

6. Объясните смысл названий рассказов Р. Брэдли.

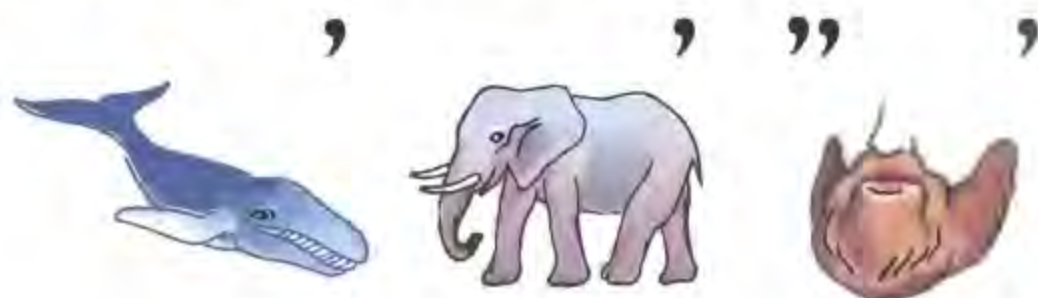
7. Что объединяет прочитанные вами произведения? Обоснуйте свой ответ.

8. Известный английский писатель, автор знаменитой трилогии «Властелин колец» Джон Руэлл Толкин писал: «Фантазия — естественная деятельность человеческого мозга». Согласны ли вы с таким утверждением? Аргументируйте свой ответ, приведя примеры из прочитанных произведений.

9. Разгадайте зашифрованное в ребусе слово — и вы узнаете, что так необходимо для всего живого.

В каком рассказе Рея Брэдли идёт речь о том, что зашифровано в ребусе?

10. Внимательно рассмотрите иллюстрации, помещённые в учебнике. Какими строчками из произведений их можно подписать?

11. Составьте киносценарий по одному из прочитанных рассказов.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

- Вот и заканчивается 6-й класс...

В этом учебном году вы прочитали много интересных литературных произведений. Какие из них запомнились вам больше всего? Объясните свой выбор.

- Внимательно рассмотрите форзацы учебника. Расскажите о тех путешествиях в мир литературы, которые вы совершили в 6-м классе.

- В головоломке зашифровано высказывание известного английского писателя, автора «Путешествия Лемюэля Гулливера». Прочитайте его. Согласны ли вы с утверждением писателя?

- Составьте вопросы для литературной викторины по текстам прочитанных произведений.

- Проведите в классе конкурс выразительного чтения по выученным наизусть в течение этого учебного года произведениям.

- Прочитайте отрывок из стихотворения Владимира Луговского:

Перелистает старых книг страницы
Когда-нибудь прилежный ученик,
И станет он по-новому гордиться
Делами предков доблестных своих.

А какие страницы и каких книг хотели бы перечитать вы? Пришлось ли вам, читая художественные произведения в этом учебном году, почувствовать гордость за «деяния наших предков»?

- Великий украинский педагог К. Д. Ушинский говорил: «Читать — это ещё ничего не значит. Что читать и как понимать прочитанное — вот в чём главное дело». Объясните, как вы понимаете это высказывание.

- На рисунке изображена полочка из библиотечного каталога. В ней находятся карточки с фамилиями авторов, а рядом — карточки с названиями их произведений. Как правильно расставить карточки на полочке?

- Напишите письмо будущим шестиклассникам с вашими впечатлениями о прочитанных в этом учебном году произведениях.

Словарик литературоведческих терминов

Аллегория (в переводе с греч. — *иносказание*) — изображение, при котором с помощью сравнения одного явления с другим создаётся конкретный образ, раскрывающий какое-то общее понятие.

Баллада — небольшое сюжетное стихотворение, в основе которого чаще всего лежит какой-то необычный случай.

Басня — небольшое по объёму литературное произведение с поучительным смыслом, в котором в образах животных, предметов, разных природных явлений показываются человеческие отношения и характеры.

Звукопись — в поэзии употребление одинаковых или похожих звуков, которые по своему звучанию напоминают изображаемое явление и тем самым помогают создать нужный образ.

Идея произведения — основная мысль произведения, выраженная посредством художественных образов.

Изобразительно-выразительные средства языка — средства художественного изображения в литературном произведении (эпитеты, сравнения, метафоры, олицетворения и другие).

Комическое — смешное в жизни и искусстве.

Метафора (в переводе с греч. — *перенесение*) — средство художественной речи, которое обозначает перенесение свойств одних предметов на другие по принципу их родства или контраста.

Миф — сказание, которое возникло в глубокой древности и отображает представления древних людей о мире, месте в нём человека, о происхождении всего живого на Земле, о богах и героях.

Олицетворение — приём изображения, при котором неодушевлённым предметам приписывают свойства живых существ.

Пейзаж — описание картин природы в художественном произведении.

Персонаж — общее название любого действующего лица произведения, литературный герой.

Повесть — среднее по объёму прозаическое художественное произведение, в котором раскрывается несколько эпизодов из жизни литературного героя на фоне изображения судеб других персонажей.

Портрет (в переводе с франц. — *изображение*) — описание внешности персонажа в художественном произведении.

Рассказ — небольшое по объёму прозаическое произведение, в

котором изображается какой-либо эпизод из жизни персонажа (иногда нескольких персонажей).

Ритм — одинаковое чередование ударных и безударных слогов в строке.

Рифма — звуковые совпадения, созвучия в конце строк.

Сравнения — образные выражения, построенные на сопоставлении предметов или явлений, имеющих общие признаки.

Стихотворный размер — порядок чередования слогов в поэтической строке.

Строфа — группа строк (стихов) с определённым повторяющимся расположением рифм.

Сюжет — развитие событий в художественном произведении. Выделяют такие основные элементы сюжета: завязка, развитие действия, кульминация, развязка.

Тема — то, о чём рассказывается в произведении, круг событий или явлений, описанных в нём.

Хорей — двухсложный размер стиха, в котором ударение падает на первый слог и другие последующие нечётные слоги.

Эпитет — образное определение, которое выделяет в изображаемом лице, предмете или явлении какую-либо характерную черту.

Юмор — добродушный смех над несовершенством мира, человека, отдельных явлений жизни.

Ямб — двухсложный размер стиха, в котором ударение падает на второй слог и другие последующие чётные слоги.

Советуем прочитать самостоятельно

Н. Кун, «Легенды и мифы Древней Греции»

В. Смирнова, «Герои Эллады», «Легенды. Предания, Бывальщины», «Скандинавские сказания о богах и героях» (по выбору учащихся)

Г. Логфелло, «Песнь о Гайавате»

Эзон, басни (по выбору учащихся)

Леонардо да Винчи, притчи (по выбору учащихся)

И. Крылов, басни (по выбору учащихся)

А. Пушкин, «Дубровский»

М. Лермонтов, «Горные вершины...» (Из Гёте), «Беглец», «Морская царевна», «Листок», «Перчатка» (Из Шиллера) (по выбору учащихся)

Л. Толстой, «Детство»

С. Аксаков, «Детские годы Багрова-внука»

А. Толстой, «Детство Никиты»

М. Горький, «Детство»

Ж. Верн, «Дети капитана Гранта», «Пятнадцатилетний капитан»
Ф. Купер, «Последний из могикан», «Зверобой»
А. Дюма, «Три мушкетёра»
Р. Л. Стивенсон, «Остров сокровищ»
Ф. Бёрнетт, «Маленький лорд Фаунтлерой»
О. Уайльд, «Кентервильское привидение»
Б. Полевой, «Повесть о настоящем человеке»
В. Крапивин, «Брат, которому семь», «Звёзды под дождём»,
 «Всадники со станции Роса»
А. Лиханов, «Последние холода», «Чистые камушки»
А. Рыбаков, «Кортик»
Ю. Яковлев, «Цветок хлеба»
Ф. Искандер, «Чик и Пушкин»
Б. Таркинтон, «Приключения Пенрода»
 Рассказы *Дж. Лондона*, *Э.Сетона-Томпсона*, *Р. Брэдбери* (по
 выбору учащихся)
Б. Андерсен, «Простите, где здесь природа?»
Дж. Ролинг, «Гарри Поттер и тайная комната»

Сведения об авторах эпиграфов, использованных в учебнике

Азимов Айзек (1920—1992) — американский писатель-фантаст, с. 331.
Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — русский писатель, с. 243.
Бабрий (2 в. до н. э.) — древнегреческий поэт-баснописец, с. 49.
Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — русский поэт, с. 53.
Белецкий Андрей Александрович (1911—1952) — украинский ученый, с. 11.
Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — русский писатель, поэт, с. 9.
Вольтер (Мари Франсуа Аруз) (1694—1778) — французский писатель,
 мыслитель, ученый, с. 47.
Гессен Сергей Йосифович (1887—1950) — русский мыслитель, педагог,
 ученый, с. 3.
Гёте Йоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий писатель, мыслитель,
 ученый, с. 68.
Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — русский поэт, с. 318.
Захаров Марк Анатольевич (род. 1933) — российский театральный деятель
 и кинорежиссер, с. 298.
Киплинг Джозеф Редьярд (1865—1936) — английский писатель, с. 242.
Кобзев Игорь Иванович (1924—1986) — российский поэт, общественный
 деятель, с. 267.
Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906—1999) — русский литературовед,
 историк культуры, общественный деятель, с. 266.
Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — русский писатель,
 мыслитель, критик, с. 87.

Москаленко Михаил Никонович (род. 1948) — украинский переводчик, с. 34.
О. Генри (Уильям Сидни Портер; 1862–1910) — американский писатель, с. 99.
Озеров Лев Адольфович (Лев Айзикович Гольдберг; 1914–1996) — российский поэт, критик, переводчик с. 319.
Потебня Александр Афанасьевич (1835–1891) — украинский ученый, языковед, с. 4.
Северянин Игорь (Игорь Васильевич Лотарев; 1887–1941), с. 70.
Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997) — русский писатель, с. 268.
Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) — русский писатель, литературовед, с. 69.
Фейербах Людвиг Андреас (1804–1872) — немецкий мыслитель, с. 188.
Шатобриан Франсуа Рене (1768–1848) — французский писатель, политический деятель, с. 98.

Загадочная копилочка

Ответы на вопросы викторины:

с. 7: Синдбад, царевна, тролль; «Муму» И. С. Тургенева, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, «Белый гусь» Е. И. Носова; М. Ю. Лермонтов, А. А. Фет, А. Линдгрен; Россия, Дания, Англия.

с. 66: «Щука и Кот»; «Лебедь, Щука и Рак»; «Музыканты»; «Чиж и Голубь»; «Кот и Повар»; «Ларчик»; «Ворона и Лисица».

с. 67: «бессильный виноват»; «печи сапожник»; «что хвалит он Кукушку»; «на лад их дело не пойдет»; «что лает на Слона!».

с. 264: а) Александр Селькирк; б) 1 сентября 1659 г.; в) собака и две кошки; г) губернатор; д) шапка из козьей шкуры, зонтик, попугай; е) 28 лет, 2 месяца, 19 дней.

Ответы на ребусы:

с. 264: Робинзон Крузо;

с. 357: кислород.

Ответы на головоломки:

с. 44: «Чудеса, содержащиеся в мифе, превосходят все волшебства сказки».

с. 96: «...у каждого из нас — свой Пушкин, остающийся одним для всех. Он входит в нашу жизнь в самом начале её и уже не покидает нас до конца... Он наш был и есть...».

с. 297: «Я написал этот рассказ в надежде, что преподанные мне в своё время уроки лягут на душу как маленького, так и взрослого читателя».

с. 360: «Книги — дети разума» (Дж. Свифт).

Ответы на криптограмму:

с. 67: «Книга мудрости самого народа».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИГЛАШЕНИЕ В МИР ЛИТЕРАТУРЫ

Дорогие шестиклассники!	3
Об образной природе художественной литературы	4
Книга и чтение в нашей жизни	5

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Мифы Древней Греции	11
Дедал и Икар	15
Деметра и Персефона	18
Рождение и воспитание Геракла	22
Подвиги Геракла	25
Мифы древних славян	34
Миф о Солнце	36
Библейские притчи	38
Притча о блудном сыне	40
Притча о добром самарянине	42

«А ВОТ О ТОМ, КАК В БАСНЯХ ГОВОРЯТ...»

<i>Эзоп</i>	49
Лисица и виноград	50
Волк и Ягнёнок	51
Отец и сыновья	51
Два товарища	52
<i>Иван Андреевич Крылов</i>	53
Волк и Ягнёнок	57
Волк и Журавль	59
Осёл и Соловей	60
Щука	61
Листы и Корни	62
Свинья под дубом	64

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

<i>Александр Сергеевич Пушкин</i>	70
Зимнее утро	77
Няне	79
Песнь о вещем Олеге	82

<i>Михаил Юрьевич Лермонтов</i>	87
Парус	89
Три пальмы	90
Утёс	94
На севере диком... ..	94

ТАКИЕ НЕПОХОЖИЕ, ТАКИЕ РАЗНЫЕ ИСТОРИИ

<i>Николай Васильевич Гоголь</i>	100
Ночь перед рождеством (в сокращении)	103
<i>Владимир Галактионович Короленко</i>	146
В дурном обществе (отрывки)	148

МИР, ПОЛНЫЙ ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ИСПЫТАНИЙ

<i>Даниель Дефо</i>	190
Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо (отрывки)	191
<i>Джек Лондон</i>	242
Любовь к жизни	244

УРОКИ ДОБРОТЫ И МИЛОСЕРДИЯ

<i>Валентин Григорьевич Распутин</i>	268
Уроки французского	269
<i>Виктор Петрович Астафьев</i>	298
Конь с розовой гривой	300

ЛИРИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

<i>Николай Алексеевич Заболоцкий</i>	320
Журавли	321
Некрасивая девочка	323
<i>Роберт Иванович Рождественский</i>	324
Ксенин	326
Над головой созвездия мигают	327

ИЗ СОКРОВИЩНИЦЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

<i>Рей Дуглас Брэдбери</i>	332
Каникулы	333
Улыбка	341
Всё лето в один день	347
Зелёное утро	353

Путешествие продолжается... ..	360
Словарик литературоведческих терминов	362
Советуем прочитать самостоятельно	363
Сведения об авторах эпиграфов, использованных в учебнике ...	364
Загадочная копилочка (ответы на литературные игры)	365

**ІСАЄВА Олена Олександрівна
САФАРЯН Світлана Іванівна**

ЛІТЕРАТУРА

**Підручник для 6 класу загальноосвітніх
навчальних закладів з російською мовою навчання**

Рекомендовано Міністерством освіти і науки України

Видано за рахунок державних коштів. Продаж заборонено

**Редактор Т. М. Гревцева
Художній редактор В. Б. Волков
Художники В. Б. Волков, Ю. В. Любина
Технічний редактор Т. М. Піхота
Коректор В. П. Ріжко
Верстальник О. М. Михайловська**

**Здано до набору 10.09.2005. Підписано до друку 11.07.2006. Формат 60х90 1/16.
Папір офс. Гарнітура Петербург. Друк офс. Ум. друк. арк. 23,0
Ум. фарбовідб. 93,5. Обл.- вид. арк. 21,75.
Тираж 20050 пр. Вид 150. Зам. 1324/283.**

**ТОВ «Навчальна книга», 01021, м. Київ, пров. Виноградний, 4
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів видавничої справи:
ДК № 2407 від 16.01.2006 р.**

**Віддруковано у ТОВ «Навчальний друк»
61101, м. Харків, вул. Державінська, 38
Свідоцтво про реєстрацію: серія ХК № 58 від 10.06.2002 р.**